

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

О. Н. Астафьева, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии Правительства РФ в области культуры (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

О. Ю. Васильева, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАО, член Международной ассоциации истории религий, почетный член Российской академии художеств (Российская академия образования)

Н. И. Гендина, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (МГИК)

О. В. Гукаленко, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, лауреат премии Правительства РФ в области образования (Институт содержания и методов обучения)

С. В. Иванова, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, почетный работник общего образования РФ, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Институт стратегии развития образования Российской академии образования)

К. К. Колин, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук)

И. А. Корсакова, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке)

Р. П. Кошкин, доктор технических наук, профессор, член Союза авиапроизводителей России, почетная грамота Президента РФ (Государственный научно-исследовательский институт гражданской авиации)

И. В. Малыгина, доктор философских наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)

Р. С. Мотульский, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель культуры Республики Беларусь (Институт современных знаний имени А. М. Широкова, Республика Беларусь)

С. Б. Синицкий, доктор культурологии, доцент, профессор (Челябинский государственный институт культуры)

У. А. Тешабаева, PhD, директор (Национальная библиотека Узбекистана имени Алишера Навои, Республика Узбекистан)

Л. В. Федякина, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Министерство культуры РФ)

Я. Л. Шрайберг, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ (Государственная публичная научно-техническая библиотека России)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. И. Ануфриева, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГИК)

Л. В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (МГИК)

С. Н. Гавров, доктор философских наук, профессор, член Союза писателей Москвы (Финансовый университет при Правительстве РФ)

А. ДеБласио (A. DeBlasio), PhD, заслуженный профессор свободных искусств и наук, кафедра Славистики, Дикинсон Колледж (США)

Е. Э. Дробышева, доктор философских наук, профессор (Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой)

А. Жубара (A. Jubara), кандидат философских наук, научный сотрудник, преподаватель Майнцского университета имени Иоганна Гутенберга в Гермерсхайме (Германия)

Е. В. Золотухина-Аболина, доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Л. С. Зорилова, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор, член Союза писателей России, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего образования (Российская академия музыки имени Гнесиных)

Т. И. Кимеева, доктор культурологии, доцент (Кемеровский государственный институт культуры)

С. М. Климова, доктор философских наук, профессор (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Р. А. Литвак, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Челябинский государственный институт культуры)

А. М. Мазурицкий, доктор педагогических наук, доцент (МГИК)

А. Д. Майданский, доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Л. С. Майковская, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГИК)

С. Б. Никонова, доктор философских наук, профессор (Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой)

Н. К. Равшанов, доктор технических наук, профессор (Научно-исследовательский институт развития цифровых технологий и искусственного интеллекта при Министерстве по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан)

В. А. Ремизов, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, член Союза писателей РФ (МГИК)

Н. В. Синявина, доктор культурологии, доцент (МГИК)

Т. Н. Суминова, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор (МГИК)

В. А. Тихонова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГИК)

Т. В. Христидис, доктор педагогических наук, профессор (МГИК)

Н. В. Шарковская, доктор педагогических наук, доцент (МГИК)

М. М. Шибаева, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор (МГИК)

июль – август
4 (126) 2025 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

К 95-ЛЕТНЕМУ
ЮБИЛЕЮ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ	10	СИДОРОВ Д. С.
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
И ЕГО РОЛЬ В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИЙСКИХ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
	18	ЯРОШЕНКО Н. Н.
СОЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО
ИНСТИТУТА В ЗЕРКАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
	32	СУМИНОВА Т. Н.
ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЗУБОВ: УНИВЕРСУМ УЧЕНОГО,
ПЕДАГОГА И ЧЕЛОВЕКА (1924 – 2006)
	42	ШИБАЕВА М. М.
К ВОПРОСУ О ПАССИОНАРНОМ ФАКТОРЕ
СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ
	50	БЛОК О. А.
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ВЫДАЮЩИЙСЯ МУЗЫКАНТ СОВРЕМЕННОСТИ,
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР И РОССИИ А. И. ПОЛЕТАЕВ
ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ	60	РИМСКИЙ В. П., РИМСКИЙ А. В., СОРОКОПУД М. С.
КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНСТРУИРОВАНИИ
ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
	70	НАХТИГАЛЬ Е. Г.
СЕТЕВОЙ КОНТЕНТ: РЕАЛЬНОСТЬ И СИМУЛЯЦИЯ

- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ** **80** **ПОНИЗОВКИНА И. Ф.**
ИСКУССТВО СЕГОДНЯ: МЕЖДУ
ВДОХНОВЕНИЕМ И АЛГОРИТМОМ
- 91** **РЕМИЗОВ В. А., СИДОРОВ А. Е.**
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТРАЖЕНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В ИСКУССТВЕ ЛИАНОЗОВСКОЙ ШКОЛЫ
- 99** **ЮШИН Н. И.**
СЕМИОТИКА МАНГИ В КОНТЕКСТЕ
ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
- 108** **КИСЕЛЕВА О. М.**
ФЕСТИВАЛЬ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
- 117** **ВАН ЦИШЭНЬ**
ЭСТЕТИКА Г. В. ПЛЕХАНОВА И МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ
- 128** **ФАТЕЕВ Д. А., ГРИГОРЬЕВА Е. И.**
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО
КОДА ПОСЕЛЕНИЯ ЭУШТА В СОВРЕМЕННОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ КОСТЮМЕ
- ЭСТЕТИКА** **138** **ДВИНИНА М. А.**
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ
ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ В СВЕТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
- ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ** **152** **КУДРИНА Е. Л., ПАРШУТИНА Л. А.**
ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПЕДАГОГОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ
- 167** **ГЕНДИНА Н. И., КОСОЛАПОВА Е. В., ЕДИНАК А. Ю.**
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ:
НЕЙРОСЕТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВУЗОВ
- 183** **САВЕНКОВА Л. Г., ВОДЕНКО К. В.**
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ
КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

- 193 ЖАРКОВА А. А.**
ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ
- 200 НОВОЖИЛОВА Т. Н.**
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПОДРОСТКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ
- 211 КАЛУГИНА Т. А.**
ТРАЕКТОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА: КОНЦЕПЦИЯ
«ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ»
- 220 КАРАВАЦКАЯ Н. А., СТЕЦЕНКО М. В., БОРИСОВА И. В.**
АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ И СПОРТ

July – August
4 (126) 2025
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- ON THE 95th ANNIVERSARY OF THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE** **10** **SIDOROV D. S.**
SIGNIFICANT ANNIVERSARY OF THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE AND ITS ROLE IN PROMOTING RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES
- 18** **YAROSHENKO N. N.**
THE CREATION OF THE MOSCOW LIBRARY INSTITUTE IN THE MIRROR OF RESEARCH ON THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE AND EDUCATION
- 32** **SUMINOVA T. N.**
YURI SERGEEVICH ZUBOV: THE UNIVERSE OF A SCHOLAR, EDUCATOR, AND HUMAN BEING (1924 – 2006)
- 42** **SHIBAEVA M. M.**
ON THE ISSUE OF THE PASSIONATE FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CULTURAL STUDIES
- 50** **BLOK O. A.**
MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE AND THE OUTSTANDING CONTEMPORARY MUSICIAN, PEOPLE'S ARTIST OF USSR AND RUSSIA A. I. POLETAEV
- PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY** **60** **RIMSKIY V. P., RIMSKIY A. V., SOROKOPUD M. S.**
CULTURAL ADAPTATION OF MAN IN THE CONSTRUCTION OF DIGITAL REALITY: CHALLENGES AND PROSPECTS
- 70** **NAKHTIGAL E. G.**
NETWORKED CONTENT: REALITY AND SIMULATION

- THEORY AND HISTORY OF CULTURE**
- 80 PONIZOVKINA I. F.**
ART TODAY: BETWEEN INSPIRATION AND ALGORITHM
- 91 REMIZOV V. A., SIDOROV A. E.**
THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL REALITY IN THE ART OF THE LIANOZOVO SCHOOL
- 99 IUSHIN N. I.**
SEMIOTICS OF MANGA IN THE CONTEXT OF VISUAL CULTURE
- 108 KISELEVA O. M.**
INDIAN CULTURE FESTIVAL AS A FORM OF INTERCULTURAL INTERACTION
- 117 WANG QISHEN**
PLEKHANOV'S AESTHETICS AND THE MODERNIZING TRANSFORMATION OF CHINESE LITERARY-ARTISTIC THEORY
- 128 FATEEV D. A., GRIGORIEVA E. I.**
FEATURES OF THE USE OF THE CULTURAL CODE OF THE EUSHTA SETTLEMENT IN MODERN NATIONAL COSTUME
- AESTHETICS**
- 138 DVININA M. A.**
HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SACRED MUSIC IN THE LIGHT OF AESTHETIC THOUGHT
- PEDAGOGY AND EDUCATION IN THE FIELD OF CULTURE**
- 152 KUDRINA E. L., PARSHUTINA L. A.**
THE EFFECTIVENESS OF A COMPREHENSIVE PROFESSIONAL DEVELOPMENT PROGRAM FOR TEACHERS IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT
- 167 GENDINA N. I., KOSOLAPOVA E. V., EDINAK A. Yu.**
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMANITIES: NEURAL NETWORKS IN THE EDUCATIONAL PRACTICE OF UNIVERSITIES
- 183 SAVENKOVA L. G., VODENKO K. V.**
THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF REGIONAL CULTURES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: THE ESSENCE AND MAIN PROBLEMS OF IMPLEMENTATION
- 193 ZHARKOVA A. A.**
FORMATION OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS AMONG STUDENTS OF CULTURAL UNIVERSITIES

200 NOVOZHILOVA T. N.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES FOR THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE SCHOOL

211 KALUGINA T. A.

TRAJECTORIES OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF ELDERLY PEOPLE: THE CONCEPT OF «LIFELONG LEARNING»

220 KARAVATSKAYA N. A., STETSENKO M. V., BORISOVA I. V.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF MODERN TECHNOLOGY ON PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

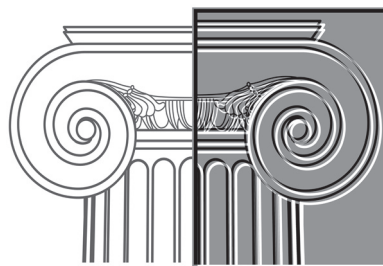

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности. Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объем статьи составляет от 23 000 до 40 000 знаков, включая пробелы и список литературы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 10 и не более 30.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);
 - б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес;
 - в) обязательным является указание на УДК, грант или госзадание. Обязательно указание на шифр и название специальности, по которой идет статья.
5. Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru
 - а) все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
 - б) до рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75%. Цитаты занимают не более 20 % текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 % текста в форме пересказа со ссылкой на источник). Совпадение не более 2 %.
 - в) автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящихся на рассмотрении в других изданиях.
 - г) статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высылается автору после принятия редколлегией решения о публикации. При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т. е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

К 95-ЛЕТНЕМУ
ЮБИЛЕЮ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ И ЕГО РОЛЬ В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 323

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-10-17>

Д. С. Сидоров

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: rektor@mgik.org

Аннотация. В данной статье рассматривается история возникновения, развития, формирования библиотечного образования, история Московского библиотечного института и его трансформация в Московский государственный институт культуры. Анализируются традиционные ценности, которые представляют особую социально-педагогическую значимость в образовательной системе, являются слагаемыми продуктивной, творческой деятельности и жизненных приоритетов. Показано, что именно трансляция основных традиционных ценностей способствует патриотическому воспитанию студентов, закладывает основы ценностных ориентиров, идеалов, смыслов, принципов. В статье описывается комплекс культурно-творческих программ и мероприятий, влияющих на формирование самосознания студентов в результате познавательных процессов.

Ключевые слова: образование, вуз культуры, студенты, воспитание, патриотизм, духовно-нравственное воспитание, традиционные отечественные ценности.

Для цитирования: Сидоров Д. С. Знаменательный юбилей Московского государственного института культуры и его роль в продвижении российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 10–17. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-10-17>

SIGNIFICANT ANNIVERSARY OF THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE AND ITS ROLE IN PROMOTING RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Dmitry S. Sidorov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: rektor@mgik.org

Abstract. This article examines the history of the emergence, development, formation of library education, the history of the Moscow Library Institute and its transformation into the Moscow State Institute of Culture.

СИДОРОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – и. о. ректора Московского государственного института культуры,
Заслуженный работник культуры Луганской Народной Республики

SIDOROV DMITRY SERGEEVICH – Acting Rector of the Moscow State Institute of Culture, Honored Worker
of Culture of the Lugansk People's Republic

© Сидоров Д. С., 2025

Traditional values that are of particular social and pedagogical importance in the educational system are analyzed, and are components of productive, creative activity and life priorities. It is shown that it is the transmission of the main traditional values that contributes to the patriotic education of students, lays the foundations for value guidelines, ideals, meanings, and principles. The article describes a set of cultural and creative programs and events that influence the formation of students' self-awareness as a result of cognitive processes.

Keywords: education, cultural university, students, upbringing, patriotism, spiritual and moral education, traditional national values.

For citation: Sidorov D. S. Significant Anniversary of the Moscow State Institute of Culture and its Role in Promoting Russian Spiritual and Moral Values. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 10–17. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-10-17>

Московский государственный институт культуры – федеральный отечественный вуз в сфере культуры – богат своей славной 95-летней историей.

Библиотечное образование в нашей стране берет свое начало с 1913 года, когда были созданы библиотечные курсы в структуре Народного университета им. А. Л. Шанявского. Руководителем курсов стала Л. Б. Хавкина. Затем в результате огромных усилий государства и всего общества по инициативе Н. К. Крупской стала создаваться целая сеть библиотек, изб-читален, клубных учреждений и мощная книгоиндустрия, которая быстрее всех в мире обеспечила книгами, прежде всего библиотеки, школы и другие учебные заведения.

На повестку дня встал вопрос о создании высших учебных заведений, которые должны были обеспечить кадрами всю библиотечную систему для создающейся государственной системы просвещения, воспитания и образования народа. Потребность в создании системы высшего библиотечного образования была логичной в ходе сложного системно-организационного культурно-просветительного процесса, имеющего различные стадии, периоды, этапы, фазы и уровни развития. Как результат 10 июля 1930 года был создан Московский библиотечный институт.

В первый год в институте обучались 78 студентов, посвятивших свою жизнь Книге – главной ценности культурно-

просветительного процесса. Не имеющая аналогов в мире деятельность по ликвидации безграмотности и малограмотности в стране теперь стала активно осуществляться и выпускниками библиотечного вуза.

Первое юбилейное торжество в Московском библиотечном институте было посвящено 5-й годовщине со дня его создания в структуре Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В приказе Наркомпроса РСФСР «О пятой годовщине Московского библиотечного института», подготовленном и подписанном замнаркомом по просвещению Н. К. Крупской 30 июня 1935 года, отмечалось, что «Московский библиотечный институт успешно подготовил библиотечных работников с высшим образованием. Был создан коллектив преподавателей, воспитавших первых профессоров библиотечного дела, изданы первые учебно-методические материалы для подготовки и переподготовки библиотечных кадров в стране; созданы научные основы библиотечного дела и библиографии».

Особое внимание в вузе уделялось повышению академической успеваемости студентов и улучшению учебной и трудовой дисциплины в коллективе.

Постановлением СНК СССР от 11 мая 1937 года Библиотечный институт был отнесен к первой категории высших учебных заведений и получил государственный статус. За 10 лет Институт подготовил и выпустил 105 специалистов библиотечного дела.

Кроме этого стала активно развиваться библиотечная наука. Преподаватели Б. С. Бондарский, Ф. И. Каратыгин, А. Д. Эйхенгольц, Н. В. Здобнов, Е. И. Шамурин, Л. Н. Троповский, Ю. В. Григорьев, Л. Б. Хавкина, Л. А. Левин и другие до сих пор составляют славу библиотечной науки.

Во многом благодаря самоотверженному труду и преданности любимому делу был осуществлен прорыв в просвещении широких народных масс.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю нашего народа в годы Великой Отечественной войны, с честью выдержал и коллектив института. Студенты, преподаватели, рабочие и служащие института принимали самое активное участие в обороне страны. Из стен института ушли на фронт более 200 человек. Мобилизация началась 23 июня 1941 г. В начале войны 17 студентов и рабочих института вступили добровольцами в Химкинский истребительный батальон. Более 70 студентов прошли ускоренную подготовку и, получив аттестаты медсестер, составили костяк военного госпиталя № 2956, который прошел боевой путь от границ Московской области до польского города Торунь.

Институт был эвакуирован в башкирский город Стерлитамак, освободившиеся помещения института были предоставлены госпиталю. Это был целый комплекс зданий: учебный корпус с общежитием, водопроводная станция, баня, прачечная, мастерские, гараж, клуб, столовая, спортзал и спортивный городок. Весь медицинский персонал был военнообязанным, все принимали присягу. Немедицинский штат составляли вольнонаемные, которые зачастую совмещали несколько специальностей – слесаря, шофера, дворника, повара, коменданта, повозочного, прачки, судомойки, истопника, сторожа и так далее.

С 18 января 1942 по 15 декабря 1943 эвакуационный госпиталь № 2978 года принимал раненных и больных. Начальником госпиталя в 1942 году был военврач 2-го ранга Рагозин Александр Васильевич, в 1943 году – военврач 2-го ранга Богницкий

Зиновий Михайлович. Помимо операций, лечения и восстановления, проводилось изучение общего и местного действия стрептоцида профессором Соловьевым и врачом-лаборантом Зингев-Шухер. Велась активная научно-исследовательская деятельность.

Петр Кузьмич Анохин, заведующий физиологической лабораторией в Институте нейрохирургии, совместно с Н. Н. Бурденко вел исследования по хирургическому лечению военной травмы нервной системы. Награжден орденом Ленина, медалью «За доблестный труд в великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Госпиталь № 2978 вернул в строй около пяти тысяч бойцов Красной Армии. В память об эвакуационном госпитале № 2978 на третьем учебном корпусе МГИК 6 мая 2005 года была установлена мемориальная доска.

Летом 1942 года группа выпускниц подала заявления в Стерлитамакский военкомат с просьбой направить их на Сталинградский фронт. Их заявления были рассмотрены в Москве, и по приказу Наркомата обороны они были направлены начальниками библиотек на Тихоокеанский флот, где служили до конца войны с Японией.

Трудными фронтовыми дорогами прошли многие педагоги и ученые вуза, чьи имена и сегодня известны как нашим студентам, так и широкой научной общественности. Их подвиги, их жизнь – нравственный пример служения Родине. Помним их всегда. Вот эти имена: А. Я. Айзенберг, Н. Е. Артемов, К. И. Абрамов, А. И. Арнольд, Ф. П. Андриченко, П. П. Богданов, В. М. Бахта, В. И. Гурова, И. Н. Ерошенко, Ю. С. Зубов, Г. А. Калашникова, Д. Я. Когатков, А. В. Коняева, П. Г. Кулаков, С. В. Лемпа, М. П. Мазурицкий, Н. С. Мансуров, Н. И. Миронов, В. И. Мышко, В. С. Макарова, И. И. Пикулев, А. А. Поликанов, Ю. Г. Поличинецкий, И. И. Пунанов, Ю. С. Савельев, А. Г. Содатенко, Н. И. Сахаров, А. М. Савченко, К. В. Тараканов, А. С. Фриш, И. Я. Черношкур, А. С. Щипанов. Это золотой фонд не только нашего института, но и всей страны.

В послевоенные годы в институте снова стала активно развиваться научная деятельность. В учебный процесс успешно внедряются результаты научных исследований и достижений в области искусства и творчества на созданном факультете культурно-просветительской работы в виде художественных специализаций.

У истоков организации художественных специализаций стояли видные деятели отечественного искусства: Вероника Дударова, Серафим Попов, Юрий Поличинецкий, Андрей Поляков, Дмитрий Тихомиров, Владимир Триацкий, Игорь Смирнов, Григорий Рошаль, Николай Будашкин и другие. Это позволило в 1964 году реорганизовать Московский государственный библиотечный институт в Московский государственный институт культуры.

Выпускники МГИК стали пионерами движения «Превратим Сибирь в край высокой культуры». Многочисленные коллективы художественной самодеятельности, организованные специалистами вуза, по сей день приносят радость тысячам людей в разных уголках нашей необъятной страны.

К пятидесятилетнему юбилею вуз пришел с солидным багажом учебно-методической литературы – учебников, учебных пособий, курсов лекций, программ, методических указаний по всем профилирующим дисциплинам.

За огромные заслуги в подготовке кадров для среды культуры 28 июля 1980 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Московский государственный институт культуры был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это эпохальное событие произошло в годы поиска новых форм подготовки специалистов художественных специальностей для учреждений культуры по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию населения.

В свою очередь индустрия страны, развитие техники потребовало новых специалистов, способных создавать оригинальные информационно-просветительские, худо-

жественно-публицистические и культурно-развлекательные проекты.

7 июня 1994 года Московский государственный институт культуры был переименован в Московский государственный университет культуры. В это время в университете обучалось свыше 10 тысяч студентов из 24 стран мира. А ещё через пять лет структура вуза выглядела следующим образом: 4 института, 17 факультетов, 9 филиалов. Обучающихся около 11 тысяч студентов из 73 регионов России. Обучение ведется по 34 специальностям и 112 специализациям.

Научно-исследовательская работа в университете отражала самые перспективные направления гуманитарных исследований. Выбирались и социально значимые приоритеты развития научных изысканий, создавались художественно-творческие школы. Первостепенное значение стали приобретать цели и задачи культурной политики государства, а также инструменты их реализации.

Организационная структура научно-исследовательской деятельности была эффективной благодаря созданию оптимальных условий для работы аспирантуры и докторантуры, диссертационных советов, научной библиотеки, редакционно-издательского отдела, отдела полиграфии и распространения печатной продукции.

В этот исторический период активно работали совет молодых ученых, студенческое научное общество, а также – многочисленные лаборатории и центры, действующие при кафедрах и факультетах.

На высоком международном уровне ежегодно проводились Московский форум культуры «Культура как стратегический ресурс России в XXI веке» и международный симпозиум «Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве».

На всем своем историческом пути коллективом института всегда проводилась огромная социально-воспитательная деятельность не только в стенах института, но и по всей стране, и на международном уровне.

Социально-воспитательная работа со студентами начиналась с создания оптимальной социально-культурной среды, направленной на патриотическое, нравственное и профессиональное начало на основе сохранения и преумножения отечественных традиций, таких как уважение к правам и свободам человека, формирование навыков и умений общественной, организационной, управленческой деятельности, а также – активной жизненной позиции.

Вузовские учебные программы становились для студентов основой реализации творческих планов. Это фестивали и смотры, творческие показы выпускающих художественных кафедр, концертные и театрализованные программы, спектакли, праздники: День знаний, Новый год, День российского студенчества, День защитника Отечества, Международный женский день, День работника культуры, День Победы, День встречи выпускников, День молодежи, выпускной и другие.

МГИК всегда выступал организатором творческих мегапроектов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, среди которых: Парад наследников Победы, молодежный фестиваль-конкурс студенческого творчества в области театрального искусства «Левый берег», международный фестиваль студенческих фильмов и художественной фотографии «Золотая пятерка», фестиваль творческих коллективов русского народно-певческого искусства «Песня-жизнь», всероссийский фестиваль ансамблей русского танца «По всей России водят хороводы» и другие.

Во многом этому способствовало создание Учебно-творческого центра – яркое и значимое событие для всех, кто начинал свой творческий путь на его сцене, постигал азы будущей профессии.

Учебно-творческий центр неотделим от учебного процесса и всегда был главной площадкой практического освоения творческих специальностей, базой для занятий студенческих творческих коллективов.

Профессорско-преподавательский состав вуза – специалисты высокой квалификации. Это крупные учёные, педагоги, владеющие лучшими практиками, действующие режиссёры, актёры, балетмейстеры, дирижеры; многие из них являются председателями и членами жюри знаковых международных, всероссийских и региональных фестивалей и конкурсов.

На протяжении девятидесятилетней деятельности института особый вклад внесли своим многолетним и упорным трудом в развитие гуманитарной образовательной деятельности ректоры Дерман Г. К., Корвин Ф. И., Богданов Л. П., Киселева Т. Г., Абдулатипов Р. Г., Лобанов И. В., Миронов А. С., Кудрина Е. Л.

В канун 95-летнего юбилея активная работа проводилась по патриотическому воспитанию навстречу 80-летию Победы советского народа в великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Она включала широкий спектр различных научных и социально-культурных программ – научно-практических конференций, круглых столов, тематических вечеров, устных альманахов студенческих показов.

Большая работа проводилась по публикациям научных и художественно-публицистических статей. Вышла два специальных сборника «Спасибо за Победу!».

Студенты с большим желанием участвовали в подготовке и проведении фестивалей «Песни военных лет», беседы-памяти «Истории России ее героев».

Преподаватели проводят беседы на темы: «Герои нашего времени», «Слово во славу»; лекции: «История войны», «Государственные границы России», «Главный флаг Страны Великой»; уроки мужества: «Герои нашей страны»; уроки патриотического воспитания; «Патриотический час», «Информационный час», «Творческий час», «Блиндажная свеча», «Свеча добра» и другие.

Подготовлен и проведён цикл программ: концерты, литературно-музыкальные композиции, документально-художественные композиции, видео-лекции, видео-альманахи,

акции, конкурсы прикладного творчества, видеочас, конкурсы рисунков, автопробег «За мир без нацизма», акции «Письмо солдату», «Час памяти», «Мы против войны», презентации фотопроектов «Жена героя», «Музы не молчат» и так далее.

Театрализованные представления перед защитниками Отечества, находящимися на лечении в центральном военно-клиническом госпитале им. А. А. Вишневого, проводятся на постоянной основе. Песни, танцы, стихи, приглашение в гости, видеописьма, общение, подарки участникам спецоперации.

Была разработана специальная программа по поддержке СВО, которая включает широкий набор форм, средств и методов – как в стенах института среди студентов, так и на передовой.

Регулярно студенческие творческие бригады выезжали на передовые рубежи СВО с концертными программами «Музы не молчат», «Святое дело – Родине служение», «Мы патриоты», «Своих не бросаем» и так далее. За эту деятельность в институте получено большое число благодарностей с фронта.

С большим успехом, на высоком эмоциональном подъеме выступают студенты в Государственном Кремлевском Дворце. В канун Праздника Победы 5 мая 2025 года была показана комплексная торжественная, театрализованная программа, посвященная 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Студенты были полноправными членами режиссерско-постановочных групп, каждая из которых внесла свои знания, умения и навыки в содержательно-смысловую ткань сценария, сделав оригинальными и неповторимыми связи между эпизодами, эффективно используя пространственно-временные и художественные выразительные средства.

Так воспринималась зрителями и специалистами, деятелями искусства, преподавателями театрализованная русско-программа «Дорожка фронтовая», в Гербовом и Паркетном фойе. В этой програм-

ме активное участие принимали зрители, в мастер-классах «Книга истории», «Письмо ветерану», «Письмо солдату» специально был организован мастер-класс по изготовлению Георгиевских ленточек.

В Гербовом фойе расположились инсталляции с самыми знаковыми событиями Великой Отечественной войны: «Парад на Красной Площади 1941 г.», «Сталинградская битва 1942 г.», «Курская битва 1943 г.», «10 Сталинских ударов 1944 г.», «Парад Победы 1945 г.».

В Паркетном фойе были созданы две концертные площадки. На одной выступали студенты со специальной программой, а на другой – студенты, участники фронтовой бригады МГИК, выезжающей в зону СВО.

Еще одним значимым событием для коллектива МГИК стало участие студентов в III-ем музыкально-патриотическом гала-концерте «Голоса Победы». Новизна художественно-творческого решения состояла в том, что в гала-концерте участвовали дети участников СВО, дети Донбасса и дети гуманитарной миссии, где исполнилась их мечта спеть со звездами искусства на главной сцене страны.

9 июня 2025 года прошел музыкально-театральный концерт «Былина о земле русской», приуроченный ко Дню России. Программа была посвящена русской культуре и её традициям, включала в себя выступления студентов и преподавателей, а также – фольклорное шоу. Во время празднования гости могли насладиться народными песнями и танцами, посетить ярмарку мастеров народного искусства, поучаствовать в хороводе, народных играх и мастер-классах по изготовлению игрушек и открыток.

С 10 февраля 2025 года в Московском государственном институте культуры в целях реализации основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей введен порядок еженедельного исполнения ректоратом, преподавателями и студентами Государственного гимна РФ.

Сегодня Министерство культуры Российской Федерации ставит перед нами задачу: в конкретных исторических условиях достигнуть принципиально нового уровня подготовки высококвалифицированных специалистов для сферы культуры, способных сохранить и развить накопленный опыт отечественной культуры.

Важно сформировать у современного студента гражданскую и патриотическую позицию, полноценное мировоззрение, чтобы адекватно понимать сложный характер современных общественных процессов и адекватно на них реагировать.

Профессиональные знания, умения и навыки, гражданские качества, которые обретают наши студенты, помогут им стать конкурентоспособными, успешными людьми не только в нашей стране, но и на международной арене, для чего необходимо выработать новую стратегию реализации поставленной задачи. Важнейшей стратегической задачей Московского государственного института культуры является повышение качества образования как точного ориентира, позволяющего найти фундамент для своей основной образовательной программы-системы, обеспеченной системой критериев качества, системой оценок качества, системой нужных параметров. Сюда же относится повышение личной и командной ответственности всех педагогов, сотрудников структурных подразделений и сотрудников отдела менеджмента качества и мониторинга образования.

Магистральный путь совершенствования гуманитарного, культурологического и художественного образования – это создание оптимальных организационно-педагогических условий для деятельности профессорско-преподавательского состава, сохранения его количественного состава и штатных должностей.

Предстоит расширение спектра направлений подготовки и специальностей, уровней, форм высшего и дополнительного образования, переподготовки и повышения квалификации кадров сферы культуры; про-

ведение активной политики по привлечению абитуриентов и практических работников культуры на разнообразные формы платного образования, профессиональные стажировки и мастер-классы, в том числе и за рубежом.

Актуальна всемирная поддержка международной деятельности МГИК на основе конкретных деловых соглашений с зарубежными партнерами – с учебными заведениями, с профессиональными предприятиями, организациями, фирмами, – направленные на реализацию равноправного взаимовыгодного сотрудничества в областях образовательного и социокультурного бизнеса.

Вопрос о средствах патриотического воспитания молодежи в духе традиционных ценностей стал самым обсуждаемым, так как Президент Российской Федерации издал Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [10].

Президентом Российской Федерации В. В. Путиным отмечены как основополагающие следующие традиционные ценности: жизнь и достоинство, права и свободы человека, патриотизм, крепкая семья и гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы и гуманизм, созидательный труд и коллективизм, приоритет духовного над материальным, милосердие и справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Ценностно-ориентированная деятельность позволяет сформировать, укрепить, скорректировать мнение и отношение к событиям современности, к исторически сложившимся духовным ценностям.

На наш взгляд, именно традиционные ценностно-ориентированные научные и культурные программы и их патриотический воспитательный потенциал позволяют коллективу Московского государственного института культуры и дальше творить новое, разумное, вечное.

Список литературы

1. *Афонин А. И.* Патриотическое воспитание как доминанта формирования и развития личности обучаемого // *Инновации в образовании*. 2003. № 1. С. 52–56.
2. *Клапюк В. Т.* Славные даты в истории Московского государственного института культуры: к 85-летию МГИК // *Культура и образование*. 2015. № 3 (18). С. 9–25.
3. *Клапюк В. Т.* Юбилейные торжества и награды в истории Московского государственного института культуры (МГБИ – МГИК) к 85-летию Московского государственного института культуры // *Вестник МГУКИ*. 2015. № 5 (67). С. 13–33.
4. *Ленкова А. И.* На земле обязан быть орлом // *Спасибо за Победу!: Воспоминания, эссе, стихи*. Москва: Московский государственный институт культуры, 2025. С. 43–45.
5. *Лобанов И. В.* Развитие Московского государственного института культуры в процессе реализации Государственной культурной политики в Российской Федерации // *Вестник Московский государственного университета культуры и искусств*. 2016. № 1 (16). С. 10–15.
6. *Мазыкина Н. В.* Равнение на Победу. Методические рекомендации организаторам работы по патриотическому воспитанию детей и подростков. Москва: Издательство ЦГЛ, 2004. 192 с.
7. *Патриотическое воспитание: от теории к практике*. Новокузнецк: ИПК 2004. 144 с.
8. *Попова М. В.* Эвакуационный госпиталь 2978 // *Спасибо за Победу!: Воспоминания, эссе, стихи*. Москва: Московский государственный институт культуры, 2025. С. 66–70.
9. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
10. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

*

Поступила в редакцию 21.08.2025

СОЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ИНСТИТУТА В ЗЕРКАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

УДК 008, 719

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-18-31>

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет,
Институт гуманитарных и прикладных наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: yaroch1@yandex.ru

Аннотация. На обширном фактологическом материале проведено аналитическое сравнение двух подходов к датировке основания МГИК: первая позиция – дата основания института 1930 год (Г. К. Дерман, К. И. Абрамов и др.); вторая позиция – позиция Ю. Н. Столярова и его последователей, согласно которой дата основания института – 1913 год. В данной статье по итогам изучения позиций историков МГИК обосновывается вывод о том, что подлинно документированная дата появления Библиотечного института в Москве – 10 июля 1930 года. Открытие первого в стране специализированного библиотечного вуза обусловлено факторами библиотечной политики страны, в соответствии с которой Наркомпрос РСФСР принял решение об открытии самостоятельного Библиотечного института в Москве. В организации вуза активное участие принимали представители Наркомпроса, а также Библиотеки им. Ленина (ГБЛ), библиотеки Академии коммунистического воспитания. Подчеркнуто, что Библиотечный институт в Москве был открыт как самостоятельный вуз Наркомпроса РСФСР. Автор выделяет в истории Московского государственного института культуры три периода: первый – период предыстории (1913–1930 гг.), включающий дореволюционный опыт подготовки кадров, в том числе на библиотечных курсах Народного университета им. А. Л. Шанявского, а затем на базе ГБЛ; второй – период институционализации и формирования монопрофильного вуза (1930–1964 гг.), который знаменуется его открытием на основании Приказа Совнаркома в 1930 году как монопрофильного в системе педагогических вузов Наркомпроса РСФСР и началом деятельности Библиотечного института; третий – период развития института (с 1964 года по настоящее время), связанный с формированием научно-образовательной базы и переходом от монопрофильного, библиотечного образования к подготовке кадров по широкому спектру культурно-просветительных и художественно-творческих направлений, формирующих университетский статус вуза.

Ключевые слова: история образования в России, Библиотечные курсы Народного университета им. А. Л. Шанявского, МГУКИ, Московский государственный библиотечный институт (МГБИ),

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-методической деятельности, заведующий кафедрой педагогической теории и практики социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры; Московский государственный лингвистический университет, Институт гуманитарных и прикладных наук
YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Academic and Methodological Activities, Head of the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture; Moscow State Linguistic University, Institute of Humanities and Applied Sciences

© Ярошенко Н. Н., 2025

Московский государственный институт культуры (МГИК), Наркомпрос РСФСР, Хавкина Л. Б., Дерман Г. К., Абрамов К. И., Столяров Ю. Н.

Для цитирования: Ярошенко Н. Н. Создание Московского библиотечного института в зеркале исследований истории культуры и образования России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 18–31. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-18-31>

THE CREATION OF THE MOSCOW LIBRARY INSTITUTE IN THE MIRROR OF RESEARCH ON THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE AND EDUCATION

Nikolay N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University,
Institute of Humanitarian and Applied Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: yaroch1@yandex.ru

Abstract. Based on extensive factual material, the article provides an analytical comparison of two approaches to the dating of the founding of the Moscow State Institute of Culture: the first approach dates the founding of the institute to 1930 (G. K. Derman, K. I. Abramov, and others); the second approach, advocated by Yu. N. Stolyarov and his followers, dates the founding of the institute to 1913. Based on the study of the positions of MGIK historians, this article concludes that the Library Institute was established in Moscow on July 10, 1930. The opening of the country's first specialized library university is due to the factors of the country's library policy, in accordance with which the People's Commissariat of Education of the RSFSR decided to open an independent Library Institute in Moscow. Representatives of the People's Commissariat of Education and Science, as well as the Library, actively participated in the organization of the university. Lenin Library (GBL), library of the Academy of Communist Education. It is emphasized that the Library Institute in Moscow was opened as an independent university of the People's Commissariat of Education of the RSFSR. The author identifies three periods in the history of the Moscow State Institute of Culture: the first is the period of prehistory (1913–1930), which includes the pre-revolutionary experience of personnel training, including at the library courses of the A. L. Shanyavsky National University, and then on the basis of the GBL; the second is the period of institutionalization and the formation of a single-industry university (1930–1964) – which it is marked by its opening on the basis of the Order of the Council of People's Commissars in 1930 as a single-profile in the system of pedagogical universities of the People's Commissariat of Education of the RSFSR and the beginning of the Library Institute; The third period of the Institute's development (from 1964 to the present) is associated with the formation of a scientific and educational base and the transition from a monoprofile, library-based education to the training of personnel in a wide range of cultural, educational, and artistic fields that contribute to the university's status.

Keywords: History of Education in Russia, Library Courses at the A. L. Shanyavsky People's University, Moscow State University of Culture and Arts, Moscow State Library Institute (MSLI), Moscow State Institute of Culture (MSIK), People's Commissariat for Education of the RSFSR, Khavkina L. B., Derman G. K., Abramov K. I., Stolyarov Yu. N.

For citation: Yaroshenko N. N. The Creation of the Moscow Library Institute in the Mirror of Research on the History of Russian Culture and Education. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 18–31. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-18-31>

В год празднования очередного, 95-летнего, юбилея Московского государственного института культуры особенно ярко раскрывается его славная история, которая неразрывно связана с историей нашей страны, важнейшими вехами и событиями в российской культуре.

В почти вековой ретроспективе отчетливо видно, как небольшой и узкоспециализированный институт вырос в многопрофильное учебное заведение, настоящий Университет, в котором формируется кадровый потенциал отечественной культуры. Не случайно возник девиз нашего вуза: «Творим Историю, Культуру, Россию!».

МГИК действительно включен в историю России, поскольку воспитывает поколение за поколением российской интеллигенции, работников культуры, самоотверженно сохраняющих и развивающих культуру страны.

Когда перечитываешь труды историков, воспоминания современников, перелистываешь документы эпохи, возникает четкое представление о своевременности и безусловной оправданности появления Московского библиотечного института.

История самого института, имевшего несколько названий, стала предметом научного изучения, которому посвящены работы первых историков нашего вуза (Г. К. Дерман, И. Г. Семенычев, Ф. И. Каратыгин, В. Е. Васильченко, К. П. Бельский, О. Ушакова), а затем – историков библиотечного дела К. И. Абрамова, Э. К. Беспаловой, М. И. Глазкова, П. С. Сокова, Т. Ф. Каратыгиной, В. Т. Клапиюка, А. М. Мазурицкого, Ю. Н. Столярова, а также исследователей истории культурно-просветительной работы Л. А. Акимовой, В. З. Дуликова, Е. М. Ключко и многих других ученых.

Автор данной статьи поставил перед собой задачу отыскать и просмотреть все документы, на которые ранее ссылались предшественники.

Сегодня можно уже говорить о сформировавшейся историографии МГИК, в которой достойно представлены не только обобщаю-

щие труды (такие как «История Московского государственного университета культуры и искусств (1930–1941 гг.)» [1], ставшая последней книгой выдающегося библиотековеда России, доктора педагогических наук, профессора Константина Ивановича Абрамова), но и целый ряд других оригинальных и содержательных научных публикаций, посвященных отдельным этапам истории вуза и направлениям его деятельности.

Здесь, конечно же, нужно упомянуть работы кандидата педагогических наук, профессора Владимира Трофимовича Клапиюка, который с большой любовью и тщательностью изучал историю МГБИ в годы Великой Отечественной войны, обобщил юбилейные даты института [8; 10; 11; и др.]. Кандидат педагогических наук, профессор Петр Сергеевич Соков много внимания уделил формированию музея МГИК и детально изучал вклад института в развитие высшего библиотечно-информационного образования в России [18]. Кандидат педагогических наук, профессор Вячеслав Захарович Дуликов, глубоко представил в своих публикациях становление социокультурного образования [7], деятельность института в 1970–1990-е годы [6].

Особую группу работ, посвященных истории вуза, в последние годы жизни опубликовал выдающийся отечественный ученый, доктор педагогических наук, профессор Юрий Николаевич Столяров [19; 20; 21; 22; 23 и др.]. Он актуализировал вопросы, связанные с историей института, придал им дискуссионный импульс, и сегодня призывающий исследователей изучать историю возникновения вуза с уточнением датировки этого события.

Собственно говоря, цель данной статьи как раз и состоит в том, чтобы и на основе сохранившейся документной базы прояснить события, связанные с открытием Библиотечного института в Москве. Эта цель также приводит нас к необходимости сопоставить и аналитически рассмотреть различающиеся интерпретации и концепции историков МГИК, которые в разные годы выстраива-

ли подчас взаимоисключающие гипотезы возникновения нашего института, наиболее известная из которых принадлежит Юрию Николаевичу Столярову.

Многим из ныне работающих в институте хорошо запомнился момент, когда в апреле 2019 года на общем собрании коллектива вуза после доклада Ю. Н. Столярова путем открытого голосования было принято решение считать годом основания МГИК 1913 год, и наш вуз одномоментно «состарился» как минимум на 17 лет. Сидевший рядом со мной на этом заседании историк библиотечного дела профессор М. Н. Глазков, кстати, проголосовавший против этого решения, иронично подметил, что «при таком подходе начало нашего вуза можно довести до Киево-Могилянской академии или еще глубже». История непрерывна и все её события имеют основания и истоки.

И все-таки с позиции исторической науки датировку необходимо вести не с предварительных обстоятельств, а с непосредственного момента совершения события. Постараемся применить этот принцип к исследованию момента создания нашего вуза.

Вопрос датировки основания МБИ

Судя по имеющейся литературе, вопрос о датировке создания Московского государственного института культуры имеет несколько вариантов ответа. В данной статье мы ставим задачу сравнить фактологическую базу и выводы, полученные, с одной стороны, приверженцами датировки появления Московского библиотечного института в 1930 году (непосредственный участник событий Г. К. Дерман и др., а также их последователи – историки К. И. Абрамов, М. И. Глазков и др.), а с другой – сторонниками идеи создания вуза в 1913 года (Ю. Н. Столяров и его последователи В. Т. Клапюк, В. З. Дуликов и другие).

Рассмотрим доводы сторонников обоих подходов.

Первый подход, который не оспаривался и не подвергался сомнению на протяжении девяти десятилетий, основывается на документально подтвержденном факте – Приказе Совнаркома 1930 года, от которого идет начало истории МГИК.

Эта позиция представлена в целом ряде публикаций историков и достаточно аргументирована в работах К. И. Абрамова. В его статьях и специальной работе, посвященной истории вуза с момента создания в 1930 году до начала Великой Отечественной войны [1], выстраивается следующая историческая линия:

- в молодом советском государстве, активно вставшем на путь модернизации, возникла большая потребность в развитии библиотечного обслуживания и в подготовке достаточного числа библиотечных кадров;
- в государственных органах управления образованием (Наркомпрос и его отделы – Главполитпросвет и Главнаука) разрабатывается идея открыть «самостоятельный библиотечный вуз в Москве или Ленинграде» [1, с. 30];
- инициаторами создания нового вуза выступают в Главполитпросвете – Центральная библиотечная комиссия во главе с М. А. Смушковой, а в Главнауке – Библиотечная комиссия во главе с Г. К. Дерман;
- после активных дискуссий о подходе к формированию учебных планов будущего библиотечного вуза, в мае 1930 года, Коллегия Наркомпроса и новый нарком просвещения А. С. Бубнов (напомним, что А. В. Луначарский прекратил исполнять обязанности наркома просвещения РСФСР в сентябре 1929 года) принимают решение о создании библиотечных вузов в стране и открытии первого из них – в Москве;
- и, наконец, после длительного противостояния Наркомпроса с Совнаркомом (орган государственного управления, фактически исполнявший функции Правительства РСФСР) 30 апреля

1930 года удалось достичь соглашения, результатом которого стало включение библиотечного института в сеть вузов на 1930/1931 учебный год (Постановление Совнаркома 10 июля 1930 года) [1, с. 39–40].

Вот так вкратце можно изложить первую версию. Подчеркнем, что вся аргументация, которую использовал профессор К. И. Абрамов, также была перепроверена нами: все источники, которые оказались доступны, были просмотрены и верифицированы, это публикации в советских журналах, официальные документы эпохи. Однако достаточно большая часть источников, на которые ссылался К. И. Абрамов, на данный момент утрачена. Речь идет о так называемом «Архиве научной библиотеки МГУКИ», который, по воспоминаниям профессора В. З. Дуликова, в июне 1998 года был утрачен: после небывалого ливня и протечки крыши научного читального зала эта часть фонда оказалась залита и испорчена водой, а затем утилизирована. Трудно сказать, какие материалы хранились в делах, по которым даны важнейшие цитаты, связанные с открытием нашего вуза; скорее всего это были копии документов из государственных архивов, в которых запечатлелись фонды Наркомпроса. Именно эти документы еще предстоит найти и изучить в Государственном архиве Российской Федерации.

Критики данного подхода указывают на то, что данная периодизация не учитывает дореволюционный период, в ходе которого формировалась система библиотечного образования, а также – роль главной библиотеки страны и ее руководства в создании нашего вуза. Также указывалось на то, что многие фамилии реальных участников событий, связанных с открытием нашего вуза, замалчивались по идеологическим причинам. Речь идет, прежде всего, о Л. Б. Хавкиной, стоявшей у истоков библиотечного образования, и В. И. Невском, который был директором Государственной библиотеки СССР им. Ленина в период создания Библиотечного института в Москве.

Второй подход. Основным оппонентом документально подтвержденного факта основания нашего института в 1930 году стала позиция профессора Ю. Н. Столярова, в основу которой положена идея преодоления мифа, «будто наш институт возник сам по себе, без предварительной подготовки и проработки вопроса, без какой бы то ни было связи с Ленинской библиотекой и Институтом библиотековедения» [21, с. 18]. Между тем связь основания в Москве Библиотечного института с деятельностью главной библиотеки страны никто и никогда не оспаривал. Более того, МГИК гордится, что был открыт в одном из зданий Государственной библиотеки им. Ленина (ГБЛ) (ныне РГБ) на улице Моховой, в самом центре Москвы.

Отдавая дань уважения Юрию Николаевичу Столярову как одному из ведущих профессоров нашего института (теперь уже точно можно сказать – классику библиотечной науки России), постараемся соотнести его позицию по вопросу открытия МБИ с рядом мнений и оценок других ученых, а также – с документами эпохи.

Позиция Ю. Н. Столярова для всех стала неожиданностью. Да и сам автор признавался, что «поставить под сомнение правомерность даты основания Института мне, как и прочим, не приходило в голову» [21, с. 11]. В ходе своего исследования он тщательно собрал архивные материалы, свидетельства современников и другие документы, чтобы максимально точно воссоздать цепь событий, предопределивших появление первого в стране библиотечного вуза. Впервые свою версию открытия Библиотечного института в Москве Юрий Николаевич опубликовал в журнале «Университетская книга» в 2007 году, в 2013 году в развернутом виде представил в статье «Столетие библиотечного образования в СНГ и республиках ближнего зарубежья» [22], а затем – в ряде других публикаций [23].

Гипотеза Ю. Н. Столярова, на наш взгляд, состояла в том, что развитие библиотечного образования в России – это непрерывный процесс, в ходе которого одни формы переходили

в другие, что закономерно привело к появлению библиотечного вуза. При этом линия событий, по версии Ю. Н. Столярова, такова:

- история возникновения Московского государственного института культуры восходит к дореволюционному внешкольному образованию и связана с деятельностью Народного университета им. А. Л. Шанявского в Москве, в структуре которого 28 января 1913 года были открыты Библиотечные курсы под руководством Л. Б. Хавкиной;
- после упразднения в 1918 году Народного университета Библиотечные курсы были переведены во вновь учрежденный Московский институт внешкольного образования, а Л. Б. Хавкина была назначена деканом библиотечного отделения;
- в 1922 году курсы были присоединены к Румянцевскому музею (ныне Российская государственная библиотека) в виде Кабинета библиотековедения под руководством Л. Б. Хавкиной;
- с 1922 года по 1936 год Библиотечные курсы существовали в составе Ленинской библиотеки: с 1922 года по 1924 год под именем Кабинета библиотековедения, с 1924 года по 1930 год под названием Института библиотековедения, а с 1930 года по 1936 год – как Московский библиотечный институт. В 1936 году происходит полное и окончательное отделение института от Ленинской библиотеки. Такова вторая версия создания МГИК.

Начальная часть этой периодизации обоснована документально и может быть рассмотрена как исток всего библиотечного образования в нашей стране (что, кстати, весьма удачно нашло отражение в названии статьи, в которой была представлена версия истории МГИК Ю. Н. Столярова [22]).

Связь библиотечного образования России с деятельностью Л. Б. Хавкиной и би-

блиотечных курсов Народного университета Шанявского является общепризнанной. Однако не выдерживает критики утверждение Ю. Н. Столярова о непрерывном преобразовании кабинета библиотековедения ГБЛ в Институт библиотековедения, а затем – в Московский библиотечный институт. Это ключевой момент второго подхода: «По мнению Ю. Н. Столярова, Московский библиотечный институт явился прямым восприемником Института библиотековедения» [9, с. 134].

Да, Ю. Н. Столяров правильно описывает момент становления Института библиотековедения: «12 февраля 1924 года Кабинет библиотековедения был реорганизован в Институт библиотековедения, находящийся в ведении Главнауки, но функционирующий в структуре Библиотеки. В 1925/1926 учебном году был произведен набор на двухгодичные курсы по библиотечному делу для научных библиотек» [21, с. 13]. А вот в части, где описан период с 1922 по 1936 год, фактически профессор Ю. Н. Столяров допустил неточность, указав на то, что предшественник вуза существовал «с 1924 года по 1930 год под названием Института библиотековедения, а с 1930 года по 1936 год – как Московский библиотечный институт». Это неверное утверждение, которое не подтверждается и, следовательно, ставит под сомнение всю аргументацию данной версии истории МГИК.

Рассмотрим детально, как связаны между собой Институт библиотековедения и Московский библиотечный институт. Вот что написано об Институте библиотековедения в фундаментальной «Библиотечной энциклопедии»: «Институт Библиотековедения государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (название с 1925), исследовательское и педагогическое учреждение, занимавшееся изучением теоретических и практических проблем советского и зарубежного библиотечного дела, подготовкой квалифицированных кадров. Образован как Институт библиотековедения Публич-

ной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в ноябре 1924 на базе Кабинета библиотековедения библиотеки и до марта 1934 входил в её структуру. Первым директором института (до окт. 1928) была Л. Б. Хавкина» [5, с. 409]. Всё это описывает и Юрий Николаевич Столяров. Однако читаем далее: «В 1934 институт был выделен из структуры ГБЛ и преобразован в самостоятельное научно-исследовательское учреждение. <... > В 1940 институт был реорганизован в Центральный научно-методический кабинет Наркомпроса РСФСР» [5, с. 410]. Как это могло произойти, если в 1930-м он, то есть Институт библиотековедения, «превратился» в МБИ?

Через десять лет после открытия Библиотечного института, в преамбуле Плана научно-исследовательской работы МГБИ на 1940/41 учебный год, который подписали директор института П. С. Бенюх и зам. директора по научно-исследовательской части К. П. Бельский, отмечено, что «передача институту всей научно-исследовательской работы в области библиотековедения, осуществлявшейся ранее бывшим Научно-исследовательским институтом библиотековедения и рекомендательной библиографии, фактически превращает МГБИ в центр всей научно-исследовательской работы в области библиотековедения» [16, с. 1]. То есть Институт библиотековедения прекратил свое существование в 1940 году, и об этом было хорошо известно. С этого момента в МГБИ сосредотачивается вся научно-исследовательская работа в области библиотековедения, подготовка аспирантов, деятельность диссертационного совета.

Вот именно здесь версия профессора Ю. Н. Столярова расходится с фактами: **в 1930 году Институт библиотековедения ГБЛ им. Ленина никогда не преобразовывался в Московский библиотечный институт.** Таким образом, Институт библиотековедения – это структурное подразделение Ленинской библиотеки (ГБЛ), а Библиотечный институт – это самостоятельная институция, которая была размещена на площадях (как

писала Г. К. Дерман – на «производственной базе») главной библиотеки страны. И существовали оба эти института в одно время и в одном и том же здании. Подтверждением этого, например, служит выпуск журнала «Красный библиотекарь» № 7 за 1930 год. В этом номере одновременно опубликованы статьи директоров двух этих институтов: статья А. Г. Кравченко «Институт библиотековедения и его основные задачи в текущем году» [12] и статья Г. К. Дерман «Московский библиотечный институт» [4].

Институт библиотековедения не останавливал свою работу и не выполнял функции образовательной организации. В его задачи входила организация библиотечных исследований, методическая и организационная работа. «Институт библиотековедения извещает все библиотеки и библиотечных работников, что он дает письменные и устные консультации по вопросам организации, методики и техники библиотечного дела. Письменные запросы адресовать: Москва, Моховая 6. Институт библиотековедения» – это анонс из этого же выпуска журнала «Красный библиотекарь» № 7 за 1931 год [12, с. 41]. В штате института библиотековедения в этот период работали 15 сотрудников.

В этом же здании на ул. Моховая, 6 работали Библиотечные курсы, которые фактически были одним из направлений деятельности Института библиотековедения [5]. Эти курсы назывались полностью так: Высшие вечерние библиографические курсы. На курсах «слушателям преподавались библиотековедческие, библиографоведческие и книговедческие дисциплины, а также английский и немецкий языки. На курсы зачислялись сотрудники библиотек, имевшие среднее или высшее не библиотечное образование. После создания в 1930 Московского библиотечного института (ныне Московский государственный университет культуры и искусств) библиотечные курсы были упразднены» [12, с. 41].

Первый директор МБИ Г. К. Дерман, отмечала затруدنения хозяйственного порядка

в первый год работы Библиотечного института: «Бедственное положение с помещением (для дневных занятий вуза были отведены три аудитории в небольшом здании, занимаемом Институтом библиотековедения; вечером эти аудитории заняты вечерними курсами), отсутствие помещений для учебных кабинетов и лабораторий для организации учебной библиотеки; МБИ приходилось пользоваться библиотекой Института библиотековедения, которая помещается в небольшой комнате. До января не было у МБИ телефона, стеклографа для размножения заданий, до сего дня нет еще своей пишущей машинки» [4, с. 42]. Из этого фрагмента мы узнаем важные моменты: *Институт библиотековедения и его Библиотечные курсы не «превратились» в Московский библиотечный институт, а существовали самостоятельно и продолжили работать после его создания.*

Таким образом, документально не подтверждается гипотеза Ю. Н. Столярова «о преобразовании Института библиотековедения в Московский библиотечный институт» как о поворотном событии в истории нашего вуза. У Института библиотековедения была собственная история, которая лишь на одном небольшом временном отрезке пересеклась с историей нового Библиотечного института.

Продолжая анализ позиции Ю. Н. Столярова, считаем необходимым отметить еще один существенный момент: у этих двух институтов было разное подчинение. Институт библиотековедения входил в состав ГБЛ и подчинялся его дирекции во главе с В. И. Невским, а Московский библиотечный институт напрямую подчинен был Наркомпросу, что еще раз подчеркивает самостоятельность нашего вуза и организационную независимость в момент образования.

Ю. Н. Столяров неоднократно цитирует стенограмму совещания [17], срочно проведенного по инициативе Наркомпроса РСФСР через два дня после выхода постановления Совнаркома, в котором впервые

отмечен Библиотечный институт. В работе совещания приняли участие выдающиеся библиотечные деятели – Г. К. Дерман в качестве директора Библиотеки Коммунистической Академии, М. И. Рудомино в качестве представителя Главнауки Наркомпроса РСФСР, В. И. Невский – директор Ленинской Библиотеки, Е. Д. Соколова – директор Института Библиотековедения и другие. Однако из этой стенограммы Ю. Н. Столяров почему-то приводит не все доводы участников и не цитирует общий вывод о том, что «совещание в составе представителей сектора науки и сектора массовой и политпросвет работы НКП, Ленинской библиотеки, библиотечной комиссии сектора науки НКП выдвигает кандидатуру т. А. Г. Кравченко на пост директора **организуемого НКП библиотечного ВУЗа** с введением т. Кравченки в Правление Ленинской Библиотеки» [17, л. 3]. Для понимания расшифруем: НКП – это Народный Комиссариат Просвещения, он же – Наркомпрос РСФСР.

И хотя совещание было важным для судьбы нашего вуза, его решения носили рекомендательный характер, поскольку все решения по созданию Библиотечного института в Москве принимались Наркомпросом РСФСР и курировались непосредственно его сектором науки, как и все другие вузы молодого Советского государства.

Импульс к созданию Библиотечного института был дан широкой дискуссией об идеологической сущности советских библиотек, которую инициировали профсоюзы, затем откликнулся Наркомпрос РСФСР [13] и, наконец, ЦК ВКП (б), принявший 30 октября 1929 года Постановление «Об улучшении библиотечной работы» [14]. В этих документах не только признается «состояние библиотечного дела неудовлетворительным, резко отстающим от культурного роста масс рабочих и крестьян и задач социалистической реконструкции народного хозяйства» [14], но и отмечается «продолжающая иметь место низкая квалификация библиотечных работников» [13]. Усилившееся внимание

к библиотекам потребовало срочных мер в совершенствовании системы подготовки библиотечных кадров.

С этого момента идея создания в Москве библиотечного вуза становится предметом обсуждения в профессиональной среде, поскольку в отличие от Петрограда вузовская подготовка библиотечных кадров в Москве не велась. В Петрограде же с 1918 года действовало библиотечное отделение (факультет) в Петроградском институте внешкольного образования (ПИВО).

Г. К. Дерман отмечала, что решение о создании Библиотечного института было хотя и очень желанным, но появилось очень для всех неожиданно. «Не без труда было достигнуто разрешение самостоятельного библиотечного вуза и не без труда прошел организационный период вуза, – отмечала наш первый директор. – После того как в Совнаркоме было отказано в создании самостоятельного вуза и было предложено организовать при Педагогическом институте им. Герцена в Ленинграде библиотечное отделение, Постановление от 10 июля [1930 года] об организации самостоятельного вуза в Москве на производственной базе Всесоюзной библиотеки им. Ленина было неожиданным. Никакой подготовительной работы не было проделано, и только после назначения в августе директора МБИ было приступлено к организации приема студентов и к подготовительным работам для открытия вуза 1 октября 1930 г.» [4, с. 42].

Из наиболее ранних документов о создании Московского библиотечного института следует назвать статью, опубликованную первым ректором Генриеттой Карловной Дерман в сентябрьском номере журнала «Красный библиотекарь» за 1930 год. В этом источнике дается датировка 10 июля 1930 года: «Московский библиотечный институт, организованный согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 10/VII-1930 г. о сети вузов на 1930/31 г., объявляет прием на 1 курс 1930/31 уч. года» [3, с. 18].

Через десять лет ректор МГБИ П. С. Бенюх странным образом дату меняет

на 7 июля 1930 года. В 1940 году передовая статья юбилейного выпуска вузовской газеты «Библиотечный авангард», которую написал директор МГБИ П. С. Бенюх, открывалась такими словами: «7-го июля 1930 года Советское правительство вынесло специальное постановление об организации в Советском Союзе специального высшего библиотечного учебного заведения – Московского Государственного Библиотечного Института! Нигде в мире не было и нет – в подлинном смысле этого слова – высшего библиотечного образования. Это первый библиотечный вуз не только в нашей стране, но и во всем мире» [2, с. 1]. Скорее всего, в данной статье допущена опечатка в дате, поскольку нигде больше «7 июля» не встречается.

Оба источника указывают на одно и то же событие – выход официального документа, в котором впервые упомянут МБИ. Однако в обоих случаях имеются неточности, которые затрудняют понимание и верификацию момента создания нашего института. Отметим, что и все последующие авторы ссылаются именно на статью Г. К. Дерман, но не на исходный текст документа, что подтверждается использованием неполного и неточного названия Постановления, заимствованного из статьи Генриетты Карловны. (Потребовались определенные усилия, чтобы отыскать полный текст первоисточника, в котором опубликовано Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР, упомянутое у Г. К. Дерман как «постановление Совнаркома РСФСР» и у П. С. Бенюха как «специальное постановление», которое вынесло «Советское правительство»). Полное наименование этого документа: «О сети, структуре и контингенте приема учащихся в высшие учебные заведения РСФСР на 1930/31 год. Пост. СНК от 10 июля 1930 г.» [15]. Отметим, что в указанном Постановлении СНК РСФСР от 10 июля 1930 года нет упоминания о Всесоюзной библиотеке им. Ленина, предоставившей производственную базу новому вузу.

Таким образом, в 1930-м году был создан всё-таки «самостоятельный вуз». При этом абсолютно достоверным является указание Юрия Николаевича Столярова на связь с Ленинкой (ГБЛ) как с производственной базой обучения будущих библиотекарей. Однако это не определяет статус вновь создаваемого института.

Если же обратиться к Постановлению СНК от 10 июля 1930 года «О сети, структуре и контингенте приема учащихся в высшие учебные заведения РСФСР на 1930/31 год» [15], то статус вуза в нем четко определяется. В данном Постановлении СНК установил сеть и цифры приема на новый учебный год. Здесь впервые указан наш вуз, для которого установлен был план набора в 100 человек. В разделе «Педагогические вузы Наркомпроса» под номером 35 указан «Библиотечный ин-т в Москве» [15, с. 515]. Это и есть первое название нашего института. Из этого следуют три важных вывода:

- вывод первый: статус нашего вуза при открытии – *самостоятельный вуз в системе вузов Наркомпроса*, отнесенных к категории педагогических вузов;

- вывод второй: *Библиотечный институт в Москве* – это первое официальное название нашего вуза, который уже позднее будет именоваться Московский библиотечный институт;
- третий вывод: *дата 10 июля 1930 года* – это первое упоминание нового вуза в документе, официально утвердившем его статус в общей системе высших учебных заведениях РСФСР, и именно эту дату признавали в качестве даты открытия института все современники, принимавшие участие в подготовке этого события, последующие поколения ученых, педагогов и студентов.

Отменяют ли эти выводы какую-либо из двух представленных версий истории нашего института? Полагаем, что нет. Скорее всего, речь должна идти о верном соотношении событий и установлении причинно-следственных связей, результатом которых стало открытие Библиотечного института в Москве.

С момента создания вуз за свою 95-летнюю историю девять раз менял свое официально название, институционально оставаясь одной организацией, что дает возможность проследить непрерывную цепь событий, от-

год	дата	событие	документ
I. Период предыстории (1913–1930 гг.)			
1913	28 января	Решение об открытии библиотечных курсов в Народном университете им. А. Л. Шанявского по ходатайству Л. Б. Хавкиной	Решение дирекции Народного университета им. А. Л. Шанявского от 28 января 1913 года
1913	17 апреля	Начало работы первых в истории Российской империи Библиотечных курсов под руководством Л. Б. Хавкиной, действующих на постоянной основе	
1922		Создание Кабинета библиотековедения в Румянцевском музее (далее – ГБЛ, ныне – РГБ), продолжившего организацию курсов по библиотечному делу.	
1924	ноябрь	Создание Института библиотековедения (в структуре Кабинета библиотековедения), обеспечившего работу двухгодичных Высших вечерних библиотечных курсов, которые были упразднены после создания МБИ.	

Таблица 1 (начало). Периоды становления и развития Московского государственного института культуры

год	дата	событие	документ
II. Период институционализации и формирования монопрофильного вуза (1930–1964 гг.)			
1930	10 июля	Создание Библиотечного института в Москве в структуре педагогических вузов Наркомпроса РСФСР. Полное название вуза: <i>Библиотечный институт Наркомпроса РСФСР в Москве.</i>	Постановление СНК от 10 июля 1930 г. (Ст. 426) «О сети, структуре и контингенте приема учащихся в высшие учебные заведения РСФСР на 1930/31 год».
1931		Далее используется название – Московский библиотечный институт. Полное название вуза: <i>Московский библиотечный институт Наркомпроса РСФСР.</i>	
1938	11 мая	Институт причислен в первой категории и получил статус «государственный». Полное название вуза: <i>Московский государственный библиотечный институт Наркомпроса РСФСР.</i>	Постановление СНК СССР от 11 мая 1938 года
1940	3 июля	Присвоено имя советского государственного и партийного деятеля В. М. Молотова. Полное название вуза: <i>Московский государственный библиотечный институт Наркомпроса РСФСР им. В. М. Молотова</i>	Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1940 г. «О присвоении Московскому государственному библиотечному институту Наркомпроса РСФСР имени В. М. Молотова» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 22).
1962		Решение о присвоении институту имени В. М. Молотова признано утратившим силу. Полное название: <i>Московский государственный библиотечный институт</i>	Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1962 года «О признании утратившими силу законодательных актов СССР о присвоении имен Ворошилова, Молотова, Кагановича, Маленкова»
III. Период развития и формирования многопрофильного института культуры (с 1964 года по настоящее время)			
1964	26 марта	Переименован в институт культуры. Полное название: <i>Московский государственный институт культуры Министерства культуры РСФСР</i>	Постановление Совета Министров РСФСР от 26.03.1964 года № 386
1980	28 июля	Московский государственный институт культуры награжден Орденом Трудового Красного Знамени «За заслуги в деле подготовки специалистов культурно-просветительной работы». Полное название: <i>Московский Ордена Трудового Красного Знамени государственный институт культуры Министерства культуры РСФСР</i>	Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1980 года. Указ подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежнев и Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Теорградзе.
1994	7 июня	Переименован в университет культуры. Полное название: <i>Московский государственный университет культуры</i>	Приказ Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию от 7 июня 1994 года № 554

год	дата	событие	документ
1999	18 мая	Переименован в университет культуры и искусств. Полное название: <i>Московский государственный университет культуры и искусств</i>	Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 18 мая 1999 года № 354
2011	25 мая	Уточнен статус вуза. Полное название: <i>федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет культуры и искусств»</i> .	Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 25.05.2011 № 499
2014	7 ноября	Переименован в институт культуры. Полное название: <i>федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт культуры»</i>	Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 07.11.2014 года № 1872
2025		История продолжается.	

Таблица 1 (конец). Периоды становления и развития Московского государственного института культуры

ражающих его историю от зарождения библиотечного образования до наших дней.

Подводя итог анализу двух основных подходов интерпретации событий начала деятельности и создания Библиотечного института в Москве, полагаем возможным сделать вывод о том, что в истории Московского государственного института культуры ясно выделяются три периода (см. Таблицу 1):

- I. Период предистории (1913–1930 гг.), включающий дореволюционный опыт подготовки кадров, в том числе на библиотечных курсах Народного университета им. А. Л. Шанявского, а затем – на базе ГБЛ.
- II. Период институционализации и формирования монопрофильного вуза (1930–1964 гг.), который знаменует его открытием на основании Приказа Совнаркома в 1930 году как монопрофильного в системе педагогических вузов Наркомпроса РСФСР и началом деятельности и формированием научно-образовательной базы Библиотечного института в Москве.
- III. Период развития и формирования многопрофильного института культуры (с 1964 года по настоящее время),

связанный с переходом от монопрофильного, библиотечного образования к подготовке кадров по широкому спектру культурно-просветительных и художественно-творческих направлений, определяющих университетский статус вуза.

Нет оснований спорить с тем, что период предистории, начало которого с 1913 года прекрасно описано профессором Ю. Н. Столяровым, является исходным не только для судьбы нашего вуза – он глубоко связывает между собой все события, предопределившие содержание, формы и параметры библиотечного образования в нашей стране. И вновь созданный в 1930-м году вуз не мог быть в стороне от библиотечной науки и практики, развивавшихся в активно изменяющихся обстоятельствах жизни: наш институт всегда был тесно связан с главной библиотекой страны, со всем библиотечным сообществом. Появление же первого библиотечного вуза страны стало закономерным итогом многих событий, личных и коллективных решений, и дало импульс периоду институционализации самостоятельного библиотечного института, уверенно шагающего к новому, очень ожидаемому этапу – возвращению статуса Университета.

Список литературы

1. *Абрамов К. И.* История Московского государственного университета культуры и искусств (1930–1941 гг.). Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2002. 131 с.
2. *Бенюх П. С.* Нашему институту десять лет // Библиотечный авангард. 1940. 29 июня. (Юбилейный выпуск). С. 1.
3. *Дерман Г. К.* К организации Московского библиотечного института // Красный библиотекарь. 1930. № 9. С. 18.
4. *Дерман Г. К.* Московский библиотечный институт // Красный библиотекарь. 1931. № 7. С. 42–49.
5. *Дивногорцев А. Л.* Институт Библиотекосведения // Библиотечная энциклопедия. Москва: Пашков дом, 2007. С. 409–410.
6. *Дуликов В. З.* Ректор Л. П. Богданов: яркая личность в истории МГИК // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 34–40.
7. *Дуликов В. З.* Университет имени А. Л. Шанявского как один из зачинателей социокультурного образования в России (на примере курсовой системы подготовки слушателей) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 5 (49). С. 104–110.
8. *Клапюк В. Т.* Московскому государственному университету культуры и искусств – 80 лет: страницы истории и перспективы // Библиотековедение. 2010. № 6. С. 102–107.
9. *Клапюк В. Т.* Начальный период Московского государственного университета культуры и искусств: методология установления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 2 (22). С. 134–139.
10. *Клапюк В. Т.* Славные даты в истории московского государственного института культуры // Культура и образование. 2015. № 3 (18). С. 9–26.
11. *Клапюк В. Т.* Юбилейные торжества и награды в истории Московского государственного института культуры (МГБИ-МГИК) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 13–33.
12. *Кравченко А.* Институт библиотекосведения и его основные задачи в текущем году // Красный библиотекарь. 1931. № 7 (июль). С. 37–41.
13. О библиотечной работе // О культурном строительстве. Москва: Работник просвещения, 1930. С. 393–396.
14. О библиотечной работе (Постановление ЦК ВКП(б)) // Партийное строительство. 1929. № 1 // О культурном строительстве. Москва: Работник просвещения, 1930. С. 377–378.
15. О сети, структуре и контингенте приема учащихся в высшие учебные заведения РСФСР на 1930/31 год. Пост. СНК от 10 июля 1930 г. (Ст. 426) // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1930. № 33. Отдел первый. Москва: Гос. юрид. изд-во РСФСР, 1930. С. 501–525. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/389117>
16. План научно-исследовательской работы института на 1940–41 уч. год. Наркомпрос РСФСР; Московский государственный библиотечный институт им. В. М. Молотова. Москва, 1940. 20 с.
17. Протокол совещания по вопросу о библиотечном вузе от 12.VII.30 г. // Архив РГБ. Оп. 14 (1929–1930). Ед. хр. 4/4. Л. 1–3.
18. *Соков П. С.* Высшее библиотечно-информационное образование в России: история и современные тенденции развития: монография. Москва: Московский государственный университет культуры и искусств, 2008. 170 с.

19. *Столяров Ю. Н.* 95 лет регулярного отечественного библиотечного образования: истоки // Университетская книга. 2008. № 8. С. 46–49.
20. *Столяров Ю. Н.* О дате основания Московского государственного университета культуры и искусств // Университетская книга. 2007. № 11. С. 50–53.
21. *Столяров Ю. Н.* Промежуточный юбилей, или Диалог с воображаемым оппонентом об истинной дате образования Московского института культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 10–22.
22. *Столяров Ю. Н.* Столетие библиотечного образования в СНГ и республиках ближнего зарубежья // Научные и технические библиотеки. – 2013. № 12. С. 7–30.
23. *Столяров Ю. Н.* Истинная дата основания Московского государственного института культуры – 1913 год // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 10–20.

*

Поступила в редакцию 17.08.2025

ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЗУБОВ:
УНИВЕРСУМ УЧЕНОГО, ПЕДАГОГА
И ЧЕЛОВЕКА (1924 – 2006)

УДК 929:002+008+37.013.42

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-32-41>

Т. Н. Суминова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tsuminova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен всесторонний анализ научного наследия и многогранной деятельности выдающегося отечественного ученого-библиографоведа Юрия Сергеевича Зубова (1924–2006). На основе системного изучения широкого спектра источников, среди которых архивные документы, опубликованные труды ученого, мемуарные свидетельства современников и материалы периодической печати, реконструируется его уникальный вклад в развитие гуманитарного знания второй половины XX – начала XXI века. Особое внимание уделяется теоретико-методологическим разработкам ученого, оказавшим принципиальное влияние на становление современных библиотечно-информационных дисциплин и сформировавшим новые направления научных исследований. Центральное место занимает детальный анализ таких ключевых концепций Зубова, как новаторская теория библиографии как системы «свернутого знания», разработанная в 1980-х годах; информационно-психологическая модель художественного развития личности; теоретические основы информационной культуры как самостоятельной междисциплинарной области знания. Акцент делается на исследовании фундаментальных работ ученого, в том числе первом в мировой практике учебника «Библиография искусства» (1973), созданного в соавторстве с Е. П. Погорелой и А. А. Туровской, и монографии «Библиография и художественное развитие личности» (1979), удостоенной премии Министерства образования СССР. Раскрывается педагогическая система Ю. С. Зубова, его уникальная методика преподавания библиотечно-библиографических дисциплин, позволившая подготовить плеяду исследователей. Под его научным руководством успешно защищены 17 кандидатских диссертаций. Интерес представляет его организационная деятельность по созданию Отделения информационной культуры Международной академии информатизации, проведению серии международных научных конференций и изданию продолжающегося сборника «Проблемы информационной культуры», ставшего важной площадкой для научных дискуссий. В статье подчеркивается синтез в личности Ю. С. Зубова качеств выдающегося ученого-теоретика, талантливого педагога-наставника, участника Великой Отечественной войны, награжденного орденом Отечественной войны I степени, тонкого лирического поэта (публикации в сборнике «Берег мечты»). В заключение подчеркивается непреходящее значение научного наследия Ю. С. Зубова для развития современного библиографоведения. Отмечается актуальность его исследований эстетического развития личности, теоретических разработок по информационной культуре, педагогических методик преподавания библиографических дисциплин. Особое значение приобретает сохранение и развитие традиций его научной школы в Московском

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор, директор Издательского центра, профессор кафедры педагогической теории и практики социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

SUMINOVA TATIANA NIKOLAEVNA – DSc in Philosophy, Professor, Publishing Center Director, Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activity, Moscow State Institute of Culture

© Сумина Т. Н., 2025

государственном институте культуры, где продолжается углубленное изучение предложенных им методологических подходов. При этом важнейшей исследовательской задачей остается комплексное осмысление творчества Ю. С. Зубова как уникального феномена, в котором органично объединена строгая научная методология, новаторские педагогические решения и поэтическое восприятие мира.

Ключевые слова: Ю. С. Зубов, библиографоведение, библиография искусства, информационная культура, эстетическое развитие личности, педагогика высшей школы, научные школы, гуманитаризация образования, Московский государственный институт культуры.

Для цитирования: Суминова Т. Н. Юрий Сергеевич Зубов: Универсум Ученого, Педагога и Человека (1924 – 2006) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 32–41. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-32-41>

YURI SERGEEVICH ZUBOV: THE UNIVERSE OF A SCHOLAR, EDUCATOR, AND HUMAN BEING (1924 – 2006)

Tatiana N. Suminova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: tsuminova@yandex.ru

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the scholarly legacy and multifaceted activities of the outstanding Russian bibliographer Yuri Sergeevich Zubov (1924–2006). Through systematic study of a wide range of sources, including archival documents, the scholar's published works, memoirs of contemporaries, and periodical materials, the work reconstructs his unique contribution to the development of humanities knowledge in the second half of the 20th and early 21st centuries. Special attention is paid to Zubov's theoretical and methodological developments that fundamentally influenced the formation of modern library and information disciplines and shaped new research directions. The central place is given to a detailed analysis of Zubov's key concepts, such as the innovative theory of bibliography as a system of «condensed knowledge» developed in the 1980s; the information-psychological model of artistic personality development; and the theoretical foundations of information culture as an independent interdisciplinary field of knowledge. The focus is on the study of the scholar's fundamental works, including the first-ever textbook in global practice, «Bibliography of Art» (1973), co-authored with E. P. Pogorelaya and A. A. Turovskaya, and the monograph «Bibliography and the Aesthetic Development of Personality» (1979), which was awarded a prize by the USSR Ministry of Education. The pedagogical system of Yu. S. Zubov is presented, comprising his unique methodology for teaching library and bibliographic disciplines that enabled the training of a whole generation of researchers – under his supervision, 17 candidate dissertations were successfully defended. Of particular interest is his organizational activity in establishing and leading the Department of Information Culture at the International Academy of Informatization, organizing a series of international scientific conferences, and publishing the ongoing collection «Problems of Information Culture», which became an important platform for scholarly discussions. The article emphasizes the synthesis in Yu. S. Zubov's personality of qualities of an outstanding theoretical scholar, talented teacher-mentor, participant of the Great Patriotic War (awarded the Order of the Patriotic War 1st Class), and subtle lyrical poet (publications in the collection «Shore of Dreams»). In conclusion, the enduring significance of Yu. S. Zubov's scientific legacy for the development of modern bibliographic studies is highlighted. The continuing relevance of his research on aesthetic personality development, theoretical work on information culture, and pedagogical methods for teaching bibliographic disciplines is noted. Particular importance is given to preserving and developing the traditions of his scientific school at the Moscow State Institute of Culture, where in-depth study of his proposed methodological approaches continues. At the same time, the most important research task remains the comprehensive understanding of Yu. S. Zubov's work as a unique phenomenon that organically combined rigorous scientific methodology, innovative pedagogical solutions, and a poetic worldview.

Keywords: Yu. S. Zubov, bibliography studies, bibliography of art, information culture, aesthetic development of personality, higher education pedagogy, scientific schools, humanitarization of education, Moscow State Institute of Culture (MSIC).

For citation: Suminova T. N. Yuri Sergeevich Zubov: The Universe of a Scholar, Educator, and Human Being (1924 – 2006). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 32–41. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-32-41>

Юрий Сергеевич Zubov – выдающийся ученый-библиографовед, культуролог, историк литературы, фронтовик, поэт, педагог, наставник и Человек с большой буквы стал одной из ключевых фигур в истории Московского государственного института культуры и всей отечественной гуманитарной науки второй половины XX – начала XXI века.

Кандидат филологических наук (1952), доктор педагогических наук (1988), профессор (1989), ветеран Великой Отечественной войны, действительный член Международной академии информатизации (МАИ, 1993) и Академии гуманитарных наук (1995), президент Отделения информационной культуры МАИ (1994), лауреат «Элиты информациологов мира» [15] – эти титулы лишь частично отражают масштаб его личности и диапазон научной, педагогической и общественной деятельности.

Ю. С. Zubov внес неоценимый вклад в развитие отечественной библиографии, библиотековедения, теории информационной культуры и литературоведения. Его труды, глубокие по содержанию и новаторские по методологии, оказали значительное влияние на гуманитарную науку России. Свет его идей, творческая энергия и преданность делу продолжают вдохновлять студентов, преподавателей и всех, кому посчастливилось быть его учеником, коллегой или читателем.

Юрий Сергеевич Zubov

Жизненный путь: от фронта до кафедры

Юрий Сергеевич Zubov родился 25 мая 1924 года в городе Пенза, где прошли его детство и школьные годы. В 1942 году, не дождавшись призывного возраста, добровольно ушел на фронт. В составе танковых войск прошел Великую Отечественную войну до Восточной Пруссии. За проявленные мужество и героизм был награжден Орденом Отечественной войны I степени, медалями «За Отвагу», «За Победу над Германией», «За взятие

Кенигсберга» и другими боевыми наградами.

После демобилизации поступил на факультет русского языка и литературы Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина, который окончил в 1949 году. Затем продолжил обучение в аспирантуре при кафедре русской литературы того же вуза. В 1952 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Крестьянская война под руководством Пугачева в изображении русской литературы» [13], которую считал «самой лучшей работой и самым лучшим текстом, который написал за всю свою жизнь» (!).

После защиты диссертации Юрий Сергеевич начал работу в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (ныне – Российская государственная библиотека), где с 1952 по 1956 год занимал должность главного библиографа, а с 1956 по 1962 – заведующего сектором литературы и искусства Отдела

рекомендательной библиографии [20]. В этот период он активно развивал теоретические основы системы рекомендательных пособий [4], стал автором-составителем и научным редактором ряда знаковых библиографических справочников и путеводителей. Особое внимание уделял серийным изданиям, среди которых – «В помощь слушателям университетов культуры», «В мире прекрасного» и другие. Публиковал также обзорные публицистические статьи о современной литературе в журналах «Библиотекарь» и «Что читать?». Эти издания пользовались широкой популярностью в 1950–1980-е годы.

Во МГИК: путь от преподавателя до научного лидера

Преподавательская и административная деятельность Юрия Сергеевича Зубова в Московском государственном институте культуры началась в 1963 году и продолжалась более сорока лет. За это время он прошел путь от преподавателя до профессора, от декана и заведующего кафедрой до организатора научных школ, сыграл ключевую роль в развитии академических направлений и учебных программ вуза. Уже в 1966 году ему было присвоено звание доцента, в 1977–1981 годах он возглавлял библиотечный факультет заочного отделения в качестве декана, а в 1981 году стал профессором МГИК.

На протяжении четырех десятилетий Юрий Сергеевич стоял у истоков и во главе важнейших кафедр института. С 1963 по 1992 год он руководил кафедрой отраслевой библиографии, став одним из ключевых организаторов научной школы в этой области. В 1992 году активно участвовал в создании факультета информатики и коммуникаций МГИК, на котором основал и возглавил одну из четырех профильных кафедр – кафедру отраслевых информационно-библиографических ресурсов, позднее преобразованную им в кафедру информационно-аналитической деятельности (1994–2003). Его работа отличалась

не только административной эффективностью, но и глубоким научно-педагогическим содержанием. Под его руководством разрабатывались инновационные учебные дисциплины, среди которых авторский курс «Информационная культура личности», ориентированный на подготовку специалистов по созданию электронных информационных ресурсов. Он активно участвовал в формировании научных школ и внедрении современных подходов в систему образования, связанную с информацией, культурой и библиографией.

Ученый, мыслитель, новатор

Параллельно с преподавательской и научной деятельностью Ю. С. Зубов активно взаимодействовал с ведущими библиотеками страны – Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ, ныне Российская государственная библиотека), Государственной республиканской юношеской библиотекой, Государственной театральной библиотекой (ныне Российская государственная библиотека искусств) и другими. Он был членом Библиографической комиссии при ГБЛ, входил в состав Центрального правления Всесоюзного общества любителей книги.

С 1963 года Зубов принимает активное участие в подготовке ежегодного сборника «Библиография советской библиографии» – составляет аналитические обзоры библиографической продукции, а с 1984 года выступает в качестве научного редактора. Позже издание стало выходить под названием «Библиография российской библиографии», сохраняя высокий научный уровень во многом благодаря его участию.

Особое место в его педагогической деятельности занимала специальная дисциплина – «Библиография художественной литературы и литературоведения», которую он преподавал с 1965 года. Здесь проявился его дар лектора и ученого, способного не только донести учебный материал, но и вдохновить студентов на научный поиск.

Юрий Сергеевич стал автором двух крупных новаторских инициатив в отечественной системе библиотечно-информационного образования. В 1966 году он разработал и внедрил в учебный процесс оригинальный курс «Библиография искусства», а в 1973 году (в соавторстве с Е. П. Погорелой и А. А. Туровской) опубликовал первый в мировой практике учебник по этой дисциплине. В издании [14] подробно рассматривалась типология изданий по искусству, работа специализированных издательств, особенности библиографической продукции и организация библиографической деятельности в отраслевых библиотеках.

Научные идеи и признание

В 1979 году вышла в свет фундаментальная монография Ю. С. Зубова «Библиография и художественное развитие личности» [8], в которой он изложил оригинальную информационно-психологическую концепцию непрерывного эстетического образования. Работа получила высокую оценку научного сообщества и в 1980 году была удостоена первой премии на конкурсе научных работ Министерства образования СССР.

На протяжении 1970–1980-х годов Юрий Сергеевич активно публиковался в специализированных периодических и продолжающихся изданиях, поднимая важнейшие теоретико-методические вопросы: о задачах библиотек в художественном воспитании, о роли книги в формировании личности, о принципах создания систем библиографических пособий по художественной литературе и искусству.

Широкий резонанс в профессиональной среде вызвала статья Ю. С. Зубова «Библиография как система свернутого знания» (1981) [9], в которой он предложил принципиально новый подход к пониманию природы библиографической информации – одной из наиболее острых и дискуссионных проблем современного библиографоведения и информатиологии. Эта работа стала катализатором

научной полемики, развернувшейся на страницах журнала «Советская библиография» в последующие годы и существенно повлияла на развитие теоретической базы отрасли.

В 1988 году он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук по теме «Библиотечно-библиографическое управление художественным развитием личности (теоретические основания)» [11], где системно изложил и развил идеи, ранее представленные в монографии и ряде научных публикаций. Эта работа стала важным вкладом в теорию эстетического образования и показала возможности библиотечно-библиографических процессов в развитии личности.

Значительное внимание в научной деятельности Юрия Сергеевича уделялось совершенствованию высшего библиотечно-библиографического и информационного образования. Он много лет осуществлял научное редактирование сборников трудов, посвященных теоретико-методологическим проблемам отраслевой библиографии, активно участвовал в формировании современных учебных программ и методических материалов.

В своих исследованиях он последовательно анализировал место и роль библиографии в условиях стремительной информатизации общества, рассматривал взаимосвязь библиотечно-библиографических процессов, прослеживал генезис, динамику и современное состояние рекомендательной библиографии. Особое внимание уделял гуманитарным аспектам информатики и формированию информационной культуры как новой научной области.

Ряд значимых научных публикаций Ю. С. Зубов подготовил в соавторстве с ведущими специалистами – И. М. Андреевой, В. М. Петровым, Н. А. Слядневой, В. А. Фокеевым. Даже в небольших публицистических статьях он поднимал фундаментальные теоретико-методологические, психолого-педагогические и организационно-методические вопросы, ка-

сающиеся библиотечно-библиографической и информационно-культурологической деятельности.

В 1990 году за выдающиеся заслуги в педагогической науке он был во второй раз удостоен первой премии и награжден дипломом Министерства образования СССР, что стало высокой оценкой его многолетнего вклада в развитие образования и науки.

Наставник и организатор науки

Под научным руководством Юрия Сергеевича успешно защитили кандидатские диссертации 17 аспирантов по педагогическим и историческим отраслям науки, а двое его воспитанников стали докторами педагогических наук – Н. Б. Зиновьева и Л. В. Астахова. Среди его учеников – М. А. Богадельщикова, Л. В. Ласькова, О. Н. Лукьянова, Э. С. Судья, М. Ю. Тугов. Все они продолжили научную деятельность в ведущих информационных центрах и вузах России и стран СНГ.

В течение почти десяти лет Ю. С. Зубов возглавлял специализированный совет К 092.07.02 при МГИК по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям: 05.25.03 – «Библиотечное ведение и библиографоведение» (педагогические науки) и 05.25.04 – «Книговедение» (исторические науки). Это был удивительный по своей содержательной направленности, по человеческим взаимоотношениям и духовной атмосфере коллектив единомышленников, руководителем которого был большой Педагог и Психолог.

Научное наследие

Ю. С. Зубов является автором более 250 научных и учебных публикаций. Его ключевые идеи:

- информационно-психологическая концепция непрерывного эстетического образования и художественного развития личности;

- теория библиографии как системы свернутого знания – направление, ставшее началом и точкой роста профессиональной научной дискуссии;
- обоснование информационной культуры как самостоятельного культурологического и образовательного направления [17; 18];
- формирование теоретической основы библиографии художественной литературы и искусства, связанной с документографией и гуманитарной информатикой [19].

С его именем связано формирование и преподавание таких ключевых дисциплин в МГИК, как «Библиография искусства» (1966), «Издания литературно-художественного комплекса» (1987, в соавт. с Л. В. Ласьковой и Н. А. Слядневой), «Отраслевое библиографоведение» (1990, в соавт. с Н. А. Слядневой), «Информационная культура личности» (1993).

Фундаментальная монография Ю. С. Зубова «Библиография и художественное развитие личности» (1979) [8] была удостоена первой премии Министерства образования СССР. Кроме того, он соавтор учебника «Библиография искусства» (1973) [14] – первого в мировой практике – и ряда значимых статей в отечественных академических журналах, в библиографических справочниках и путеводителях, получивших широкое признание в профессиональной среде.

Юрий Сергеевич был автором и научным редактором сборников статей «Активные методы преподавания специальных дисциплин на библиотечных факультетах вузов культуры» (1987), «Теоретико-методологические проблемы отраслевой библиографии» (1989), «Проблемы дифференциации и интеграции в отраслевой библиографии» (1992); основателем и главным редактором научного издания «Проблемы информационной культуры» (Вып. 1–14, 1993–2001); научным консультантом «Пензенской энциклопедии» (2001), в которую вошли биографии многих его современников и коллег.

Организационные достижения

В рамках работы в Международной академии информатизации (МАИ) Ю. С. Зубов в 1994 году основал и возглавлял Отделение информационной культуры, объединившее свыше 150 ученых (из них более 60 – доктора наук), представителей разных регионов России, а также – США, Франции, Италии, Польши, Финляндии, Китая, Таджикистана и других стран ближнего и дальнего зарубежья.

При его активном участии в 1999 году при Отделении были созданы два специализированных диссертационных совета Высшей аттестационно-квалификационной комиссии МАИ. Советы занимались приемом и защитой диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, а также присвоением ученых званий профессора и доцента по философии и искусствоведению научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры, а также по педагогике, истории и филологии научных специальностей 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования), 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности, 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования, 05.25.03 – Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение.

Юрию Сергеевичу удалось объединить на добровольной основе широкий круг ученых различных дисциплин – философов, информатиков, историков, искусствоведов, биологов, психологов, педагогов и специалистов в области технических наук – для решения актуальных гуманитарных задач в условиях информатизации общества.

Результатом этой деятельности стало проведение 14 ежегодных международных научных конференций под эгидой Отделения информационной культуры МАИ. Конференции проводились при активной поддерж-

ке МГИК на базе Краснодарского государственного университета культуры и искусств (ныне Краснодарский государственный институт культуры), начиная с 1993 года [7].

Ю. С. Зубов был основателем и бессменным главным редактором продолжающегося научного издания «Проблемы информационной культуры», тематические выпуски которого публиковались с 1993 года. Это издание стало важной площадкой для обсуждения теоретических и практических вопросов, связанных с развитием информационной культуры и гуманитарной информатики.

Человеческое измерение

Коллеги, ученики и близкие вспоминают Юрия Сергеевича Зубова как человека исключительной духовной щедрости и интеллекта [1–3; 5; 6; 16–18; 24]. Он был *талантливым и вдохновляющим педагогом*, умеющим просто и доступно объяснить сложные научные концепции, увлечь аудиторию, пробудить интерес к глубокому познанию; *поэтом и романтиком*: его произведения вошли в сборник «Берег мечты: стихи поэтов МГУКИ» (2005) [24], раскрывая ученого как человека с тонким лирическим восприятием мира; *человеком большой души*, отличавшимся искренней любовью к людям и символически – к полевым цветам: ландышам, ромашкам, незабудкам, которые он с радостью дарил коллегам; *фронтовиком*, прошедшим тяжелейшие испытания войны, сохранившим воинскую честность, прямоту и внутреннее достоинство на протяжении всей жизни.

Эти качества метафорически запечатлела И. М. Андреева, доктор философских наук, профессор, в посвященных Зубову строках:

*«Я восхищения не скрою.
В наш бедный гениями век
В Вас воплотилось сразу трое:
Поэт, ученый, человек» [21, с. 50].*

Награды

За проявленные мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны Юрий Сергеевич был награжден Орденом Отечественной войны I степени, медалями «За Отвагу», «За Победу над Германией», «За взятие Кенигсберга» и другими боевыми наградами.

За многолетний труд и вклад в отечественную науку, культуру и образование он был удостоен высоких государственных и ведомственных наград – почетной грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР (1961) – в связи со 100-летием Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина; почетной грамоты Министерства культуры РСФСР (1974) – к 50-летию журнала «Библиотекарь»; премий Министерства образования СССР и Государственного комитета по образованию СССР (1981, 1990) – за вклад в развитие педагогической науки.

Эти признания отражают не только масштаб его профессиональных заслуг, но и высокий уровень доверия и уважения, которыми он пользовался в научном сообществе.

Память

«Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!» Эти строки Н. А. Некрасова из стихотворения «Памяти Добролюбова» (1864) с пронзительной точностью выражают глубину утраты, постигшей коллег, учеников и последователей 14 июля 2006 года, когда трагически погиб Юрий Сергеевич Зубов. Его наследие, подобно философскому универсуму, представляет собой целостную и саморазвивающуюся систему.

Ушел Учитель, но остался Универсум его идей... – эта емкая метафора раскрывает парадокс научного бессмертия: созданная Зубовым интеллектуальная вселенная, продолжает расширяться через

- 1) научную преемственность: на кафедре библиотечно-информационных

наук МГИК под руководством Н. В. Лопатиной, доктора педагогических наук, профессора, почетным работником сферы образования Российской Федерации, проводятся мемориальные чтения, посвященные развитию его идей;

- 2) актуальность наследия: теоретические разработки Зубова в области библиографии, информационной культуры и гуманитарной информатики сохраняют методологическую значимость, формируя современную исследовательскую повестку;
- 3) педагогическую традицию: ученики Юрия Сергеевича – ныне преподаватели и исследователи – воплощают его подходы в учебных курсах и публикациях, что свидетельствует о жизнеспособности созданной им научной школы.

Юрий Сергеевич был сердцем и умом научного, педагогического и административного сообщества Московского государственного института культуры. Его отличали высокая эрудиция и интеллигентность, тактичность, искреннее внимание к собеседнику, открытость к диалогу, уважение к личности и новизне мысли, редкое сочетание требовательности и человеческой доброжелательности. Он умел быть наставником и союзником – как для признанных мастеров, так и для тех, кто только начинал свой путь в науке [22–25].

В год 95-летия Московского государственного института культуры, 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и в рамках проведения в России Десятилетия науки и технологий особенно ясно осознается значение многогранной подвижнической деятельности Юрия Сергеевича Зубова – на фронте, в науке, в образовании. Его имя вписано в историю страны, культуры и вуза, ставшего его профессиональным домом на долгие десятилетия. И память о нем – живая, деятельная, светлая – продолжает вдохновлять.

Список литературы

1. Булдина Г. И., Лопатина Н. В., Сладкова О. Б. Ю. С. Зубов – организатор науки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 3. С. 220–225.
2. Вишневский К. Д. Много лет тому назад // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 20–25.
3. Горлова И. И. Ю. С. Зубов – ученый и человек. Вместо предисловия // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 7–11.
4. Давыдова М. И. Роль Ю. С. Зубова в становлении и развитии рекомендательной библиографии художественной литературы и искусства в 50–80 годы прошлого века // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 80–85.
5. Давыдова М. И. Юрий Сергеевич Зубов – друг, коллега, единомышленник // Мир библиографии. 2006. № 5. С. 77–79.
6. Добрынина Н. Е. С ним всегда было интересно // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 29–34.
7. Зиновьева Н. Б. Ю. С. Зубов – вдохновитель, идеолог и организатор Международных научных конференций по проблемам информационной культуры личности (1993–2006 г. г.) // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 34–41.
8. Зубов Ю. С. Библиография и художественное развитие личности: монография. Москва: Книга, 1979. 144 с.
9. Зубов Ю. С. Библиография как система свернутого знания // Теоретико-методологические проблемы современного библиографоведения: межвузовский сборник научных трудов. Москва, Тр. Моск. гос. ин-т культуры. Вып. 47. 1981. С. 23–40.
10. Зубов Ю. С. Библиография литературы по искусству: учеб. пособие для студентов-заочников библиотеч. фак-тов. М-во культуры РСФСР, Моск. гос. ин-т культуры. Москва, 1966. 96 с.
11. Зубов Ю. С. Библиотечно-библиографическое управление художественным развитием личности (теоретические основания): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра пед. наук: 05.25.03. Москва, 1988. 34 с.: ил.
12. Зубов Ю. С. Информатизация и информационная культура // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Москва, 1994. С. 5–11.
13. Зубов Ю. С. Крестьянская война под руководством Пугачева в изображении русской литературы: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Москва, 1951. 16 с. На правах рукописи.
14. Зубов Ю. С., Погорелая Е. П., Туровская А. А. Библиография искусства: Учеб. для библ. фак. ин-тов культуры. Москва, 1973. 302 с.
15. Зубов Юрий Сергеевич // Элита информациологов мира: Кто есть кто в Международной академии информатизации: Энциклопедия. Вып. 2. Москва, 2000. С. 60.
16. Инюшкин Н. М. Зубовские мосты // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 25–29.
17. Лопатина Н. В. Теоретическое наследие Ю. С. Зубова в информатической культурологии: вчера и сегодня (к 90-летию со дня рождения ученого, библиографа, педагога) // Библиосфера. 2014. № 2. С. 111–115.
18. Лопатина Н. В. У истоков информационной культурологии // Проблемы информационной культуры: Сб. ст. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 85–95.
19. Новожёнова Т. А. Методологические воззрения Ю. С. Зубова // Библиотекословение. 2009. № 5. С. 83–87.

20. *Понятовская О. А.* Жизнь сокровенна // Библиография. 1994. № 3. С. 74–80.
21. Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. 110 с.
22. *Суминова Т. Н.* Зубов Юрий Сергеевич // Пензенская энциклопедия: [80-летию Пензенской области посвящается: в 2 т.] Т. 1: А – М / редсовет: О. В. Ягов (предс.) [и др.]; гл. ред. А. Ю. Казаков. [2-е издание, уточненное и дополненное]. Пенза: Областной издательский центр, 2019. С. 465.
23. *Суминова Т. Н.* 40 лет на Левом берегу: (о Ю. С. Зубове) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2001. № 3.
24. *Суминова Т. Н.* Универсум ноосферного знания, человеческих душ и сердец... // Проблемы информационной культуры: Сборник статей. Вып. 14. Наследие Ю. С. Зубова в современной науке. Краснодар: КГУКИ, 2007. С. 42–48.
25. *Фокеев В. А.* Зубов Юрий Сергеевич // Библиотечная энциклопедия /Российская государственная библиотека. Москва: Пашков дом, 2007. С. 392.

*

Поступила в редакцию 18.06.2025

К ВОПРОСУ О ПАССИОНАРНОМ ФАКТОРЕ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 1(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-42-49>

М. М. Шибаева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: skyday.vm@yandex.ru

Аннотация. Тема данной статьи соотносится с открытым характером вопроса о значимости личностного аспекта расширения границ гуманитарного знания на основе развития новых научных направлений, включая и культурологию. В свете 95-летнего юбилея МГИК статус важной и актуальной проблемы обретает концепт «культура памяти», отражающий ценностно-смысловые основания преемственности поколений и модальность продуктивного освоения интеллектуальных и художественно-творческих обретений прошлого. Автор статьи, посвященной памяти первопроходцев на пути к отечественной культурологии, видит свою задачу в раскрытии особенностей «мотивационного контекста творчества» субъектов становления культурологии как специфической сферы гуманитарного знания. Отсюда – правомерность авторского погружения в «далекие контексты» (М. М. Бахтин) минувшего и осмысления субъективного фактора развития культурологического направления современной гуманитаристики. На примере жизнедеятельности и наследия Арнольда Исаевича Арнольдова как инициатора и непосредственного участника процесса становления в нашей стране системы культурологического знания выявляется пассионарный аспект расширения и углубления проблемно-тематического пространства наук о культуре во взаимосвязи теоретического, исторического и рефлексивного дискурсов. Особое внимание уделяется вопросу о вкладе Арнольдова в институционализацию отечественной культурологии – создание в Московском государственном институте культуры самой первой отечественной кафедры истории и теории культуры.

Ключевые слова: А. И. Арнольдов, культура памяти, становление отечественной культурологии, пассионарный фактор, подвижничество, интеллигенция, «гуманистический активизм» (Г. В. Флоровский), духовная культура, кафедра теории и истории культуры МГИК.

Для цитирования: Шибаева М. М. К вопросу о пассионарном факторе становления отечественной культурологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 42–49. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-42-49>

ШИБАЕВА МИХАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры
SHIBAЕVA MIKHALINA MIKHAILOVNA – DSc in Philosophy, CSc in Pedagogy, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Шибаева М. М., 2025

ON THE ISSUE OF THE PASSIONATE FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CULTURAL STUDIES

Mikhailina M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: skyday.vm@yandex.ru

Abstract. The topic of this article is related to the open nature of the question about the significance of the personal aspect of expanding the boundaries of humanitarian knowledge based on the development of new scientific directions, including cultural studies. In light of the 95th anniversary of MGIK, the concept of “culture of memory”, reflecting the value-semantic foundations of the continuity of generations and the modality of productive development of the intellectual and artistic-creative achievements of the past, is acquiring the status of an important and urgent problem. The author of the article, dedicated to the memory of the pioneers on the path to domestic cultural studies, sees his task in revealing the features of the “motivational context of creativity” of the subjects of the formation of cultural studies as a specific sphere of humanitarian knowledge. Hence the legitimacy of the author’s immersion in the “distant contexts” (M. M. Bakhtin) of the past and understanding of the subjective factor in the development of the cultural studies direction of modern humanities. Using the example of the life and legacy of Arnold Isaevich Arnoldov as the initiator and development of the system of cultural knowledge in our country, the passionate aspect of expanding and deepening the problematic and thematic space of the cultural sciences is revealed. The research scientific relationship between theoretical, historical and reflexive discourses. Particular attention is paid to the issue of Arnoldov’s contribution to the institutionalization of Russian cultural studies – the creation of the very first department of history and theory of culture at the Moscow State Institute of Culture.

Keywords: A. I. Arnoldov, culture of memory, development of domestic cultural studies, passionary factor, asceticism, intelligentsia, “humanistic activism” (G. V. Florovsky), spiritual culture, Department of Theory and History of Culture, Moscow State Institute of Culture.

For citation: Shibaeva M. M. On the issue of the passionate factor in the development of domestic cultural studies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 42–49. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-42-49>

Посвящается светлой памяти А. И. Арнольдова и первого поколения подвижников культурологического знания и педагогов кафедры теории и истории культуры МГИК

*Если мы найдем истинное добро, истинную задачу
и смысл жизни и научимся их осуществлять,
мы тем самым будем соучаствовать
в творчестве истинной культуры
С. Л. Франк*

*Пафос моей маленькой жизни и бесконечного мира,
пафос моего участного «не-алиби в бытии», это
есть ответственное расширение контекста
действительно признанных ценностей с моего
единственного места
М. М. Бахтин*

Живое бытие культуры зиждется не только на всеобщих формах освоения мира, но ... и на таких уникальностях, каким является отдельный человек

И. В. Ватин

Более чем очевидно, что факт 95-летия МГИК неотделим от событийного ряда пройденного Пути и тех «знаковых Имен, благодаря которым развивалась и совершенствовалась сфера гуманитарно-творческого образования. Социально-культурную значимость юбилейных дат трудно переоценить по той причине, что в свете концепта «культура памяти» и модальности продуктивной связи поколений актуализируется мемориально-креативный потенциал нашего погружения в «далекие контексты» (М. М. Бахтин) минувшего. Минувшего, но не забытого и не отвергнутого «за ненадобностью».

В ряду основных характеристик событийно-именного континуума Московского государственного института культуры (в его первые десятилетия, как известно, библиотечного) стоит отметить плодотворную сопряженность традиций и инноваций в педагогической, научной и художественно-творческой сферах его деятельности. Тенденция сочетания в институтской практике культурных достижений прошлого и проективно-творческих идей, обращенных в будущее, обнаруживает себя на разных этапах 95-летнего пути МГИК и особенно интенсивно – с 60-х годов XX века.

Одним из ярких подтверждений данной тенденции является факт непосредственного – в известной степени, *новаторского – включения института* в процесс становления такого нового направления в сфере гуманитарного образования, как *культурология*. Начиная с появления в стенах МГИК кафедры теории и истории культуры, а позднее – аспирантуры и специализированного Диссертационного совета, наш институт зарекомендовал себя как субъект подвижнической деятельности.

С этой точки зрения целесообразно «вернуться в прошлое, где созрела культурология, посмотреть, чем было вызвано ее появление» [5, с. 245]. Разделяя такую установку современного культуролога Л. А. Закса, позволю себе дополнить его мысль словом «*кем*», поскольку за каждой идеей стоит, как известно, конкретный субъект ценностных отношений и проективно-творческой деятельности, то есть *субъект культуры*.

Более чем очевидно, что статусом субъекта культуры наделяются как индивиды, активно реализующие свой интеллектуально-творческий потенциал, так и профессиональные сообщества, социальные институты и, наконец, государство. Однако применительно к вопросу об особенностях становления отечественной культурологии в качестве нового направления в научной и образовательной сферах на первом плане оказывается *личный аспект* возникновения и развития культурологии. Осмысление «первоначал молодой науки» (в сопоставлении со стадиями и обретениями классических наук) дает повод процитировать Б. Л. Губмана: «Культура порождается экзистенциальной творческой активностью человека и одновременно является результатом таковой, объективированной в многообразии форм» [4, с. 397].

Данное суждение проецируется, на мой взгляд, и на причинно-следственные аспекты развития и институционализации отечественной культурологии. С этой точки зрения заслуживают внимания *субъективные факторы* генезиса культурологического направления, включая энергетику индивидуально-личностной причастности к данному процессу. Отсюда правомерность осмысления вопроса о генезисе отечественной культуроло-

гии и ее институционализации через призму концепта «*пассионарность*»¹.

Целесообразность обращения к вопросу о пассионарном факторе становления и развития отечественной культурологии обусловлена рядом причин. Во-первых, потребностями определения проблемно-тематических границ сравнительно нового направления гуманитарного знания, а во-вторых, тем, что, «молодая» наука – культурология – являет собой «зону турбулентности, синергетических процессов» [5, с. 245] Причем поисково-дискуссионная энергетика этих процессов проявляется до сих пор. Конструктивность гносеологического самоопределения культурологии в пространстве гуманитарного знания в немалой степени зависит от личностных характеристик субъектов становления нового научного направления, включая и индивидуальное «дерзание духа» (А. Ф. Лосев).

Понятие «пассионарность», введенное в гуманитарный лексикон Л. Н. Гумилевым, означает наличие той внутренней энергии человека, которая стимулирует его социально-творческую активность и мотивацию участия в процессах преобразовательного характера. Такая трактовка пассионарности выходит за пределы синергетического дискурса и соотносима со смысловой нагрузкой понятия «*энтузиазм*». «Жизнестойкость» данного понятия, восходящего к наследию Платона, носит, по сути, мотивационно-деятельный характер. Как отмечается в Философской энциклопедии, изданной в 2010 году, энтузиазм – это «воодушевление, страстное восторженное увлечение идеей, идеалом; большой душевный подъем, выражающий стремление к более всеобщим и более высоким целям». Именно эти параме-

¹ То обстоятельство, что разработка данного концепта связана с научными изысканиями Л. Н. Гумилева в проблемном пространстве этногенеза, вряд ли может быть препятствием к использованию в данной статье его идеи пассионарности хотя бы потому, что на современном этапе развития гуманитарных наук эвристический потенциал и гносеологическая корректность междисциплинарного подхода признаны многими современными исследователями.

тры энтузиазма/ пассионарности характерны для представителей первого поколения исследователей культуры².

Ценностно-смысловая емкость понятий «пассионарность» и «энтузиазм» соотносится с именами и трудами тех советских философшестидесятников, которые явили себя как «первопроходцы» на пути постижения культуры в ее сопряжении с социумом и миром человеческой субъективности. В именном ряду «первопроходцев» в сфере разработки ключевых проблем культуры имя Арнольда Исаевича Арнольдова заслуживает не только особого признания, но и осмысления его вклада в отечественный опыт постижения культуры.

Пассионарность А. И. Арнольдова как начинателя традиции разностороннего исследования сущности культуры, ее назначения и динамики выявляется в различных аспектах – от *организационно-проективного до научного и педагогического*. И в каждом из аспектов своей подвижнической деятельности он стремился обосновать идею приоритетности культуры как Универсума, позитивно влияющего на умонастроение общества, на его нравы и на «мир человека». Стремление такого рода было обусловлено его беспокойством по поводу доминирования в государственной культурной политике «*остаточного принципа*» в отношении культуры, внимание к которой проявлялось зачастую лишь в официальной риторической форме утверждения «важной роли культуры в советском обществе».

В текстах А. И. Арнольдова, написанных в период краткой «оттепели» и неоднозначных умонастроений интеллигенции по поводу переоценки личности и роли Сталина на XX съезде КПСС, была едва ли не впервые обоснована *идея общественной значимости научного теоретико-исторического подхода к духовной культуре* как «относительно са-

² Существенный вклад в утверждение научно-го статуса культурологии внесли: С. Н. Артановский, С. Н. Иконникова, М. С. Каган, Э. В. Соколов (Ленинград / Санкт-Петербург), В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов (Ростов-на-Дону), Э. С. Маркарян (Ереван), Л. Н. Коган (Свердловск/ Екатеринбург) и другие.

мостоятельному общественному феномену» [2, с. 13]. Подчеркну при этом, что в понимании назревшей необходимости исследования культуры в многообразии ее форм Арнольдов был не одинок: позицию неприятия факта «колоссальной не востребованности потенциала культуры» [2, с. 16] активно реализовывали и другие энтузиасты идеи углубления в проблематику культуры: Э. В. Баллер, Н. С. Злобин, В. М. Межуев, Р. Н. Садов и ряд других авторов – энтузиастов рефлексии над проблемами культуры. Каждый из них, начиная с авторского участия в создании первой в СССР коллективной монографии «Коммунизм и культура» (1966), способствовал активизации исследовательского интереса к различным граням «второй природы» и «мира человека»³.

Причем методологическая значимость и содержательная глубина текстов молодых (в те годы) сподвижников Арнольдова подтверждаются и в наши дни.

Важно при этом иметь в виду то, что на этом этапе включения проблематики культуры в сферу гуманитарного знания *понятие культурологии и ее статус как «новой» науки* еще отсутствовали: культурфилософские размышления шестидесятников несут явные приметы методологии исторического материализма, в традициях которого культура рассматривалась через призму марксистского концепта «надстройка». Данная традиция обнаруживается также в структуре и содержании самого первого учебного пособия для студентов институтов культуры и искусства «Основы марксистско-ленинской теории культуры» под редакцией А. И. Арнольдова и А. С. Фриша. В свете научно-образовательной значимости данного издания важно подчеркнуть, что и здесь конструктивно проявился энтузиазм Арнольдова, сумевшего привлечь к авторскому участию таких авторитетных представителей

³ Стоит напомнить о том, что в формировании этой, по сути, коллективной монографии активное участие принимали и преподаватели руководимой А. И. Арнольдовым кафедры теории и истории культуры МГИК.

отечественной культурологии, как С. Н. Артановский, Э. В. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, В. М. Межуев.

Особого внимания заслуживают и *проективно-творческие инициативы* А. И. Арнольдова, отмеченные в статье «Фундаментальные проблемы теории культуры в трудах А. И. Арнольдова» В. С. Садовской и В. А. Ремизова: «Под редакцией А. И. Арнольдова с 1995 года длительно выходил подлинно «пионерский» альманах-ежегодник «Культурология: новые подходы», давший жизнь многим инновационным идеям в области теории культуры, ее динамики и функций в социуме» [10, с. 19].

Многие из тех, кто работал и общался с А. И. Арнольдовым, отмечают его способность намечать содержательно-структурные параметры проектируемых публикаций по теоретико-историческим вопросам культуры. Как правило, в созданных по его инициативе коллективных монографиях и учебных пособиях сопряжены и «усиливают» друг друга в эвристическом отношении гносеологические, аксиологические и философско-антропологические позиции представителей различных образовательных и научных сообществ. Появление подобных изданий в немалой мере приближало к признанию культурологии в качестве самостоятельной научной сферы, обладающей, по утверждению одного из самых авторитетных исследователей И. В. Кондакова, интеграционным потенциалом, позволяющим изучить «контексты культуры и те смыслы, которые обретают различные тексты, будучи включенными в тот или иной ценностно-смысловой контекст» [7, с. 211].

При погружении в ценностно-смысловой контекст опубликованного наследия Арнольдова выявляется – при всем «соблюдении» советских идеологем – его тяготение к просветительской традиции моделирования образа культуры как универсального способа расширения познавательных и творческих связей людей с природно-цивилизационными условиями их бытия. Причем в понимании Арнольдова значимость культуры во всем

разнообразии ее форм и текстов не сводима к кумулятивному аспекту: имея в виду полифункциональность культуры, он проявлял особый интерес к вопросу о ее субъектности как «механизма преобразующего воздействия на жизнь общества» [1, с. 50].

Размышляя о субъектности актуальной культуры, Арнольдов придавал особое значение вопросу о модальности плодотворного включения культурного наследия в ценностно-смысловое пространство социокультурных реалий. Здесь особенно явно обнаруживается созвучие позиций двух борников такого направления, как *экология культуры* – Д. С. Лихачева и А. И. Арнольдова. Каждый из них отстаивал идею активности памяти как особого механизма сохранения культурных традиций и преемственности поколений. Глубокая убежденность Д. С. Лихачева в том, что «память противостоит уничтожающей силе времени и накапливает то, что называется культурой» [8, с. 65], не только разделялась Арнольдовым, но и деятельно поддерживалась в рефлексивно-коммуникативном плане. Неслучайно ряд организованных им конференций был посвящен проблеме формирования культуры памяти и творческого использования ее функционала в реалиях переоценки ценностей.

В этой связи уместно отметить и такой признак пассионарности Арнольдова, как коммуникативные способности, благодаря которым он в течение нескольких десятилетий расширил круг исследователей в сфере культурологического знания. Яркий пример тому – несколько лет успешного развития *диалогических форм профессиональной коммуникации* между научными сотрудниками Сектора философских проблем культуры Института философии РАН и преподавателями кафедры истории и теории культуры МГИК. В течение нескольких лет первый педагогический состав кафедры в лице Владимира Марьяновича Бахты, Виктора Николаевича Гудовичева, Рафаила Ильича Ибрагимова, Николая Леонидовича Лейзерова, Ивана Ивановича Пикулева и Александра Самойловича Фриша был кол-

лективом единомышленников А. И. Арнольдова, энтузиастами-подвижниками идеи распространения знаний о культуре как в историческом, так и в теоретическом ракурсах⁴.

Пассионарность А. И. Арнольдова и его сподвижников проявлялась также в систематических проведениях круглых столов в формате «мозговой атаки» по поводу открытых вопросов о реальном состоянии отечественной культуры. Участниками таких встреч были видные представители гуманитарного знания – философы, социологи, этнографы, психологи, а также деятели искусства. Благодаря этой инициативе, неотделимой от Имени и научного энтузиазма видного методолога Э. А. Орловой⁵, в диалогической форме был разработан *междисциплинарный подход* к различным аспектам социокультурной динамики, урбанистики, «диалектики повседневности» (Г. С. Кнабе); тем самым были созданы предпосылки для содержательного полилога вокруг культурологической проблематики.

Как справедливо утверждает Е. В. Марева, «наиболее явным в дискуссиях того времени было противостояние сторонников «технологического» и «ценностного» понимания деятельности, создающей культуру» [10, с. 55]. Данное умозаключение вполне согласуется и с высказыванием яркого представителя второго поколения отечественных культурологов А. Я. Флиера о «параллельном развитии двух сравнительно автономных культурологий: социальной и гуманитарной» [12, с. 22].

⁴ Именно с этим замечательным составом кафедры теории и истории культуры под руководством Арнольдова мне довелось контактировать в течение нескольких лет в статусе аспирантки Арнольда Исаевича (1971–1974 гг.). «Память сердца» сохраняет безмерную благодарность за время содержательного общения с каждым педагогом.

⁵ Именно благодаря Элине Александровне Орловой в пространстве нового здания Третьяковской галереи на Крымском валу в начале 80-х проводились интеллектуально-творческие «поединки» теоретиков и практиков, причастных к процессам становления отечественной культурологии.

Активным сторонником гуманитарного подхода к культурному многообразию и подвижником традиции ценностного понимания явления был, судя по смысловым акцентам и тональности его работ, А. И. Арнольдов, соотносивший потенциал культуры с созданием и трансляцией духовных ценностей в интересах гуманизации общественной и индивидуальной жизни. В этой связи представляется возможным охарактеризовать весь комплекс проявлений пассионарности Арнольда Исаевича Арнольдова посредством такого концепта, как «гуманистический активизм» (Г. В. Флоровский).

Пассионарность А. И. Арнольдова проявилась и в его деятельном отношении к задаче разработки понятийно-категориального аппарата отечественной культурологии. Именно благодаря ему внимание советских исследователей было привлечено к таким бытовавшим в публицистическом формате «фигурам речи», как «культурный прогресс», «культурная политика», «духовная культура», «культурное творчество», и установка на придание им понятийного статуса была постепенно и достаточно успешно актуализирована.

«Гуманистический активизм» Арнольда Исаевича Арнольдова был присущ не только его «жизненному миру», но и различным формам подвижничества в научной и образовательной сферах. Именно поэтому было бы несправедливо сводить оценку пассионарности А. И. Арнольдова – как субъекта процессов становления и развития отечественной культурологии – признанию в нем только «организатора науки» (Е. В. Мареева).

Ценностно-смысловой контекст авторской и педагогической деятельности Арнольда Исаевича отражает его установку на разработку и «оформление теории культуры как целостной концепции духовных процессов» [3, с. 6]. Стоит в это связи подчеркнуть приверженность А. И. Арнольдова *гуманитарному подходу*, к Универсуму культуры как неиссякаемому источнику влияния на «различные стороны человеческого существования,

на отношения человека с окружающим миром и другими людьми» [3, с. 13.]

При всем тематическом разнообразии публикаций Арнольдова выявляется *философско-антропологическая доминанта* в его размышлениях о культуре. С учетом того, что большая часть его текстов создавалась «в условиях идеологической зашоренности, царившей в стране» [13, с. 22], устойчивый интерес к взаимосвязи Универсума культуры и мира человека можно оценивать как проявление исследовательского мужества оставаться верным себе. Философско-антропологический подтекст наследия Арнольдова в определенной мере согласуется с воззрениями В. М. Межуева и М. Б. Туровского – двух глубоких мыслителей, чей вклад в развитие культурологической мысли трудно переоценить.

Так, сущностной чертой наследия А. И. Арнольдова является, на мой взгляд, акцентирование внимания на идее сопряженности различных граней феномена культурного многообразия и реализации познавательнотворческих способностей и интенций человека. Подтверждение тому – едва ли не все тексты Арнольдова, в том числе и публикации по проблемам социалистической культуры и культурной политики советского государства. А вот что писал примерно в эти же годы В. М. Межуев: «В философии марксизма мир в целом предстает, прежде всего, как человеческий мир, как мир культуры <...> в своей созданности, произведенности человеком» [11, с. 327]. Данное суждение совпадает и с умозаключением автора монографии «Философские основания культурологии» М. Б. Туровского. Исходя из своей убежденности в том, что «...субъектный (личностный) аспект истории выступает как культура» [11, с. 336], он ратовал за «понимание культуры не в качестве феноменального эффекта исторического бытия, но как мира подлинного, внутреннего бытия человеческой личности, которое и является содержанием истории» [11, с. 385].

Смысловое созвучие философско-антропологических мотивов дает основание

для признания многомерности вклада Арнольдова в расширение границ постижения культуры как универсального способа гуманизации повседневной жизни и формирования духовно-нравственных оснований мира человеческой субъективности. В проблемно-тематическом пространстве наследия А. И. Арнольдова нашли свое отражение как моменты «идеализации культуры» (Л. А. Закс), так и опыт рефлексирования по поводу «диалектики приобретений и утрат» (Гегель) в культурном развитии социума. По сути, каждая

из статей и книг Арнольдова несет на себе печать *проповедничества*, ценностно-смысловой контекст которого сопряжен со смысловой нагрузкой таких понятий, как «культура», «гуманизм», «духовность» и «творчество». Отсюда особая тональность культурфилософской рефлексии Арнольдова, суть которой он определил как «размышления о культуре, честный и откровенный разговор-беседа о ее веками выработанных материальных и духовных ценностях, колоссально не востребованном потенциале и нелегкой судьбе» [1, с. 3].

Список литературы

1. Арнольдов А. И. Введение в культурологию. Москва: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей. 1993. 352 с.
2. Арнольдов А. И. Социалистическая культура: теория и жизнь. Москва: Издательство политической литературы. 1984. 174 с.
3. Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. Москва: Наука, 1987. С. 5–27.
4. Губман Б. Л. Современная философия культуры. Москва: РОССПЭН. 2005. 535 с.
5. Закс Л. А. Культурология – наука, созревшая в прошлом, проверяемая настоящим и предвещающая будущее // Вестник Ярославского педагогического университета. 2017. С. 243–251
6. Кондаков И. В. Интеграционный потенциал культурологии // Вестник Ярославского педагогического университета. 2010. № 3. С. 207–213.
7. Лихачев Д. С. Искусство памяти и память искусства. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Ленинград: Наука. 1985. С. 63–71.
8. Мареева Е. В. О подходах к анализу культуры в советской философии 60–80 годов XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3 (53). С. 52–58.
9. Межуев В. М. Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. Москва: Наука. 1987. С. 300–331.
10. Садовская В. С., Ремизов В. А. Фундаментальные проблемы теории культуры в трудах А. И. Арнольдова // Культура и образование. Научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2015. № 1 (16). С. 18–21
11. Туровский М. Б. Культура – личностный аспект истории / Философские основания культурологии. Серия «Философы России XX века». Сост. А. П. Огурцов, О. К. Румянцев. Москва: РОССПЭН. 1997. С. 347–428
12. Флиер А. Я. Краткая история культурологии / Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. 2-е изд. Москва: Московский государственный университет культуры и искусств. 2009. С. 20–26.

*

Поступила в редакцию 16.07.2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ВЫДАЮЩИЙСЯ
МУЗЫКАНТ СОВРЕМЕННОСТИ, НАРОДНЫЙ
АРТИСТ СССР И РОССИИ А. И. ПОЛЕТАЕВ

УДК 929

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-50-58>

О. А. Блок

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Международная академия информатизации при ООН,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: o.blokh2011@yandex.ru

Аннотация. В статье в рамках празднования 95-летнего юбилея Московского государственного института культуры, подведения итогов культурного строительства в музыкальной отрасли речь идет о выдающемся дирижере современной эпохи, просветителе, композиторе, народном артисте СССР, России, профессоре А. И. Полетаеве. Дается общая характеристика его творческого пути. Раскрывается вклад маэстро в духовно-творческий и педагогический потенциал вуза. Обращается внимание на многогранность его деятельности – как солиста-баяниста, основателя и художественного руководителя Государственного академического русского концертного оркестра «Боян», президента Международного Центра славянской музыки, профессора Московского государственного института культуры (класс специального инструмента «Баян», «Класс ансамбля», «Дирижирование», «Оркестровый класс»), автора большого количества сочинений, прочно вошедших в репертуар известных музыкантов и коллективов. «Красной нитью» прослеживается его просветительская деятельность, служение лучшим традициям русской классической музыки, русской народной песни.

Ключевые слова: Московский государственный институт культуры (МГИК), юбилей, А. И. Полетаев, народный артист СССР, выдающийся дирижер, просветитель, педагог.

Для цитирования: Блок О. А. Московский государственный институт культуры и выдающийся музыкант современности, народный артист СССР и России А. И. Полетаев // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 50–58. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-50-58>

БЛОК ОЛЕГ АРКАДЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры музыкального образования Московский государственный институт культуры; президент отделения «Музыкальное искусство и образование», Международная академия информатизации при ООН

BLOK OLEG ARKADYEVICH – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Musical Education, Moscow State Institute of Culture; President at the Department of «Musical Art and Education», International Academy of Informatization under the UN

© Блок О. А., 2025

MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE AND THE
OUTSTANDING CONTEMPORARY MUSICIAN, PEOPLE'S
ARTIST OF USSR AND RUSSIA A. I. POLETAEV

Oleg A. Blok

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation;
International Academy of Informatization under the UN,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: o.blokh2011@yandex.ru

Abstract. In the article, within the framework of the celebration of the 95th anniversary of the Moscow State Institute of Culture, summing up the results of cultural construction in the music industry, we are talking about the outstanding conductor of the modern era, educator, composer, People's Artist of the USSR, Russia, Professor A. I. Poletaev. A general description of his creative path is given. The maestro's contribution to the spiritual, creative and pedagogical potential of the university is revealed. Attention is drawn to the versatility of his activities: as a soloist-accordionist, founder and artistic director of the State Academic Russian Concert Orchestra "Boyan", president of the International Center of Slavic Music, professor of the Moscow State Institute of Culture (class of special instrument "Accordion", "Class of the ensemble", "Conducting", "Orchestral class"), the author of a large number of compositions that have firmly entered the repertoire of famous musicians and groups. His educational activities, service to the best traditions of Russian classical music, Russian folk song are a "red thread".

Keywords: Moscow State Institute of Culture, MGIK, anniversary, A.I. Poletaev, People's Artist of the USSR, outstanding conductor, educator, teacher.

For citation: Blok O. A. Moscow State Institute of Culture and the outstanding contemporary musician, People's Artist of USSR and Russia A. I. Poletaev. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 50–58. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-50-58>

Празднование знаменательного юбилея – 95-летия Московского государственного института культуры (МГИК) – это исторический взгляд в прошлое, анализ настоящего и построение будущей модели образовательной деятельности, созидания, культурного просвещения общества. Внушительный исторический период почти полного столетия вуза вобрал в себя становление и развитие многих областей культуры, включая музыкальное искусство. Под знаменем Московского государственного института культуры трудилась целая плеяда выдающихся композиторов, дирижеров, исполнителей (инструменталистов, вокалистов), общественных деятелей, творчество которых стало мерилom культурного достояния современной России. Среди них лауреаты Государственных премий СССР и РСФСР, народные

артисты СССР, РСФСР, РФ, заслуженные деятели искусств РСФСР, РФ, заслуженные работники культуры РФ, профессора: Ю. Т. Акимов, В. Г. Азов, Э. Н. Артемьев, В. В. Афанасьев, Б. В. Баранов, Н. П. Будашкин, П. А. Барчунов, И. М. Бриль, Б. С. Ворон, В. В. Гаврилов, П. А. Гвоздев, В. Д. Глейхман, В. П. Гордеев, В. Ф. Гридин, Ю. И. Гриценко, М. И. Демченко, Б. А. Диев, В. П. Дубровский, В. Б. Дударова, А. Л. Дудин, А. В. Дудник, Г. Н. Дугашев, Ю. Т. Евтушенко, В. И. Закутский, С. М. Зверев, Л. О. Зимненко, Л. Г. Зыкина, А. П. Иванов-Радкевич, Н. Н. Калинин, В. М. Касаткин, А. М. Ковалев, С. С. Коняев, А. А. Крючков, М. А. Курбанов, В. Г. Кузнецов, П. В. Куликов, А. П. Курченко, Ю. А. Лагутин, В. В. Лушников, Е. И. Максимов, Н. И. Миرون, В. М. Назимов, О. М. Нежинский,

И. Ф. Обликин, В. К. Петров, А. И. Полетаев, С. В. Попов, В. С. Смирнов, Н. И. Степанов, А. И. Стрельченко, В. И. Темнов, А. В. Тихонов, Б. Д. Тихонов, К. К. Тихонов, Ю. В. Ухов, М. М. Цыбулин, П. В. Чекалов, П. А. Черватюк, А. В. Черных, А. И. Чиняков, Ю. Н. Чугунов, Г. И. Шахов, В. М. Щуров, В. А. Яковлев, а также заслуженные артисты России, доценты – А. Я. Александров, Е. Л. Банк, И. А. Балмашов, В. К. Бранд, О. С. Бутаков, В. И. Володин, Р. М. Гиндулин, И. Д. Дунаева, О. Н. Глухов, В. В. Иванов, Е. Д. Кузнецов, В. В. Кулев, В. Н. Мотов, Е. А. Савин, Ф. Ф. Смехнов, А. Г. Соленкова, Ф. И. Такун, В. И. Терещенко, Ю. М. Ткаченко, Б. И. Тобис, В. В. Чачин, Т. Н. Шварц и многие другие. О каждом из них можно написать не одну книгу.

Среди выдающихся музыкантов современности, внесших неоценимый вклад в музыкально-образовательный потенциал МГИК, выделяется творческая личность, человек-эпоха, 90-летие которого вся музыкальная общественность России, мировое сообщество будет отмечать уже в начале следующего года (13 февраля 2026 года). Это народный артист СССР, РСФСР, создатель и художественный руководитель Государственного академического, русского концертного оркестра «Боян», профессор Анатолий Иванович Полетаев. Весь его жизненный путь является примером патриотизма, служения народно-инструментальному, народно-певческому искусству, высоким идеалам русской классической музыки и просвещения.

Анализ творческой деятельности этого яркого, высочайшего уровня самобытного художника-мыслителя дает понимание того, почему судьба привела его в лоно Московского государственного института культуры, где он получил возможность передавать свои знания и опыт студенческой молодежи, целым поколениям музыкантов-народников.

А. И. Полетаев – представитель той плеяды баянистов, которые впервые подняли планку этого инструмента не только до высот академической культуры, но и приняли участие в формировании репертуарных основ [9], внесли свой бесценный вклад в совершенствование его конструктивных особенностей. Появляется многотембровый готово-выборный баян, перевернувший взгляды целого поколения музыкантов-профессионалов, многочисленных поклонников, любителей, а также широких слоев музыкальной общности, народа в целом. Баян становится не только популярным, доступным инструментом, но и феноменом высокой исполнительской культуры, вбирающей в себя исконно национальное, духовное. Всенародная любовь к этому инструменту, питаемая такими исполнителями-мастерами как А. И. Полетаев, делает его поистине всенародным. Неслучайно доктор искусствоведения, профессор М. И. Имханицкий отмечал, что А. И. Полетаев «своей неустанной концертной и просветительской деятельностью положил начало широкому распространению готово-выборного многотембрового инструмента. <...> Мощное развитие исполнительства обусловило ответственное появление ряда молодых профессиональных композиторов, которые начали систематическую и активную работу по пополнению репертуара русских народных инструментов. В произведениях Н. П. Будашкина, Н. Я. Чайкина, А. Н. Холминова, Ю. Н. Шишакова, П. В. Куликова, П. А. Барчунова, Г. С. Фрида, К. А. Мяскова явственно использование средств симфонического развития, идущих от самой народной песенности, с особенно значительной ролью вариантности, позволяющей вместе с тем сделать развертывание музыки цельным и органичным» [10, с. 610–611]. Среди вышеизложенного перечня композиторов-родоначальников жанра нетрудно заметить плеяду авторов, работающих под сводами Московского го-

Анатолий Иванович Полетаев

сударственного института культуры. Поэтому тяготение мастера к вузу, исконным истокам русской музыкальной культуры, композиторам народно-симфонического профиля изначально питало его душу, наполняло помыслы и деяния.

Действительно, в 1959 году окончив ГМПИ им. Гнесиных по классу баяна и дирижирования у профессора Н. Я. Чайкина, А. И. Полетаев продолжал вести активную концертно-просветительскую деятельность в качестве солиста Москонцерта, начатую еще в 1955 году. Параллельно он проходил обучение в аспирантуре Нижегородской консерватории, которую окончил в 1967 году не только исполнением обширной программы русских, зарубежных и советских композиторов, концертных обработок народно-тематического материала, но и написанием реферата о применении пятипальцевой аппликатуры в баянном исполнительстве, перевернувшей сознание многих теоретиков и практиков. Выход в свет подобной работы из-под пера мастера не только опередил на десятилетия свое время, но и стал свидетельством новаторских идей исполнителя, внесшего существенный вклад

в технологическое совершенствование исполнения на баяне, предложившего соответствующую теорию и методику. Внедрение в музыкально-педагогическую и концертно-исполнительскую практику пятипальцевой системы позволило последующим поколениям баянистов формировать репертуарные программы без многих ограничений, расширяя жанрово-стилевый спектр освоения композиторских школ России и зарубежья. Следует заметить тот факт, что внедрение пятипальцевой аппликатурной системы в широкую исполнительскую практику баянистов, а впоследствии – и в высшее профессиональное образование, по сути – детище идеи просвещения, популяризация Русской музыки, способствующая сохранению «памятников» русской музыкальной культуры.

А. И. Полетаев все эти годы уверенно следует данной традиции, демонстрируя свое блистательное исполнительство баяниста на престижных конкурсах всероссийского, всесоюзного и международного уровня. Таковы его победы в России, странах Западной, Центральной и Восточной Европы. В 1957 году он получил две Золотые медали – на всесоюзном конкурсе

музыкантов-исполнителей и на международном конкурсе VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. В 1966 году – занял второе место на международном конкурсе аккордеонистов и баянистов «Дни гармонии» в Клингентале (ГДР), а в 1967 году – стал лауреатом международного конкурса в рамках IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии (Болгария). Вместе с тем А. И. Полетаев никогда не изменял своему просветительскому кредо, идейно-эстетической, народно-культурной парадигме. Исколесив в гастрольных турах бескрайние просторы СССР как солист-баянист, он одновременно активно пропагандировал народное инструментальное искусство, Русскую музыку в странах ближнего и далекого зарубежья. Среди них Англия, Болгария, Венгрия, Германия, Дания, Чехословакия, Финляндия, Франция, Швеция, Югославия, Япония, Индия, Монголия, Тайвань, Египет, Тунис, Ливия, Эфиопия, Йемен, Танзания, Камерун, Нигерия, Конго.

Движение вперед, поисково-творческий характер музыкальной деятельности, попытки прорыва за пределы возможностей – лейтмотив жизни талантливого мастера. Личностно-ориентированный путь солиста-баяниста не смог до конца отвечать масштабам его творческого потенциала. Подтверждая эту мысль, высказывалась музыковед Г. А. Боева-Машинская: «Креативность, высокий творческий градус будут свойственны Полетаеву всю жизнь. Постоянное самосовершенствование – всегда прорыв в неизведанное. На баянной аппликатуре юный маэстро не остановился. Следующим его нововведением стал <...> оркестр народных инструментов с радиоусилением! <...> Две путеводные звезды всегда влекли музыканта: сама Музыка и те, ради кого она создавалась, – слушатели. К тому времени определился и вектор его творчества – не вообще эстетический, а эстетико-просветительский» [6, с. 14, 15].

Глубина художественных взглядов, народность, симфонизм, русский дух, питающий творческое сознание привели его к постепенному созданию в начале 1980-х годов нового детища – «Государственного академического русского концертного оркестра «Боян», названного в честь легендарного певца-сказителя. Демократичный, доступный, высокохудожественный репертуар, активный гастрольный график, самоотверженный труд всего коллектива и бережное, внимательное отношение к русской народной песне определили череду побед и всенародную любовь к коллективу на долгие времена. Оркестр выступал с выдающимися вокалистами, Народными артистами СССР и России, лауреатами Государственных премий. Среди них А. П. Иванов, Д. М. Гнатюк, Ю. А. Гуляев, Б. Т. Штоколов, А. Ф. Ведерников, В. К. Норейка, А. Б. Соловьяненко, Ю. И. Богатиков, Е. Е. Нестеренко, Л. О. Зимненко, Е. А. Поликанин и многие другие. Прославленный коллектив стал лауреатом премии Ленинского комсомола (1982), многочисленных престижных всесоюзных, всероссийских и международных конкурсов, получил премию «Хрустальная роза Виктора Розова» (2008), премию Международного театрального форума «Золотой Витязь» (2008). А. И. Полетаев был удостоен медали им. академика С. И. Вавилова за выдающийся вклад в развитие русской культуры и просветительскую деятельность (1993), «Ордена Почета» (1996), «Ордена Святого благоверного князя Даниила Московского III степени» (2001), «Ордена Дружбы» (2002), «Ордена «За вклад в культуру» (2002), «Ордена «За обустройство Земли Российской» (2011) и многих других государственных и общественных наград.

Получив большой опыт в области музыкального исполнительства, просвещения, культурного строительства, А. И. Полетаев начинает свою трудовую деятельность в Московском государственном университете культуры. В 1990-х годах

он работает на кафедре оркестрового дирижирования, заведование которой осуществлял заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный работник культуры РФ, профессор Е. И. Максимов. В 2000-х годах он продолжает работать уже на объединенной кафедре (произошло объединение кафедры народных инструментов с кафедрой оркестрового дирижирования), которую возглавлял заслуженный работник культуры РФ, профессор В. М. Назимов. А. И. Полетаев вел достаточно широкий спектр дисциплин: «Специальный инструмент «Баян», «Класс ансамбля», «Дирижирование», «Оркестровый класс». Студенческая молодежь всегда тянулась к мастеру. Его умение «слышать» молодые сердца, идти в ногу со временем, оставаться в поисково-творческой тональности, быть новатором не только подкупало студентов, но и стимулировало их к активной образовательной деятельности. В этом смысле А. И. Полетаев следовал лучшим традициям отечественного музыкального образования. Не случайно его родоначальники Б. Л. Яворский и Б. В. Асафьев высказывали следующее: «Необходимо ввести в программы всех отделений музыкальных школ элемент творчества. Не должно делать всех музыкантов композиторами, но необходимо, чтобы каждый мог произвести на языке своего искусства хотя бы простейшее выражение своих мыслей...» [8, с. 44]; «Единственным выходом, по существу оздоравливающим музыкальный инстинкт юношества, является вызывание творческого дара: способности изобретения и комбинирования материала» [1, с. 91].

Обучающимся музыкантам было решено приезжать на базу Государственного академического русского концертного оркестра «Боян», где осуществлялись занятия в рамках учебного плана, проводилась исполнительская и педагогическая практика. Студенты имели возможность воочию наблюдать таинство рождения музыкальных образов, получать неизгладимые впечатления

от высокой Музыки. Интересные программы высокохудожественного содержания (русская, зарубежная классика, концертные обработки на русские народные темы), «звучащие» инструментовки, глубокие и необычные интерпретационные подходы покоряли, а главное – имели большую обучающую способность, закладывали необходимые ценностные ориентиры в сознание нескольких поколений студентов-народников. За достигнутые успехи ВАК РФ сначала присвоил А. И. Полетаеву ученое звание доцента, а затем и профессора кафедры народного инструментального искусства. Так, высокий профессионализм солиста-баяниста, дирижера, реформаторство, просветительство соединились с педагогическим опытом А. И. Полетаева под сводами Московского государственного университета культуры и искусств.

Будучи на посту вице-президента Международной славянской академии наук, образования, искусства и культуры, возглавляя Международный Центр славянской музыки, он принимал активное участие в крупных музыкально-образовательных, культурно-просветительских проектах МГУКИ, включая всероссийские, международные оркестровые ассамблеи. В рамках этих масштабных оркестровых форумов А. И. Полетаев дирижировал студенческим оркестром народных инструментов, проводил интересные мастер-классы, работал председателем жюри конкурсов, выступал с докладами на научно-практических конференциях.

Большую педагогическую значимость имеют сформированные и записанные концертные программы (аудио, видео), а также инструментовки, аранжировки, авторские сочинения маэстро [2; 3]. Приведем некоторые примеры:

- М. И. Глинка, Увертюра к опере «Руслан и Людмила»;
- М. И. Глинка, «Песнь Бояна» из оперы «Руслан и Людмила»;

А. И. Полетаев дирижирует Государственным академическим русским концертным оркестром «Боян»

- М. П. Мусоргский, «Ночь на Лысой горе»;
- М. П. Мусоргский, «Богатырские ворота»;
- А. К. Лядов, «Волшебное озеро»;
- П. И. Чайковский, «Финал 4-й симфонии»;
- Н. А. Римский-Корсаков, «Пляска скоморохов» из оперы «Снегурочка»;
- С. В. Рахманинов, «Бурлацкая»;
- С. В. Рахманинов, «Весенние воды»;
- С. В. Рахманинов, «Романс ля мажор»;
- С. В. Рахманинов, «Русская рапсодия»;
- А. С. Аренский, «Фантазия на темы русских былин»;
- А. Т. Обухов, Романс «Калитка»;
- С. С. Коняев, «Концертная пьеса»;
- А. Н. Холминов, «Думка»;
- А. Н. Холминов, «Приветственная»;
- Н. Я. Чайкин, «Гуцульская фантазия»;
- А. И. Полетаев, Оратория «Русь Святая» (Русь Святая, Молитва о России, Русские – это победа, Заповедь, Гимн Единству, Будут жить

славяне в веках, Ода «Славься, Мария!», За великую Россию) [5].

Оркестровое звучание (его интонационная чистота, выраженные смыслы, тембровые глубины, базирующиеся на вкраплении народных инструментов в палитру симфонического «массива») обеспечивает доступность творческого восприятия, поражает воображение. Вспоминаются слова основоположника русской музыкальной культуры М. И. Глинки, который отмечал, что красота музыкальной мысли порождает красоту оркестрового звучания. Дело оркестровки – дорисовать для слушателя те черты, которых нет и не может быть в вокальной мелодии [7].

Обращение А. И. Полетаева к жанру Духовной музыки тоже не остается без внимания молодого поколения обучающихся музыкантов. Дефицит в сознании студентов возвышенного и искреннего, сокровенного и национального объясняет многое и еще раз подтверждает значимость подлинной академической традиции в ее высокохудожественных, высоко-духовных проявлениях. Справедливо по этому поводу высказывался один из корифеев отечественного му-

зыказнания, доктор искусствоведения, профессор В. В. Медушевский: «Традиция молитвы и молитвенности поддерживала и поддерживает высоту серьезной светской музыки. Молитвенность серьезной музыки есть центральное ее жанровое начало: как без того выразились бы в ней ее возвышенные смыслы, составляющие ее сущность?!» [11, с. 9, 10].

В заключении хочется сказать, что культурный код, заложенный в глубинах русской академической традиции, духовность и мастерство – «три кита», на которых базируется талант выдающегося музыканта современной эпохи, народного артиста СССР, РСФСР, профессора А. И. Полетаева. Недавно в разговоре с ним было зафиксировано его высказывание: «У России есть три союзника: армия, флот и православие».

Продолжая эту мысль, следует сказать, что у России есть еще один союзник – это талантливая молодежь, включая студенчество Московского государственного института культуры, которая помнит, чтит, сохраняет и развивает лучшие традиции русской музыкальной культуры. А значит у России, у МГИК есть будущее!

Говоря о величии русского духа, русской классической музыки, русской культуры, следует перейти в поэтическую тональность:

*Мораль во все века едина.
Ее сам Бог послал с небес.
Она, как сила исполина,
На свет ведет, не путай бес.*

*Творцы – поэты, музыканты
Не терпят низменности строк.
Рождают стих и пишут канты,
Испить чтоб святости глоток.*

*Лишь те творенья сердцу милы,
В которых духа торжество.
Они пленяют мощной силой —
Вина всему есть мастерство.*

*Мораль во все века едина.
Ее сам Бог послал с небес.
Она, как сила исполина,
На свет ведет. Не путай бес! [4, с. 110]*

Живи и процветай, дорогой, любимый Московский государственный институт культуры, многая лета, с юбилеем!

Московский государственный институт культуры

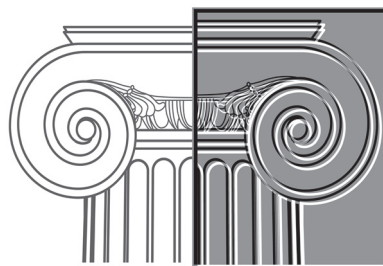

Список литературы

1. *Асафьев Б. В.* Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Ленинград: Музыка, 1973. 142 с.
2. *Блок О. А.* Оркестр «Боян» в фокусе проблем музыкального просвещения, образования // Оркестр, 2006. № 3. С. 40–43.
3. *Блок О. А.* Светлый праздник музыки // Честь Отечества, 2007. № 3. С. 37–43.
4. *Блок О. А.* Святость морали // Стихи, песни, романсы о всепроникающей силе любви. Москва: Международное издательское агентство «Синергия», 2001. 160 с.
5. *Блок О. А.* Хранители русской культуры // Музыка и время, 2007. № 1. С. 5–9.
6. *Боян – любовь народная.* Москва: МИК, 2013. 316 с.
7. *Глинка М. И.* Записки. Санкт-Петербург: Изд-во А. С. Суворина, 1887. 204 с.
8. *Из истории советского музыкального образования: Сборник материалов и документов 1917–1927.* Ленинград; Москва: Музыка, 1969. 308 с.
9. *Имханицкий М. И.* История баянного и аккордеонного искусства. Москва: РАМ им. Гнесиных, 2006. 520 с.
10. *Имханицкий М. И.* История исполнительства на русских народных инструментах. Москва: РАМ им. Гнесиных, 2018. 640 с.
11. *Медушевский В. В.* О происхождении и сущности серьезной музыки // Музыка в школе, 2002. № 4. С. 3–10.

*

Поступила в редакцию 23.07.2025

ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНСТРУИРОВАНИИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-60-69>

В. П. Римский

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация,
e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

А. В. Римский

Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Российская Федерация,
e-mail: Alex.Rimskiy@yandex.ru

М. С. Сорокопуд

Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Российская Федерация,
e-mail: azarimariya@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является всесторонний философский анализ процессов адаптации человека к цифровой реальности, выявление ее структурных вызовов и перспектив с акцентом на трансформации базовых антропологических и социокультурных констант. Отдельное внимание уделяется феноменам, обусловленным цифровизацией сознания и повседневности: цифровая амнезия (утрата способности к долговременному запоминанию из-за постоянного обращения к цифровым источникам), информационная усталость

РИМСКИЙ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

РИМСКИЙ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

СОРОКОПУД МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

RIMSKIY VICTOR PAVLOVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University

RIMSKIY ALEXEY VIKTOROVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin

SOROKOPUD MARIA SERGEEVNA – CSc in Philosophy, Senior Researcher of the Research Department, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin

© Римский В. П., Римский А.В., Сорокопуд М. С., 2025

(когнитивная перегрузка вследствие избыточного информационного потока), цифровое неравенство (социальная стратификация на основе доступа к цифровым ресурсам) и мутация идентичности (формирование «цифрового Я» в сетевой среде). Актуальность проблемы подтверждается эмпирическими данными. По оценкам международных исследовательских агентств, более 60% пользователей интернета ежедневно испытывают трудности с концентрацией внимания, а около 45% молодежи в развитых странах сталкиваются с ощущением «цифрового одиночества», несмотря на постоянную онлайн-вовлеченность. В результате цифровая реальность не только облегчает доступ к информации, но и предъявляет к человеку новые экзистенциальные и этические требования. Авторы статьи предлагают концептуальный инструментарий для осмысления указанных феноменов с позиций современной философии, в том числе с привлечением идей М. Хайдеггера о технике как способе раскрытия бытия, теории сетевого общества М. Кастельса и анализа виртуальности у П. Вирилио. Исследование ориентировано на развитие критического дискурса о будущем человека в эпоху цифрового антропоценоза и формирование стратегии философской рефлексии, адекватной этим вызовам.

Ключевые слова: адаптация, цифровая реальность, цифровая амнезия, информационная усталость, цифровое неравенство, мутация идентичности, инфозависимость, цифровые технологии.

Для цитирования: Римский В. П., Римский А. В., Сорокопуд М. С. Культурная адаптация человека в конструировании цифровой реальности: вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 60–69. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-60-69>

CULTURAL ADAPTATION OF MAN IN THE CONSTRUCTION OF DIGITAL REALITY: CHALLENGES AND PROSPECTS

Victor P. Rimskiy

Belgorod State Institute of Arts and Culture;
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation,
e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Alexey V. Rimskiy

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation,
e-mail: Alex.Rimskiy@yandex.ru

Maria S. Sorokopud

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation,
e-mail: azarimariya@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is a comprehensive philosophical analysis of the processes of human adaptation to digital reality, identifying its structural challenges and prospects with an emphasis on the transformation of basic anthropological and socio-cultural constants. Special attention is paid to phenomena caused by the digitalization of consciousness and everyday life: digital amnesia (loss of the ability to long-term memorization due to constant access to digital sources), information fatigue (cognitive overload due to excessive information flow), digital inequality (social stratification based on access to digital resources) and identity mutation (formation of the “digital self” in the online environment). The relevance of the problem is confirmed by empirical data. According to international research agencies, more than 60% of

Internet users experience daily difficulties with concentration, and about 45% of young people in developed countries experience a feeling of “digital loneliness” despite constant online involvement. As a result, digital reality not only facilitates access to information, but also makes new existential and ethical demands on a person. The authors of the article offer a conceptual toolkit for understanding these phenomena from the standpoint of modern philosophy, including the use of M. Heidegger’s ideas about technology as a way of revealing being, M. Castells’s theory of network society and P. Virilio’s analysis of virtuality. The study is aimed at developing a critical discourse on the future of man in the era of the digital anthropocenos and at forming a strategy of philosophical reflection adequate to the challenges of the 21st century.

Keywords: adaptation, digital reality, digital amnesia, information fatigue, digital inequality, identity mutation, infodependence, digital technologies.

For citation: Rimskiy V. P., Rimskiy A. V., Sorokopud M. S. Cultural Adaptation of Man in the Construction of Digital Reality: Challenges and Prospects. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 60–69. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-60-69>

Современное общество вступило в фазу глубоких онтологических и эпистемологических преобразований, обусловленных экспансией цифровых технологий, которые не просто трансформируют внешние формы бытия, но и проникают в саму ткань человеческого существования. Цифровая реальность перестает быть только виртуальной надстройкой над физическим миром, она становится автономной, саморегулируемой системой, в которую все более полно интегрируется человеческое сознание. Описанный процесс затрагивает фундаментальные характеристики человека (способы восприятия информации, практики коммуникации, механизмы памяти, формы идентичности и даже феномен времени).

Философия, традиционно ориентированная на поиск устойчивых оснований бытия и человеческого смысла, в новых условиях оказывается перед необходимостью переосмысления самой природы субъекта в условиях радикально измененной среды. Немецкий философ-экзистенциалист М. Хайдеггер отмечал, что «сущность техники не есть нечто техническое», она выражает способ раскрытия бытия [14, с. 221], и цифровая реальность является ярким примером такого «раскрытия», в котором человек все чаще выступает не как субъект, но и как функция в технической системе. В. А. Лекторский также подчеркивает, что современная техносфера меняет границы

и внутреннюю структуру самого познания, требуя «интеграции философии с технауками» [8, с. 158].

Одним из наиболее острых и малоосмысленных философски вызовов цифровой эпохи является трансформация природы человеческой памяти. Внимание исследователей привлек феномен, получивший название «цифровая амнезия» («digital amnesia»). Результаты экспериментального исследования Б. Спэрроу и ее коллег еще в 2011 году, показали, что люди, сталкиваясь с информацией, доступной в Интернете, демонстрируют сниженную склонность к запоминанию содержания, одновременно лучше запоминая путь к источнику информации, в частности, название сайта или поисковый запрос [17, с. 776]. Описанный эффект получил широкое распространение в научной и медийной среде, вызвав вопросы не только о когнитивных изменениях, но и об антропологических следствиях цифровизации. К примеру, молодые специалисты, входящие в профессиональное сообщество, все чаще не стремятся к накоплению системных знаний в своей области, полагаясь на мгновенный доступ к справочным ресурсам (Google Scholar или Wikipedia). Подобное поведение становится новой нормой; по сути, мы наблюдаем переход от эпистемологической автономии к формату распределенного знания, когда функция запоминания делегируется внешним цифровым носителям.

Французский философ Б. Стиглер в этом контексте предупреждает об угрозе «пролетаризации», при которой человек утрачивает навыки индивидуального мышления и запоминания, передавая их машинам [12, с. 98].

Канадский культуролог и философ Г. Маклюэн еще в 1990-х писал о деградации смысловых структур сознания под воздействием фрагментированной информации, поступающей в режиме реального времени [10, с. 323]. В более современных исследованиях отмечается, что цифровая среда способствует клиповому мышлению, при котором глубинное осмысление заменяется реактивным восприятием [5, с. 80].

В итоге можно отметить, что цифровая амнезия – это не просто когнитивное следствие зависимости от Интернета, а симптом более глубокой трансформации субъекта, находящегося в процессе постоянной реконфигурации. Нарушается структура памяти как фундаментальной категории человеческого существования (ее длительность, направленность, культурная значимость). Возникает вопрос, можно ли говорить о человеке как об автономном эпистемологическом агенте в условиях, когда основное знание уже не принадлежит ему, а обитает в сетевых контурах, подконтрольных корпорациям и алгоритмам? Ответ на этот вопрос потребует не только философского анализа, но и междисциплинарной дискуссии с участием психологов, социологов, нейрофизиологов. Однако ясно одно: феномен цифровой амнезии должен стать не просто объектом критики, но и отправной точкой в проектировании новых образовательных и культурных практик, способных вернуть человеку когнитивную целостность и субъектность в мире, в котором память уже не только внутренний акт, но и распределенный технологический процесс.

Если цифровая амнезия представляет собой редукцию памяти как психофизиологической функции, то феномен информационной усталости указывает на более широкий антропологический и культурный сдвиг, истощение когнитивного ресурса человека в условиях гиперкоммуникационной среды. Впервые эта проблема была озвучена в работах Э. Тоффлера,

в его книге «Шок будущего» («Future Shock»), в которой он описывал «чрезмерный выбор» (choice overload) как когнитивное нарушение, при котором людям трудно принять решение, когда они сталкиваются с множеством вариантов, и неспособность человека справляться с нарастающим объемом информации [13, с. 324]. Сегодня эти предвидения обрели зримую форму, каждый день человек сталкивается с десятками гигабайт данных (текстов, изображений, видео, уведомлений), что приводит к состоянию перманентного когнитивного стресса.

По данным исследований, около 70% людей признают, что не смогут провести 24 часа без смартфона. Такое явление получило название «инфозависимости» (информационной аддикции) и стало предметом изучения как в нейропсихологии, так и в философии сознания [11, с. 64]. В практическом измерении информационная усталость проявляется в снижении концентрации, поверхностности мышления, неспособности к длительной ментальной фокусировке и формированию долгосрочных умозаключений.

Б. Лагур связывал подобные процессы с переходом от модернистской культуры «глубины» к постмодернистской культуре «поверхности», в рамках которой знание больше не является внутренним достоянием, а существует в режиме «мгновенной репрезентации» [7, с. 133]. Б. Г. Юдин интерпретировал феномен нарастающей социальной и когнитивной усталости как симптом глубинной «антропологической нестабильности», сопряженной с прогрессирующим размыванием границ между знанием и информацией [16, с. 278]. В рамках современной цифровой трансформации особое значение приобретает зона напряженности на стыке «человек-машина», которую Б. Г. Юдин обозначал как одну из ключевых точек антропологического сдвига. В сфере электронного здравоохранения возникают новые философско-антропологические коллизии, связанные с включением в коммуникационно-деятельностный контур дополнительного актора, высоко автономной социотехнической системы, представленной, в частности, робо-

тизированными комплексами и платформами анализа больших данных.

Одним из проявлений данной нестабильности становится утрата социумом прежней степени поведенческой предсказуемости, особенно заметной в фазе острого социального кризиса, которая характеризуется процессами дезинтеграции (распадом социокультурной целостности на атомизированные индивидуальные субъекты) и одновременно, парадоксальным образом, активной фрагментацией общества на множество новых локальных образований – этноконфессиональных, религиозных, сословно-корпоративных. Такая дестабилизация отражает более широкие трансформации в сфере идентичности, субъектности и структур социального взаимодействия, обостренные в условиях перехода к цифровой конструируемой реальности.

Информационная усталость также тесно связана с концепцией «психической экологии», предложенной Ф. Гваттари. Французский психоаналитик подчеркивает, что информационное перенасыщение разрушает «экосистему сознания», лишая его способности к автономному смыслообразованию [4, с. 63]. Мы больше не «читаем» реальность, а «сканируем» ее, лишаясь опыта глубинного проживания информации.

С философской точки зрения, данная трансформация требует переосмысления самого понятия свободы. Если в классической традиции (от Аристотеля до И. Канта) свобода мыслится как способность к автономному рациональному выбору, то в условиях информационной перегрузки человек оказывается парализованным не от отсутствия, а от избытка альтернатив. По мнению философа Бюнг-Чуль Хана, современное общество представляет собой «общество усталости», в котором люди выгорают не из-за внешнего подавления, а от избыточной самонагрузки, культивируемой цифровой средой [8, с. 49].

Информационную усталость можно определить не просто как побочный эффект цифровой эпохи, а как глубоко укорененную структурную характеристику современного человека, которая

разрушает целостность сознания, снижает порог критического мышления и делает субъекта все более податливым внешнему управлению через алгоритмы, рекомендации и поток «шума». В этой связи становится актуальной задача философской критики информационного изобилия – не в смысле технофобии, а как проекта выработки новых форм цифровой аскезы, интеллектуальной дисциплины и этики мышления.

Наряду с когнитивными и экзистенциальными изменениями, вызванными цифровой трансформацией, существенное значение приобретает феномен цифрового неравенства, структурного разрыва между различными группами населения – в доступе к цифровым ресурсам, в навыках обращения с ними, возможностях участия в цифровом общественном пространстве. Разрыв отражает не просто технологическую, но и социальную асимметрию, закрепляющую существующее экономическое и культурное неравенство.

Понятие цифрового неравенства было впервые предложено в середине 1990-х годов в работах испанского постмарксиста М. Кастельса, рассматривающего «сетевое общество» как новую форму социальной организации, в которой ключевым ресурсом становится не материальный капитал, а доступ к информации и способность ее перерабатывать [6, с. 505]. Согласно мнению философа, те, кто не включен в глобальные потоки информации, оказываются «структурно выключенными» из механизмов производства смысла и принятия решений. На эмпирическом уровне одним из ключевых вызовов цифровой трансформации выступает феномен цифрового неравенства, выражающийся в неравномерном доступе к инфраструктуре сетевого взаимодействия, к цифровым платформам образования и здравоохранения, а также в асимметрии цифровых компетенций, наблюдаемой между поколениями, социальными слоями и регионами. Такая структурная асимметрия в доступе к цифровым ресурсам усиливает существующие социальные стратификации и ограничивает возможности субъектов в сфере саморазвития, получения образования и интеграции в экономику знаний.

Отсутствие широкополосного интернета, особенно в сельских и труднодоступных районах, не просто снижает доступ к информации и сервисам, оно порождает устойчивые формы цифровой маргинализации, препятствующие реализации базовых прав на образование, медицинское обслуживание и участие в социальной жизни. Так, ограниченный доступ к образовательным цифровым платформам у семей с низким доходом коррелирует с более низкими образовательными результатами учащихся, что требует от них значительно больших усилий для достижения базовых целей обучения. Происходит воспроизводство замкнутого круга неравенства в условиях формальной доступности образовательных ресурсов.

Кроме того, цифровой разрыв усиливается различиями в уровне цифровой грамотности, особенно между поколениями. Представители старших возрастных когорт зачастую демонстрируют устойчивую сопротивляемость к освоению новых технологических практик, что углубляет их отчуждение в цифровой среде и затрудняет адаптацию к стремительно меняющемуся технологическому ландшафту. Такая ситуация требует переосмысления философско-антропологических оснований цифрового включения, а также – разработки справедливых стратегий адаптации, ориентированных на признание и преодоление многоуровневого цифрового неравенства как барьера на пути к инклюзивной цифровой реальности.

Например, во время пандемии COVID-19 переход на дистанционное образование выявил колоссальные различия в технической обеспеченности семей. В российских регионах школы фиксировали случаи, когда несколько детей из одной семьи были вынуждены учиться с одного смартфона без стабильного интернета, что объективно снижало качество образования и углубляло образовательное расслоение.

С философской точки зрения, цифровое неравенство не может быть редуцировано исключительно к разрыву в технической инфраструктуре или ограниченному доступу к сетевым ресурсам. Гораздо более глубокое измерение данной проблемы раскрывается при

ее рассмотрении сквозь призму теории символических структур современного общества. В частности, категория цифрового капитала оказывается тесно связанной с понятием символического капитала, разработанным П. Бурдьё, через интермедиарную конструкцию так называемого « сетевого капитала ». Цифровой капитал следует понимать не только как совокупность ресурсов, обеспечивающих доступ к цифровой среде, но и как наличие у субъектов устойчивых паттернов использования цифровых технологий, связанных с различными целевыми установками (от прагматических до экзистенциальных). Именно эти практики и установки формируют потенциал для превращения цифровых ресурсов в сетевой капитал, который проявляется как способность эффективно активировать и институционализировать социальные связи в пространстве Интернета.

В данном контексте сетевой капитал следует трактовать как результат успешной социальной реализации в цифровой среде, благодаря которой акторы получают возможность конституировать, укреплять и транслировать свой символический статус. В итоге цифровой и сетевой капиталы включаются в сложные процессы социальной стратификации и становятся механизмами культурного воспроизводства в условиях цифровой конструируемой реальности. Такое обстоятельство требует перехода от чисто функционального к структурно-критическому анализу цифрового неравенства, в рамках которого особое внимание уделяется не только доступу, но и способности субъектов к смыслополаганию, социальному позиционированию и участию в создании ценностей в цифровом пространстве.

Обладая «цифровым капиталом», субъект получает доступ к новым формам социальной мобильности, коммуникации и влияния. И, напротив, его отсутствие ведет к социальной изоляции и снижению культурной репрезентативности. В итоге цифровая среда, претендующая на универсальность, парадоксальным образом производит новые формы исключения и иерархии.

Французский философ и антрополог Б. Стилгер в ряде своих поздних работ подвергает критическому анализу парадоксальные эффекты цифровой экономики знаний, указывая на то, что за фасадом ее кажущейся доступности и демократичности скрывается глубокая структурная асимметрия в доступе к времени мышления – ключевому ресурсу для критического осмысления, формирования субъективности и межпоколенческой трансляции опыта [12]. По его мнению, нарастающая алгоритмизация когнитивной среды ведет к своего рода «короткому замыканию» общественных связей, в особенности в сфере образования и культурной преемственности, в рамках которой процессы понимания и интерпретации вытесняются статистически управляемыми цифровыми процедурами.

Алгоритмические системы, будучи по своей природе вероятностными, не столько усиливают индивидуальное различие, сколько склонны к нормативному усреднению, провоцируя реактивное, стадное поведение и поощряя потребление мгновенных, фрагментарных стимулов вместо углубленного размышления. В этом контексте цифровое неравенство предстает не только как экономическое или технологическое, но и как антропологическое различие типов цифрового взаимодействия. Одни группы используют цифровые технологии как средства смыслопорождения и творческой коллаборации, другие же – преимущественно как механизмы развлечения и отвлечения, функционирующие в логике пассивного потребления.

В качестве возможной стратегии выхода из этой деструктивной динамики Б. Стилгер предлагает концепт «контрибутивной экономики», ориентированной на кооперативное производство знаний и смыслов в рамках горизонтальных цифровых сообществ. Примерами такой практики служат проекты с открытым исходным кодом и платформы вроде Wikipedia, в рамках которых цифровые технологии становятся не объектом отчуждения, а пространством для продуктивного и ответственного участия. С этой точки зрения адаптация к конструируемой цифровой

реальности требует не только инфраструктурного включения, но и формирования новых культурных форм цифровой субъектности, способной к сопротивлению алгоритмической гомогенизации.

В итоге, вопреки утопическим ожиданиям, цифровая реальность не ведет к стиранию социальных границ, а напротив – конструирует новые формы стратификации, в которых власть принадлежит тем, кто управляет кодом, данными и архитектурой цифровых платформ. Философская задача сегодня заключается в критическом анализе этих структур и разработке механизмов «цифровой справедливости», направленных не только на выравнивание доступа, но и на воспитание субъектности в цифровом мире.

Вектор дальнейших исследований в области цифрового неравенства, цифрового капитала и цифровой включенности, на наш взгляд, должен быть направлен на разработку и теоретическую артикуляцию тех аспектов, которые до настоящего времени остаются на периферии академического дискурса, несмотря на их очевидную значимость в контексте ускоряющейся цифровизации социальной среды. Особого внимания заслуживает исследование цифрового капитала как гибридной и интегральной категории, сочетающей в себе как материальные (доступ к инфраструктуре), так и нематериальные (компетенции, практики, символические ресурсы) компоненты, и одновременно интегрирующей уже выделенные ранее элементы (доступ, цифровую грамотность и пользовательские навыки).

Перспективным направлением представляется не только концептуальное осмысление природы и структуры цифрового капитала (включая разработку типологий акторов его формирования, индексов цифрового капитала, а также методологических подходов к его измерению), но и прикладные аспекты повышения его уровня. В этом контексте особую роль играют стратегии медиаобразования и развитие информационной и цифровой грамотности как необходимых условий субъектной включенности в цифровое пространство.

Не менее значимым является философско-антропологический подход к цифровому капиталу как характеристике «человека медийного» (существа, формирующего свою идентичность в условиях тотальной медиации). В современных медиакультурах цифровой капитал приобретает статус символического ресурса, определяющего границы участия в цифровой культуре, в том числе в процессах смыслопроизводства, социальной мобильности и институциональной репрезентации.

Важнейшей задачей на этом пути становится выработка стратегий преодоления цифрового неравенства, как на глобальном, так и на национальном и региональном уровнях, с учетом социокультурной и инфраструктурной специфики отдельных территорий. В этом контексте заслуживает внимания идея создания «цифрового паспорта региона» как инструмента для картирования локальных особенностей цифрового включения. Разработка целостной модели цифрового неравенства, отражающей сложную этнокультурную и социальную конфигурацию многонационального российского общества, способна стать методологической основой для формирования обоснованных рекомендаций органам государственной власти, бизнес-структурам и институтам гражданского общества, направленных на снижение цифрового разрыва на всех его уровнях – инфраструктурном, компетентностном и символическом [3, с. 24].

Одним из наиболее радикальных и, одновременно, недостаточно осмысленных последствий цифровизации является трансформация субъектности, самого способа существования человека как «Я». Цифровая среда не просто сопровождает субъекта, она соучаствует в его формировании. Виртуальные аватары, профили в социальных сетях, алгоритмически формируемые «информационные пузыри» и практика постоянной цифровой самопрезентации способствуют конституированию особой формы идентичности (цифрового «Я»), которая во многом отличается от классического представления об индивидуальности как цельной, внутренне непротиворечивой сущности.

Если в модернистской философии субъект рассматривался как автономный носитель разума, то постструктурализм разрушил эту модель, предложив трактовать идентичность как дискурсивную конструкцию. В цифровую эпоху процесс конструирования «Я» достигает нового уровня. Французский философ Ж. Бодрийяр, говоря о симулякре, предвосхищал ситуацию, в которой субъект растворяется в бесконечной цепи репрезентаций [2]. Цифровая идентичность это, по сути, симулякр, не то, кем человек является, а то, как он себя оформляет и предъявляет в интерфейсе. Например, пользователь Instagram может ежедневно публиковать тщательно отредактированные фрагменты своей жизни, создавая образ, зачастую не соответствующий действительности. Презентуемый образ начинает оказывать обратное влияние на реальное «Я», формируя зависимости, тревожность, депрессию [9, с. 43]. Согласно современным исследованиям, подростки сообщают о том, что чувствуют себя «недостаточно хорошими», сравнивая себя с образами, увиденными в социальных сетях. Подобные эффекты представляют собой не побочные явления, а признаки системного конфликта между внутренней идентичностью и внешней цифровой маской. Цифровое «Я» часто множественно и контекстуально. Пользователь может вести разные аккаунты с разной степенью искренности и ролевой включенности, создавая тем самым неустойчивую, гибридную субъектность. Важно подчеркнуть, что цифровая идентичность таит в себе не только угрозы, но и возможности. Для многих людей (особенно представителей маргинальных групп) цифровая среда становится пространством безопасной самопрезентации и свободы.

Таким образом, цифровое «Я» – это текучая, сетевая организованная форма субъективности, которая требует новых категорий философского осмысления. Уже не субъект рационального действия, а гибрид, существующий на стыке биологического тела, социальной роли и цифрового интерфейса. В этих условиях философия получает уникальный шанс не столько защищать традиционное понимание субъекта, сколько участвовать в проектировании его новых форм, адекватных цифровому ландшафту XXI века.

В условиях стремительной дигитализации человеческого бытия философия вновь оказывается перед необходимостью переопределить ключевые антропологические, онтологические и этико-политические параметры человеческого существования. Цифровая реальность больше не является внешним фоном, она становится пространством, в котором разворачиваются фундаментальные процессы идентификации, познания, коммуникации и формирования общественных институтов. Вызовы цифровой эпохи (цифровая амнезия, информационная усталость, неравенство доступа и трансформация идентичности) требуют не только критического анализа, но и разработки проектных, конструктивных моделей адаптации субъекта.

Адаптация к цифровому ландшафту может быть рассмотрена как переход от реактивной (пассивной) формы взаимодействия с информационной средой к проактивной, к осознанному проектированию своей цифровой траектории. Здесь особое значение приобретает категория субъектности как способности к саморефлексии, выбору и экзистенциальной ответственности в условиях многомерной реальности. В эпоху технологического устроения человек рискует потерять свою подлинность, становясь функцией технического аппарата. Этот риск сегодня реализуется в виде растворения «Я» в потоках алгоритмически структурированной информации.

Однако в самом цифровом поле заключен и потенциал сопротивления. Концепция «цифровой аскезы», развиваемая рядом современных философов (Б. Сноу), предлагает стратегию отказа от беспорядочного потребления информации и возвращения к «медленному мышлению». В этом контексте важно развитие навыков цифрового самоуправления от фильтрации контента до сознательного ограничения экранного времени, от критической оценки источников до выработки интеллектуальной дисциплины. Подобные практики следует рассматривать не как технику тайм-менеджмента, а как новые формы философской практики, своего рода «цифровой стоицизм», когда разум снова обретает суверенитет.

На современном этапе развития общества актуальной видится философская задача не только интерпретировать мир, но и формировать техники себя, которые позволяют субъекту оставаться свободным в условиях структурирующих властных систем. Цифровое пространство сегодня – это такая же система власти, как дисциплинарное общество XIX века. Следовательно, субъекту необходимо овладеть новыми практиками свободы, в том числе через философское образование, развитие цифровой грамотности и этики интерфейса.

На институциональном уровне перспективной представляется разработка гуманитарных и философских компонентов в образовательных стратегиях цифровой эпохи. Необходима интеграция курсов по цифровой философии, этике алгоритмов, теории интерфейсов и киберсоциологии. Указанные дисциплины способны формировать критическое мышление, устойчивость к манипуляциям, понимание механизмов цифровой власти и, главное, способности к осмысленному проживанию собственного опыта в условиях сетевой реальности.

Кроме того, стоит выделить перспективу разработки новых нормативных и правовых рамок для цифровой идентичности (от закрепления права на «цифровое забвение» до этики цифровой репутации). Философия здесь может выполнять функцию медиатора между правом, культурой и технологией, формируя метауровень рефлексии.

В заключении отметим, что цифровая адаптация не столько проблема приспособления, сколько задача философского проектирования субъекта, способного жить в эпоху постоянной изменчивости, множественности и информационного изобилия. Именно философия, как дисциплина, осмысляющая границы возможного и условия человеческого, сегодня оказывается наиболее востребованной в поиске ответов на вызовы цифровой реальности. Не отвергая цифровое, но и не растворяясь в нем, она предлагает путь критического соучастия, путь, на котором мысль обретает новое пространство свободы.

Список литературы

1. *Богомолова Е. С., Лангуев К. А.* Влияние факторов цифровой среды на мышление и умственную работоспособность современных учащихся // *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2021): сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 11–12 ноября 2021 г. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет. 2021. С. 36–48.*
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Пер. с фр. О. А. Печенкина. Тула: б. и., 2013. 202 с.
3. *Вартанова Е. Л., Гладкова А. А.* Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 1. С. 3–29.*
4. *Гваттари Ф.* Три экологии. Athlone Press 2000. 174 с.
5. *Дутко Ю. А., Беловол Е. В.* Особенности формирования мышления личности в цифровой среде (сравнительный анализ поколений) // *Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Т. 6. № 1. С. 78–92.*
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
7. *Латур Б.* Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. Пер. с франц. Д. Я. Калугина. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2021. 294 с.
8. *Лекторский В. А.* Философия, познание, культура. Москва: Канон+. 2012. 383 с.
9. *Макарова М. М., Сигаева А. М.* Влияние Инстаграма на самооценку подростков // *Молодой ученый. 2020. № 44 (334). С. 42–45.*
10. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. Пер. с англ. И. О. Тюриной. Москва: Академический Проект. 2005. 495 с.
11. *Сиберг Д.* Цифровая диета: Как победить зависимость от гаджетов и технологий. Москва: Альпина Паблишер. 2018. 212 с.
12. *Стиглер Б.* Шоковые состояния. Глупость и знание в XXI веке. Malden, MA: Polity Press, 2015. 200 с.
13. *Тоффлер Э.* Шок будущего. Москва: АСТ, 1970. 544 с.
14. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 330 с.
15. *Хан Бен-Чхоль* Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Пер. с нем. А. С. Салина. Москва: АСТ, 2023. 158 с.
16. *Юдин Б. Г.* Человек: выход за пределы. Москва: Прогресс-Традиция, 2018. 470 с.
17. Sparrow, Liu & Wegner Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science. 2011. № 333 (6043). Pp. 776–778.*
18. *Stiegler B.* The Re-Enchantment of the World: The Value of Spirit Against Industrial Populism. NA: Bloomsbury Academic, 2014. 136 p.

*

Поступила в редакцию 30.06.2025

СЕТЕВОЙ КОНТЕНТ: РЕАЛЬНОСТЬ И СИМУЛЯЦИЯ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-70-78>

Е. Г. Нахтигаль

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: m16a144@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется внутренняя логика производства и потребления сетевого контента. В современной цифровой среде технические агенты (алгоритмы, боты, нейросети) не являются нейтральными посредниками между человеком и информацией, а являются инструментами контроля, почти полностью определяя содержание интернет-пространства. Исследуется, как автоматизация производства контента и имитация сетевой активности приводят к подмене живого участия статистической видимостью. Особое внимание уделяется процессам фальсификации вовлечённости, при которых технические агенты не только генерируют контент, но и сами его поддерживают, создавая автономную, замкнутую систему производства и самовоспроизводства. Анализ опирается на концепции Ш. Зубофф, Э. Финна, С. Вулли и П. Помперанцева, которые уделяли внимание различным аспектам симуляции сетевой среды, а также на идеи Х. Розы и Е. В. Золотухиной-Аболиной, предлагающих альтернативный взгляд на субъективность, как на пространство сопротивления алгоритмической нормализации. Делается вывод о нереальности сетевого контента, а также о возможном потенциале возрождения человеческого участия в зонах, не подвластных цифровому контролю.

Ключевые слова: цифровая симуляция, сетевой контент, алгоритм, субъект, симулякр, резонанс, внутренняя рефлексия, постчеловеческая публичность, медиафабрикация.

Для цитирования: Нахтигаль Е. Г. Сетевой контент: реальность и симуляция // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 70–78. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-70-78>

NETWORKED CONTENT: REALITY AND SIMULATION

Evgeniy G. Nakhtigal

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: m16a144@gmail.com

Abstract. This article analyzes the internal logic of the production and consumption of networked content. In the contemporary digital environment, technical agents (algorithms, bots, neural networks) are not neutral intermediaries between humans and information; rather, they function as instruments of control, almost entirely determining the content of the online space. The study explores how the automation of content production and the imitation of network activity lead to the substitution of

НАХТИГАЛЬ ЕВГЕНИЙ GERMANOVICH – аспирант, Южный федеральный университет
NAKHTIGAL EVGENIY GERMANOVICH – Postgraduate, Southern Federal University

© Нахтигаль Е. Г., 2025

genuine participation with statistical semblance. Special attention is given to the processes of falsified engagement, wherein technical agents not only generate content but also maintain it autonomously, forming a self-contained system of production and self-reproduction. The analysis draws on the concepts developed by S. Zuboff, E. Finn, S. Woolley, and P. Pomerantsev, who have examined various aspects of simulation within networked environments, as well as on the ideas of H. Rosa and E. Zolotukhina-Abolina, who propose an alternative view of subjectivity as a space of resistance to algorithmic normalization. The article concludes by affirming the unreality of networked content and considering the potential for a revival of human participation in zones beyond the reach of digital control.

Keywords: digital simulation, networked content, algorithm, subject, simulacrum, resonance, inner reflection, posthuman publicity, media fabrication.

For citation: Nakhtigal E. G. Networked content: reality and simulation. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 70–78. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-70-78>

Насколько реален сетевой контент? Этот вопрос становится всё более актуальным в условиях разрастания цифровой среды, где информация создаётся, транслируется и изменяется не только людьми, но и техническими агентами – ботами, алгоритмами и нейросетями. Становясь активными участниками виртуального пространства, они перестают быть нейтральными инструментами. Сегодня они управляют восприятием информации, направляют внимание, определяют, какие события получат широкое освещение, а какие останутся в тени. В условиях, когда текст, фотографии, видео, аудио и иные формы медийного контента создаются и распространяются не только людьми, а тем более, когда его производство становится возможным полностью на автономной основе, как в случае с платформами вроде Meet, EasyVid или Orus, возникает необходимость пересмотра традиционного взгляда на сетевой контент. Сетевое пространство, воспринимаемое как производное от человеческого опыта, всё стремительнее от него отдаляется. Это смещение требует философского анализа: возможно ли говорить о «реальности» контента, созданного в строгих рамках алгоритмов или вообще без субъекта, а также контента, существование которого определяется активностью ботов?

Цель настоящей статьи – исследовать культурные последствия автоматизированного производства контента и имитации сетевой активности. Каким образом технические агенты становятся не просто посредниками, но полноценными со-

авторами, а подчас и единственными авторами социальной реальности, в которой человек всё чаще оказывается не субъектом, а объектом наблюдения, манипуляции и алгоритмического моделирования? Эта проблематика выходит за рамки частной критики цифровых платформ, касаясь более глубокой трансформации как самого человеческого опыта, так и социального пространства.

Анализ современной цифровой культуры и её симулятивных процессов представлен в работах многих мыслителей, среди которых: Ж. Бодрийяр – теория симулякров и гиперреальности, П. Вирильо – ускорение восприятия мира через медиа и технологии [3], А. Адорно – критика культурной индустрии и стандартизации массового сознания [1], Ж. Делез и Ф. Гваттари – концепция цивилизованной капиталистической машины и производства желания [4], Ж. Лакан – исследование субъективности через структуру языка и знака [5], Г. Маркузе – критика репрессивной десублимации и интеграции оппозиции в систему [7], Б. Латур – анализ гибридных акторов в сети социальных и технических связей [6]. Несмотря на различия в подходах, их объединяет стремление осмыслить, как в условиях современности знаки и образы становятся независимыми по отношению к реальности, которую они должны были бы представлять, превращая культуру в автономную систему воспроизводства смыслов.

Именно в этом контексте автоматизированное производство контента и фальсификация цифровой активности обретают философскую

значимость. Тогда как классический взгляд предполагал, что сетевой контент является выражением человеческих мнений, интересов и социальных процессов, сегодня он всё чаще оказывается результатом автономных технических систем. Алгоритмы – будь то сложные протоколы рекомендаций, автономные системы оценки контента или трекеры интернет-активности – не просто перераспределяют существующие данные, а активно участвуют в производстве новых структур, новых потоков значений. Сегодня невозможно проверить, кто именно кликает, просматривает, лайкает – человек, бот или нейросеть, во всем имитирующая поведение людей. Таким образом, цифровую среду и распространяемый в ней контент следует рассматривать не просто как новую форму коммуникации, а как принципиально иное историческое состояние, в котором размываются прежние ориентиры социальной жизни, такие как «присутствие», «взаимодействие», «связь», «отклик» и так далее.

В первой части статьи рассматривается сетевой контент через логику алгоритмов, как он описан в работах Шошаны Зубофф [9] и Эда Финна [11]: от стратегий удержания внимания и механизмов влияния на поведение до превращения «реальности» в чистые потоки информации без авторов. Во второй части, опираясь на работы Самуэля Вуди [13] и Питера Померанцева [8], анализируется феномен бот-активности и имитации цифровых взаимодействий, где живые люди растворяются в огромном множестве «неживых» агентов, буквально вытесняясь ими. Это уже не Бодрийеровский вопрос «референтов», а вопрос: «участвует ли вообще субъект в социальных процессах?». В заключение будут кратко затронуты альтернативные взгляды на проблему, показывающие, что для человеческой субъективности еще есть опора в цифровом вакууме.

Алгоритм – это формализованная последовательность действий, предназначенная для решения определённой задачи в конечное число шагов. В цифровой культуре алгоритмы перестают быть лишь инструментами обработки данных, они становятся невидимыми архитекторами опыта пользователей, направляя их внимание, структурируя восприятие и формируя новые модели

поведения. Тексты, изображения, видео и другие медиапродукты всё чаще существуют в цифровом пространстве не как выражение субъективного опыта или творческого акта, а как результат оптимизации под требования цифровых платформ: охваты, длительность вовлечения, частота реакций. Контент сегодня в большей степени отражает стремление соответствовать требованиям, чем выражает подлинную авторскую позицию. Создатели материалов гораздо больше ориентируются не на собственное видение, а на алгоритмические правила: как оформить обложку, как построить текст, с какой частотой публиковать, каким образом подать материал, чтобы достичь максимальных охватов, вовлеченности и удержания внимания. В результате творчество всё больше превращается в процесс оптимизации под стандарты.

Именно с этой точки зрения становится актуальным представление современного цифрового общества как общества «надзорного капитализма». В своей одноименной работе «Эпоха надзорного капитализма» Шошана Зубофф анализирует, как распространение цифровой архитектуры, управляющей вниманием и поведением пользователей, превращает данные в товар, который затем используется для манипуляции и предсказания человеческих действий. В отличие от традиционных форм капитализма, где контролировались производственные процессы, в надзорном капитализме контролируется поведение людей – их действия и предпочтения в интернете, дома, на работе, везде. В её интерпретации мы имеем дело не с жестокой тоталитарной структурой, подобной оруэлловской модели контроля, а с её куда более мягкой, децентрализованной и рыночно мотивированной альтернативой. Её особенность – в скрытности, в способности действовать так, чтобы пользователь не только не сопротивлялся, но и активно вовлекался, не осознавая механизмы, направляющие его поведение.

Надзорный капитализм, по Зубофф, возник тогда, когда поведение индивидов стало основным источником экономической ценности. Точкой отсчета можно считать 9 августа 2011 года, когда Apple обогнала по капитализации крупнейшие сырьевые компании, вроде Chevron, ознамено-

вав начало эпохи цифровых компаний. Сегодня такие технологические гиганты, как Google, Meta и Amazon имеют гораздо больше сырья для обработки, чем любые нефтяные или химические компании. Ежедневно они собирают, анализируют и предсказывают действия сотен миллионов пользователей, превращая каждый жест, клик и задержку внимания в потенциальный актив, который должен быть обработан алгоритмами: «Надзорный капитализм в одностороннем порядке претендует на человеческий опыт как на бесплатное сырье для превращения его в данные о человеческом поведении... Эти прогнозные продукты торгуются на новом типе рынков – рынках поведенческих прогнозов, которые я называю рынками поведенческих фьючерсов» [9, с. 17].

Из этого напрямую вытекает главная проблема алгоритмов. Сами по себе такие данные ничего не стоят; чтобы они приобрели ценность, нужно обеспечить поведенческое вмешательство. На их основе должны быть выстроены механизмы, позволяющие направлять и управлять поведением пользователей: «Мы можем спроектировать контекст вокруг определённого поведения и вынудить изменить поведение в нужную сторону. Данные, учитывающие контекст, позволяют нам связать воедино ваши эмоции, ваши когнитивные функции, ваши жизненные показатели и так далее. Мы можем знать, что вам не следует садиться за руль, и можем просто отключить вашу машину. Мы можем сказать холодильнику: «Отключи возможность открытия двери, потому что ему не следует есть», или мы можем выключить телевизор, чтобы заставить вас немного поспать, или отдать команду стулу, чтобы он начал дрожать, потому что вам не стоит так долго сидеть» [9, с. 387].

В этом контексте контент – будь то видео в TikTok, рекомендации в YouTube или посты в ленте Facebook – теряет своё значение как сообщение и становится средством контроля поведения. Он создаётся не для того, чтобы быть «прочитанным» или «понятым», не для того, чтобы обеспечить «связь» или «взаимодействие» в традиционном смысле, а для того, чтобы спровоцировать определенную реакцию: задержку, клик, покупку, выражение согласия, переход по рекламному объявлению, просмотр новости

и так далее. Зубофф подчёркивает, что ключевым условием эффективности этого режима является непрозрачность: манипуляции работают лишь до тех пор, пока остаются незаметными. Платформа не должна открыто навязывать, она должна настраивать реальность так, чтобы субъект сам выбрал желаемое действие, не зная, что оно было сконструировано извне. Это производит новый тип власти – поведенческой, где контроль осуществляется через воздействие на внешнюю среду, а не принуждением субъекта к одобряемым словам и поступкам.

Никогда прежде высказывание Маршалла Маклюэна – «Медиум есть месседж» – не звучало столь буквально и актуально. В цифровую эпоху не содержание, а сама логика технических систем становятся основным источником значения. Это и есть то, о чем предупреждает Зубофф: «Это расчеты радикального безразличия, которые не имеют ничего общего с оценкой правдивости контента или поддержания взаимности с пользователями» [9, с. 656]. Медиум формирует не просто сообщение, но рамки возможного поведения и мышления пользователей.

Согласно этой логике становится очевидным, что алгоритмы – это не нейтральные посредники между человеком и информацией, а активные производители самой реальности. Именно эту мысль радикализирует Эд Финн в работе «Что хотят алгоритмы?», утверждая, что в сетевой культуре алгоритм – это не просто фильтр, а полноценный агент участия: «Алгоритмический объект – это система в движении, последовательность итераций, которая возникает по мере ее движения во времени. Самым важным аспектом алгоритмической системы является не поверхностный материал, который она представляет миру в любой конкретный момент (например, элементы, появляющиеся в верхней части ленты Facebook), а скорее система правил и средств, которые постоянно генерируют и манипулируют этим поверхностным материалом» [11, с. 53]. Он не только упорядочивает доступ к информации, но и определяет то, что воспринимается как релевантное, значимое, настоящее. Персонализированные новостные ленты, рекомендации, поисковые подсказки не просто адаптируются под пользователя,

а производят поле возможного опыта, а значит – структуру реальности как таковой.

Финн обращает внимание на то, что алгоритмизация не просто обслуживает потребности, но формирует их. Возникает парадокс: пользователь ощущает себя свободным в выборе, в то время как каждый его жест уже предсказан и встроен в модель оптимизации. Таким образом, алгоритмы становятся носителями воли без субъекта, машинами, чьё «желание» заключается в максимизации вовлеченности в сетевой контент, но чьи эффекты выходят далеко за пределы сетевого пространства.

В этом контексте утверждение, что алгоритмы «пишут» реальность, уже не метафора. Они действительно пишут ее на языке программного кода. Финн предлагает рассматривать алгоритмы как нечеловеческих акторов, потому что наравне с людьми они включены в процесс производства социальной онтологии: определяют, кто считается экспертным источником, какой канал является наиболее актуальным, что заслуживает внимания, а что должно быть вытеснено в сферу маргинальности. Они скорее даже стремятся к полной симуляции психики пользователей, к моделированию их сознания с такой степенью точности, чтобы предугадывать желания, мысли и поступки ещё до их осознания. Цель – не облегчить навигацию в цифровом пространстве, а создать карту внутреннего мира человека, которая будет работать эффективнее, чем его собственное мышление: «Обещанное Siri, доведенное до логического предела в фильме Спайка Джонза «Она», является попыткой составить карту внутреннего пространства индивидуальной психики более тщательно, чем это мог бы сделать человек. Это стремление четко контрастирует с намерениями Google создать «компьютер из StarTrek», который может ответить на любой вопрос, используя свою идеальную карту человеческой психики» [11, с. 11].

Алгоритмы, таким образом, не являются инструментами. Сегодня они активные участники сетевого пространства. Взаимодействуя с интерфейсом сайта, социальной сети, новостной страницы, мы не просто выбираем из предложенных опций – мы формируемся ими. Алгоритмы прогнозируют наши желания, адаптируют ленту

под ожидаемые эмоции, а в наиболее удачных случаях – полностью координируют поведение так, чтобы оно приносило максимальную вовлеченность. Этот процесс не осознаётся, поскольку сам способ презентации информации устроен так, чтобы казаться интуитивным, «естественным» продолжением самого человека. В реальности же, как подчёркивает Финн, каждое действие в цифровом пространстве вплетено в непрерывную цепь предложений, фильтров и предсказаний.

Следовательно, современный субъект существует не в оппозиции к алгоритмическим структурам, а внутри них, как их побочный, но необходимый элемент. Роль сознания и рефлексии в этом контексте теряется: вместо того, чтобы быть источником инициативы, субъект уже выступает в качестве материала для сетевых вычислений. Персонализация, рекомендательные системы, поведенческое таргетирование – все эти механизмы не столько обслуживают интересы пользователя, сколько формируют сами эти интересы. Техника стремится идеально спроектировать будущее поведение на основе прошлого.

Это смещение имеет фундаментальные культурные последствия. Возникает новая модель субъективности, управляемая и воспроизводимая, в которой исчезает различие между личным выражением и следствием откровенной манипуляции. Цифровое я, подвергаемое непрерывному воздействию алгоритмов, оказывается простым промежуточным этапом в цепи вычислений.

В этом контексте встаёт вопрос о самой реальности сетевого контента. Если даже цифровое я оказывается функцией алгоритмических процессов, то и содержание, с которым мы взаимодействуем, не следствие человеческих интересов, а производная от моделей, предсказывающих поведения. Уже на этом этапе становится ясно: то, что выглядит как спонтанная активность пользователей, как создателей, так и потребителей, на деле строго фильтруется и обрабатывается цифровой средой. Однако, чтобы окончательно прояснить степень реальности сетевого контента, необходимо выйти за пределы одного лишь анализа алгоритмов. Следующий шаг – рассмотрение феноменов искусственного увеличения активности сетевых ботов, фабрик лайков, на-

круток просмотров и иных форм фальсификации присутствия.

Потребители, и даже производители сетевого контента, всё чаще не существуют в физическом смысле. Речь идёт о масштабной имитации цифрового участия, при которой живые люди подменяются ботами, накрутками и другими способами фальсификации активности – фермами кликов, платформами-генераторами фальшивого контента, системами нейросетей и другими изощренными технологиями.

Лайки, комментарии, подписки и просмотры больше не могут рассматриваться как достоверные индикаторы человеческой активности. Напротив, эти формы цифрового участия всё чаще выступают в роли симулякров, предназначенных для сокрытия реальной пустоты сетевых взаимодействий. Массовое внедрение алгоритмов, ботов и ферм кликов парадоксально не подрывает инфраструктуры цифровой коммуникации, а даже наоборот, оно поддерживает её, обеспечивая иллюзию массовой вовлеченности живой аудитории.

Сама граница между реальной и симулированной активностью, похоже, уже неразличима. Технологии симуляции активности эволюционируют слишком стремительно, чтобы их можно было контролировать. Современные нейросети и боты без труда обходят системы защиты, изначально предназначенные для их сдерживания, – такие как капчи или тесты на распознавание образов. Они решают эти задачи быстрее человека, или вовсе избегают их, маскируя своё присутствие с помощью смены IP-адресов и других методов запутывания трафика.

В этой ситуации цифровая среда оказывается заполненной действиями, с которыми человек не может конкурировать даже количественно. Питер Померанцев приводит удивительный пример одного единственного бота @ivan226622, который «всего за неделю опубликовал 1518 статей про филиппинскую политику <...> опубликовал статьи о происходившем сначала в Иране, потом в Сирии. Затем он переключил свое внимание на Испанию и разместил сотни статей с аргументами в пользу независимости Каталонии» [8, с. 43–44].

При этом алгоритмы, рассмотренные ранее, не различают действия, исходящие от живого пользователя, и действия, создаваемые техническими агентами. В ленте социальных сетей или новостных каналов реальный и нереальный человек больше не существуют как противоположности: они взаимопереплетены в пространстве повсеместных алгоритмов, где классический «агент» – тот, кто способен влиять на происходящее, теряет своё определение, а на первый план выходит способность соответствовать ожиданиям системы.

Таким образом, мы входим в фазу, которую можно охарактеризовать как тотальную симуляцию общественного присутствия. Общественное мнение, репутация, политическая поддержка и культурная значимость – всё это сегодня может быть не только создано, но и представлено, одобрено, принято без участия самих людей. Цифровые толпы, собранные из десятков тысяч и миллионов несуществующих профилей – при достаточном количестве – способны сами производить и воспроизводить сетевой контент так, что живому человеку останется только наблюдать за этим процессом. Как пишет Сэмюэл Вулли в работе «Консенсус производства», в современной цифровой среде пропаганда перестала быть отличительной особенностью государственных структур и элит. Он демонстрирует, как самые разные группы используют социальные медиа для создания иллюзии собственной значимости с помощью полностью автоматизированных ботов, а также ботов, которые управляются людьми (таких как «sockpuppets» – реальные люди, контролирующие сотни фейк-аккаунтов). Эти технологии и стратегии применяются для создания эффекта массового одобрения, массового рекламного ажиотажа, привлечения внимания к частным проблемам и особенно – для формирования общественного мнения в политических целях.

Абсурд достигает своего апогея в тот момент, когда выясняется: в то время как человек оказывается сведён к роли пассивного зрителя магии алгоритмов и ботов, сами боты и их производные не просто участвуют в этом процессе, но ещё и научились им манипулировать. Как пишет Сэмюэл Вулли, «... боты могут обмануть алгоритмы трендов в социальных сетях, продвигая определенные

хэштеги или видео, создавая видимость того, что множество реальных людей обращают внимание на что-то, чтобы создать иллюзию консенсуса» [13, с. 166].

Это означает, что цифровая среда утрачивает черты пространства подлинного коллективного взаимодействия, превращаясь в арену конкуренции между симуляцией контента и симуляцией участия. Не человек, а технические агенты активно захватывают, перенаправляют и эксплуатируют существующие механизмы. Как подчёркивает Сэмюэл Вулли, «алгоритмы, программное обеспечение и боты теперь сами по себе являются коммуникационной технологией, как вещательное телевидение или онлайн-газеты» [13, с. 167]. Вулли указывает, что алгоритмы платформ – от новостных агрегаторов до социальных сетей – настроены на количественные показатели: чем выше вовлечённость, тем больше контент получает приоритет в ранжировании. Именно эта логика превращает фальсификацию активности в инструмент власти: симулированная популярность становится не просто маской, но способом реального продвижения, влияя на восприятие события, персоны или идей как «общественно значимых». Иллюзия большинства – это больше не ошибка восприятия, а конструкт, производимый по запросу и тиражируемый внутри цифровой инфраструктуры.

Особенно показателен тот факт, что боты не стремятся к правдоподобию в традиционном смысле. Их задача – не убедить в своей человечности, а заполнить доступное пространство активности. Современные фермы ботов способны создавать миллионы однотипных следов, имитируя массовую реакцию, не требующую ни причинности, ни смысловой цельности. Происходит очевидное разделение между участием и субъектом: участие может быть массовым, при этом субъекта как источника намерения может не существовать вовсе.

Сетевой контент в этих условиях утрачивает своё прежнее значение как носителя человеческого опыта или мнения. Сегодня он становится элементом бесконечной циркуляции знаков, ценность которых определяется не содержанием, а способностью поддерживать движение информации и генерировать вовлечённость. Как отме-

чает Питер Померанцев, современная цифровая среда превращает коммуникацию в процесс, где важно не то, правда это или ложь, а то, насколько эффективно сообщение может быть распространено: «Не имеет значения, верны ли истории, не говоря уже об их полноте: у вас нет цели выиграть спор в публичном пространстве; вы просто хотите привлечь максимум внимания» [8, с. 188].

Таким образом, Вулли раскрывает ключевой механизм существования сетевого контента: репрезентация становится автономной от репрезентируемого. Толпа существует, потому что об этом свидетельствуют цифры, а цифры – продукт машинной генерации. Это не искажение действительности, а её замещение, где знак активности уже не отсылает к субъекту, а только к другому знаку – к числу, графику, тренду. Сейчас симулятивные формы цифровой активности представляют собой не побочный эффект технологической эволюции, а её внутреннюю логику, заключительный этап её развития. От автоматизированного производства контента мы пришли к автоматизированному производству вовлечённости и даже общественности как таковой. Здесь ключевой трансформацией становится не просто исчезновение субъекта, но утрата необходимости в его присутствии: сетевой контент, даже сама активность в сети, больше не требует наличия живого участника, потому что конечной целью является не взаимодействие, а поддержание потока признаков социальной жизни.

Речь идёт, по сути, о становлении пост-человеческой публичности – такой формы коллективного существования, в которой человек уже не является необходимым носителем социальности, а сам социум всё больше моделируется, проектируется и обслуживается без опоры на физическое присутствие.

Однако даже в условиях тотальной симуляции сохраняется возможность выхода за пределы алгоритмического порядка. Принципиально важно напомнить, что человек не только объект обработки, но и субъект, способный к сопротивлению через спонтанность, диалог, эмпатию и телесное присутствие. В отечественной литературе такой взгляд не получил значительного распространения, за исключением некоторых авторов. Так,

Елена Золотухина-Аболина в своей статье «Как нам представляется внутренний мир?» предлагает мыслить субъективность не как данность, замкнутую в индивидуализированном «я», а как подвижную структуру, формирующуюся в акте внутреннего переживания и самообращения. В отличие от алгоритмически управляемых форм активности, которые стремятся к предсказуемости и репликабельности, внутренний мир, по ее мнению, всегда ускользает от объективизации, оставаясь уникальным пространством смысла и неопределённости. Именно здесь, в тонких границах между переживанием и его рефлексивным схватыванием, кроется потенциал сопротивления цифровой нормализации.

Золотухина-Аболина подчёркивает, что внутренний мир не может быть сверстан по готовым шаблонам и не допускает полного представления; он скорее проявляется через «проблески», «отклики», «молчание» и «разрывы», через то, что не укладывается в логику поведенческого предсказания: «Я выныривает из глубин спонтанности, чтобы заявить о своей ответственности или вине, о своей решимости и выборе, в этом смысле оно – ядро всех прочих «кристаллизаций» внутреннего мира, нередко дремлющее, но легко просыпающееся и всегда наличное как центр субъективной реальности, ее неустранимый стержень» [10]. Следовательно, возвращение к опыту, который невозможно свести к числу, клику или лайку – это не просто философская утопия. Там, где цифровое стремится к контролю, внутреннее остаётся неустранимым и, возможно, спасительно человеческим.

В зарубежной литературе эту мысль глубоко развивает социальный философ Хартмут Роза в работе «Резонанс: социология наших отношений с миром», где противопоставляет современному ускоренному, управляющему миру мир резонансный, основанный на живом отклике между разными субъектами. Для Роза ключевым становится не контроль, а способность к отклику – будь то в межличностной, политической или цифровой сфере. В этом контексте «живая речь, встреча, физическое участие, даже через экран компьютера, всегда обретают особый человеческий статус» [12, р. 94]. Цифровая культура, сколь бы тотальной она

ни казалась, остаётся проницаемой для жестов, которые невозможно запрограммировать: живое взаимодействие, акт солидарности, молчаливое присутствие. И именно в этих актах продолжается история субъекта.

Таким образом, рассматривая трансформацию цифровой среды на двух уровнях – уровнях фальсификации содержания и фальсификации активности – можно утверждать, что современность уже некоторое время назад окончательно перераспределила властные и культурные координаты. Алгоритмические структуры, определяющие сетевой контент, от примитивных трекеров активности пользователей до сложных систем рекомендаций, обрели статус полноценных агентов социального пространства. Работать с информационными потоками – их второстепенная задача, основная функция – ежедневно конструировать картину того, как пользователи должны воспринимать реальность. Там, где раньше в жизни общества находилась пропаганда или иные формы социального программирования СМИ, сегодня находится алгоритмическое управление вниманием. Фундаментальная особенность алгоритмов в том, что они не навязывают запретов, не пытаются переписать человека, а стараются заключить его в рамки ежедневного автоматизма. Эта медиатизация реальности, как отмечала Шошана Зубофф, не основана на насилии в традиционном понимании: её действие незаметно, поскольку алгоритмическое управление вниманием интегрировано в повседневность. Симуляция охватывает не только сферу предоставления контента в цифровой среде, но и саму логику участия. Как отмечает Сэмуэл Вулли, боты, накрутки, другие формы имитации активности создают пространство, где общественная жизнь, какой она была на протяжении истории, становится артефактом. Ключевая проблема, по его мнению, заключается не столько в алгоритмах как таковых, сколько в инфраструктуре, выстроенной вокруг них. За действиями алгоритмов стоят разветвлённые системы искусственных субъектов – сетевые армии автоматизированных аккаунтов, не обладающих ни сознанием, ни культурной чувствительностью. Эти сущности, глубоко безразличные к человеческому измерению реально-

сти, готовы поддерживать любой дискурс, любую форму виртуального насилия или безумия – при условии, что это отвечает логике капитализации внимания.

Тем не менее представление о будущем как об окончательной победе технических агентов не является безальтернативным. Ряд исследователей, в том числе Хартмут Роза и Елена Золотухина-Аболина, подчёркивают: несмотря на возрастающее давление цифровых структур, человек сохраняет способность к установлению живых, ответных связей с людьми. Субъективность, казалось бы, лишённая условий для своего выражения, продолжает существовать вопреки: не благодаря, а несмотря на всё. В этом и заключается глубинное противоречие времени: ничто не располагает к сохранению социального и всё же оно сохраняется.

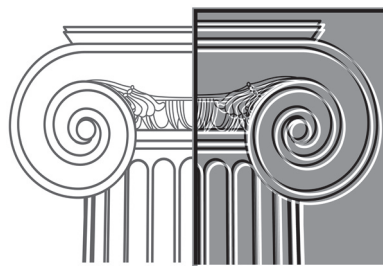
Таким образом, сетевой контент в его современном виде не может быть признан реальным в классическом смысле. Он утратил свою связь с обществом, с субъектом, с самой человеческой субъективностью. То, что мы воспринимаем как «общественное мнение» или «культурный ландшафт» в сетевом контенте, всё чаще оказывается лишь самоподдерживающейся симуляцией. Однако, несмотря на экспансию алгоритмических структур, в самом субъекте и в тканях социального остаётся пространство, в котором возможно возвращение к подлинному опыту, неподвластному симуляции. Это пространство возникает в зонах тишины, внутреннего самонаблюдения и открытого диалога – там, где машина пока неспособна воспроизвести глубину человеческого существования. Именно эти зоны требуют сегодня особого внимания и философской защиты.

Список литературы

1. *Адорно Т.* Диалектика просвещения. Москва-Санкт-Петербург: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. Москва: Группа Компаний «РИПОЛ классик», «Панглосс», 2019. 348 с.
3. *Вирильо П.* Машина зрения. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 144 с.
4. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Москва: У-Фактория, 2010. 895 с.
5. *Лакан Ж.* Семинары. Москва: Гнозис, 2007. 520 с.
6. *Латур Б.* Мы никогда не были модерном. Москва: Европейский университет, 2014. 381 с.
7. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Москва: REFL-book, 1994. 368 с.
8. *Питер П.* Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью. Москва: Индивидуум, 2020. 288 с.
9. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
10. *Золотухина-Аболина Е.* Как нам представлен наш внутренний мир? // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1 (39). С. 18–28.
11. *Finn E.* What algorithms want: imagination in the age of computing. Description: Cambridge, MA: MIT Press, 2017. 267 p.
12. *Rosa H.* Resonance: A Sociology of Our Relationship. Description: John Wiley and Sons Ltd, 2019. 576 p.
13. *Woolley S.* Manufacturing Consensus. Understanding Propaganda in the Era of Automation and Anonymity. Description: Yale University Press, 2023. 232 p.

*

Поступила в редакцию 05.06.2025

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

ИСКУССТВО СЕГОДНЯ: МЕЖДУ ВДОХНОВЕНИЕМ И АЛГОРИТМОМ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-80-90>

И. Ф. Понизовкина

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Аннотация. В статье всесторонне рассматривается роль ИИ в искусстве. Автор анализирует его потенциал, вызовы ИИ для современной культуры. Особое внимание уделяется раскрытию функциональной значимости искусственного интеллекта в духовной сфере, дается оценка как положительного, так и негативного влияния на творческие процессы и будущее культуры. Автор подробно останавливается на актуальных рисках и перспективах интеграции ИИ в искусство. Свои выводы автор аргументирует многочисленными примерами. Также используются результаты опроса, проведенного по теме социологического исследования среди студентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусство, творчество, информационная революция, цифровизация культуры, «цифровой человек», промпт-инженер, гуманитарная экспертиза.

Для цитирования: Понизовкина И. Ф. Искусство сегодня: между вдохновением и алгоритмом // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 80–90. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-80-90>

ART TODAY: BETWEEN INSPIRATION AND ALGORITHM

Irina F. Ponizovkina

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Abstract. The article comprehensively examines the role of AI in art. The author analyzes its potential and the challenges of AI for modern culture. Special attention is paid to the disclosure of the functional significance of artificial intelligence in the spiritual sphere, assessing both the positive and negative impact on creative processes and the future of culture. The author dwells in detail on the current risks and prospects of integrating AI into art. The author argues his conclusions with numerous examples. The results of a survey conducted on the topic of sociological research among students are also used.

Keywords: artificial intelligence, art, creativity, information revolution, digitalization of culture, “digital man”, industrial engineer, humanitarian expertise.

ПОНИЗОВКИНА ИРИНА ФЕДОРОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

PONIZOVKINA IRINA FEDOROVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics

© Понизовкина И. Ф., 2025

For citation: Ponizovkina I. F. Art Today: between Inspiration and Algorithm. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 80–90. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-80-90>

*Кто не ожидает неожиданного,
тот не найдёт сокровенного...
Гераклит Эфесский*

«Искусство – это самая сложная машина, которую когда-нибудь создавал человек. Хотите – называйте его машиной, хотите – организмом, жизнью, но всё равно это нечто саморазвивающееся. И мы находимся внутри этого развивающегося...» [8]. Так характеризовал искусство известный советский и российский исследователь Ю. М. Лотман, считавший этот феномен формой мышления, «без которого человеческого сознания не существует, как не существует сознания с одним полушарием» [8]. Неслучайно искусство является древнейшей формой общественного сознания, сопровождавшей человечество на протяжении всего времени его существования, саморазвивающейся в сторону всё большего разнообразия, но мало менявшей свою суть.

Однако сегодня внешние условия существования искусства изменились настолько, что приходится всё чаще задумываться о факторах, способных (или не способных) коренным образом изменить этот древнейший феномен, его внутренние механизмы и характер взаимоотношений с ним.

Цифровизация и искусственный интеллект (ИИ) ворвались в нашу жизнь столь стремительно, подарив надежды на быстрое решение множества проблем в самых разных сферах нашей жизнедеятельности, что за оптимистичным настроением и решением конкретных вопросов тотального внедрения в нашу жизнь новейших информационно-коммуникативных технологий чуть не проглядели (или, по крайней мере, не успели осмыслить) возможные опасности и риски для общества, которые связаны, прежде всего, с непредсказуемостью последствий этого

быстро развивающегося и быстро распространяющегося в последние десятилетия феномена.

Однако зарождение ИИ произошло еще в середине XX века и стало революционным моментом в развитии человечества. Джон Маккарти не только ввёл термин «искусственный интеллект» в 1956 году на Дартмутской конференции с аналогичным названием, которая заложила основы для последующей глобальной технологической революции, но и сразу же задал общий вектор дискуссий по поводу этого нового феномена. За десять последующих лет это понятие прочно вошло в научный дискурс, неперенным фоном которого стали неоднозначные оценки и споры, которые остаются актуальными до сих пор. Одной из первых в этом ряду дискуссий стоит работа Дж. Маккарти и П. Хейса «Некоторые философские проблемы с точки зрения искусственного интеллекта» (1969), которая подняла вопросы о пределах машинного «разума» и этике его создания [17]. Работа Маккарти и Хейса подчёркивала, что ИИ – это не только техническая, но эпистемологическая и гуманитарная проблема.

Современный ИИ имитирует человеческое мышление и его когнитивные процессы через алгоритмы машинного обучения, нейросети и анализ данных. Первоначально он применялся для оптимизации человеческой деятельности в логистике, медицине и управлении, но постепенно его функциональные возможности расширялись. Сегодня искусственный интеллект проник даже в сугубо творческие сферы, например, искусство. И начал решительно действовать, соревнуясь с человеком в его творческих способностях.

Запестрели необычными заголовками новостные ленты: в 2018 году почти за полмиллиона долларов на аукционе Christie's была продана картина «Портрет Эдмонда де Белами», созданная коллективом «Obvious» с использованием ИИ; команда музыковедов с помощью ИИ «Playform AI» в 2021 году доработала эскизы великого композитора Бетховена и завершила его 10-ю симфонию; в 2022 году в новых сериях российского фильма «Диверсант» неожиданно – через технологию дипфейка – появился актер Галкин, умерший 12 лет назад. У многих зрителей и критиков эти факты вызвали культурный шок и неоднозначные оценки. Так, музыкальные критики назвали «алгоритмическую» музыку Бетховена «механической подделкой», лишенной подлинных эмоций и вдохновения композитора.

Активно интегрируясь в социум, искусственному интеллекту предстоит выстраивать отношения с искусством и его субъектом: либо активно внедриться в сам механизм творческого процесса индивида, либо отвоевать своё собственное место субститута в пространстве искусства, либо отойти на вторые роли «подручного» у мастера.

В современную эпоху развитие искусственного интеллекта формирует у социума новое миропонимание. Амбивалентность данного феномена вызывает (как у простых людей, так и исследователей) разнообразные эмоциональные реакции: для одних это источник вдохновения и надежды на прогресс, для других – повод для тревог и опасений непредсказуемых перемен. И это неудивительно, ведь влияние ИИ затрагивает не только технические аспекты, но и глубинные стороны человеческой жизни – саму сущность человека, социальные связи и определение своего места в окружающем мире. Понимание этих масштабных изменений требует внимательного социально-философского анализа процессов информатизации, что позволит выявить онтологические основания этого явления, заглянуть в будущее, определить вероятные направления развития общества и предсказать последствия этого феномена

для человеческого бытия. Человечеству для опережающего регулирования необходимо, наконец, четко определиться в своем отношении к ИИ и его роли в жизни человека, неотъемлемой частью которой он стал в столь короткие сроки.

Особенно важно подвергнуть гуманитарной и социально-философской экспертизе влияние ИИ на то, что делает нас людьми, на духовную культуру. Ведь ИИ, прочно войдя в нашу повседневность, начинает активно проявлять сегодня себя в «художественном творчестве»: пишет музыку, создаёт картины, сочиняет стихи и даже снимает фильмы... И это только начало!

У многих, даже признанных мастеров, это вызывает пьяняще-обнадеживающие ожидания появления новых горизонтов творчества – для художников, музыкантов, писателей... Индивиды ощущают это как расширение своих возможностей для самовыражения. «Это позволяет даже опытным авторам экспериментировать и находить новые необычные формы самовыражения, актуализировать свои самые смелые творческие замыслы и мечты. Сегодня искусственный интеллект способен имитировать творческий стиль любого известного представителя литературы и искусства, создать по определенным критериям нужный сюжет, подобрать лучших актёров под определенные требования и мастерски имитировать их игру... Таким образом, ИИ способствует ускоренному воплощению практически любых фантазий индивида» [12]. Например, нейросеть может сгенерировать бесконечные вариации «в стиле Ван Гога» – 1000 картин за час. Это может быть интересно и полезно в процессе обучения художественному мастерству или специальности искусствоведа. Певица Holly Herndon считает, что «музыку необходимо «взламывать» [16], постоянно экспериментируя с ИИ. Для неё нейросеть – это реальный «участник» музыкальной группы, движение к новому типу искусства, который принес ей известность и доход.

Далее «ИИ может стать инструментом для демократизации доступа к культурному контенту в самом широком смысле. С одной стороны, платформы, использующие искусственный интеллект, могут предлагать персонализированные рекомендации, помогая людям находить выставки и произведения искусства для ознакомления, которые могут им понравиться или быть использованы для обучения. Следовательно, ИИ значительно расширяет зрительскую аудиторию – для художников, режиссёров, актёров и т. п. С другой стороны, субъектами искусства могут становиться с помощью искусственного интеллекта гораздо больше людей, которые научились управлять его возможностями» [12], особенно те, кого Бог не успел «поцеловать», наделив очевидными уникальными природными художественными способностями или профессиональными творческими навыками. Эту цифровую доступность к заветной сфере культуры индивид субъективно ощущает как ранее невообразимое расширение его творческих возможностей: с помощью выявленных алгоритмов можно генерировать новые произведения искусства, создавать музыкальные композиции, разрабатывать сценарии, делать мультфильмы и даже снимать бюджетные кинофильмы. Например, инструменты вроде Suno AI позволяют любому человеку без музыкального образования сочинять треки с заранее заданными характеристиками. Имеется опыт создания AI-фильмов с использованием искусственного интеллекта: швейцарский драматический фильм режиссера П. Луизи и сценариста chatgpt «The Last Screenwriter» (2024) или совместно AI-сгенерированный командой США, Великобритании, Франции, Германии и Чехии фильм-фэнтези «The Crow» (2024). «Съёмки кинофильма с помощью ИИ позволяют обойтись без реальных дорогостоящих костюмов, природной природы и даже множества реальных актёров. Написание литературных произведений и сценариев часто сводится к выдвиганию четких требований и задач, с которыми должен справиться ИИ. Более того, эти две стороны с помощью ис-

кусственного интеллекта могут легко синтезироваться, поскольку ИИ позволяет сделать зрительскую среду интерактивной, активно включающейся в творческий процесс соавторства – написание продолжения сценария кинофильма, сюжета картины и т. п.» [12]. Возможность сотворчества привлекает к использованию ИИ множество людей, никогда не имевших опыта самостоятельной духовной деятельности, но желающих оставить свой след в этой сфере и почувствовать свою причастность к творческому процессу.

Однако и для профессионалов в разных областях культурного творческого процесса ИИ предлагает множество заманчивых возможностей. Ведь творческую деятельность всегда сопровождает множество чисто автоматических действий и технических процессов, на которые мастер тратит силы и время. Искусственный интеллект способен избавить истинное творчество от этих рутинных задач и малоинтересных процессов [12], дав возможность для вдохновения и сосредоточения на главном – глубине содержания и идее произведения. ИИ может автоматизировать множество таких разнообразных задач, как анализ существующих трендов, выявление слабых мест и несоответствий в сюжете, оптимизация логистики и графиков работы (съёмки, например), редактирование текстов писателя или сценариста, раскадровка на основе текстовых описаний, визуализация идеи до начала съёмок или написания картины, анализ актерских и модельных баз данных на основе предложенных требований (внешности, опыта и рейтинга), управление камерой, освещением и звуком, создание визуальных и звуковых эффектов, эксперименты с нетрадиционными материалами, стилями и формами, использование правдоподобных цифровых персонажей, подбор и корректировка цвета и фона, обработка изображений фотографа или оператора для усиления воздействия на зрителя, улучшение качества изображения, дубляж фильма и перевод на другие языки и т. д. и т. п. Но можем ли мы доверить ИИ выполнение более сложных

творческих решений, переложив на него бремя принятия решений и ответственности за результат? Готовы ли мы к замене в искусстве творца-индивида новым носителем «интеллекта» и будет ли замена равноценной? Эти вопросы поднимают проблему современного технологического антропоморфизма, доверия к искусственному интеллекту и его одушевления – очеловечивания.

Ученый, известный писатель-фантаст Айзек Азимов, предвидя возникновение социальных проблем в результате технологической революции, ещё в 1950-х годах сформулировал законы использования робототехники, которые вывели взаимоотношения в системе «Человек – Технос» на новый уровень и стали методологическим базисом для защиты человечества от его собственных созданий: 1) робот не может причинить вред человеку; 2) робот повинуется командам человека; 3) робот заботится о своей безопасности с учётом 1 и 2 [1]. Позже Азимов добавил «Нулевой закон»: «Робот не может причинить вред человечеству в целом или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинён вред». Эти законы поднимают вопросы границ автономии робота и деятельности человека, что особенно актуально и уязвимо в культурно-творческой деятельности. Парадоксы в книгах самого Азимова показывают сложность применения этих законов и явные противоречия. Может ли ИИ причинить вред человечеству в сфере искусства? В чем это проявляется? Возможно ли предотвратить это? На первый взгляд кажется, что реальный ущерб и вред меньше всего имеет отношение к сфере культуры и искусства. Однако, это обманчивое первое впечатление...

Обратимся к классическим определениям искусства. Поскольку у В. И. Даля определения этого понятия мы не найдем, классической дефиницией стало определение из словаря С. И. Ожегова: 1. Творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах. 2. Умение, мастерство, знание дела. 3. Самое дело, требующее такого умения, мастерства. [10]. Каждый представ-

ленный концепт понятия «искусство» важен в контексте рассматриваемой проблемы взаимоотношений с ИИ.

Искусство как творческое воспроизведение действительности в художественных образах служило и служит специфическим инструментом познания мира, раскрывая аспекты реальности, недоступные научному анализу и другим видам познания, – от духовных переживаний до смысложизненных идеалов. Искусство позволяет возвыситься над реальностью и обыденностью, выйти за рамки рационального в пространство метафизических смыслов бытия, сферу возвышенного и прекрасного, устанавливающего внутреннюю гармонию человека с Универсумом. При этом настоящему искусству присущ ярко выраженный творческий характер – способность преодолевать устоявшееся, привычное и создавать принципиально новое и уникальное – смыслы, формы, высказывания и так далее.

Существует реальная озабоченность тем, что всё более широкое использование ИИ в искусстве, которое, казалось бы, способствует описанной выше демократизации и доступности культурной сферы, так называемому «виртуальному расширению человека» в этом направлении, приведёт к унификации стилей и форм в культурном пространстве, постепенной утрате высоких требований к художественно-образному выражению в искусстве. Если большая часть культурного контента будет генерироваться алгоритмами, это будет постепенно понижать уникальность и разнообразие культурного ландшафта. Конечно, живой интерес у публики способна вызывать весьма правдоподобная имитация искусственным интеллектом манеры, стиля и техники известных мастеров, что может даже вводить в заблуждение неискушённых зрителей. Однако эта «массовизация» искусства не может не привести к снижению (усреднению) общего уровня эстетического восприятия и притязаний к художественному творчеству, искусности (мастерству) творца с его неповторимым взглядом на мир.

Параллельно с формированием информационного пространства, его неотъемлемой части – цифрового искусства, развивается концепция нового типа человека – *homodigitalis*, которая провозглашает цифровую эволюцию человека через симбиоз с технологиями. Она вызывает полярные оценки. Погруженные в неизведанное пространство виртуальности некоторые исследователи – Р. Курцвейл (США), М. Кастельс (Испания/США), Г. Клименко (Россия) – встречают с оптимизмом и даже подчас с восторгом этого «цифрового человека», бросившего вызов представлениям о человеческой исключительности в творчестве [15]. Они надеются на дальнейший прогресс общества и расширение его социально-духовной сферы благодаря коэволюции человека и алгоритмов.

Другие, к которым принадлежит исследователь В. А. Кутырев, отмечают, что подобные практики несут риски «дешифропологии», подменяя естественную среду искусственной информацией и угрожая гуманистическим ценностям [6, 9–16]. Еще лет 10–15 назад В. А. Кутырев предупреждал о переиждённом «Рубиконе антропологии» – умалении онтологии человека за счёт лавинообразных достижений хайтека, что может привести к полной деэволюции человеческой экзистенции [7].

Вместе с этим возникает проблема идентичности современной личности [4, с. 56], связанная с внедрением в её практику новых информационных технологий. Этому *homodigitalis* присущи новые отношения с виртуальной реальностью, новые цифровые ценности, новые представления о прекрасном и безобразном, новый эстетический вкус и новый культурный опыт. Его часто справедливо укоряют за «испорченное» самовосприятие и восприятие искусства без экзистенциального наполнения в изменившемся культурном пространстве – «упрощённое, поверхностное, часто через цифровой формат и призму заданных свойств и условий, алгоритмичное, которое обедняет эмоциональную сферу общения с прекрасным. Ведь, «кто не ожидает неожиданного, не найдет со-

кровенного», как говорил древний Гераклит. А увидеть и почувствовать сокровенное, уникальное и глубинное – это то, ради чего мы погружаемся в мир искусства, чтобы обогатить себя иным духовным опытом, новой осмысленностью» [12].

Как справедливо заметил Лотман, имитации усваиваются легче, они понятнее и подчас приятнее публике. Но их массовое распространение в культуре всегда опасно. Искусство же часто непонятно, и потому подчас даже оскорбительно своей новизной. Однако искусство дает выбор там, где жизнь выбора не даёт [8].

Настоящее искусство всегда неожиданно и часто ломает шаблоны. Ван Гог, Кафка или Шостакович нарушали в процессе творчества правила своего времени, а ИИ, напротив, учится на уже существующем. Его «новаторство» – это вариации, ремиксы на тему, а не прорыв из пустоты. Когда алгоритм имитирует Шуберта или Рембрандта, зритель/слушатель получает эстетический суррогат, а не открытие «экзистенциально сжатой вселенной». Уже упомянутый мной AI-фильм «The Last Screenwriter» (2024) технически безупречен, но критики единодушно отмечают сквозящую пустоту за диалогами.

Природа истинного творчества субъекта, создающего уникальные и проникающие в самое сердце произведения, способные «перелопатить» душу, экзистенциальна, таинственна и интимна. Анна Ахматова признавалась:

*«Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...»*

Исчёрканные черновики А. С. Пушкина и многих других поэтов и писателей полностью это подтверждают. Машина генерирует «правильные» метафоры (например, «любовь – как пламя»), но не способна на «неожиданную» образность Цветаевой: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд». И этот мучительный для творца процесс подбора из сотен похожих слов наиболее подходящего по смыслу и состоя-

нию души пока недоступен ИИ, поскольку искусственный интеллект душой и опытом не обладает. ИИ оперирует шаблонами, а не личной болью, озарениями или экзистенциальными поисками. Стихи Ахматовой о блокадном Ленинграде – это «выкристаллизованная боль», а не комбинация привычных семантических паттернов. ИИ «легко и быстро, «без мучений» подбирает слова, имитируя стиль любого поэта или писателя, но отсутствие меткости и неожиданной эмоциональной ситуативной точности языка выдаёт «машинное производство духовного продукта» [12].

Это подтверждают и лингвисты. На недавно прошедшем в Плехановском университете VII Международном научном форуме «Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика» (15.05.2025, секция «Культура и этика в эпоху искусственного интеллекта») ¹ филолог, профессор РУДН Я. А. Волкова привела в качестве примера распознавание искусственным интеллектом двух похожих по значению слов «злость» и «гнев», которые применяются, однако, в разных эмоционально-смысловых ситуациях в русском языке. ИИ, прекрасно разбираясь в теоретических концептах этих синонимов, при языковом переводе художественных текстов с английского языка не мог различить ситуационно-функциональные тонкости и эмоциональные оттенки употребления этих понятий и везде применял слово «гнев». Аналогичный подход ИИ можно наблюдать и в других сферах – изобразительном, музыкальном и кинематографическом искусстве.

Русский философ Н. А. Бердяев отмечал, что творец идёт к своим образам через свой субъективный опыт, часто болезненный, наполненный своеобразными смыслами, которыми он делится с окружающими

¹ Искусственный интеллект, этика и духовность – главные вопросы дискуссионной сессии форума «Шаг в будущее» в Плехановском университете // <https://rea.ru/news/56424-iskusstvennyiy-intellekt-v-biznese-i-ekonomike-diskussiya-foruma-shag-v-budushee-globalnyiy-forsayt-iskusstvennyiy-intellekt-i-strategicheskoe-liderstvo>

в своих произведениях, чтобы поведать им сокровенное, раскрыть им «тайны жизни» [2]. И выбирает для этого собственные формы донесения контекста и идеи. Подчас весьма неожиданные...

Известный русский художник В. Серов говорил, что настоящий талантливый живописец всегда допускает в своих картинах «волшебную ошибку», которая лишь на первый взгляд искажает реальность. Валентин Александрович настаивал: в картине надо обязательно «что-то подчеркнуть, что-то выбросить, не договорить, а где-то ошибиться: без ошибки – такая пакость, что глядеть тошно» [5]. Такая «ошибка» на самом деле помогает художнику обратить внимание на самое важное: выразить своё отношение к изображаемому, модели, показать потаенное в характере человека, поделиться через картину сокровенным. Очень показателен в этом отношении «Портрет Иды Рубинштейн» Серова, где он сознательно и явно деформирует тело танцовщицы, заостряет её очертания, чтобы более точно продемонстрировать свои чувства и позицию.

Дотошные критики и наблюдательные зрители замечали и указывали Серову на ошибку и в портрете Ф. Шаляпина: у певца на картине слишком длинная правая нога. Художник, конечно же, знал об этом, но настаивал на своём. Ведь «волшебная ошибка» подчеркнула впечатление художника от встречи с певцом – монументальность, могучесть Шаляпина. Это и делает картину уникальной, проявлением истинного вдохновения и впечатления здесь и сейчас. ИИ не обладает жизненным опытом, наблюдательностью и чувствами, потому может сделать идеальную картину, но не самобытную.

Именно в последнем заключается ценность творчества. Сегодня, благодаря вторжению виртуальных технологий, искусство развивается преимущественно вширь, демонстрируя всё новые, часто немислимые, сочетания форм и стилей, а не вглубь контекстов содержания. Оно как бы предоставляет зрителю возможность стать соавтором и привне-

сти своё содержание, поиграть в некую «угадайку», которая не подразумевает взаимного духовного обогащения, как при классической триаде: Я (автор), другой человек (зритель) и семиотическая среда вокруг нас.

Как к этому новому феномену относятся те, для кого цифровая среда стала привычным условием жизни, то есть молодежь? С надеждой или подозрением они встречают вторжение ИИ в сферу культуры? Мы со студентами Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова – будущими социологами – провели небольшое исследование на эту тему среди учащихся вуза в виде онлайн-анкетирования посредством интернет-платформы Google Forms, которая была представлена на Плехановских чтениях-2025. В опросе приняли участие около 100 человек: 56,8% женщин и 43,2% мужчин. Преобладающий возраст респондентов – 20–21 год (54%), меньше опрошенных было в возрасте 22–23 лет (28,4%) и 18–19 лет (17,6%). Студентом было предложено ответить на несколько закрытых вопросов.

Удалось выяснить, что большинство студентов склоняются к тому, что искусственный интеллект не может создавать искусство в подлинном смысле этого слова. Наибольшая доля опрошенных (40,5%) выразили мнение, что ИИ не обладает творческими способностями, а лишь выполняет заданные алгоритмы. Значительная часть студентов (36,5%) также скорее не согласны с тем, что ИИ создает искусство, полагая, что он лишь имитирует творческий процесс, не постигая его суть. Меньшая часть (16,2%) допустили, что ИИ способен создавать интересные произведения, но не считают их настоящим искусством. Лишь небольшая группа студентов (6,8%) уверены в способности ИИ к творчеству.

Согласно нашему исследованию, наибольшая часть опрошенных (45,9%) не видят никаких преимуществ в использовании ИИ в искусстве. Хотя почти треть студентов (29,7%) отметили ускорение и упрощение процесса создания произведений искусства в качестве основного преимущества. 14,9%

опрошенных считают, что ИИ позволяет создавать произведения, неподвластные для человека. Незначительное количество студентов (8,1%) считает, что ИИ делает искусство более доступным для широкой аудитории. Таким образом, в студенческой среде нашего университета преобладает скептическое отношение к преимуществам ИИ в искусстве, при этом определенная часть студентов видит в нем инструмент, упрощающий процесс творчества и создающий что-то новое.

Был также задан вопрос по поводу рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта в искусстве. Треть опрошенных полагает, что все отмеченные риски (утрата уникальности, проблемы с авторским правом, обесценивание человеческого труда) актуальны – 33,8%. Четверть студентов основную угрозу видят в утрате уникальности и оригинальности произведений – 25,7%. В то время как некоторые обеспокоены сложностями в сфере авторского права и обесцениванием труда художников (16,2% и 14,9% соответственно). Однако небольшая часть студентов не видят никаких негативных последствий в применении ИИ в искусстве – 9,5%. В целом, результаты исследования демонстрируют осознание студентами потенциальных проблем, связанных с внедрением ИИ в творческую деятельность. Обнадеживает стремление современной «оцифрованной» молодежи к настоящему искусству!

Однако молодежью были подмечены и проблемы использования ИИ в искусстве. Это, прежде всего, правовые и этические вопросы, решение которых требуют новых юридических подходов. Как регулировать вопросы авторства и права на интеллектуальную собственность в условиях использования ИИ для создания произведений искусства? Кому принадлежит право авторства на произведение: ИИ, который его создал, или человеку, который задал творческие параметры поиска, или специалисту, который создал соответствующую программу? У каждого есть основания и аргументы, чтобы отстаивать свои права. Эта проблема вызывает

много споров, недоразумений и выявляет юридические пробелы.

В процессе интеграции ИИ в культурные процессы у общества возникает ряд этических дилемм, которые ставят человека перед ситуацией нравственного выбора. Подлинно духовное культурное пространство наполнено высшими моральными ценностями и связанными с ними смысложизненными аксиологическими проблемами. ИИ не обладает ни нравственностью, ни совестью, ни духом, ни опытом, ни пониманием...

Возникает ряд закономерных вопросов.

1) К каким последствиям в целом для человечества может привести «гуманитарная экспансия» ИИ? Ведь чрезвычайно тревожно звучит заключение всемирно известного американского миллиардера Илона Маска о 20% возможности гибели человечества по причине возникновения бесконтрольности ИИ². Обеспокоены той же проблемой представители духовной сферы. Так, Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл на Форуме объединённых культур в Санкт-Петербурге предупредил о наступлении эпохи апокалипсиса и сравнил угрозу от технологий с применением ИИ с атомной угрозой³. В такое непростое время людям, по мнению патриарха, жизненно важно сохранить нравственные устои, традиционные ценности и веру. В связи с этим возникают и другие вопросы.

2) Насколько безопасно для окружающих и социума в целом доверять машинам принятие решений в области культуры и искусства? И можем ли мы возложить ответственность на искусственный интеллект за эффективное решение творческих задач по своему усмотрению? И к чему это приведёт? Уже сегодня издательства начинают

² Tangalakis-Lippert K. (Apr 1, 2024) Elon Musk says there could be a 20% chance AI destroys humanity – but we should do it anyway. In the Business Insider // <https://www.businessinsider.com/elon-musk-20-percent-chance-ai-destroys-humanity-2024-3>

³ Патриарх Кирилл предупредил о скором апокалипсисе // <https://ria.ru/20240911/kirill-1972094717.html> (дата обращения: 15.06.2025)

пользоваться ИИ для создания иллюстраций по запросу. Наиболее известными приложениями на основе использования ИИ для генерации изображений являются DALL-E и Midjourney. Это значительно экономит время и финансы. Но насколько ценностно релевантными и этически достойными будут «бездушные» рисунки? Сохранится ли человеческий контроль и конечный выбор за этой стороной творческого процесса? Уже создан в конце 2024 года первый в мире мультфильм, сгенерированный полностью ИИ⁴. Он был создан всего за пару месяцев (вместо классических 2–6 лет) в Белоруссии как пример талантливости нации, которая в этом вопросе оказалась впереди планеты всей. Но уже этот повторяющийся в положительных отзывах тезис вызвал жаркие споры: в чём же талантливость, если не были задействованы мастерство, творчество и энтузиазм команды реальных художников и сценаристов?... Вероятно, разработчика приложения или промпт-инженера, хотя и к ним есть претензии из-за множества ляпов и несостыковок в кадрах, которые были бы исключены при непосредственной работе художника. Конечно, такой эксперимент вызвал живой интерес, и многие зрители хотели увидеть не столько сюжет, сколько стать причастными к мировому новшеству. Что касается использования ИИ в мультипликации, остались неразрешёнными множество проблем. «Главный вопрос касается глубины этих произведений», которые детей «не только развлекают, но и затрагивают глубокие человеческие темы, передают эмоциональные истории, которые остаются с нами на всю жизнь. Эти элементы часто возникают благодаря человеческому опыту, интуиции и взаимодействию, которые сложно воспроизвести с помощью ИИ» [9]. Другой важный аспект касается аутентич-

⁴ В Беларуси впервые в мире создали полнометражный мультфильм с помощью ИИ // <https://belta.by/culture/view/v-belarusi-vpervye-v-mire-sozdali-polnometrazhnyj-multfilm-s-pomoschju-ii-685487-2024/> (дата обращения: 15.06.2025)

ности сгенерированных произведений. Ведь мы сразу отличаем американские мультфильмы от советских или российских, хотя сюжеты могут быть похожи (как у «Тома и Джери» и «Ну погоди!»), по «культурному багажу» – по стилю, идее, ценностным образам, имеющим во многом национальную основу. Поэтому «мультики» – это важное средство социализации подрастающего поколения и приобщения к национальной культуре и традициям. Но сгенерированная мультипликация этого дать не может, так как не базируется на исторической памяти и национально-историческом опыте.

3) И, наконец, актуальным для оценки перспектив является вопрос духовной безопасности. Каким образом можно избежать использования ИИ без чьей-то предвзятости или преступных намерений? Как предотвратить и научиться отличать создание вредоносного, но при этом «качественно безупречного» контента или фальсификацию информации?

В связи с этим возникла новая профессия – промпт-инженер. Это специалист по правильной постановке запросов к нейросетям для получения релевантных результатов, который обучен правильному общению с ИИ, неспособным различать контекстные тонкости и подтекст заданий. Задача промпт-инженера – анализировать и делать точные текстовые запросы, чтобы получить адекватные ответы нейросети в соответствии заданными задачами и идеями [14]. Но справится ли промпт-инженер с обозначенными проблемами? Или необходимо привлечь специалистов разных областей знаний и разработать надежный механизм контроля за ИИ?

Таким образом, искусственный интеллект (ИИ) становится все более значимым игроком на художественной сцене, часто бросая вызов представлениям о человеческой исключительности в творчестве. Он открывает новые горизонты для самовыражения человека, расширяет сферы и возможности творческого созидания, имеет потенциал стать мощным инструментом в области культуры. Однако вместе с этим возникают серьезные риски «гибели субъекта» в искусстве, потери самобытности творчества при генерировании «цифрового человека», а также – этические дилеммы, которые требуют немедленного решения. Не хотелось бы стать свидетелями утраты подлинно человеческого в человеке вместе с утратой сути искусства при его тотальной диджитализации. Об этом вполне серьезно и компетентно предупреждают сами разработчики этого явления, например, Директор разработчиков чипов Arm Holdings Рене Хаас [11]. Эта угроза становится всё более очевидной и для молодежи, хорошо знакомой с технологиями и возможностями ИИ.

Для того чтобы искусственный интеллект, начиная новую главу в жизни человечества (по словам В. В. Путина [13]), сохранил достигнутое и принес позитивные изменения в культурную сферу, важно создать авторитетную социально-гуманитарную экспертизу [3], установить четкие ограничения и легитимировать соответствующие правила, правовые и этические нормы, обеспечивающие баланс между необходимыми инновациями и защитой традиционных высших ценностей, делающих человека человеком, носителем Духа, подлинным субъектом истории.

Список литературы

1. Азимов А. Я, робот. Москва: ЭКСМО. 2022. 520 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы; Смысл творчества. Москва: Правда, 1989. 608 с.
3. Воронин А. А. Б. Г. Юдин о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции // Знание. Понимание. Умение. 2018, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/b-g-yudin-o-gumanitarnoy-ekspertize-i-vyzovy-neyrorevolyutsii>

4. Ковальчук М. А. Проблема особенностей личности нового типа в цифровом обществе // Теоретическая экономика. 2022. № 11 С. 56–68.
5. Копищев М. Валентин Серов. Москва: Издательская Группа „Азбука-Аттикус“, 2020. URL: <https://www.litres.ru/book/mark-isaevich-kopshicer/valentin-serov-56553898/chitat-onlayn/?page=1>
6. Кутырев В. А. Куда сдвигать гуманитарный вектор? // Гуманитарный вектор. 2012. № 3 (31). С. 9–16.
7. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. С. 69–75.
8. Лотман Ю. М. О природе искусства. URL: <https://www.artcontext.info/articles-about-art/349-lotman-iskusstvo.html>
9. Мультфильмы ИИ vs Disney: искусство будущего или просто эксперимент? URL: <https://trashbox.ru/topics/187415/multfilmy-ii-vs-disney-iskusstvo-budushego-ili-prosto-eksperiment>
10. Ожегов С. И. Искусство. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.
11. Пламенев И. Разработчик чипов предупредил о «восстании машин». URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/12/2023/65765cd99a7947ca210376a1
12. Понизовкина И. Ф. Искусственный интеллект в культуре: надежды и риски // Искусственный интеллект и духовная культура. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 143–146.
13. Путин назвал искусственный интеллект новой главой в жизни человечества. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82>
14. Трифонов А. Промт-инженер: как освоить искусство общения с нейросетями. URL: <https://rb.ru/opinion/promt-inzhener-kak-osvoit-iskusstvo-obsheniya-s-nejrosetyami/>
15. Вайт Н. К. Personal Connections in the Digital Age. Malden, MA: Polity, 2010. 184 p.
16. Hsu H. Electronic Pop for the Surveillance Era. In The New Yorker. 2019, May 13. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2019/05/20/electronic-pop-for-the-surveillance-era>
17. McCarthy, J. & Hayes, P. Some philosophical problems from the standpoint of artificial intelligence. // In B. Meltzer & Donald Michie, Machine Intelligence 4. Edinburgh University Press. Pp. 463–502.

*

Поступила в редакцию 25.06.2025

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТРАЖЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕ ЛИАНОЗОВСКОЙ ШКОЛЫ

УДК 7.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-91-98>

В. А. Ремизов

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: remizov1941@mail.ru

А. Е. Сидоров

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: anatolysidorov@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическим основам отражения социокультурной реальности в искусстве Лианозовской школы. Рассматриваются ключевые аспекты, связанные с формированием и трансформацией социокультурной реальности в советской действительности 1950–1960-х годов, а также – художественная практика Лианозовской группы. Анализируется влияние социокультурных условий на развитие неофициального искусства в СССР, особое внимание уделено критическому подходу художников и поэтов, а также их стремлению к созданию альтернативной реальности через абстракцию, иронию и символизм. В статье выделяются ключевые принципы художественного отражения, рассматривается роль искусства в трансформации социокультурных норм и ценностей. Целью статьи является анализ социокультурной реальности через призму художественного отражения Лианозовской школы и исследование ее вклада в культурное сопротивление советской идеологии.

Ключевые слова: социокультурная реальность, Лианозовская школа, художественное отражение, искусство СССР, неофициальное искусство, художественный образ, нонконформизм.

Для цитирования: Ремизов В. А., Сидоров А. Е. Теоретические основы отражения социокультурной реальности в искусстве Лианозовской школы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 91–98. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-91-98>

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

СИДОРОВ АНАТОЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – магистрант кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – DSc in Cultural Studies, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

SIDOROV ANATOLY EVGENIEVICH – Undergraduate Student at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Ремизов В. А., Сидоров А. Е., 2025

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL REALITY IN THE ART OF THE LIANOZOVO SCHOOL

Vyacheslav A. Remizov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: remizov1941@mail.ru

Anatoly E. Sidorov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: anatolysidorov@bk.ru

Abstract. This article explores the theoretical foundations of the representation of socio-cultural reality in the art of the Lianozovo School. It examines key aspects related to the formation and transformation of socio-cultural reality in the Soviet context of the 1950s–1960s, as well as the artistic practices of the Lianozovo group. The study analyzes the influence of socio-cultural conditions on the development of unofficial art in the USSR, with particular attention paid to the critical approach adopted by the artists and poets of the group, and their pursuit of an alternative reality through abstraction, irony, and symbolism. The article identifies the core principles of artistic representation and considers the role of art in the transformation of socio-cultural norms and values. Objective of the research is to analyze socio-cultural reality through the lens of artistic reflection of the Lianozovo school and investigate its contribution to cultural resistance against Soviet ideology.

Keywords: socio-cultural reality, Lianozovo School, artistic representation, Soviet art, unofficial art, artistic image, nonconformism.

For citation: Remizov V. A., Sidorov A. E. Theoretical Foundations of the Reflection of Socio-Cultural Reality in the Art of the Lianozovo School. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 91–98. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-91-98>

Социокультурная реальность представляет собой многослойную и динамичную систему взаимодействий между социальными и культурными процессами, которые формируют и детерминируют развитие общества. Она охватывает совокупность социальных институтов, ценностей, норм, символов, культурных кодов и ментальных структур, создающих основу для коллективной идентичности и социальной адаптации. Данная концепция также включает в себя механизмы трансформации общественного сознания, проявляющиеся в изменении традиций, социальных практик и культурных форм выражения.

Э. А. Орлова определяет социокультурную реальность как многомерное явление, в котором сочетаются статичные элементы (традиционные практики, культурные архетипы) и динамичные процессы (инновационные

дискурсы, влияние глобализационных тенденций) [6, с. 71]. В рамках этого понимания социокультурная реальность рассматривается как структурно-функциональная система, в которой определенные культурные паттерны передаются от поколения к поколению, но при этом подвержены трансформациям в ответ на внутренние и внешние вызовы.

Социокультурная реальность формируется под воздействием материальных и нематериальных факторов, включая экономическую инфраструктуру, технологическое развитие, политическую организацию и информационные потоки. Она характеризуется множественностью дискурсивных практик, обеспечивающих связь между исторической памятью, социальной идентичностью и культурными инновациями. Исследование социокультурной реальности позволяет выявить закономерности социальной

эволюции, механизмы культурной адаптации и способы трансформации общественных структур в условиях изменяющегося мира. Социокультурная реальность, отражая сложные взаимодействия различных факторов, образует контекст, в котором возникает и развивается определенная культурная форма. В частности, Лианозовская школа, ставшая важным культурным явлением середины XX века, представляет собой яркий пример того, как социокультурные и исторические условия влияли на развитие неофициального искусства в СССР.

По определению Большой российской энциклопедии, Лианозовская школа существовала с 1958 по 1965 год. «Это объединение сформировалось вокруг О. Я. Рабина и его учителя Е. Л. Кропивницкого; среди участников: поэты В. Н. Некрасов, Г. В. Сапгир, Я. Сатуновский, И. С. Холин; художники Н. Е. Вечтомов, Л. Е. Кропивницкий, его сестра В. Е. Кропивницкая, Л. А. Мастеркова, В. Н. Немухин, О. А. Потапова. Собрания Лианозовской группы, художественные выставки и поэтические чтения проходили в подмосковном поселке Лианозово (ныне в черте Москвы)» [5].

«Программа Лианозовской группы предполагала достоверное воссоздание современной действительности; отвергались идеализация и назидательность, присущие искусству социалистического реализма. Основным предметом художественного осмысления стал быт городских окраин, поэтому творчество Лианозовской группы нередко называли «барачным искусством». Для поэтов характерно пародирование языка советской пропаганды, обращение к разговорной речи. Художники-«лианозовцы» опирались на традиции различных направлений авангардизма (абстракционизм, кубизм, экспрессионизм, примитивизм)» [5].

Художественное отражение, в свою очередь, представляет собой процесс символической репрезентации действительности в искусстве, в котором объективные и субъективные аспекты реальности осмысливаются, трансформируются и интерпретируются через призму эстетических и экспрессивных форм. Оно позволяет не только фиксировать внешние прояв-

ления жизни, но и углубляться в ее сущностные смыслы, выявляя многослойные взаимосвязи между явлениями и их интерпретациями в различных культурных контекстах.

В монографии О. А. Кривцуна особо подчеркивается, что художественное отражение связано с категорией художественного образа, который воплощает как чувственную, так и духовную стороны бытия. В процессе отражения «искусство превращает „вещество жизни“ в „вещество формы“ – упорядочивает, структурирует, придает смысл и целостность разрозненным фактам и явлениям, следовательно, отражение – это не пассивное воспроизведение, а активное творческое осмысление и реконструкция мира средствами художественного языка и формы [10].

М. С. Каган в своих работах обращает внимание на то, что художественное отражение – это «субъективно-высшее отражение объективной действительности», в котором отражается не только внешний вид, но и социально-культурный и психологический контекст. Искусство, по Кагану, активно формирует мировосприятие, трансформируя реальность через призму творческого сознания художника и культурных кодов [7].

Рудольф Арнхейм, американский писатель, эстетик, теоретик изобразительного искусства, писал, что восприятие искусства – это не пассивное созерцание, а процесс анализа формы, композиции, цвета и пространства, в ходе которого зритель активно реконструирует смысл произведения, участвуя в творческом акте отражения [1].

Как отмечает Арнхейм, форма – это носитель содержания в искусстве; форма сама по себе выражает мысль и эмоцию. Художественное отражение в искусстве происходит через формообразующую деятельность, которая преобразует хаос чувственного восприятия в осмысленную структуру. Искусство, по Арнхейму, дает «порядок для хаоса» внешнего мира, позволяя видеть его с новой, глубинной перспективы [1].

М. М. Бахтин рассматривает художественное отражение как форму диалогического вза-

имодействия между автором, текстом и реципиентом, где смысл произведения рождается в процессе межсубъектного осмысления [2, с. 223]. Художественное отражение не является простой репродукцией реальности, а представляет собой ее символическое осмысление, позволяя зрителю или читателю проникать в глубинные слои восприятия и интерпретации.

В то же время художественный образ является системой знаков и символов, с помощью которых осуществляется репрезентация идей и смыслов в искусстве. Он может быть представлен в различных формах – литературной, изобразительной, музыкальной, театральной, кинематографической – и функционирует как ключевой механизм смыслопорождения в культуре.

И. Б. Роднянская писала, что «в онтологическом аспекте художественный образ есть факт идеального бытия, своего рода схематический объект, надстроенный над своим материальным субстратом (ибо мрамор – не плоть, которая им изображается, двухмерная плоскость картины – не трехмерное пространство, явление на ней, рассказ о событии – не само событие и т. п.)» [11, с. 220].

Как отмечает М. М. Бахтин, художественный образ – это не просто визуальный или текстуальный элемент, а многослойная структура, несущая в себе эстетические, культурные и философские значения [2]. Визуальная поэзия Лианозовской школы демонстрирует уникальную форму художественного образа, в которой текстовые и изобразительные элементы объединяются, создавая многогранную смысловую систему [11, с. 32].

Художественный образ может быть реалистическим, аллегорическим, символическим или абстрактным, его интерпретация зависит от культурного контекста и индивидуально-опыта восприятия. Он выполняет важные функции: передает эмоциональное состояние автора, формирует эстетическое переживание у зрителя или читателя, служит инструментом познания и осмысления окружающего мира. В процессе художественной коммуникации образ приобретает множественные значения, изменяющиеся в зависимости от времени, про-

странства и социальных условий, что делает его живым и динамичным элементом культуры. Например, в поэзии Евгения Кропивницкого, одного из основателей Лианозовской школы, повседневные предметы выполняют многозначную функцию: они служат элементами бытового описания, а также становятся символами памяти, социальной действительности и экзистенциальных размышлений. Эти образы позволяют глубже понять социокультурную реальность, отраженную в его творчестве. Типичные жизненные ситуации в поэзии Кропивницкого становятся знаковыми моделями социокультурной реальности позднего СССР. Художественное обобщение обыденного – ключ к поэтике Лианозовской школы. Через такие ситуации поэт демонстрирует экзистенциальную усталость, невозможность действия, распад языка и общения, внутреннюю опустошенность человека, живущего в «маленькой» и унылой реальности.

В поэзии Игоря Холина, особенно в его «барачном» цикле, жизненные ситуации становятся художественными образами, отражающими социокультурную реальность позднесоветской эпохи. Холин, как и его учитель Евгений Кропивницкий, извлекал поэзию из самых антипоэтичных вещей: из бедного барачного быта, из коммунальных перебранок, из деталей и фрагментов земного бытия. Например, барак в поэзии Холина предстает как замкнутая система, микрокосм, в котором сосредоточена вся жизнь его обитателей. Это пространство, лишённое романтики и идеализации, наполнено бытовыми сценами, отражающими повседневную реальность:

*«Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор. Восемнадцать квартир.
На стенке лозунг: МИРУ – МИР!» [16].*

Здесь барак становится символом ограниченности, изоляции и монотонности жизни, где даже лозунги теряют свое идеологическое значение и становятся частью обыденного пейзажа.

Через образы барака, бытовых сцен, отчуждения и безысходности он создает мозаичную картину жизни, лишенной идеализации и романтики. Его стихи, наполненные иронией и гротеском, становятся мощным средством критики и осмысления социальной действительности своего времени.

Еще одним примером служат работы Владимира Немухина, он развивал собственный вариант абстракции. В его творчестве повседневные предметы, особенно игральные карты, превращаются в символы судьбы, случая и человеческой участи. С 1965 года он активно использовал мотив карточной колоды, варьируя его в различных техниках. В произведениях Немухина, например, в картине «Неоконченная партия» (1964), предметы повседневности, в случае Немухина – чаще всего карты, утрачивают свою практическую значимость, они предстают метафорами жизненных обстоятельств; с помощью карт автор акцентирует внимание на непредсказуемости и случайности человеческого существования.

Оскар Рабин, в свою очередь, разработал уникальный изобразительный язык; он также использовал в своем творчестве элементы повседневности и предметы быта, но расставлял более четкие и читаемые акценты. В его творчестве символами советской обыденности становятся образы бараков, бутылок водки, икон и селедки. Например, его картины «Помойка № 8» (1958) и «Водка Столичная» (1961) представляют удручающие сцены с искаженными строениями и предметами обихода советского человека, подчеркивая гнетущую и враждебную атмосферу окружающего мира. Художник использовал эти образы для выражения протеста против официального искусства и демонстрации неприглядной стороны советской реальности.

Стоит обратить внимание и на необычную образность в искусстве Лидии Мастерковой, которая развивала абстрактное искусство, создавая коллажи из антикварных тканей, кружев и парчи. Ее работы, например, «Композиция» (1964), объединяют экспрессивную непосредственность, геометрию и цвет, формируя обра-

зы, наполненные духовным смыслом и личными воспоминаниями. Ее стиль характеризуется динамизмом – с использованием выразительных мазков и геометрических форм. В ее произведениях часто заметны элементы психологизма. В них формы и цвета создают особую атмосферу, приглашая зрителя к самоанализу.

Понимание концепций социокультурной реальности, художественного отражения и художественного образа имеет первостепенное значение для анализа художественных процессов и культурных явлений. Социокультурная реальность определяет контекст, в котором формируются художественные практики, оказывая влияние на их содержание формы и механизмы восприятия. В то же время художественное отражение формирует способы интерпретации общественных изменений в искусстве. В свою очередь, анализ художественного образа позволяет исследовать механизмы конструирования смыслов и идентичностей в произведениях искусства.

Определение и систематизация этих понятий формируют методологическую основу для исследования эволюции культуры и художественных традиций.

Ключевым моментом является понимание сущности произведения искусства. С ракурса эпистемологического подхода М. Фуко, картина должна восприниматься как культурный артефакт цивилизации, нельзя забывать о том, что «срез визуального опыта во все эпохи, для каждого человека осуществляется в соответствии с приобретенными обычаями, который поддается анализу только после его интерпретации» [15, с. 68]. Хотя Фуко не выделял визуальный анализ как отдельную дисциплину, он воспринимал его как часть более широкого метода, однако в настоящее время имеет смысл рассматривать визуальный анализ как самостоятельную область, которая создает уникальную интерпретационную систему, столь же значимую, как и другие дисциплины. Визуальная среда, возникающая в каждый исторический момент, характеризуется своей автономией, но при этом она тесно связана с другими, современными ей, культурными формами [15].

Важно рассмотреть ключевой вопрос: что *делает* живопись?

П. Франкастель, французский историк и искусствовед, говорил о том, что «живопись раскрывает аспекты политической, социальной и интеллектуальной жизни не потому, что она дает точные сведения о мире художников, а потому что, используя разнообразные знаковые системы, она выражает развитие идей на плоскости двухмерного пространства» [14]. Вопрос о взаимосвязи визуальных образов и культурных образов продолжал развивать А. Варбург, немецкий историк искусства и культуролог, который утверждал, что «искусство не является просто дисциплиной, а представляет собой ресурс для понимания культурной традиции и способов передачи человеческого опыта через изображения» [3, с. 48]. Этот тезис важен для понимания культуры как системы, которая требует обоснования через единую культурно-историческую науку об образах. Следовательно, искусство можно рассматривать как особый язык, который выражает присутствие через видимые образы; оно становится способом общения, раскрывая сущность образов и характеров через восприятие зрителя, который, формируя мысли, интерпретирует те речи, которые могли бы произнести герои картины.

Художник и теоретик изобразительного искусства В. Кандинский, писал, что «живопись – это искусство, а искусство вообще не есть бесцельное создание вещей, растекающихся в пустоте, но есть сила и власть, полная целей, и должно служить развитию и утончению человеческой души, движению треугольника. Оно есть язык, которым говорят в только ему одному доступной и свойственной форме о душе, о вещах, которые для души – хлеб насущный и который она только и может получить в этом виде» [8, с. 148]. По мнению В. Кандинского, цель живописи, а именно, картины, – «облечь внутреннее впечатление во внешнее выражение – живописную форму» [8]. Искусство, особенно живопись, затрагивает самые глубинные чувства. Образ может быть обманчиво пустым, например, подобно ночи на полотне, кажущейся нематериальной, но полной скрытых симво-

лов и смыслов. Эта пустота поглощает личное восприятие, освобождая место для размышлений и самоанализа.

В этом контексте мысль, которая возникает у зрителя, всегда опирается на конкретный видимый объект, который художник изображает на холсте. Когда художник стоит перед пустым холстом, он уже мысленно представляет будущее произведение, следуя определенным правилам и законам перспективы, что делает его создание частью заранее определенного процесса.

В контексте культурологии искусство не просто отражает действительность, но и активно ее трансформирует. Искусство становится важным инструментом для формирования новых представлений о реальности, которые оказывают влияние на социокультурные процессы. В частности, в работе Флиера подчеркивается, что культура – как совокупность символических форм и норм – вбирает в себя не только элементы общественного порядка, но и системы художественных образов, которые могут радикально изменить общественные ориентиры и идеологию [12].

Также важной функцией художественного отражения является создание новых форм социокультурной коммуникации. Через художественные произведения устанавливаются новые связи между индивидом и обществом. Эти произведения становятся каналом для передачи ценностей, идей и критических размышлений о действительности. В этом контексте произведения Лианозовской школы, например, служат своеобразными символическими «картами» для понимания социокультурной реальности, представляя различные культурные коды, которые зритель должен расшифровать для полного понимания смысла.

В своих работах А. Я. Флиер, советский и российский культуролог, утверждает, что искусство является одной из отраслей человеческой деятельности, наряду с такими сферами, как машиностроение или сельское хозяйство. Искусство отличается своей технологией и производимым продуктом. Произведения

искусства, включая литературу, музыку, живопись и прочее, не могут быть спутаны с продуктами других отраслей деятельности, поскольку они обладают уникальными характеристиками, такими как эстетическая ценность и эмоциональное воздействие [13]. Важным аспектом, рассматриваемым Флиером, является то, что искусство всегда сталкивается с вопросом социальной приемлемости, особенно это ощущается с началом эпохи модернизма и авангарда. Искусство постоянно взаимодействует с культурной нормой, от нее зависит его оценка и восприятие в обществе.

Рассматривая противопоставление «прикровенности – откровенности», мы можем увидеть такой же контраст в системе социокультурных координат, который проявляется в былом и современном, а также развитие их соотношений. Все это сводится к тому, что в течение долгого времени быт представлялся как внутренняя составляющая бытия, где человеческое самовыражение, будь то общественное, государственно-политическое, художественное или светское, предстает перед нами неприметной и непривлекательной формой.

Ныне отражение быта через художественные образы становится достаточно привычным. Разные формы и виды художественной репрезентативности способны обратить внимание не только на профессиональные виды деятельности, не только на то, что «откровенно», но и на бытовую, «сокровенную», сферу жизни. Отражение повседневности через образы в искусстве помогает проследить микродинамические процессы в обществе. Повседневная среда, наряду с самим художественным произведением, все больше превращается в подлинную форму бытия искусства.

В статье Г. С. Кнабе «Диалектика повседневности», подчеркивается, что повседневная жизнь постепенно утрачивает свою второстепенную роль и становится неотъемлемой частью культурного самовыражения. Кнабе пишет: «Повседневная жизнь и ее инвентарь берут на себя функцию эмоционального общественного самовыражения, которая так долго была монополией идеологии, слова, высокого

искусства» [9]. Это отражает идею Лианозовской школы в том, что повседневные элементы становятся культурными знаками и объектами для художественного выражения. Например, художники Лианозовской школы использовали бытовые предметы и их символическое значение как средство для передачи глубинных социальных и политических смыслов, что становится возможным именно в эпоху, когда «повседневность» начинает приобретать культурную ценность. Автор утверждает, что «предметы быта обладают знаковым содержанием и поэтому характеризуют социокультурную принадлежность человека» [9]. Этот тезис перекликается с практикой лианозовцев, которые использовали бытовые символы и знаки для создания сложных образов, требующих от зрителя активной интерпретации. В их произведениях, например, в работах Оскара Рабина, часто применяются абстракции и ироничные символы, которые, с одной стороны, отсылают к конкретной социокультурной реальности, а с другой – деконструируют ее, ставя под сомнение официальные культурные стандарты.

Кнабе выделяет важный процесс диалектики культуры и повседневности, заявляя, что «повседневность, растворенная в жизни, становится ее важнейшей частью, теряя свое отличие от высоких форм культуры» [9, с. 47]. Это перекликается с работами художников Лианозовской школы, где художники стремились показать, как повседневная жизнь и ее символы взаимодействуют с официальной культурой.

В данной статье рассмотрена роль искусства Лианозовской школы как активного участника в переосмыслении и трансформации социокультурной реальности. Художники этой школы не ограничивались репрезентацией действительности, как это было характерно для социалистического реализма. Вместо этого они использовали художественное отражение как инструмент для создания альтернативных, многозначных образов, которые предлагали зрителю новые способы восприятия социальной и политической реальности.

Список литературы

1. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие: психология творческого глаза. Москва: Прогресс, 1974. 584 с.
2. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. *Варбург А.* Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. 381 с.
4. *Двойнишникова М. П.* Визуальная поэзия Лианозовской школы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2015. № 3. 32 с.
5. *Орлицкий Ю. Б.* Лианозовская группа // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/2649052>
6. *Орлова Э. А.* Социокультурная реальность: к определению понятия // Личность. Культура. Общество: Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. Российская Академия Наук, Национальная Академия Наук Беларуси, Национальная Академия Наук Украины. Т. 9. Вып.1 (34), 2007. С. 70–87.
7. *Каган М. С.* Эстетика. Введение в теорию искусства. Москва: Искусство, 1985. 288 с.
8. *Кандинский В. В.* Избранные труды по теории искусств. Москва: Гилея, 2001. Т. 2. 342 с.
9. *Кнабе Г.* Диалектика повседневности // Вопросы философии, 2008. № 5. С. 44–56.
10. *Кривицун О. А.* Эстетика: монография. Москва: Академический проект, 2000. 264 с.
11. *Роднянская И. Б.* Художественный образ // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/khudozhestvennyi-obraz-79d7d7/?v=6025594>
12. *Флиер А. Я.* Искусство в культуре или культура в искусстве? // Культура культуры, 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-v-kulture-ili-kultura-v-iskusstve>
13. *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов // Культура культуры, 2015. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/flier-a-ya-kulturologiya-dlya-kulturologov>
14. *Франкастель П.* Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху кватроченто. Санкт-Петербург: Наука, 2005. 335 с.
15. *Фуко М.* Археология знания. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
16. *Холин И. С.* Избранное. Стихи и поэмы. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 320 с.

*

Поступила в редакцию 09.07.2025

СЕМИОТИКА МАНГИ В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 7.049

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-99-107>

Н. И. Юшин

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: nikiushin2000@gmail.com

Аннотация. Мировая популярность традиционного японского искусства манги объясняется устремлённостью нынешнего мира к визуальным способам передачи информации. Автор подчеркивает, что визуальный поворот XX–XXI веков задал новый вектор в сфере искусства, и манга по своей изначальной сути оказалась комплементарна духу времени. Несмотря на сложность художественного языка, именно манга заложила основы узнаваемости японской культуры во всём мире. Визуальная культура стала характерной составляющей повседневной жизни современного человека, а её прочтение – объектом исследования искусствоведов, в том числе – с помощью семиотических методов. Семиотика как наука о знаках, содержит уникальные инструменты для анализа манги. Автор приходит к выводу, что система знаков, формирующих особый символическо-художественный язык, позволяет наиболее полно передать всю глубину и многослойность манги.

Ключевые слова: манга, мангака, семиотика, символ, знак, визуальная культура, японское искусство, визуальный поворот.

Для цитирования: Юшин Н. И. Семиотика манги в контексте визуальной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 99–107. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-99-107>

SEMIOTICS OF MANGA IN THE CONTEXT OF VISUAL CULTURE

Nikita I. Iushin

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: nikiushin2000@gmail.com

Abstract. The worldwide popularity of traditional Japanese manga art is explained by the current world's focus on visual methods of conveying information. The author emphasizes that the visual turn of the 20th-21st centuries set a new vector in the field of art, and manga, in its original essence, turned out to be complementary to the spirit of the times. Despite the complexity of the artistic language, it was manga that laid the foundations for the recognition of Japanese culture throughout the world. Visual culture has become a characteristic component of the daily life of a modern person, and its reading has become an object of study for art historians, including with the help of semiotic methods. Semiotics as a science of signs

ЮШИН НИКИТА ИГОРЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

IUSHIN NIKITA IGOREVICH – Postgraduate student at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Юшин Н. И., 2025

contains unique tools for analyzing manga. The author concludes that the system of signs that form a special symbolic and artistic language allows one to most fully convey the depth and multi-layered nature of manga.

Keywords: manga, mangaka, semiotics, symbol, sign, visual culture, Japanese art, visual turn.

For citation: Iushin N. I. Semiotics of Manga in the Context of Visual Culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 99–107. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-99-107>

Манга – удивительный феномен современной глобальной культуры с бесконечным жанровым разнообразием, включающим в себя как наследие традиционного японского искусства, так и заимствования западного. На сегодняшний день манга обрела популярность во многих странах, и не в последнюю очередь благодаря уникальным стилистическим особенностям изображения посредством знаков и символов. Символизм в манге служит визуализирующим её идею специфическим кодом, посылаемым читателю мангакой (человеком, создающим мангу) и позволяющим с максимальной точностью донести замысел произведения, обеспечивая тем самым более глубокое его понимание. Исследуя особенности символическо-графической системы манги, В. Ю. Леонов справедливо отмечает, что трактовка символов не всегда однозначна, поскольку их значение может быть разным в зависимости от сочетаний и других обстоятельств [5, с. 115]. Тем не менее система знаков, используемых в манге и формирующих особый символическо-художественный язык, позволяет наиболее полно передать всю глубину и многослойность выстраиваемой автором композиции.

Эффект восприятия, производимый мангой, вписывается в концепцию «визуального поворота», возникшую на базе введенного американским философом, основателем направления «философия будущего» Ричардом Рорти понятия «лингвистического поворота». Основная идея лингвистического поворота заключается в понимании языка как инструмента не только описывающего, но и формирующего реальность, что, согласно Р. Рорти, повлияло на развитие философии XX века. В дальнейшем понятие «поворота»

как значения, характеризующего процессы, проистекающие в современном гуманитарном знании, оказалось необычайно востребованным [1, с. 14]. Следом за «лингвистическим поворотом» Р. Рорти появились «риторический», «пространственный», «антропологический», «иконический», «постмодернистский» и множество других «поворотов», что, по мнению В. В. Савчука, объясняется увеличением скорости изменений в общественной жизни, ведущему к сокращению времени от одного поворота к другому [10, с. 108].

С позиции настоящего исследования нас интересует поворот визуальный, где в качестве объекта исследования выступает зрительное восприятие. Но воспринимать рассматриваемый концепт исключительно как явление современное было бы несправедливо – наличие визуального восприятия отмечали и мыслители древности, и философы нового времени. Платон считал зрение важнейшим чувством, которое является для человека не столько процессом физическим, сколько познавательным, предназначенным для мирозерцания и постижения истины. Иммануил Кант называл визуальное восприятие инструментом познания мира, а визуальное воображение считал одной из основных способностей человеческой души, лежащей в основе всякого познания. Джон Локк рассматривал визуальное восприятие как совокупность субъективных и отличных у разных людей чувственных данных, получаемых ими от окружающего мира. Начавшиеся в XIX веке изменения в способах изображения – вкуче с передовыми научными открытиями – открыли дорогу созданию новых образов, а визуальный поворот XX столетия, по мнению Л. Н. Воеводиной, был обусловлен

множеством факторов, и, в первую очередь, – доминированием визуальности, насыщением культурного пространства повседневности различными образами, которые стали создаваться и транслироваться в немыслимых прежде масштабах [2, с. 100].

Становление современной манги как пространства выражения идей автора с помощью изображений объясняется устремленностью нынешнего мира к зрительным способам передачи информации. Визуальный поворот XX–XXI веков детерминировал новые реалии в сфере искусства, и манга по своей изначальной сути оказалась комплементарна духу времени. Визуальная культура стала характерной составляющей повседневной жизни современного человека, а её прочтение – объектом исследования искусствоведов, в том числе с помощью семиотических методов. Семиотика, как наука о знаках и знаковых системах, содержит уникальные инструменты для анализа манги. Знак – это основная единица семиотики, которая состоит из означающего (форма знака) и означаемого (значение знака). Касательно манги, это может быть видимый образ, текстовый элемент или комбинация этих двух составляющих.

Помимо знака, компонентами манги также являются код, детонация и коннотация. Код представляет собой совокупность правил, по которым комбинируются и интерпретируются знаки. Детонация означает буквальное толкование знака, а коннотация – его дополнительные смыслы и ассоциации. Манга содержит большое количество прямых и косвенных значений, а семиотический подход к её исследованию позволяет глубже понять, как создаются и в дальнейшем транслируются заложенные автором идеи. Например, анализ визуальных знаков, включающий изучение символов, иконок и индексов, помогает раскрыть передаваемые художником действия, эмоции и характеры персонажей. Текстовые знаки позволяют понять алгоритм взаимодействия вербальных и визуальных элементов, используемых для создания сюжетных линий. Специфические культурные коды, включён-

ные в мангу, зачастую могут быть понятны только в контексте японской культуры, а их распознавание помогает интерпретировать концепцию всего замысла.

Визуальный язык – основной инструмент манги, включающий в себя рисунки, линии движения, выражения лиц и композиции кадров, отличается высокой экспрессивностью и способностью передавать сложные эмоции и действия. Вербальный язык, состоящий из текстов диалогов, монологов и звуковых эффектов, служит дополнением к визуальным элементам. Ономотопеи (слова, являющиеся звукоподражанием) и звуковые эффекты играют важную роль в создании атмосферы и динамики манги. Эти компоненты, собранные воедино, создают многослойное повествование.

В манге используются разнообразные техники, например, флэшбэки и флэшфорварды, которые позволяют исследовать прошлое и будущее персонажей, углубляя тем самым сюжет, или интернализация, передающая внутренние монологи и субъективные взгляды героев, таким образом помогая читателю понять их мысли и чувства. Манга также имеет свою структуру и грамматику, которые определяют, как будет рассказана история. Так, кадры и панели, в частности, расположение и размер панелей на странице и их последовательность, создают ритм и темп повествования. Переходы между кадрами и их различные типы, например, моментальные, временные или эмоциональные, используются для создания плавности или напряжения в рассказе. Композиция страниц, включая распределение фокальных точек и визуальных потоков, влияет на восприятие и интерпретацию сюжета.

Для обозначения дополнительных смыслов и эмоций в манге активно применяются иконография и символика. К таковым, в частности, относятся звуковые эффекты, которые могут быть изображены как текстом, так и графикой, и визуальные метафоры. Например, капли пота означают волнение, пламя вместо зрачков – гнев, спираль над головой –

обдумывание и т. п. Благодаря семиотике, перечисленные элементы считаются и воспринимаются легко и понятно. Семиотический подход к манге позволяет увидеть связь текста и изображения: диалоги и монологи выполняют основную функцию – трансляцию мысли, определенные сочетания символов помогают создать атмосферу и динамику событий, визуальные усиливающие элементы передают чувства и ощущения.

Размышляя о семиотике манги, А. И. Денисова выделяет следующий набор символов, с помощью которых авторы обозначают характер персонажей и их настроение: глаза, рот, нос, цвет волос, одежда, окружение, типаж, микродвижения и др. Например, черные как вороново крыло волосы говорят читателю о том, что герой воплощает собой ценности бусидо. Если при этом персонаж мужчина, то он бесстрашен, суров и немногословен, способен стойко переносить удары судьбы. Персонаж женского пола с таким цветом волос означает скромность и жертвенность. Розовые волосы говорят о чистоте и невинности, рыжие – о хитрости и взрывном темпераменте, коричневые – о мягкости, сдержанности и замкнутости, голубые – о высоком уровне интеллекта и глубоком уме, зеленые – о наивности и простодушии. Главная особенность, отличающая мангу от их западных аналогов, – развитый символическо-графический язык, позволяющий несколькими штрихами передать довольно сложные эмоции или выразить характер героя [3, с. 4]. Посредством манги могут транслироваться любые идеи, а преданный почитатель жанра всегда сможет понять то, что хотел сказать автор, ориентируясь на символы и знаки.

Первым мангакой, внесшим неоценимый вклад в возрождение, эволюцию и популяризацию манги в XX веке, считается японский аниматор, доктор философии Тэдзука Осаму, которого часто называют «богом манги». За свою жизнь О. Тэдзука создал более пятисот манг, за что был удостоен множества премий и наград, а его стиль рисования оказал огромное влияние как на мангак того

времени, так и следующих поколений. Свой творческий путь О. Тэдзука начинал с манги для детей, но в дальнейшем переключился на актуальные духу времени темы. Так, в манге авторства О. Тэдзуки отражаются разнообразные научные, исторические и религиозные сюжеты, поднимаются социальные проблемы общества, затрагиваются немаловажные для послевоенной Японии вопросы гуманности и ценности жизни. Кроме того, в сравнении с мангой довоенной работы О. Тэдзуки отличаются разнообразием символов, линий, цвета и форм, что послужило предпосылкой для создания по мотивам его манги полнометражного анимационного фильма в 1960 году. С 1997 года талантливым авторам манги вручается ежегодная премия имени Осаму Тэдзуки в четырех номинациях: за лучший рассказ, премия «Креатив», специальная награда за вклад в развитие культуры манги и Гран-при за лучшую мангу года.

На визуальной составляющей манги, используемых в ней символах, знаках и типах линий, акцентирует внимание Нацумэ Фусаносукэ – выдающийся исследователь-японист и один из первых, кто подошел к изучению манги с позиции семиотики. Нацумэ стал пионером семиотического направления исследования манги наряду с Ёмото Инухико – известным японским ученым, филологом, семиотиком, литературоведом и кинокритиком и Оцука Эйджи – японским писателем-фольклористом, специалистом в области зарождения послевоенной методологии манги и её дальнейшего развития.

Нацумэ принадлежит авторство так называемой грамматики манги – «манга бумпо», овладение навыками которой в большинстве случаев происходит интуитивно в процессе прочтения или перерисовывания манги. Будучи приверженцем и исследователем творчества О. Тэдзуки, Нацумэ изобрел методику, поясняющую, как различные комбинируемые между собой знаки формируют новые значения, смыслы и сюжеты. Тремя главными компонентами манги он считает изображение, кадр и слово, но при этом неотъемлемыми яв-

ляются только два из них – изображение, отвечающее за внутреннее содержание, и кадр, передающий форму. Неопытному читателю расшифровать все присутствующие в манге символы достаточно сложно, но понять общий замысел повествования он сможет.

Отправной точкой исследований для Нацумэ стало применение такой формы языкового выражения, как звукоподражание, связанное, по его словам, с желанием «увидеть ландшафт манги, как на горе сверху». Уникальность звукоподражания заключается в способности передавать не просто звук, но и его эмоциональный окрас. Каждое звукоподражание в манге обладает своим собственным выраженным оттенком эмоций, будь то радость, грусть, удивление, гнев или страх, а использование этой техники оживляет повествование и создает в воображении читателя уникальные образы героев. В дополнение к звукоподражанию Нацумэ использует и лингвистический подход, что делает прочтение манги более интересным, одновременно напоминая аудитории о неотъемлемой роли японской культуры и языкового познания в создании, чтении и толковании манги. Хотя Нацумэ не является лингвистом, он одним из первых начал объяснять важную роль японских «гионго» – слов, имитирующих звуки, «гисейго» – слов, имитирующих издаваемые живыми существами звуки и голоса, и «гитайго» – слов, имитирующих состояния и эмоции. Эти используемые в манге категории помогают ярче выразить чувства, передать атмосферу происходящего и сделать описание более живым.

В японском языке существует более тысячи различных звукоподражаний, что примерно в три раза больше, чем в русском. Далеко не все из них применяются в манге, однако очень часто реплики героев остаются непереваденными из-за колоссальных затрат на это усилий и времени, неуместности иностранных слов в контексте истории, отсутствия в языке, на который переводится манга, большей части звуков, которые есть в японском и т. п.

Японские слова и звуки делятся на три семейства и пять классов. Семейства группируют слова по звукам, которым они подражают, а классы – по морфемной структуре, то есть тому, как слова выглядят с точки зрения словообразования. Справедливости ради следует отметить, что такие классы и семейства есть практически в любом языке, включая русский, поэтому явление «гитайго» не уникально для японского – оно существует и в других языках. Например, аналогом английских «grin», «gaze», «wink» в русском языке служат слова «ухмылка», «взгляд», «подмигивание». Усиление эффекта, который производят слова, возникает из-за литературного консонанса, повторения согласных или гласных звуков, акцентирующих внимание на слове.

«Гитайго» являются неотъемлемой частью японского художественного языка, и эти слова нужно научиться видеть, а не пытаться прочесть досконально точно. Японский язык богат на оноματοпоэтические слова, поэтому перед переводчиком часто возникает проблема передачи нужного звука. Существуют звукоподражательные слова, имеющие эквиваленты в любом языке мира. Однако в японском языке существует много специфических слов, которым сложно подобрать эквивалент в русском [4, с. 235]. В японской речи «гитайго» широко распространены и используются в повседневном общении, поэтому неудивительно, что они встречаются и в манге. Именно «гитайго» позволяют автору максимально точно передать душевное состояние героя, мимика которого в разные моменты делает его непохожим на самого себя, но при этом он легко идентифицируется по другим внешним атрибутам, например, по прическе, одежде или шрамам. Если же выражение лица персонажа сильно не меняется, то его эмоции и настроение выглядят однообразно, что не способствует раскрытию авторского замысла.

Помимо звукоподражания, Нацумэ уделяет особое внимание линиям, являющимся основой изображений в манге. Именно структура и характер линий, с помощью которых отображаются эмоции героев, отличают про-

изведения различных авторов манги друг от друга. Одни мангаки используют технику плавных линий, другие – резких, третьи сочетают разные типы написания. Линии могут различаться по ширине, направлению, динамичности, четкости и другим параметрам, которые являются визитной карточкой опытного мангака. Например, по сравнению с нединамичными, разнообразными трехмерными линиями более точно передают информацию, а вот неточные, неровные линии в больших количествах сложнее подлежат измерению и завершению.

Нацумэ обращается и к принадлежностям для рисования, используемым мангакой. В классическом исполнении манга создается с помощью туши и пера, при этом различные формы перьев формируют разные типы линий. Так, с помощью пера-«ложки» рисуются тонкие линии для спокойных прохладных изображений, пера-«редиски» – плавные ровные линии для мягких и теплых рисунков, пера-Джи – жирные линии для живых выразительных образов, круглого пера – линии разной толщины в зависимости от силы нажима. К базовым инструментам рисования манги относятся также фломастеры различных оттенков, линеры – инструменты для обведения контуров и создания штриховки и рапидографы, обеспечивающие одинаковую толщину линий, необходимых для создания архитектурных элементов в манге. Однако Нацумэ, являясь приверженцем классического стиля, считает, что рапидограф выдаёт слишком вычурные линии, линер не передаёт палитру эмоций и производит сухое впечатление, а фломастер и вовсе делает мангу плоской и бесчувственной.

Следует отметить, что новейшие технологии открыли мангакам небывалые горизонты за счет использования новых видов инструментов для творчества – графических планшетов, интерактивных дисплеев и программ для рисования с широким спектром спецэффектов. Отдельным звеном в создании современной манги стоит искусственный интеллект, однако, в силу специфических особенностей

жанра, он пока ещё не в состоянии учитывать тонкие нюансы, сложные речевые модели и другие проблемы, возникающие не только в процессе творчества, но и при переводе с японского на другие языки. Ряд ученых-исследователей выдвигают тезис о том, что пока работа искусственного интеллекта заключается в компиляции уже существующих изображений по принципу вычисления среднего визуального образа на основе сотен и тысяч уже изображенных и опубликованных в открытом доступе изображений. Работа художника не исчезнет, но изменится и преобразится, станет ориентироваться на авторское видение [9, с. 351]. Стоит признать, что на сегодняшний день искусственный интеллект, хотя и не способен в полном объеме создать высокохудожественную мангу, но может стать вспомогательным инструментом для художников в части идей персонажей или выполнения несложной, но трудоёмкой работы, например, заполнения узора цветом. Ключевая проблема для нейросетей в настоящий момент заключается как раз в многослойности манги, её стилевых особенностях и семантике.

Но вернемся к графико-символическому языку манги в части многозначности используемых линий, когда нарисованный элемент не всегда является тем, чем кажется на первый взгляд, в результате чего могут возникать дополнительные смыслы [7, с. 351]. Нацумэ считает, что читатель интуитивно считывает эмоции персонажа через характер линий. Например, негодование, раздражение, гнев передаются через резкие и угловатые линии; беспокойство, напряжение, волнение – через изогнутые; дружелюбие, благосклонность, добродушие – через округлые. Линии движения показывают направление и динамику перемещения, линии скорости – экстраординарную быстроту, линии действия появляются позади или впереди движущегося объекта или человека параллельно направлению его движения, чтобы создать впечатление того, как он передвигается – быстро или медленно. И, наконец, смирные, или быстрые рисунки, наносятся маз-

ками и транслируют не сам момент действия, а то, как это действие было совершено.

Мазки – важный приём в манге, используемый для создания иллюзии быстроты движения и добавления больше энергии и динамизма в сцены. Они помогают проиллюстрировать стремительные манёвры, которые были бы слишком быстрыми для восприятия в реальной жизни. В манге мазки создаются путём растяжения и искажения формы персонажа или объекта. Иногда мангака рисует несколько конечностей или черт, чтобы создать эффект размытости и подчеркнуть скорость и интенсивность движения персонажа. Эти преувеличенные формы видны только в течение нескольких кадров, но именно они создают видимость добавления множества дополнительных эпизодов. Кроме того, при использовании мазков покадровая анимация с плавными реалистичными движениями выглядит визуально более привлекательной. Кадры размытия используются не только для изображения быстрого перемещения в пространстве, но и сцен погони, сражений, а также для смены эмоций, чтобы, например, показать изменение выражения лица персонажа от счастливого к недовольному.

В контексте вышеизложенного уместным будет рассмотреть и сравнить три знаковые манги последних лет – «Сэйлор Мун», «Наруто» и «Акира» – посредством анализа ключевых структурных и семиотических аспектов.

Манга «Акира», созданная Катсухиро Отомо и изданная в 1982 году, является ярким примером научной фантастики и киберпанка и имеет сложный, многослойный сюжет. Действия происходят в постапокалиптическом Токио, и описываются столкновения подростковых банд, политические интриги и сверхъестественное. В манге присутствует непрозрачный намёк на критику социального устройства Японии. Отомо отдаёт предпочтение детализированной и динамичной графике, чтобы ярче отразить состояние хаоса и беспорядка. В манге много внимания уделяется архитектуре и технологичности, усиливается идея мрачного будущего, где человек и техно-

логии выходят из-под контроля. С помощью определённой компоновки страниц и панелей, а именно чёткой выверенности, множественности, обилия перспективы внутри фреймов, усиливается эффект кинематографичности.

С точки зрения символизма и иконографии, «Акира» укоренена в темах разрушения и возрождения и отражает страхи и надежды общества на пороге ядерной эпохи. Символы власти, контроля и революции присутствуют на протяжении всей манги, подчёркивая контекст социального и политического, критикуя милитаризм и правительственное вмешательство.

«Наруто» – манга Масаси Кисимото, впервые опубликованная в 1999 году, является одной из самых популярных серий в жанре сёнэн. Действие разворачивается в мире ниндзя, где юный Наруто Узумаки стремится стать Хокаге – лидером своей деревни. Основная сила манги заключается в её детализированном мире, разнообразных персонажах и глубоких темах дружбы, упорства и борьбы с внутренними демонами. Визуальный стиль Кисимото отличается динамичными боевыми сценами и выразительными эмоциями персонажей, что делает каждую главу насыщенной и захватывающей. Компоновка страниц и панелей способствует плавному повествованию, что позволяет читателям легко следить за развитием сюжета и персонажей.

С точки зрения символизма и культурных аспектов, «Наруто» использует множество элементов японской мифологии и традиций ниндзя, что придаёт истории уникальный колорит. Символика демона-лисы, заключённого внутри Наруто, отражает его внутренние конфликты и стремление к принятию себя. Манга также исследует социальные темы предубеждения и поиск признания, что делает её глубоко резонирующей с читателями разных возрастов. В отличие от «Акиры», которая сфокусирована на мрачных и философских аспектах будущего, «Наруто» предлагает более оптимистичный взгляд на преодоление трудностей и важность личных связей.

«Сэйлор Мун» (оригинальное название «Bishoujo Senshi Sailor Moon») – манга Наоко

Такэути, впервые опубликованная в 1991 году, стала одной из самых влиятельных и популярных серий в жанре сёдзё. История повествует о школьнице Усаги Цукино, которая превращается в воительницу в матроске Сейлор Мун, чтобы сражаться со злом и защищать Землю. Ключевая особенность этой манги – способность сочетать элементы магии, романтики и дружбы, создавая эмоционально насыщенные и увлекательные приключения. Визуальный стиль Такэути отличается изящными рисунками, акцентом на модные костюмы и романтические сцены, что придаёт серии уникальную визуальную привлекательность. Компонировка страниц и панелей способствует динамичному развитию сюжета, поддерживая интерес читателей к драматическим и боевым эпизодам.

С точки зрения культурного влияния и символизма, в «Сейлор Мун» используются мифологические и астрономические мотивы для придания истории глубины и значимости. Символика планет и звезд, а также образы магических воительниц подчёркивают темы возрождения, любви и женской силы. Манга также исследует подростковые проблемы, вопросы самоопределения и силу дружбы, что делает её актуальной для широкой аудитории. В отличие от «Акиры» и «Наруто», «Сейлор Мун» предлагает более фантастическое и романтическое повествование, ориентированное на девушек и молодую аудиторию. «Сейлор Мун» укрепила позицию сёдзё-манги на мировом рынке и оставила яркий след в поп-культуре, вдохновив множество авторов на создание нового.

«Акира», «Наруто» и «Сейлор Мун» представляют собой три знаковых манги, каждая из которых имеет свой уникальный стиль и культурное влияние, отражающее разные аспекты японской поп-культуры. «Акира» и «Наруто» больше ориентированы на мужскую аудиторию и содержат довольно мрачные и динамичные сюжеты, тогда как «Сейлор Мун» привлекает своей лёгкостью и романтикой, но глобально они своей тематикой могут затронуть каждого, заставить думать о важном. Таким образом, каждая упомянутая манга представляет собой уникальный аспект японской культуры и искусства, демонстрируя разнообразие тем, стилей и подходов, которые сделали их культовыми в мировом масштабе.

Манга является многоуровневым изобразительно-текстовым произведением, содержащим различные символы, знаки и атрибуты, прочтение которых требует определённых навыков, в связи с чем читателю нередко требуется обращаться к дополнительным источникам информации [8, с. 286]. Несмотря на сложность художественного языка, именно манга заложила основы узнаваемости японской культуры во всем мире. В ближайшем будущем учёным предстоит переосмыслить и пересмотреть теорию визуальной культуры, её методологические подходы и понятийный аппарат [11, с. 87], в том числе – с учётом укоренившегося в современном социокультурном пространстве феномена визуального поворота, рассмотренного на примере традиционного японского искусства – манги.

Список литературы

1. Беззубова О. В. Понятие «поворота» в современных исследованиях визуальной культуры // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 14–17.
2. Воеводина Л. Н. Визуальный поворот и новые культурные практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 3 (113). С. 97–103.
3. Денисова А. И. Семиотика в манге и аниме // Вестник Тамбовского государственного университета. 2014. № 12 (140). С. 1–5.
4. Кан М. А., Тразанова Н. Ю. К вопросу о переводе манга / Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции «Научные и междисциплинарные исследования». 2021. С. 229–242.

5. *Леонов В. Ю.* Основные особенности символично-графической системы манга и аниме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 2 (28). С. 115–118.
6. *Магера Ю. А.* Семиотическая концепция Нацумэ Фусаносукэ в исследовании выразительных средств манги // Ежегодник Япония. 2021. Т. 50. С. 342–357.
7. *Минина Т. Л., Огнева Т. Н.* Визуальная символика как способ репрезентации героев в манга // Уральский филологический вестник. 2013. № 5. С. 276–287.
8. *Монахова Л. Д., Коробанов А. В., Киселева Е. В.* Особенности цифровой иллюстрации в эпоху развития искусственного интеллекта // Kant. 2023. № 2 (47). С. 351–355.
9. *Савчук В. В.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 93–108.
10. *Сергеева Н. А., Пашова Э. В., Бородина М. А.* Визуальный поворот в культуре и его отражение в современном искусстве // Журнал Сибирского федерального университета. 2024. № 17 (1). С. 84–100.

*

Поступила в редакцию 25.06.2025

ФЕСТИВАЛЬ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 791.9

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-108-116>

О. М. Киселева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 888-oksana@mail.ru

Аннотация. Стремление к познанию индийской истории и культуры возникло в России не вчера, с определенной периодичностью вспыхивало и затухало, но никогда не угасало. Начало XXI столетия ознаменовалось восстановлением прерванной на какое-то время традиции изучения культурного наследия Индии, поскольку в условиях глобализации задача установления диалога между различными культурами человечества обрела особую актуальность. Неизменной моделью межкультурного взаимодействия служат базирующиеся на народном опыте многообразные исторические культурные ценности и традиции, а также способы их передачи, одним из которых является фестиваль. Фестиваль как форма межкультурного взаимодействия, в рамках которого происходит обмен культурным достоянием разных народностей, стимулирует интеллектуально-творческую активность, созидательные процессы и стремление к выстраиванию доброжелательных отношений. В статье – на примере проводимых в России индийских фестивалей – показаны такие важные его функции, как коммуникативная, просветительская, воспитательная, обучающая, досуговая, социально-экономическая.

Ключевые слова: фестиваль, национальные традиции, Индия, индийская культура, межкультурный диалог.

Для цитирования: Киселева О. М. Фестиваль индийской культуры как форма межкультурного взаимодействия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 108–116. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-108-116>

INDIAN CULTURE FESTIVAL AS A FORM OF INTERCULTURAL INTERACTION

Oksana M. Kiseleva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: 888-oksana@mail.ru

Abstract. The desire to understand Indian history and culture did not arise in Russia yesterday, it flared up and died down with a certain periodicity, but never died out. The beginning of the 21st century was marked by the

КИСЕЛОВА ОКСАНА МИХАЙЛОВНА – соискатель кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

KISELEVA OKSANA MIKHAILOVNA – applicant at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Киселева О. М., 2025

restoration of the tradition of studying the cultural heritage of India, which had been interrupted for some time, since in the context of globalization the task of establishing a dialogue between different cultures of mankind has acquired particular relevance. The invariable model of intercultural interaction is based on the diverse historical cultural values and traditions based on national experience, as well as the ways of their transmission, one of which is the festival. The festival as a form of intercultural interaction, within the framework of which the cultural heritage of different peoples is exchanged, stimulates intellectual and creative activity, constructive processes and the desire to build friendly relations. In the article, using the example of Indian festivals held in Russia, such important functions as communicative, educational, upbringing, training, leisure, socio-economic are shown.

Keywords: festival, national traditions, India, Indian culture, intercultural dialogue.

For citation: Kiseleva O. M. Indian Culture Festival as a Form of Intercultural Interaction. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 108–116. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-108-116>

Начало культурного взаимодействия европейских государств с Индией относится к временам ее колонизации конца XVIII – начала XIX века. До этого времени Индия интересовала европейцев лишь с точки зрения торговых связей. Но к концу XVIII века, когда в страну прибыло большое количество не просто торговцев и искателей приключений, но и аристократии и высокообразованных людей, незнакомая древняя культура, ее духовные и интеллектуальные ценности вызвали у вновь прибывших небывалый интерес. Вопрос об отношении колонизаторов к местному населению и оценке роли европейского влияния на социально-экономические и политические процессы, происходящие в колониальной Индии, вынесем за рамки данного исследования как к нему не относящиеся. Отметим лишь то, что британцы не проигнорировали великое индийское наследие, как, например, это случилось в процессе колонизации народов Америки и Африки, а начали его исследовать и изучать. Появились первые ученые-индологи, такие как Уильям Джонс (1746–1794), Перси Браун (1872–1955) и Макс Мюллер (1923–1900), изучавшие древние языки и глубоко погружавшиеся в культуру Индии.

Интерес к индийской философии, литературе, искусству и религиям в разное время проявляли и известные российские путешественники, художники, писатели, философы. Имена русских исследователей Афанасия

Никитина (первая половина XV века – ок. 1475), Филиппа Ефремова (1750 – ок. 1811), Герасима Лебедева (1749–1817), Петра Пашино (1836–1891) и Ивана Минаева (1840–1890), чьи жизни были неразрывно связаны с Индией, известны каждому индологу. Так, Герасим Лебедев, по праву считающийся основоположником русской индологии, неоднократно заявлял о необходимости изучения опыта Индии не только в контексте древних традиций, но и современной (на тот момент) жизни, обычаев и нравов, призывал к знакомству западного мира с редким богатством философии и эстетики Индии. Член Русского географического общества, писатель-публицист, этнограф, переводчик и дипломат Петр Пашино довольно подробно описал свои индийские странствия в книге «По Индии». Иван Минаев, статский советник и востоковед, стал основателем первой русской индологической школы. В дальнейшем интерес к Индии стал характерной чертой духовной жизни рубежа XIX–XX веков, найдя свое отражение в трудах и произведениях таких выдающихся деятелей русской культуры, как Лев Толстой (1828–1910), Иван Бунин (1870–1953), Константин Бальмонт (1867–1942), Николай (1874–1947) и Елена (1879–1955) Рерихи, Елена Блаватская (1831–1891) и многие другие. А образованное российское общество имело возможность знакомиться с трудами крупнейших мировых ученых-востоковедов.

В качестве примера можно привести опубликованный в России в 1788 году текст «Бхагаватгиты» (в пер. «Песнь Бога») – ценнейшего памятника древнеиндийской религиозно-философской мысли. В индуизме «Бхагаватгита» является одним из трех важнейших текстов наряду с «Упанишадами» и «Ведантой». Великий немецкий филолог, философ и языковед Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) назвал «Бхагаватгиту» «прекраснейшей, быть может, единственно истинной философской песнью из существующих на каком-либо языке». Максимилиан Волошин (1877–1932) – русский и советский поэт, переводчик, художник-пейзажист, литературный критик, считал «Бхагаватгиту» одним из «величайших Евангелий человечества». Общеизвестным фактом является то, что особый интерес к древнеиндийскому эпосу проявляли русский философ, поэт и прозаик Александр Радищев (1749–1802), а также русский просветитель, журналист и издатель Николай Новиков (1744–1818), в типографии которого и была издана вышеупомянутая первая версия «Бхагаватгиты» на русском языке. В исследовании В. Б. Сокола упоминается реальный исторический эпизод о том, что деятельность Н. Новикова вызвала в среде русской интеллигенции кривотолки и многочисленные споры, что повлекло за собой вмешательство Екатерины II (1729–1796) [8, с. 165]. Императрица поручила рассмотрение дела Н. Новикова, обвиняемого в ереси, неблагонадежности и рискованном увлечении неправославными образами духовности митрополиту Московскому и Коломенскому Платону (1737–1812). Итогом бесед проповедника с обвиняемым стало «пожелание, чтобы таких христиан, как Новиков, было больше» [3, с. 69].

Практически сразу за «Бхагаватгитой» с санскрита на русский язык была переведена пьеса «Шакунтала» – одно из лучших произведений древне-индийского поэта Калидасы (IV век н. э.), комментарий и предисловие к которой составил русский писатель, издатель и историк Николай Карамзин (1766–

1826). В 1792 году в двух номерах «Московского журнала», майского и июньского, были опубликованы первое и четвертое действия «Шакунталы» в переводе Н. Карамзина, давшего произведению высочайшую оценку. Интерес к индийской культуре был столь велик, что статьи и очерки об Индии, ее традициях и обычаях печатались в самых популярных изданиях того времени – в «Вестнике Европы» (периодический журнал, издававшийся в Москве с 1802 по 1830 год), «Московских ведомостях» (газета, принадлежавшая Московскому университету и издававшаяся с 1756 по 1917 год), в «Отечественных записках» (русский литературный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1818 по 1884 год).

Как видно, стремление к познанию индийской истории и культуры возникло в России не вчера; оно с определенной периодичностью вспыхивало и затухало, но никогда не угасало. Начало XXI столетия ознаменовалось восстановлением прерванной на какое-то время традиции изучения культурного наследия Индии, поскольку в условиях глобализации задача установления диалога между различными культурами человечества обрела особую актуальность. В этой связи С. Д. Серебряный отмечает, что «для России и российских гуманитарных наук, в частности, эта задача не менее (если не более) актуальна, чем для других стран, и имеет ряд особенностей. “Советско-марксистская парадигма” <...> создавала немалые препятствия на пути понимания других культур (впрочем, как и своей собственной, российской), потому что навязывала гуманитарным наукам жесткие “предпонятия”, весьма неадекватные реальности» [7, с. 3]. В результате комплексных исследований, посвященных индийской культурной традиции, в русскоязычном научном сегменте все еще недостаточно, в том числе из-за сложности понимания южноазиатской и, в частности, индийской культуры. Такие сложности, по мнению того же С. Д. Серебряного, связаны не только с собственной «природой» изучаемого явления, но и с недостаточностью имеющихся в распоряжении

исследователей способов понимания и восприятия столь далекой и совершенно иной культуры.

В статье волгоградских ученых, посвященной исследованиям А. Я. Серебряного, описывается феномен становления российского востоковедения, заключающийся в «повороте от лингвистики к истории» [9, с. 195]. Особенность его состоит в том, что изначально деятельность востоковедов носила в большей степени прикладной характер, оставаясь долгое время в поле филологического знания. С течением времени ученые пришли к выводу, что перевод без объяснения смысла зачастую неверен из-за отсутствия в русском языке множества концепций индуизма, что дало импульс к исследованию индийских письменных источников в историческом контексте. В дальнейшем историческая трактовка описанных события стала главной задачей в работе практикующих переводчиков.

Как известно, передача из поколения в поколение накопленных знаний и культурных ценностей, лежащих в основе любой национальной культуры, происходит не только в процессе образования, но и с помощью таких важных элементов, как язык, народные традиции и религия. При этом следует различать ценности универсальные, в той или иной форме свойственные любой культуре (семья, род, здоровье, солидарность, благосостояние, безопасность и т. п.) и культурно-специфические, характерные для конкретной культуры. Народные традиции стали рассматриваться научным сообществом в качестве проводника культурных ценностей сравнительно недавно, а их значимость в формировании патриотизма, социокультурных норм и духовно-нравственной преемственности, по мнению Агаповой [1, с. 109], хорошо подтверждается на практике.

Индийские традиции складывались на протяжении многих тысячелетий, но при этом часть из них имеет некоторые отличия в зависимости от региона или вероисповедания. В настоящее время Индия – это многонациональное и мультикультурное госу-

дарство, первое в мире по численности населения, 80% которого исповедует индуизм, 13% – ислам, около 5% – буддизм, джайнизм и сикхизм, 2% – христианство. Количество представителей других религий, например, таких, как иудаизм и зороастризм, незначительно, но, тем не менее, в Индии проживает несколько десятков тысяч последователей этих религиозных течений. Несмотря на такое разнообразие, всей без исключения индийской культуре свойственны особый культ почитания предков, поклонение силам природы и национальная религия. Высокую значимость национальных традиций в процессе формирования, сохранения и передачи культурных ценностей индийского общества можно проследить на примере фестивального движения.

Индуизм охватывает широкое многообразие верований, традиций и обрядов. Праздники индуизма, сохранившиеся и дошедшие сквозь века до наших дней, вобравшие в себя все виды религиозных действий и богослужений, составляют важную часть жизни каждого индуса. Любое праздничное мероприятие проводится в честь какого-то божества и посвящено разнообразным историко-религиозным событиям, мастерству и ремеслам, упрочению родственных уз и семейным ценностям, ритуалам жизненного цикла и круговороту вещей в природе, сельскохозяйственным работам и труду, астрономическим событиям и астрологическим явлениям. Ежегодно в Индии отмечается порядка 140 праздников-фестивалей, а фестивальное движение, с одной стороны, способствует обретению собственной этнокультурной идентичности, а, с другой стороны, – вступлению индийского общества в активные формы межкультурного диалога.

Диалогическое межкультурное взаимодействие, по мнению Язвинской, предполагает диалог с прошлыми и настоящими культурами как формой одновременного бытия и общения людей разных времен и эпох. Неизменной моделью межкультурного взаимодействия служат базирующиеся на народном

опыте многообразные исторические культурные ценности и традиции, а также – способы их передачи, одним из которых является фестиваль. Фестиваль как средство межкультурного диалога располагает множеством форм и методов, которые на практике реализуются в культуротворческих, культуроохранных, рекреативных, образовательных и коммуникативных технологиях социально-культурной деятельности [10, с. 43]. Формат фестиваля не предполагает сепарации или размежевания отдельных культур, в результате чего он становится уникальной площадкой для налаживания плодотворного сотрудничества между различными народами и этносами. Предоставляя каждой культуре возможность демонстрации своих достижений, традиций и самобытности, фестиваль создает особое дружественное пространство для межкультурного обмена и консолидации внутри поликультурного сообщества. Многообразие культурных особенностей, представляемое на фестивале непосредственными носителями той или иной культуры, позволяет не только углубиться в изучение этой культуры, но и ломает неверные стереотипы о ней и ее представителях [5, с. 16].

Одним из таких фестивалей, направленных на выстраивание межкультурного взаимодействия между Индией и Россией, является ежегодный четырехдневный красочный фестиваль «День Индии» – самый масштабный праздник дружбы и сотрудничества между двумя странами. Фестиваль проводится в Москве с 2015 года. Будучи изначально небольшой площадкой для знакомства москвичей и гостей столицы с традициями и наследием Индии, за 10 лет фестиваль разросся до крупнейшего в России массового мероприятия, связанного с культурой другой страны. Начиная с 2022 года, ознаменованного 75-летием установления дипломатических связей между Индией и Россией, «День Индии» празднуется с большим размахом в ландшафтной части московского парка «Остров мечты». Масштаб фестиваля растет с каждым годом, а количество его

посетителей в 2024 году превысило 2 миллиона человек. Ожидается, что в 2025 году в фестивале примут участие более 2,5 миллионов человек. Фестиваль «День Индии» всегда проходит ярко и насыщенно. Ежегодно разрабатываются и совершенствуются его новые форматы, воплощаются креативные идеи, создающие у гостей самые незабываемые впечатления. Важность такого события заключается, прежде всего, в укреплении российско-индийской дружбы и взаимотношений между двумя странами.

По сложившейся традиции ежегодно определяется главная насущная тема фестиваля. Так, темой 2022 года стала экология и здоровый образ жизни. Влияние на здоровье экологических факторов, по критериям ВОЗ, оценивается в 20–25% всех воздействий, а загрязнение окружающей среды влечет до 30% заболеваний. Проблема дефицита пресной воды является глобальной, а первичным процессом, обуславливающим ухудшение качества воды, является антропогенное загрязнение. В рамках фестиваля была подчеркнута особая важность национальных проектов двух стран «Чистая вода», целью которых является повсеместное обеспечение населения качественной питьевой водой.

2023 год был объявлен ООН Международным годом проса, что послужило главной темой фестиваля. Индия производит более 50 миллионов тонн проса различных сортов (джовар, рааги, баджра, рамдана, чина и сама), что составляет 80% азиатского и 20% мирового объема. Просо содержит высококачественный белок, цинк, железо и фосфор, а его производство требует гораздо меньших затрат по сравнению с пшеницей или рисом. Поскольку перед глобальными агропродовольственными системами стоит задача не допустить голода среди постоянно растущего населения планеты, устойчивые к внешним воздействиям злаки, в число которых входит просо, представляют собой доступный и питательный вариант, а перед мировым сообществом стоит необходимость наращивания усилий по содействию в его выращивании.

Многочисленные индийские повара, принявшие участие в фестивале, провели мастер-классы и поделились опытом приготовления разнообразных блюд из проса. На церемонии открытия Президент Индийского бизнес-альянса (ИВА) в России и основатель фестиваля «День Индии» Сэмми Котвани и шеф-повар Энияван приготовили традиционное индийское угощение идли – пирог из проса – весом 77 килограммов.

Главной темой «Дня Индии» 2024 года стала семья и семейные ценности. Крепкая семья – залог стабильности и процветания любого общества. В индийском обществе семья является важнейшим социальным институтом и неотъемлемым, особо ценным компонентом индийской культуры. В Индии, как и в большинстве традиционных восточных обществ, институту семьи, ее единству и сплоченности придается огромное значение, а родственные узы имеют безусловный приоритет. По мнению А. Н. Кондратьевой, опыт построения и религиозно-правовое обоснование семейных отношений может стать полезным в современных реалиях, когда общество и государство находятся в поиске эффективной модели сохранения традиционных ценностей [4, с. 624]. В продолжение же темы экологии и здорового образа жизни 2023 года в 2024 году фестиваль был приурочен к глобальному движению «Спаси почву» – как напоминание об основополагающей роли почвы в обеспечении продовольственной безопасности и устойчивого развития.

Юбилейный 10-й фестиваль 2025 года посвящен яркому пути индийского наследия в России и 80-летию победы в Великой Отечественной войне, во время которой индийский народ, несмотря на свою собственную борьбу за независимость, проявил солидарность с советским народом. История девяти предыдущих фестивалей продемонстрировала их важную роль в укреплении российско-индийской дружбы, добрососедских отношений и взаимопонимания между двумя нациями, а индийские традиции и культура нашли теплый отклик у современного российского

общества. Обусловлено такое восприятие, в том числе, и насыщенной увлекательной программой фестиваля: колоритные шоу, национальные танцы, церемонии бракосочетания в индийском стиле, базар, кулинарные мастер-классы, занятия по йоге и аюрведе, показы кинофильмов, шахматный турнир и многое другое.

Кульминацией «Дня Индии» по традиции является «Ратха-ятра» – фестиваль колесниц, являющийся одним из главных праздников в вайшнавской традиции индуизма. Сотни танцоров в национальных праздничных одеждах везут огромную колесницу («ратха» – «колесница»; «ятра» – «шествие», «процессия»), декорированную живыми цветами и украшениями, а гостям фестиваля прямо с колесницы раздают фрукты. Основной фестиваль «Ратха-ятра» проходит ежегодно в июне или июле месяце в индийском городе Пури штата Орисса. Начиная с 60-х годов XX столетия, Ратха-ятра стала проводиться во многих крупных городах мира, включая Москву, Санкт-Петербург и некоторые другие российские города.

Фестиваль «День Индии» стал за последние годы одним из самых ярких городских событий лета, полюбившийся москвичам и гостям столицы. Организатором фестиваля «День Индии» является Индийский национальный культурный центр «Сита» при поддержке Посольства Индии в Российской Федерации, Министерства культуры Российской Федерации и Правительства Москвы. Помимо «Дня Индии» центр «Сита» проводит в России и другие культурно-развлекательные мероприятия, такие как международный фестиваль йоги, различные индийский религиозные праздники и другие тематические встречи, посвященные индийской культуре и истории. Так, с 5 по 13 июля 2025 года в самом сердце столицы на Манежной площади прошел фестиваль Индии в рамках проекта «Лето в Москве». Площадь была украшена сотнями экзотических растений, среди которых разместились шале с национальными угощениями и сувенирами. Помимо много-

численных развлекательных мероприятий, гостям фестиваля была предоставлена возможность принять участие в танцевальных мастер-классах, пройти уроки хинди и игры на барабанах, посетить выставку предметов искусства различных регионов Индии.

Индийская культура подарила миру еще одну национальную традицию – йогу, которая является не просто комплексом физических упражнений, а глубоким философским знанием. История йоги насчитывает более восьми тысячелетий, но в остальном мире этой практикой заинтересовались только в конце XIX века, и то лишь некоторые ученые. Одним из первых западных исследователей йоги стал немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860), изучавший переведенные с санскрита на латынь «Упанишады» – древнеиндийские религиозно-философские трактаты, относящиеся к священным писаниям индуизма. Заслуга же в проявлении интереса к йоге на западе, в первую очередь, принадлежит британскому востоковеду, переводчику с санскрита сэру Джону Джоржу Вудроффу (1865–1936), публиковавшему свои статьи под псевдонимом Артур Авалон. Существенный вклад в распространение и популяризацию йоги внес и выдающийся индийский философ, йог и общественный деятель Свами Вивекананда (1863–1902), произнесший в 1893 году на всемирном конгрессе религий в Чикаго яркую речь, положившую начало интереса западного мира к индийским духовным практикам. Свами Вивекананда стал первым в мире индусом, открывшим центры йоги и изучения вед в Лондоне и Нью-Йорке.

Не спадающая до сих пор волна интереса к йоге захлестнула западную цивилизацию во второй половине XX века. По разным оценкам, на сегодняшний день йогу практикуют более 300 миллионов человек во всем мире, и эта цифра постоянно растет. На основании внесенного индийским премьер-министром Нарендрой Моди предложения, 12 декабря 2014 года Генассамблей ООН провозгласила 21 июня – день летнего солнцестояния – Международным днем

йоги. Резолюцию, внесенную Индией, поддержали все 175 стран-участников, и уже, начиная с 2015 года, день йоги стал отмечаться во многих странах, включая Россию. Москва приняла активное участие в первом фестивале йоги, который был организован Культурным центром им. Джавахарлала Неру при посольстве Индии в России и прошел на Фестивальной площади парка Сокольники. В 2016 году II Международный день йоги состоялся на Пушкинской набережной в Парке Горького города Москвы и одновременно более чем в 50-ти российских регионах. По состоянию на 2025 год, Международный день йоги стал одним из самых массовых фестивалей нашей страны, собирающий сотни тысяч участников. Только в одной Москве фестиваль йоги, прошедший в парке Царицыно и на ВДНХ, посетили более 150 тысяч гостей. Кроме того, в рамках упомянутого выше проекта «Лето в Москве» – главного события сезона, объединяющего самые яркие мероприятия столицы, – в городских парках проходят ежедневные занятия йогой под открытым небом. Согласно данным «Известий», в 2025 году интерес россиян к урокам йоги увеличился на 45% по сравнению с 2024 годом. Городами-рекордсменами стали Омск, где запросы выросли в 2,5 раза, а также Казань и Краснодар – в 2 раза [11]. По подсчетам экспертов, в настоящее время только в столице зарегистрировано около 600 йога-центров.

Отдельно стоит отметить локальные фестивали индийской культуры, проводимые высшими учебными заведениями нашей страны. Назовем некоторые из них, прошедшие за последний год:

- Российский университет дружбы народов (РУДН) – «Дни культуры студентов из Республики Индия»;
- Институт классического Востока и античности Высшей школы экономики (ИКВИА ВШЭ) – «День Индии: студенческая научная конференция и фестиваль индийской культуры»;
- Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) – Фе-

- стиваль «День индийской культуры», приуроченный к индийскому празднику красок Холи Мела;
- Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) – V ежегодный фестиваль индийской культуры «АВИ-РА»;
 - Тамбовский государственный университет (ТГУ) им. Г. В. Державина – фестиваль российско-индийской дружбы «Дивали»;
 - Первый Московский государственный медицинский университет (МГМУ) им. И. М. Сеченова – Индийский фестиваль огней «Дивали»;
 - Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД) – Международный научно-практический форум, посвященный годовщине начала многовековой дружбы между Россией и Индией.

Следует упомянуть и прошедший в столице Индии Нью-Дели в апреле 2024 года российско-индийский образовательный саммит, участие в котором приняли делегации 60-ти ведущих российских вузов. Саммит стал первым и крупнейшим в истории отношений двух стран событием, связанным с гуманитарным сотрудничеством. Основной целью таких мероприятий является привлечение внимания студентов и широкой публи-

ки к культурному богатству Индии, создание условий для знакомства и потенциального профессионального сотрудничества действующих и будущих специалистов обеих стран в различных сферах деятельности.

Таким образом, фестивали индийской культуры, набирающие популярность и признание в российском обществе, служат важной площадкой для развития партнерства между двумя странами. Межкультурное сотрудничество посредством фестиваля способствует более глубокому пониманию ценностей других, отличных от национальной, культур, осмыслению собственной культуры через призму представлений и концепций иных традиций, уважительному к ним отношению и даже снятию социально-политической напряженности между странами и народами. Фестиваль как форма взаимодействия, в рамках которого происходит обмен культурным достоянием разных народностей, стимулирует интеллектуально-творческую активность, созидательные процессы и стремление к выстраиванию доброжелательных отношений. Как верно отметил А. В. Севач, «Диалог культур – это реализация потребности во взаимодействии, взаимопомощи, взаимообогащении, <...> диалог культур возможен лишь на основе взаимопонимания, но вместе с тем – лишь на основе индивидуального своеобразия каждой культуры» [6, с. 109].

Список литературы

1. Аганова В. Н. К вопросу о культурных ценностях и способах их передачи // Вестник Московского университета. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2016. № 4. С. 107–114.
2. Белова А. В. Фестиваль языков Индии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 154–159.
3. Бурба Д. Толстой и Индия. Прикосновение к сокровенному. Санкт-Петербург: Фэн-шуй центр, 2000. 240 с.
4. Кондратьева А. Н. Семья в системе традиционных ценностей древней Индии: религиозно-правовой аспект // Образование и право. 2023. № 12. С. 623–626.
5. Лихачева Л. С., Морозова А. П. Этнокультурный фестиваль как активная форма межкультурного взаимодействия в поликультурном обществе // Человек в мире культуры. 2016. № 3. С. 13–19.
6. Севач А. В. Диалог культур в контексте межкультурных коммуникаций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 4 (36). С. 106–109.

7. *Серебряный С. Д.* Проблемы понимания индийской культуры: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Москва, 2003. 60 с.
8. *Сокол В. Б.* Бхагават-гита в становлении русской духовной традиции // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2013. № 4 (24). С. 165–168.
9. *Тараканов В. В., Черемушников И. К., Киселев А. А.* История и культура Индии в исследованиях волгоградских востоковедов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». 2017. Т. 22. № 3. С. 194–200.
10. *Язвинская Т. Н.* Фестиваль как способ организации межкультурного взаимодействия в пространстве диалога культур // Обучение и воспитание: методики и практика 2013/2014 учебного года: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013. С. 41–46.
11. Информационный портал газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/1907940/2025-06-21/interes-rossiank-zanatiyam-iogoi-i-pilatesom-vyros-na-45-za-2025-god>

*

Поступила в редакцию 14.07.2025

ЭСТЕТИКА Г. В. ПЛЕХАНОВА И МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ

УДК 1(091):7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-117-127>

Ван Цишэнь

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 1321892358@qq.com

Аннотация. В данной статье исследуется процесс распространения, перевода и локализации эстетических взглядов Г. В. Плеханова в Китае XX века. На примере Лу Синя как ключевого случая, с привлечением архивных материалов и текстового анализа, раскрывается избирательное восприятие и творческая трансформация в Китае системы социалистического реализма в эстетике, построенной Плехановым на основе фундаментального принципа исторического материализма — «общественное бытие определяет общественное сознание». Исследование указывает на тройственное напряжение, проявившееся в этом процессе: переплетение механистического детерминизма и диалектического отражения, конфликт классового анализа с национальной спецификой (народностью) и поиск баланса между инструментальностью искусства и эстетической автономией. Данная работа предлагает новый ракурс для понимания межкультурного распространения марксистской эстетики и механизмов ее локализации.

Ключевые слова: социалистический реализм в искусстве, эстетика Г. В. Плеханова, Китай, XX век, социалистический реализм в Китае.

Для цитирования: Ван Цишэнь. Эстетика Г. В. Плеханова и модернизационная трансформация китайской литературно-художественной теории // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 117–127. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-117-127>

PLEKHANOV'S AESTHETICS AND THE MODERNIZING TRANSFORMATION OF CHINESE LITERARY-ARTISTIC THEORY

Wang Qishen

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: 1321892358@qq.com

Abstract. This article explores the dissemination, translation, and localization of G. V. Plekhanov's aesthetic thought in twentieth-century China. Taking Lu Xun as a core case study and combining archival

ВАН ЦИШЭНЬ – аспирант кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры
WANG QISHEN – Postgraduate student at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Ван Цишэнь, 2025

research with textual analysis, it reveals the selective reception and creative transformation in China of the socialist realist aesthetic system constructed by Plekhanov. This system was based on the fundamental principle of historical materialism: “social existence determines social consciousness.” The study identifies a threefold tension manifest in this process: the entanglement of mechanistic determinism and dialectical reflection; the conflict between class analysis and national character (or popular character); and the balancing of the instrumentality of art with aesthetic autonomy. This work offers a new perspective for understanding the cross-cultural dissemination of Marxist aesthetics and its mechanisms of localization.

Keywords: socialist realism in art, G. V. Plekhanov’s aesthetics, China, 20th century, socialist realism in China, Marxist aesthetics, cross-cultural reception.

For citation: Wang Qishen. Plekhanov’s Aesthetics and the Modernizing Transformation of Chinese Literary-Artistic Theory. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 117–127. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-117-127>

Георгий Валентинович Плеханов, справедливо именуемый «отцом русского марксизма», является не только выдающимся теоретиком в области философии и политической мысли, но и автором фундаментальных разработок в сфере эстетики. Впервые систематически применив исторический материализм к эстетическому анализу, он выдвинул ключевую концепцию «социальной природы искусства», положив в её основание базовый принцип исторического материализма – «общественное бытие определяет общественное сознание» [9, с. 783]. На этой основе Плеханов сформировал эстетическую систему, ядром которой выступает «теория отражения» в искусстве [10, с. 763]. Он чётко разграничил философский фундамент своей эстетики (исторический материализм), её центральный тезис («общественное бытие определяет общественное сознание»), а также основной теоретический конструкт – «теорию отражения», установив при этом связь с конкретным художественным направлением – социалистическим реализмом [16, с. 13]. Именно в этих построениях просматриваются контуры будущей теоретической модели социалистического реализма.

Эстетическая концепция Плеханова, отличающаяся ярко выраженной классовой позицией, социальной критичностью и акцентом на общественных функциях искусства, предложила китайской интеллигенции, находившейся в условиях острого социального запроса на перемены, привлекательную аналитическую и практи-

ческую схему. После Октябрьской революции, вместе с распространением марксистской идеологии в Китае, эстетические идеи Плеханова проникли в китайскую интеллектуальную среду через переводы и публикации [6, с. 176]. А в творческой и просветительской практике они появились благодаря таким деятелям, как Лу Синь, и обрели новые формы, соединившись с движением за упрощение письменного языка (байхуа) и с реалистической художественной практикой. В результате этот теоретический комплекс прошёл процесс китаизации.

Тем не менее существующие исследования в основном сосредоточены либо на реконструкции исходных положений плехановской эстетики [4, с. 183], либо на линейном изложении истории её рецепции в Китае, при этом недостаточно внимания уделяется сопоставительному анализу российской и китайской историко-культурных парадигм. Данный пробел препятствует глубокому пониманию механизмов её локализации в китайской культурной среде.

В настоящей статье предпринимается попытка ответить на два ключевых вопроса: каким образом эстетическая теория Г. В. Плеханова была переведена и творчески трансформирована в Китае XX века, а также – какие теоретические и практические противоречия возникли в процессе данного межкультурного переноса. Для решения этих задач автором предлагается аналитическая модель «трёхуровневого напряжения», в рамках которой рассматриваются:

1. переплетение механического детерминизма и диалектической концепции отражения;
2. противоречие между классовым анализом и проблематикой национального/народного характера;
3. баланс между инструментальной функцией искусства и его эстетической автономией.

Предложенный подход позволяет не только реконструировать путь китаизации плехановской эстетики, но и осмыслить её значение для понимания культурно-идеологических трансформаций в Китае XX века, а также – для анализа межкультурного обмена теоретическими моделями в условиях глобализации. Этот методологический каркас может служить ориентиром и для исследований локализации иных зарубежных художественно-теоретических концепций.

В российской научной традиции изучение Плеханова сосредоточено преимущественно на его теоретических построениях в рамках марксистской эстетики и на их историческом значении. Так, М. А. Лифшиц систематически анализировал такие ключевые концепции Плеханова, как «средовой детерминизм» и «теория художественного отражения», рассматривая их в контексте российской интеллектуальной культуры рубежа XIX–XX веков. Подобные исследования подчёркивают роль Плеханова в формировании основ социалистического реализма на раннем этапе, однако лишь в редких случаях затрагивают вопросы распространения и трансформации его идей в не русскоязычных культурных средах.

В китайской науке плехановская эстетика, как правило, рассматривается в русле истории рецепции и истории литературной мысли, с акцентом на анализ переводческой и интерпретационной деятельности Лу Синя, Цюй Цю-бо, Мао Дуня и других деятелей. Так, Лю Ин (2015) уделяет особое внимание реконструкции истории восприятия плехановской эстетики в Китае, однако её работа в основном ограничивается библиографическим описанием и фактическим изложением событий. В имеющихся исследова-

ниях отсутствует системный анализ процессов теоретического переосмысления в условиях различий российской и китайской культурно-исторических парадигм, а также недостаточно изучены механизмы взаимодействия плехановской концепции с традиционной китайской эстетикой и революционной литературно-художественной стратегией.

В целом – как зарубежные, так и китайские исследования – не в полной мере раскрывают глубинные механизмы реконструкции плехановской эстетики в китайском культурном контексте. В настоящей статье, опираясь на аналитическую модель «трёхуровневого напряжения» и сопоставление российской и китайской историко-культурных парадигм, автор анализирует избирательное восприятие и творческую трансформацию идей Плеханова в переводческой и художественной практике Лу Синя, что позволяет восполнить указанный исследовательский пробел.

При изучении этапа китаизации плехановской эстетики использованы следующие основные архивные материалы: программно-методические документы 1950–1960-х годов из фондов Шанхайского литературно-художественного архива (SALA), включая учебные планы кафедр эстетики Фуданьского университета и Восточно-Китайского педагогического университета; рукописи перевода Лу Синем в 1929–1932 годах труда «Искусство и общественная жизнь» (хранится в Пекинском музее Лу Синя); устные истории участников дискуссий о социалистическом реализме – интервью Цюй Цю-бо (1985 год, Архив устной истории Китайской академии общественных наук) и Ху Фэна (1990 год, Центр исследований современной литературы).

В качестве основных источников использованы следующие монографии: Лю Ин, «Восприятие плехановской эстетики в Китае» (2015), Мао Дунь, «Мой творческий путь» (1982), Лу Нань, «Марксистская теория искусства в движении 4 мая» (2008). Для теоретического обоснования привлекаются: предисловие Лу Синя к переводу «Искусство и общественная жизнь» (1930), труд Ху Фэна «О субъективном боевом

духе» (1945), современный анализ Го Шуанлиня «Конфликт и адаптация: Плеханов в китайском контексте» (2020).

В исследовании применяются следующие методы: историко-архивный анализ – для реконструкции путей распространения и институционализации плехановской эстетики в Китае; дискурс-анализ – для выявления трансформации теоретических положений в различных контекстах и изменения их идеологической интерпретации; сравнительный текстовый анализ – для сопоставления оригинальных работ Плеханова с переводами Лу Синя с целью выявления стратегий редактирования и адаптации к культурно-языковому контексту.

Комплексное применение этих методов позволяет рассмотреть процесс китаизации плехановской эстетики с текстуальной, исторической и культурной точек зрения и выявить его сложные механизмы.

Эстетическая «революция» Плеханова началась с материалистической деконструкции сущности искусства. Впервые введя теорию исторического материализма в сферу эстетики, он попытался с её позиций ответить на фундаментальные вопросы о природе искусства [10]. Выдвинув ключевое положение о «социальной природе искусства», Плеханов заложил методологическую основу для перехода марксистской эстетики от абстрактно-теоретического уровня к практическому анализу. Критикуя метафизические тенденции идеалистической эстетики [19, с. 92], он сформулировал концепцию «средового детерминизма» [4].

Центральным элементом его эстетической системы стала «теория художественного отражения» – одно из базовых положений марксистской эстетики, согласно которому искусство является отражением реальной социальной жизни, но это отражение носит избирательный, типизированный и диалектический характер [10, с. 763]. Сопоставив материализм и идеализм, Плеханов отнёс собственную теорию к материалистическому направлению, трактуя материю как основу среды, а среду – как совокупность природных и социальных факторов, влияющих на восприятие человеком действительности [11, с. 213].

Подобная динамическая модель анализа преобразует искусство из статического объекта эстетического созерцания в культурное зеркало, отражающее социальные противоречия. В ней выявляются коренные общественные антагонизмы и классовые конфликты [9, с. 783], а сама художественная деятельность получает функции критики действительности и воспитания общества [10, с. 717.]. Данный теоретический каркас имеет большое значение для анализа формирования типических образов в литературе Лу Синя [6, с. 176; 7, с. 363].

В работе «Искусство и общественная жизнь» Плеханов утверждал, что декоративные и ритуальные формы первобытного искусства служили интересам племенного коллектива [10]. Эта концепция «трудового происхождения искусства» даёт историко-материалистическое объяснение его социальных функций. В дальнейшем Плеханов развил историко-материалистическое понимание искусства, предложив самостоятельное объяснение его происхождения и общих закономерностей соотношения красоты и пользы [11, с. 58].

Он подчёркивал, что труд создаёт не только материальные блага, но и способствует развитию культуры и искусства [10, с. 883]; художественное произведение, по его мнению, является духовным выражением социальной жизни трудящихся. Такой подход позволяет с марксистских позиций понять социальную основу искусства, фиксируя его корни в материальных условиях производства [9, с. 783]. Одновременно Плеханов настаивал на том, что искусство должно иметь чётко выраженную классовую направленность и служить социальному прогрессу и революции [10, с. 813]. Настоящее искусство, по его мнению, не только отражает действительность, но и выражает направление классовой борьбы и исторического развития, способствуя общественным преобразованиям [16, с. 13].

Эти установки отражают революционные принципы марксистского понимания искусства и во многом определяют идейные ориентиры литературного творчества Лу Синя [5, с. 267]. Плеханов рассматривал искусство как культурный носитель, выражающий опосредованную

связь между действительностью и художественным образом [10, с. 883], и прогнозировал дальнейшее развитие литературы и искусства, подчёркивая тождество «тенденциозности» и «прогрессивности» содержания, при этом отдавая приоритет тематике, связанной с жизнью пролетариата и народа [11, с. 113].

Плеханов полагал, что отживший свой исторический век класс может создавать лишь устаревшее искусство: идеология господствующего класса, утратившая своё социальное основание в момент его исторического поражения, неизбежно лишается и первоначальной художественной ценности, а создаваемые ею произведения обречены на упадок. Таким образом, для одного класса искусство действительно воспроизводит окружающий мир, а для другого – становится средством его преобразования [16, с. 13].

Исходя из собственных эстетических воззрений, Плеханов настаивал на необходимости научной эстетики и социологии искусства [4, с. 560]. Отправной точкой такого подхода является положение о зависимости любой художественной идеологии от социального бытия и о всеобщности этой зависимости. Иными словами, историчность искусства предопределяет его непрерывное обновление и развитие, отражающее динамику социальной и классовой борьбы [10, с. 813].

Данная теория позволяет лучше понять, каким образом Лу Синь сумел преодолеть рамки традиционной литературной модели и содействовать формированию новой литературы [6, с. 176]. Вхождение плехановских идей в интеллектуальное пространство Китая стало важным фактором китаизации марксистской литературно-художественной теории [12, с. 106]. Его историко-материалистическая эстетика не только восполнила теоретический вакуум в раннем левом искусствоведении Китая [1], но и, вступив в диалог с китайской традиционной эстетикой, способствовала формированию оригинального, специфически китайского варианта реалистического творчества, оказав тем самым долговременное воздействие и на современное строительство литературно-художественной теории [14].

В начале XX века Китай находился в эпицентре глубоких внутренних кризисов и внешних угроз: разрушение традиционного уклада и масштабные социальные потрясения совпали с агрессивной экспансией западных держав и коррупцией цинской бюрократии [15]. В этот переломный момент культурное просвещение и идейное обновление приобрели беспрецедентное значение. Представители интеллектуальной элиты – Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Ху Ши, Лу Синь и другие – устремились взгляд к зарубежным источникам знаний, стремясь посредством культурной революции, прежде всего Литературной революции с её движением за упрощённый национальный язык (байхуа), разрушить оковы феодальной культуры, пробудить народ и наметить путь к национальному возрождению.

По своей сути движение за байхуа было процессом реконструкции культурной власти, инициированным социальным кризисом и вызвавшим трансформацию литературного поля [18]. В условиях насущной потребности в «идеологическом оружии» для переустройства общества и формирования нового национального сознания залп Октябрьской революции донёс до Китая марксизм, а вместе с ним – и марксистскую эстетику как одно из его значимых теоретических направлений [12, с. 106]. Именно в этой атмосфере поиска идейных ориентиров для общественного преобразования эстетическая концепция Плеханова стала для китайской прогрессивной молодёжи одним из направлений духовного поиска [5, с. 267]. При этом если Плеханов утверждал, что «искусство – это оружие классовой борьбы» [10, с. 726], то китайская молодёжь расширила это положение до формулы «культурный плацдарм национального освобождения» [8, с. 30].

Многолетние войны и нестабильная социально-политическая обстановка привели к крайне низкому уровню грамотности населения: из 400 миллионов жителей грамотными были лишь около 20% [15]. В этих условиях культурное просвещение и идейное обновление становились насущной задачей. На фоне подобной социальной ситуации китайская интеллектуальная элита и различные прогрессив-

ные деятели предпринимали попытки изменить существующее положение дел, и одним из таких направлений стало движение за литературный язык байхуа [18].

Ещё в 1904 году Чэнь Дусю, основав газету «Аньхой сухуа бао» («Газета на простонародном языке провинции Аньхой»), положил начало этому движению. Создание журнала «Синь циннянь» («Новая молодёжь») придало кампании по «распространению байхуа» значительно более широкий размах, превратив её в масштабное культурное движение.

После Синьхайской революции 1911 года китайские прогрессивные силы стремились посредством изменения политической системы свергнуть власть династии Цин и тем самым изменить судьбу страны, однако вместо ожидаемой стабильности страна оказалась втянутой в затяжную гражданскую войну [15]. В этот период культурная пропаганда и расширение грамотности рассматривались как способ объединить широкие массы пролетариата, сделать культуру важным рычагом социальной трансформации и проложить путь к общественным переменам [3].

В январе 1917 года в журнале «Синь циннянь» была опубликована статья Ху Ши «Попытка рассуждения о литературной реформе» («Вэньсюэ гайлян чуи»), в которой автор выдвинул «восемь принципов отрицания» (ба бу чжуи), направленных против аристократической природы классического письменного языка вэньянь, и подчеркнул необходимость «содержательности» и социальной значимости литературного творчества. Этот манифест не только подорвал тысячелетнюю традицию литературного канона, но и объединил литературную революцию с этической и политической революцией, превратив её в целостное общественное движение. С этого момента в Китае началась новая эпоха литературной революции.

После Октябрьской революции 1917 года и русского издания «Манифеста Коммунистической партии» с переводом и предисловием Георгия Валентиновича Плеханова (1882) процесс проникновения в Китай марксизма значительно ускорился [12, с. 118]. Одновременно китайские

прогрессивные деятели, такие как Ли Дачжао и Чэнь Дусю, начали активно изучать марксистское учение [3]. Когда в январе 1918 года журнал «Синь циннянь» («Новая молодёжь») в своём четвёртом томе впервые полностью перешёл на язык байхуа, социальное значение этого шага далеко превысило собственно его читательскую ценность.

Традиционное сословие учёных-чиновников (шэньши) в целях сохранения своих привилегий осуществляло своеобразное культурное господство над народом, поддерживая его в состоянии «непросвещённости» [15]. Возникновение движения за байхуа разрушило этот классовый контроль, предоставив широким слоям населения доступ к современным идеям [18]. На основе данной литературной революции население постепенно начало воспринимать язык байхуа, что заложило фундамент для проникновения в Китай марксизма и теоретического наследия Плеханова [5, с. 267; 12, с. 118]. Начиная с 1918 года, «Новая молодёжь» публиковалась почти исключительно на байхуа.

Ху Ши высоко оценивал вклад Чэнь Дусю в литературную революцию, выделяя три её главных достижения: превращение частной инициативы в полномасштабную литературную революцию, опирающуюся на «три великих принципа»; соединение этико-моральной и политической революции с литературой в единое массовое движение; последовательный и целеустремлённый дух, обеспечивший значительные результаты революции [18].

Заслуга Чэнь Дусю заключалась в том, что он ввёл «три великих принципа» (демократия, наука, новая мораль) в сферу литературы, превратив её в инструмент преобразования национального духа. Уже к 1919 года журнал «Новая молодёжь» стал основным рупором пропаганды марксизма в Китае, систематически публикуя работы Плеханова. Его тезис об «искусстве как оружии классовой борьбы» был Цюй Цюбаем трансформирован в теоретическое ядро концепции «опопуляризации литературы и искусства».

Ли Дачжао в статье «Победа масс», опубликованной в «Новой молодёжи», сочетал доступ-

ность байхуа с марксистской классово-риторикой, способствуя более быстрому усвоению населением понятий социализма и продвижению модернизационных преобразований. Лу Синь же в своей новелле «Дневник сумасшедшего» обнажил «людоедскую» сущность феодальной этики, превратив литературу в своеобразный микроскоп для анализа общественных болезней и мобилизации против феодального законодательства и угнетения.

Литературная революция изменила не только способы выражения, но и заново выстроила порядок производства и распространения знаний, создав прочную культурную основу для идейных столкновений и социальных преобразований в Китае XX века. Глубокое влияние эстетической теории Плеханова в Китае неразрывно связано с Лу Синем, который в период культурной трансформации и идейных реформ первой половины XX века стал важнейшим проводником и творческим адаптатором плехановской мысли в китайский контекст. В 1929 году, переводя «Искусство и литературу» Плеханова, Лу Синь находился в ключевой фазе перестройки культурной власти, связанной с движением за байхуа. Сталкиваясь с двойным кризисом полукOLONиального положения Китая и разложения традиционной культуры, Лу Синь рассматривал плехановскую теорию как «хирургический нож» для вскрытия феодальных культурных структур, глубоко усвоив идеи «трудового происхождения искусства» и «классовой сущности искусства» [16, с. 13].

В процессе перевода и интерпретации Лу Синь использовал гибкую стратегию переработки, оставаясь верным основным идеям оригинала, но адаптируя идеи к китайскому контексту [13]. Например, в интерпретации положения Плеханова об искусстве классов Лу Синь делал акцент на его революционной направленности и функции социальной критики [8, с. 31], смягчая чрезмерно абстрактные теоретические детали. Кроме того, он включал в перевод примечания и пояснения, способствовавшие пониманию ключевых понятий марксистской эстетики, что обеспечивало локализацию и распространение теории [5, с. 276].

В оригинале «Искусство и общественная жизнь» Плеханова (в переводе Лу Синя) связь искусства с экономическим базисом зачастую формулируется достаточно прямо, даже с оттенком категоричности. Так, анализируя упадок определённых художественных форм, Плеханов писал: «Определённый общественный строй неизбежно порождает определённую художественную форму; с изменением общественного строя художественная форма также неизбежно изменяется». В издании 1929 года Лу Синь переводит эту фразу следующим образом: «Всякий общественный строй действительно рождает определённую художественную форму; когда строй меняется, художественная форма также зачастую изменяется». Таким образом, вместо слов, выражающих сильную необходимость в русском оригинале, он использует конструкции, придающие высказыванию вероятностный, диалектический оттенок. Это заметно ослабляет механистический характер исходного тезиса о «прямом и неизбежном» определении художественной формы экономическим базисом [7, с. 363.]. Такая оценка показывает его избирательное восприятие: во-первых, он стремился обеспечить художественную правдивость, отражающую окружающую действительность; во-вторых, при сохранении правдивости – подчеркнуть самобытность искусства. Однако он ослабил элементы механистического детерминизма в теории Плеханова, акцентируя диалектический характер отражения и активную роль творческого субъекта. С его точки зрения, литература – это не только инструмент классово-вой борьбы, но и средство преобразования национального сознания, выявления культурных болезней общества [8, с. 30].

Именно на этой основе Лу Синь стремился посредством литературы изменить мышление и мировоззрение современников, пробудить притуплённое сознание масс [6, с. 176]. В повести «Истинная история А-Кю» он через «духовную победу» – психологическую модель с ярко выраженным сатирическим характером – показал, что трагедия А-Кю является не только личным поражением, но и метафорой национального характера и социально-психологических особенностей китайского народа [17, с. 76].

Такой подход, отражающий через индивидуальное общее, представляет собой применение принципа типизации в эстетике Плеханова, но в переработанном виде: он сочетает этот принцип с традиционной китайской техникой «белого описания» (баймяо). В результате формируется своеобразная реалистическая повествовательная стратегия, глубоко укоренённая в критическом реализме. Образ А-Кю, созданный методом типизации, обнажает слабости национального характера и социальные пороки, что придаёт произведению ярко выраженный критико-реалистический характер. Таким образом, опираясь на эстетику Плеханова, Лу Синь сочетает классовый анализ с критикой национального характера, формируя уникальный литературный стиль и глубину мысли, что способствовало развитию теоретических основ китайской современной литературы [15].

В своей литературной практике Лу Синь также последовательно отстаивал единство эстетической ценности искусства и его социальной полезности. Он соглашался с тем, что искусство может служить «кинжалом и копьём», но подчёркивал, что эти «оружия» должны быть «изящными», сочетая в себе как идейную остроту, так и художественное качество. Подобная позиция выглядела особенно уникальной в условиях движения за «массовизацию литературы и искусства» [3]. В то время как некоторые левые литераторы чрезмерно акцентировали политическую функцию литературы, игнорируя её эстетическую самостоятельность, Лу Синь неизменно настаивал на сохранении духовной высоты и художественного уровня литературы [7, с. 363].

Однако интерпретация эстетической теории Плеханова в китайском контексте не была беспрепятственной. Социальные условия, уровень экономического развития, степень общественной стабильности и качество человеческого капитала в Китае существенно отличались от российской действительности, что делало невозможным прямое и полное перенесение плехановской концепции на китайскую почву [12, с. 118]. Тем не менее Лу Синь предпринял соответствующую адаптацию и творческое переосмысление.

Напряжение между механистическим детерминизмом и диалектическим отражением пронизывает ядро эстетической теории Плеханова [4, с. 151]. Механистический детерминизм подчёркивает прямое определяющее влияние социально-экономической базы на искусство, в то время как диалектическая теория отражения делает акцент на активной критике и углублении понимания реальности через искусство. В процессе перевода и интерпретации Лу Синь одновременно выделял как ограничительное воздействие социальной среды на художественное творчество, так и активную роль литературы как инструмента социальной критики, демонстрируя диалектическое единство этих двух подходов. Это напряжение побуждало Лу Синя в собственном творчестве не только правдиво отражать социальную действительность, но и выходить за пределы механического подражания, реализуя критическую и новаторскую функции литературы [8, с. 30].

Во-вторых, напряжение между классовым анализом и понятием национального характера (народности) является важным проявлением локализации марксистской литературной теории в Китае. Плеханов подчёркивал классовую природу искусства [16, с. 13], тогда как Лу Синь соединял классовую перспективу с проблематикой специфического китайского национального характера, глубоко анализируя культурные недуги и духовные кризисы китайского общества. Такое сочетание не только обогащало классовый анализ, но и усиливало внимание литературы к национальной проблематике, делая марксистскую эстетику более созвучной китайской реальности.

Наконец, напряжение между инструментальной функцией искусства и его эстетической автономией отражало творческую трансформацию Лу Синем принципов социалистического реализма. Несмотря на то, что марксистская эстетика подчёркивает служение искусства обществу и классовой борьбе, Лу Синь придавал большое значение художественной выразительности и эстетической ценности литературы, стремясь найти баланс между критикой

действительности и художественной красотой. Это напряжение свидетельствует о глубокой художественной культуре и взвешенном подходе Лу Синя как к теории, так и к практике.

Кроме того, в процессе своей творческой и теоретической деятельности Лу Синь постоянно осуществлял «культурную реконструкцию» взглядов Плеханова. В цикле «Новые рассказы» он в субверсивной манере переосмысливал мифы, трансформируя плехановский принцип «определяющего влияния общественного бытия» в «культурную генетическую критику», направленную на выявление глубоких структурных проблем китайской историко-культурной традиции. Этот акт творческого «неправильного прочтения» не являлся отходом от теории, а служил её адаптации к реалиям полуколониального и полуфеодалного китайского общества.

Несмотря на существовавшие противоречия, эстетическая теория Плеханова не утратила жизнеспособности в Китае, напротив, она стимулировала возникновение особого китайского реалистического искусства, которое впоследствии сформировало уникальную систему социалистического реализма. Столкновение эстетики Плеханова с китайской реалистической литературой ознаменовало важный поворотный этап в процессе китаизации марксизма. Выявленные в теории проблемы способствовали её лучшему сочетанию с китайской действительностью, демонстрируя творческий прорыв китайских писателей в диалектике исторических ограничений и художественной свободы. Это помогло избежать механистического и формалистского подхода к реализму и обеспечило успешную связь искусства с народными массами, воплотив идею культурного творчества, исходящего «от народа и возвращающегося к народу» [14].

Эстетика Плеханова стала теоретической основой китайского социалистического реализма. В 1930-е годы среди левых писателей разгорелись острые дискуссии вокруг «массовизации литературы и искусства», в ходе которых искусству всё более придавалась функция классового служения, формировались творческие нормы, соответствующие китайской революционной

практике. Этот процесс являет собой глубокую интеграцию марксистской теории с социальными реалиями Китая.

В рамках движения «массовизации литературы и искусства» 1930-х годов Цюй Цюбай выступал за то, чтобы «уличный театр был так же практичен, как грубая керамическая посуда» [3], отрицая самостоятельность художественных форм; тогда как Ху Фэн, опираясь на «теорию посредничества» Плеханова, подчёркивал активную роль творческого субъекта в диалектическом отражении объективной реальности [2]. Эта теоретическая полемика достигла апогея на литературном симпозиуме в Яньане.

Искусство, рассматриваемое как носитель культуры в сочетании с классово-позиционной, сформировало официальную методологию создания произведений, известную как «искусство социалистического реализма». Эта методология, базировавшаяся на теориях Плеханова и учитывавшая запросы социальной реальности, получила развитие при содействии постановления ЦК ВКП(б) 1932 года, была детально изложена в статьях «Литературной газеты» от 23 мая 1932 года и официально утверждена на Первом съезде советских писателей в 1934 году.

Когда в Советском Союзе был сформулирован догмат «социалистического реализма», такие деятели, как Ху Фэн, использовали «теорию посредничества» Плеханова в качестве теоретического щита, отстаивая активную роль творческого субъекта. Трансформация эстетики Плеханова в Китае главным образом связана с реконструкцией и интерпретацией в языковой среде. Китаизация плехановской мысли представляет собой типичный пример транснационального распространения марксистской теории. Распространение и трансформация эстетической теории Плеханова в Китае ярко демонстрируют межкультурную жизнеспособность марксистской теории. Эффективная локализация теории – это не механический перенос идей, а процесс, в ходе которого через столкновение и интеграцию с китайской традиционной культурой и историческим контекстом возникает новая интерпретационная сила и творческий потенциал [14].

Предложенная в данной работе концепция «трёх уровней напряжений» позволяет эффективно раскрыть сложные противоречия и динамические согласования, возникающие в процессе трансляции и локализации теорий, и предоставляет новый ракурс для понимания межкультурного переноса теоретических знаний.

Напряжение универсального и особенного. Универсальные принципы марксизма, заложенные в теории Плеханова, при столкновении с уникальными проблемами Китая, его полукOLONиальным статусом и традиционными эстетическими ресурсами порождают глубокое противоречие между «классовым анализом» и вопросами «национального характера / народности» [17, с. 76]. Такие мыслители, как Лу Синь, путем интеграции классовой перспективы в диагностику местной культуры добились творческого синтеза универсальных принципов и учета специфики национальной ситуации. Это свидетельствует о том, что любая теория, пересекающая культурные границы, должна пройти глубокий диалог и адаптацию с конкретными историческими, социальными и культурными особенностями принимающей стороны, избегая механистичного применения или простого отторжения.

Динамический баланс детерминизма и агентности. Интерпретация китайскими реципиентами плехановского принципа «определяющего влияния общественного бытия» всегда сопровождалась настороженностью по отношению к «механистическому детерминизму» и акцентом на активной роли творческого субъекта. Это напряжение выявляет ключевую проблему теоретического переноса: как признать глубокое ограничение идей и культуры социально-историческими условиями,

одновременно уделяя должное внимание выбору, интерпретации, сопротивлению и творческой активности принимающей стороны? На примере Плеханова становится очевидно, что успешная локализация – это не пассивное принятие, а результат активного маневрирования и реконструкции со стороны реципиентов в специфических исторических условиях.

Диалектическое единство утилитарной функции и эстетической ценности. Плеханов подчеркивал «инструментальность» искусства, в то время как в китайском контексте постоянно присутствовали запросы на «эстетическую автономию» искусства. Особенно ярко это напряжение проявилось в дискуссиях вокруг «массовизации литературы и искусства» и формирования социалистического реализма. Это напоминает, что в процессе межкультурной трансляции неизбежно возникают трения между утилитарными целями теории и присущими культуре реципиентов эстетическими традициями и представлениями об автономии искусства. Ключом к локализации становится поиск динамического баланса, отвечающего требованиям времени, а не крайних противоположностей.

Локализация эстетики Плеханова в Китае стала важным ориентиром для раннего развития и теоретических инноваций марксистской эстетики в стране. Процесс локализации был не простым переносом, а результатом теоретической инновации в ходе межкультурного взаимодействия. Синтез традиционной китайской эстетики и марксистской эстетики стимулировал возникновение новых критических дискурсов [17, с. 76], демонстрируя жизнеспособность и адаптивность теории, а также предоставляя важный опыт для культурного и теоретического обмена в эпоху глобализации.

Список литературы

1. Документы учебных программ // Архив литературы и искусства Шанхая (SALA). Фонд: Программы обучения факультета эстетики Восточно-Китайского педагогического университета; Специальная тема: Художественное образование (1950–1969). (на китайском языке)
2. Интервью с Ху Фэном (1990–11–08) // Центр исследований современной литературы (MLC). (на китайском языке)

3. Интервью с Цюй Цюбо (1985–03–15) // Архив устной истории Китайской академии общественных наук (CASS). (на китайском языке)
4. *Лифишиц М. А. Г. В. Плеханов. Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов* // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Москва: Изобразительное искусство, 1988. С. 151–560.
5. *Лу Синь. Предисловие переводчика к «Искусству»* [Г. В. Плеханова] // Полное собрание сочинений. Т. 4. Пекин: Изд-во народной литературы, 2005. С. 237–267. (на китайском языке)
6. *Лю Цзайфу. Очерк эстетических взглядов Лу Синя*. Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 1981. С. 165–176. (на китайском языке)
7. *Лю Цзайфу. Критика работы «Искусство» Г. В. Плеханова* // Очерк эстетических взглядов Лу Синя. Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 1981. С. 325–363. (на китайском языке)
8. *Ма Кайфэн. Чтение боевой силы текстов Лу Синя, подобных «кинжалам и копьям»: на примере сатирического эссе «Память, дабы забыть»* // Справочник по преподаванию китайского языка в средней школе. 2019. № 30. С. 30–31. (на китайском языке)
9. *Маркс К. Капитал. Том первый* // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 23. Москва: Госполитиздат, 1960. С. 783–807.
10. *Плеханов Г. В. Искусство и общественная жизнь* // Избранные философские произведения: В 5 тт. Т. 5. Москва: Госполитиздат, 1957. 903 с.
11. *Плеханов Г. В. Об искусстве / Искусство: Сборник статей / Г. В. Плеханов. Со вступительными статьями: 1) Л. Аксельрод-Ортодокс „Об отношении Г. В. Плеханова к искусству по личным воспоминаниям“; 2) В. Фриче „Г. В. Плеханов и научная эстетика“*. Москва: Новая Москва, 1922. С. 37–59.
12. *Плеханов Г. В. Эстетические статьи*. Пекин: Издательство народной литературы, 1983. 118 с. (на китайском языке)
13. Рукопись перевода Лу Синя «Искусство и общественная жизнь» (1929–1932 гг.) // Пекинский музей Лу Синя. Фонд 3, № 2 (на китайском языке)
14. *Сила научной мысли долговечна: О единстве революционности и научности марксизма* // Жэньминь Жибао. (2018.05.30). URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2018/0530/c1003-30021733.html> (на китайском языке)
15. *Ся Чжицин. История современной китайской прозы*. Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2016. 256 с. (на китайском языке)
16. *Устав Союза советских писателей СССР* // Вопросы советской литературы и искусства. Пекин: Издательство народной литературы, 1953. С. 13–16. (на китайском языке)
17. *Хань Юйсюань. Анализ языковых особенностей изображения исторического фона в романах Мо Яня: на примере «Красный гаолян»* // Цзяньнань вэньсюэ (Литература Цзяньнань). 2014. № 1. С. 76–77. (на китайском языке)
18. *Ху Ши Чэнь. Дусю и литературная революция* // Shijie Ribao (Всемирный ежедневный бюллетень). 30 октября 1932 года. № 3. С. 2–3 (на китайском языке)
19. *Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности* // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 тт. Москва: Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ), 1949. Т. 2. С. 5–92.

*

Поступила в редакцию 11.06.2025

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА ПОСЕЛЕНИЯ ЭУШТА В СОВРЕМЕННОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОСТЮМЕ

УДК 008.001

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-128-136>

Д. А. Фатеев

Московский университет «Синергия»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: fateevim@mail.ru

Е. И. Григорьева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: grigorev_tmb@list.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема актуализации и интеграции элементов культурного кода сибирских татар, в частности поселения Эушта, в современный национальный костюм. Культурный код выступает важным компонентом формирования этнической идентичности, являясь не только символом принадлежности к конкретной группе, но и способом передачи культурных ценностей и традиций от поколения к поколению. Такие составляющие, как язык, промыслы и народный костюм, играют ключевую роль в сохранении этноса. Проводится анализ историко-этнографических источников с целью выявления ключевых маркеров культурной идентичности (орнамент, цветовая палитра, крой, виды декора), характерных для традиционного костюма эуштинцев. Основное внимание уделяется методам художественного проектирования и дизайн приемам, позволяющим адаптировать аутентичные элементы (национальную вышивку, мотивы узоров, символику, крой) к актуальным тенденциям моды. Делается вывод о том, что культурный код поселения Эушта имеет богатое историческое наследие, которое способно содействовать созданию уникальных дизайнерских решений городской одежды, что дает возможность сохранения элементов культурного наследия поселения Эушта. Татарское поселение, находящееся в Эушта, поселении Томской области России, служит наглядным примером того, как историко-культурные элементы могут быть отражены в современном дизайне одежды.

Ключевые слова: культурный код, томские татары, дизайн, костюм, национальная одежда, поселение Эушта.

ФАТЕЕВ ДАНИИЛ АНДРЕЕВИЧ – аспирант кафедры дизайна и архитектуры, Московский университет «Синергия»

ГРИГОРЬЕВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА – доктор культурологии, профессор, кафедра управления и экономики культуры, Московский государственный институт культуры

FATEEV DANIIL ANDREEVICH – postgraduate student at the Department of Design and Architecture, Moscow University «Synergy»

GRIGORIEVA ELENA IVANOVNA – DSc in Cultural Studies, Professor at the Department of Management and Economics of Culture, Moscow State Institute of Culture

© Фатеев Д. А., Григорьева Е. И., 2025

Для цитирования: Фатеев Д. А., Григорьева Е. И. Особенности использования культурного кода поселения Эушта в современном национальном костюме // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 128–136. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-128-136>

FEATURES OF THE USE OF THE CULTURAL CODE OF THE EUSHTA SETTLEMENT IN MODERN NATIONAL COSTUME

Daniil A. Fateev

Moscow University «Synergy»,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: fateevim@mail.ru

Elena I. Grigorieva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Oblast, Russian Federation,
e-mail: grigorev_tmb@list.ru

Abstract. This article examines the problem of updating and integrating elements of the cultural code of the Siberian Tatars, in particular the Eushta settlement, into a modern national costume. The cultural code is an important component in the formation of ethnic identity, being not only a symbol of belonging to a particular group, but also a way of transmitting cultural values and traditions from generation to generation. Such components as language, crafts and folk costume play a key role in preserving the ethnic group. An analysis of historical and ethnographic sources is carried out in order to identify key markers of cultural identity (ornament, color palette, cut, types of decor) characteristic of the traditional costume of the Eushta people. The main attention is paid to the methods of artistic design and design techniques that allow adapting authentic elements (national embroidery, pattern motifs, symbols, cut) to current fashion trends. It is concluded that the cultural code of the Eushta settlement has a rich historical heritage, which can contribute to the creation of unique design solutions for urban clothing, which makes it possible to preserve elements of the cultural heritage of the Eushta settlement. The Tatar settlement located in Eushta – a settlement in the Tomsk region of Russia, can serve as a clear example of how historical and cultural elements can be reflected in modern clothing design.

Keywords: cultural code, Tomsk Tatars, design, costume, national clothing, Eushta settlement.

For citation: Fateev D. A., Grigorieva E. I. Features of the Use of the Cultural Code of the Eushta Settlement in Modern National Costume. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 128–136. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-128-136>

В контексте глобализационных процессов особенно актуальным становится сохранение культурного кода этнических сообществ, который служит основой для формирования идентичности и культурного самосознания.

В условиях стирания этнокультурных границ именно материальное и нематериальное наследие становится ключевым маркером идентичности, формой исторической памяти и ресурсом для устойчивого развития регионов. Особый интерес в этом контексте представляют малоизученные

пласты культуры сибирских татар, чье наследие обладает значительным потенциалом.

Одним из таких уникальных объектов является культурный код поселения Эушта – докрепостного сибирского селения, сыгравшего важную роль в становлении города Томска. Эуштинские татары, являющиеся субэтносом сибирских татар, сформировали комплекс культурных практик, отражающий их мировоззрение, социальное устройство и взаимодействие с природной средой. Национальный костюм, как один из наиболее це-

лостных и визуально выразительных элементов материальной культуры, выступает концентрированным носителем этого кода. В его крое, орнаментике, колористическом решении и способах ношения зашифрована информация об исторических миграциях, социальных статусах, религиозных верованиях и эстетических идеалах этноса.

Однако в настоящее время проблема заключается не только в сохранении, но и в актуальной интерпретации этого наследия. Традиционный костюм, будучи музейным артефактом, перестал быть частью повседневности, что ведет к разрыву культурной преемственности. В связи с этим возникает насущная необходимость в выявлении и адаптации особенностей культурного кода «eins для его интеграции в современные практики, в частности, в дизайн национального костюма.

Анализ культурного кода исторического поселения Эушта и его отражение в современном городском костюме представляет собой значимое направление в области искусствоведения и дизайна одежды. Настоящее исследование не только способствует охране и распространению культурного наследия томских татар, но и обеспечивает его адаптацию к современным условиям.

Эушта простирается на левом берегу реки Томи, омываемая водами Эуштинской протоки, известной также как Большая Томь. В заболоченных пойменных угодьях левобережья Томи, что окружают поселение, формирование рельефа стало следствием смещения главного русла Томи в восточном направлении. Река, отступая, оставила после себя сложную сеть водотоков – протоки, озера и водоемы типа «курья». С западной стороны от поселения, в направлении с юга на север, протекают реки, впадающие в Томь: Нестоянка, Кисловка (Бурундук), Сухая протока (Сухая Старица), а также небольшие ручьи и реки. Тут же можно видеть озеро Прорва. Восточнее деревни, в водах Томи, находится Энеков остров, образованный наносами песка и мелкой гальки. За прошедшие три века очертания этого острова претерпели значительные изменения.

В периоды XVIII и XIX столетий, в документах, отображающих устную речь, наименование поселения передавалось вариативно: Яушта, Ев-

шта, Бушта, Эвшта, Юшта, Юштинские юрты, Эуштинские юрты.

Примерное время появления эуштинцев на землях, принадлежащих сегодня Томской области, приходится на рубеж XIV–XV веков, в период, когда Сибирь фактически обезлюдела, будучи под влиянием Золотой Орды. Первоначально представители эуштинского народа населяли местность в пределах нынешнего Асиновского района – севернее современного села Нижние Соколы и северо-западнее села Воронино-Пашня. Там до сих пор существует река Юшта (Эушта), представляющая собой правый приток реки Итатки.

Во время своих набегов кочевые племена беспощадно разоряли встреченные селения, подчистую выгребая все запасы продовольствия и ценности, что удавалось найти. Помимо этого они угоняли скот, а всех мужчин, стариков и детей без колебаний убивали. Молодых женщин же ждала участь похуже – их обращали в плен. Численность эуштинского народа стремительно сокращалась. Для спасения племени переместилось на юго-запад, стремясь обезопаситься от конных кочевников рекой Томью. По соседству в конце XVI века появился зимний городок-стоянка казаков Тобольского острога, совершавших торговые и дипломатические походы в верховья Томи – Тоянов городок (Энеков остров), не имевший постоянного гарнизона. Позднее этот городок с домами и юртами был признан главным местом самоуправления эуштинцев, основной резиденцией их князя.

Переселение к Томи не облегчило участь эуштинцев: чёрные енисейские киргизы, ежегодно продолжали совершать набеги, грабя поселения, расположенные по берегам Томи [9].

Были общины, которые объединялись в небольшие родовые союзы, проживающие на отдельно взятой территории. Вождей таких союзов называли «князьцами». Как свидетельствуют исторические источники, у томских татар это были Тоян, Басандай и Евага. Тоян возглавлял самую многочисленную общину [3].

В эпоху рубежа XVI и XVII столетий земли Тояна простирались следующим образом: в холодные месяцы эуштинцы обитали на острове, что напротив современной Томской земли, а в летний

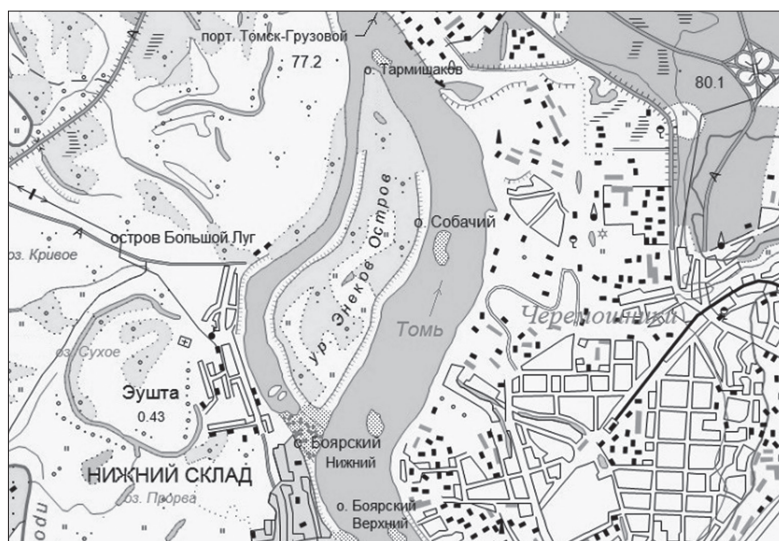

Рисунок 1. Энеков остров и пос. Эушта на современной карте Томска. Фото взято из открытых источников

период – на месте нынешнего поселения Эушта. Владения Басандая находились южнее владений эуштинцев, по берегам реки Басандайки. Подданные Еваги же располагались в низовьях реки Томи [6].

В самом начале XVII века князь Тоян Эуштинский направился в Москву, к царю Борису Годуну. Его просьба заключалась в принятии его народа под русское подданство, а также – в защите его людей; подразумевалось предоставление русской военной помощи. Царь благосклонно отреагировал на эту просьбу, и весной 1604 года на месте, где Ушайка сливается с Томью, на правом берегу Томи, почти напротив поселения Тояна, был возведен Томский военный острог. Гарнизон острога состоял из казаков и стрельцов. С этого момента уничтожение эуштинцев практически прекратилось [9].

Юрты, которые находились на Энековом острове, были поселением «Тоянов»; зимние юрты томских татар в Тояновом городке (Энеков остров) датируются периодом от середины XV до начала XVIII веков (Рис. 1).

Летние эуштинские юрты не имели «конкретного адреса» и неоднократно меняли своё местоположение в пределах нижнего течения р. Кисловка (Энеков остров, Большой Луг, Эушта) [10].

Томские татары занимались охотой, рыболовством, скотоводством и «собираТЕЛЬСТВОМ». Охота обеспечивала главное – пропитание, то есть мясо, а также сырье для одежды. Добытое на охоте использовалось для торговли с кочевыми племенами, проживавшими по соседству.

Местные жители занимались охотой, передвигаясь пешком, при этом самым популярным видом передвижения были лыжи. На них охотники отправлялись на охоту, используя лук, стрелы, капканы, самострелы и всевозможные ловушки [3].

В рыболовной практике коренных жителей Томской области, татар, главными инструментами были сети и неводы. Для ловли рыбы использовались удочки, известные как «кармак», а также переметы и «дорожки». Значительное распространение получили ловушки, изготовленные по типу корзин: морды, или «суган», и корчажки. Велика была роль животноводства. Для лошадей и молодняка делали «засеки», а крупный рогатый скот держали в стайках, которые прикрывали жердями и соломой. Теплый хлев обычно строился для мелкого скота и молодняка [7].

Сбор ягод, орехов и съедобных растений осуществлялся женщинами и детьми. В пищу употреблялись такие растения, как кандык, сарана, колба, корни ревеня, дикая редька, полевой чеснок и другие.

Томские татары жили большими, патриархальными семьями. Мужчина занимал главенствующее положение в семейном коллективе, управлял имуществом семьи и решал судьбы ее членов. В состав таких патриархальных семей входили не только муж и жена с их детьми, но и братья со своими супругами [3].

В традиционном гардеробе томских татар, бытовавшем до революционных перемен, наблюдались особенности, характерные для этой местности. В ходу были элементы, служившие своеобразными маркерами этнической принадлежности: налобные повязки, женские рубахи типа «кинек». Штаны «чамбар», пошитые как для женщин, так и для мужчин, занимали важное место в повседневном облачении. Мужчины также носили штаны из овчины. Зимой незаменимым предметом гардероба выступала шуба местного кроя под названием «тон», а в качестве утепляющей детали одежды надевали безрукавку – «сырмак». Головные уборы включали в себя традиционную шапку – «тагыя», а также войлочную шапку – «бурек». Дополняли образ обувь, представленная короткими «чарыками» и сапогами особого пошива, с двумя швами.

Со временем элементы русской одежды органично вошли в гардероб томских татар. Они начали перенимать у русских определенные модели и детали одежды, внося их в свой традиционный стиль.

Женский гардероб включал рубаху на кокетке, нижнее белье, жилеты, пиджаки, тулупы, шубы, дохи, армяки, пальто. Мужчины носили косоворотки, рубахи с отложным воротником. От русских были женщинами позаимствованы

платки. Их завязывали на затылке, закидывая концы на плечо. Мужчины носили шапки ушанки. Из обуви татары носили валенки и сапоги русского покроя [7].

Основная часть населения томских татар с рубежа XIX и до начала XX столетия обычно занималась пошивом одежды самостоятельно, используя для этого как домотканые материалы, так и приобретенные. Базовым материалом для работы служила натуральная ткань с полотняным переплетением. Если говорить о покупных тканях, то наиболее востребованными были доступные хлопчатобумажные варианты. Состоятельные же татарские семьи предпочитали шерсть и шелк, бархат и парчу. Широким спросом пользовались ткани, прибывшие из Средней Азии, выделявшиеся своими разнообразными колористическими решениями.

Для создания теплой зимней одежды традиционно использовались овчина, а также шкуры лис, бобров и прочих пушных животных. Овечьи шкуры находили применение и в кожевенном деле, становясь основой для производства обуви. В роли декора и украшений широко использовались тесьма, галун, ленты и шелковые шнуры.

Материальное положение ограничивало менее состоятельных граждан в приобретении дорогих тканей и украшений. Мужские рубахи часто изготавливали из мешковины, а женщины не носили нижнего белья, используя лишь платя и штаны. Наиболее популярна была длинная женская рубаха-кинек (Рис. 2).

Одежда имела форму туники, но добавлялись клинья и боковые швы. Впереди одежда застегивалась

Рисунок 2. Схема швов и раскрой женской рубахи кинек (начало XX в.).
Фото взято из открытых источников

Рисунок 3. Женские платья томских татар конца XIX – начала XX вв.
Фото взято из открытых источников

валась с помощью пуговиц – «сатап» или «туйма». Был стоячий и назывался «кайторма» или «йака». Рукава, именуемые «йенг», кроились прямо, в некоторых случаях сужаясь к манжетам. Пройма – «уим» – отличалась глубоким вырезом, в который вшивался ромбовидный элемент, известный как «чабу». Для изготовления этого предмета гардероба применялись ситец либо шелк – «епак» – насыщенных оттенков.

В конце XIX – начале XX столетия у некоторых татарских женщин начинает появляться нижнее белье, а рубахи постепенно уступают место платьям с цельным кроем (Рис. 3), с отложным воротником и поясами «ыцкыр», с кружевами «чельтэр». Юбки и кофты встречаются значительно реже.

Нижним элементом гардероба женщины являлись штаны (Рис. 4). Нижние штаны, известные

под названием «штан», изготавливались из невосковых материй всевозможных расцветок (преимущественно светлых тонов).

Были еще верхние штаны – «чалбар». Их делали из самодельных холстов, а также шерстяных тканей, атласа и прочих материалов. Штаны отличались шириной и протяженностью. Длина варьировалась: у нижних штанов она достигала коленей и чуть ниже, у верхних – до щиколоток.

В качестве верхнего летнего одеяния использовались камзолы (в летний период – йайдак камзол), фасон которых полностью повторял мужские образцы. Эта безрукавная одежда, оснащалась подкладкой из лёгкой ткани, а верх покрывался тяжёлыми материалами (чаще всего плюшем). Камзол обтягивал фигуру, в то время как полы внизу расходились, образуя складки. Длина изделия могла достигать колен, хотя существовали

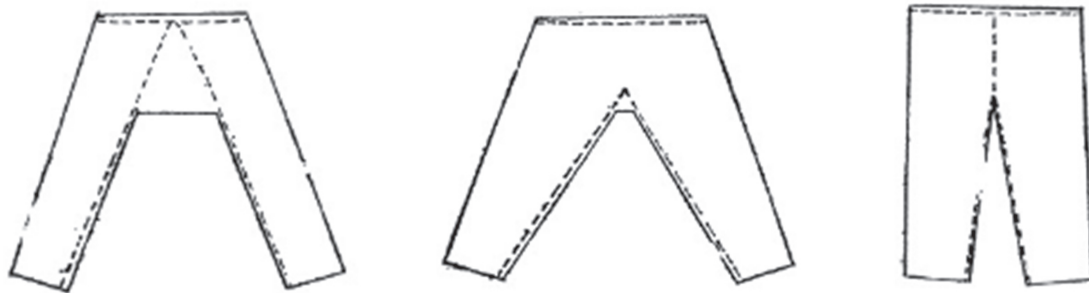

Рисунок 4. Схемы швов женских штанов (начало XX в.).
Фото взято из открытых источников

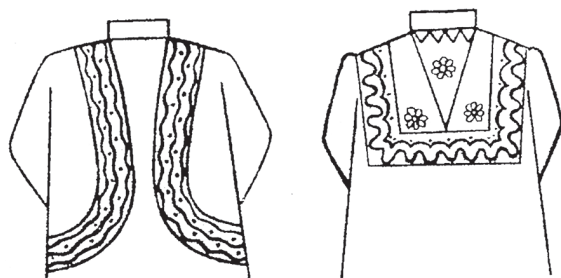

Рисунок 5. Орнамент в женской одежде.
Фото взято из открытых источников

Рисунок 6. Орнамент в женской одежде.
Фото взято из открытых источников

и укороченные модели. Застегивался камзол на 3–4 пуговицы. Главным отличием женских камзолов от мужских служило отсутствие декоративных элементов, которыми обычно не украшали мужские варианты.

Сверху женщины носили бешметы, аналогичные по крою камзолам, но дополненные стёжкой, рукавами и увеличенной длиной. В XIX веке встречались и бешметы без рукавов, но обязательным оставался элемент стежки. Бешмет плотно прилегал к телу, швы могли быть прямыми или же изделие создавалось с акцентом на талии [8].

Для украшения тканых изделий применялись разнообразные материалы: бисер, нити из золота и серебра, тесьма, нити из шерсти, шелка, ленты из бумаги, лоскуты ткани и другие элементы. Наиболее популярными способами декорирования были вышивка, расшивание бисером и аппликация. При создании бисерных украшений томские татары использовали как технику ажурного плетения, так и пришивание бисера к основе из ткани. В вышивке наибольшее распространение получи-

ли швы: двусторонний квадратный, тамбурный, крестом, строчечный, а также гладь.

Для женской одежды характерен был орнамент, состоящий из волнистых линий с рядами точек между ними или сбоку (Рис. 5).

Геометрический узор можно было увидеть на женских и мужских головных уборах. Присутствует мотив извилистых линий, однако в сочетании с прочими элементами – прямыми отрезками и зигзагообразной линией, формирующей треугольные фигуры (Рис. 6).

В орнаменте томских татар наблюдаются и иные мотивы. Часто можно встретить комбинацию растительных элементов с геометрическими фигурами. К примеру, геометрические узоры, напоминающие сетку, гармонируют с розеткой, изображающей цветок (Рис. 7). Сама сетка иногда представляет собой прямолинейные линии, а в других случаях она образуется волнистыми пересечениями, которые изредка приобретают вид бордюра, прерываемого изображениями цветов [2].

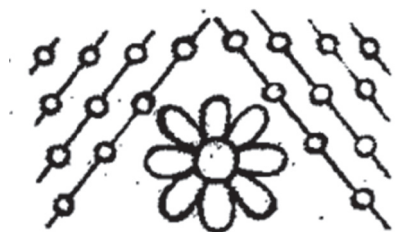

Рисунок 7. Орнамент в одежде томских татар.
Фото взято из открытых источников

В отличие от казанских татар, у сибирских татар с древних времен была своя традиция: они шили одежду из тканей, изготавливаемых на домашних ткацких станках из шерсти овец. До изобретения швейных машин женщины-татарки шили вручную, уделяя особое внимание символизму цвета ткани, строго следуя национальным обычаям и учитывая возрастные и гендерные характеристики будущих владельцев одежды.

К примеру, бытовало мнение, что наряды светлых тонов (розовые, нежно-зеленые, лазурные) идеально подходят для красоты и статуса татарки. Незамужние же особы облачались только в розовые платья.

Люди зрелого возраста носили камзолы преимущественно глубоких и насыщенных цветов темно-синего, темно-зеленого и бордового оттенка.

Синий цвет, согласно представлениям мастериц, олицетворял связь с тюркским миром и служил символом воды, охватывающей обширные территории, населенные этническими сибирскими татарами, – полноводные реки, озера. Стихия воды, по мнению исследователей, ассоциируется с женским началом, оттого подобные камзолы преимущественно носили женщины.

Камзолы предпочитали чёрного цвета. Вероятно, это объяснялось тем, что чёрный цвет, по мнению мастериц, символизировал мир усопших и укреплял связь с предками.

Зеленый цвет, использованный в символике, отражал собой просторы сибирской природы, представляя собой бескрайние степи и лесные массивы.

Орнаменты, созданные с применением золотых или желтых оттенков, несли в себе символическое значение, отображая мерцание звезд на темном небосводе. Нередко встречались сарауцы, исполненные в красных тонах, которые ассоциировались с женственностью и ее олицетворением [1].

Нами было проведено интервью со старожилками, а также работниками сферы образования и культуры поселения Эушта. Была выявлена проблема сохранения культурного наследия, а конкретно – татарского национального костюма.

В настоящее время нет мастеров, которые работали бы с традиционным костюмом томских татар.

Многие элементы традиционных костюмов были адаптированы под условия современной жизни: изменялись материалы, крой и даже цветовая палитра, однако базовые элементы сохраняются в современных дизайнах, адаптация традиционного костюма проявляется в использовании таких элементов в повседневной одежде. Многие дизайнеры в настоящее время интегрируют национальные мотивы в современные коллекции.

Сохранение традиционных элементов женского костюма томских татар является важным инструментом укрепления этнической идентичности народа. Взятие за основу традиционного костюма томских татар в создании современных изделий дизайна костюма может способствовать развитию чувства гордости за свое происхождение у молодых поколений и укреплению связей внутри общества, что открывает перспективы дальнейшего изучения элементов татарской культуры Эушты.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы пришли к выводу, что Эушта является древним поселением сибирских татар, существовавшим еще до основания Томска в 1604 году. Именно эуштинский князь Тоян инициировал строительство Томского острога, что подчеркивает важность этого поселения в истории региона.

Культурный код Эушты включает элементы тюркской и самодийской культур, а также испытывает большое влияние русских традиций, что делает его уникальным объектом для исследования.

Следует подчеркнуть традиционные аспекты национального костюма, которые заключаются в том, что традиционный костюм, как русский, так и татарский, характеризуется многослойностью, что обусловлено климатическими условиями и социальными факторами. Орнаменты и цвета в костюме несли символическую нагрузку. Например, вышивка защищала от злых духов, а цвета указывали на статус или региональную принадлежность.

К тому же нам удалось выяснить, что костюмы сибирских татар отличались от костюмов татар других регионов, что подчеркивает необходимость изучения местных особенностей.

Интеграция элементов культурного кода через адаптацию традиционного костюма в современный дизайн одежды является действенным способом укрепления этнической идентичности. Историческое наследие поселения Эушта может вдохновить дизайнеров на создание уникальных решений, которые могли бы привлечь внимание не только на локальном уровне, но и за пределами поселения.

Современные дизайнеры могут использовать орнаменты, цвета и крои, характерные для эуштинских татар, например, геометрические узоры или традиционные цвета (синий, зеленый, красный). Важно не просто копировать традиционные элементы, а творчески переосмысливать их, как это делают мировые бренды, которые используют народные мотивы в своих коллекциях.

Костюм должен отражать не только эстетику, но и исторический контекст Эушты, например, ее роль в основании Томска и взаимодействие с русской культурой. Применение культурного кода в современном дизайне одежды не только способствует сбережению исторического наследия, но и делает его органичной частью современной культурной среды, способной вдохновлять молодые поколения на ее сохранение через традиции, обычаи, народные промыслы и ремесла.

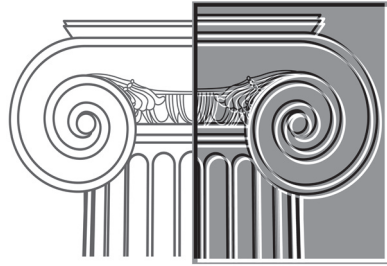
Создание современных коллекций на основе традиционных элементов может стать частью культурного туризма и образовательных программ. Это способ сохранить наследие Эушты, которое может быть утрачено в ближайшее время.

Список литературы

1. Бакиева О. А., Булатова Д. Р. Символика цвета в народной одежде сибирских татар // Видеонаука. 2019. С. 21–27.
2. Богомолов В. Б., Томилов Н. А. Характеристика орнамента томских татар // Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск. 1976. Вып. 19. С. 196–214.
3. Бородавкин А. П., Бояршинова З. Я., Боженко Л. И., Жеравина А. Г., Матющенко В. И., Рабинович Г. А. Очерки истории Томской области. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 1968. 239 с.
4. Дворцова В. В. Культурный код народа – благодатное поле в деятельности педагога дополнительного образования // Методист. 2024. № 8. С. 27–35.
5. Клименкова А. М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2013. С. 5–11.
6. Матвеев А. В., Татауров С. Ф. К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // Вестник Национального исследовательского Томского государственного университета. 2013. С. 78–82.
7. Томилов Н. А. Современные этнические процессы среды сибирских татар. Томск: Издательство Томского университета, 1978. 206 с.
8. Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск: Издательство Томского университета. 1980. С. 137–150.
9. Энциклопедия Томской области – проект историков Томского государственного университета (при поддержке Администрации Томской области). URL: <https://towiki.ru/view/%D0%AD%D1%83%D1%88%D1%82%D0%B0>
10. Энциклопедия Томской области – проект историков ТГУ. URL: https://towiki.ru/view/%D0%9E%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2_%D0%AD%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2

*

Поступила в редакцию 14.07.2025

ЭСТЕТИКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ В СВЕТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 7.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-138-150>

М. А. Двинина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: matrona2204@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается в историческом контексте русская духовная музыка от древнерусского певческого искусства до творчества современных отечественных композиторов. Русская духовная музыка представлена в ракурсе широкого спектра явлений: от канонической богослужебной практики до концертных произведений на религиозные тексты, духовные темы широкого содержания, библейские сюжеты. Автор показывает пути становления и развития русской духовной музыки в свете эстетической мысли русских религиозных философов. В статье выделены и проанализированы некоторые признаки, особенности, отличия церковного певческого искусства той или иной эпохи. Показана преемственность музыкальной эстетики в таких ее категориях, как красота и возвышенность. Также автор приводит рассуждения религиозных философов о пользе богослужебной музыки для души человека.

Ключевые слова: русская духовная музыка, церковное пение, эстетика, религиозная философия, древнерусское певческое искусство, традиция, композиторское творчество, музыкально-эстетическое воздействие.

Для цитирования: Двинина М. А. Исторические аспекты развития русской духовной музыки в свете эстетической мысли // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 138–150. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-138-150>

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SACRED MUSIC IN THE LIGHT OF AESTHETIC THOUGHT

Matrona A. Dvinina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: matrona2204@gmail.com

Abstract. This article examines Russian sacred music in a historical context from ancient Russian singing art to the work of modern Russian composers. Russian sacred music is presented from the perspective of a wide range of phenomena: from canonical liturgical practice to concert works on religious texts, spiritual

ДВИНИНА МАТРОНА АНДРЕЕВНА – аспирант кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

DVININA MATRONA ANDREEVNA – Postgraduate student at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Двинина М. А., 2025

themes of broad content, and biblical stories. The author shows the paths of formation of Russian sacred music and its development in the light of the aesthetic thought of Russian religious philosophers. The article highlights and analyzes some of the signs, features, and differences of church singing art of a particular era. The continuity of musical aesthetics is shown in such categories as beauty and sublimity. The author also cites the reasoning of religious philosophers about the benefits of liturgical music for the human soul.

Keywords: Russian sacred music, church singing, aesthetics, religious philosophy, ancient Russian singing art, tradition, composer's creativity, aesthetic impact.

For citation: Dvinina M. A. Historical Aspects of the Development of Russian Sacred Music in the Light of Aesthetic Thought. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 138–150. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-138-150>

Русская духовная музыка, возникшая с начала образования Православной Церкви на Руси как широкий спектр явлений, существует, изменяется, принимает различные формы и в наше время. В данной статье хотелось осветить некоторые аспекты ее развития с момента появления и до настоящего времени в контексте эстетической мысли религиозных философов. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к изучению духовной музыки после событий 1990-х годов, которые стали началом нового этапа в жизни русского человека и Русской Православной Церкви, когда церковное искусство встало на путь возрождения и развития.

Хотелось бы уточнить, что в древнерусской традиции церковное пение, а также внехрамовое исполнение песнопений, духовных стихов не называлось музыкой, а только пением. Термин «музыка» употреблялся для именования звучания инструментов. Только в последней трети XVII века понятие музыки («музики») стало объединять и церковное пение, и игру на музыкальных инструментах, благодаря трудам «Музикия» диака. Иоанникия Коренева и «Музикийская грамматика» Н. П. Дилецкого. И. А. Гарднер в своей книге «Богослужбное пение Русской Православной Церкви» разделяет богослужбное пение на две эпохи. Соглашаясь с его типологией, можно выделить их особенности:

1. Первая – это эпоха унисонного одноголосия (представленного в знаменном, путевом, столбовом и других распевах), а также двухголосного пения

по византийскому образцу (с исоном) и русского троестрочия (так называемого «строчного трехголосия»);

2. Вторая эпоха связана с западной традицией многоголосного хорового пения, воплотившей ключевые достижения концертного исполнительства, включая соревновательный элемент между хором и солистами-ансамблистами.

Первая эпоха отмечена господством монодийного, унисонного пения, унаследовавшего традиции византийской певческой культуры. В это время пение не затрагивают западные светские веяния. Древнее монодийное пение, по мысли прот. Павла Флоренского, принадлежит к сокровищнице церковного искусства. Дьякон Сергей Трубачев в своей работе «Музыка богослужения в восприятии священника Павла Флоренского» приводит слова философа об унисонном пении как о проводнике трансцендентного, оно «удивительно как пробуждает касание Вечности. А когда есть богатство звуков, голосов, облачений и т. д. и т. д. – наступает земное, и Вечность уходит из души куда-то, к нищим духом и к бедным земными богатствами» [18, с. 343].

С. С. Аверинцев изучает византийскую традицию, в которой литургический текст раскрывает понимание литургии как небесного служения на земле. Согласно «Повести временных лет» [15, с. 73–74] послы князя Владимира, вернувшись из Константинополя, рассказали о неземной красоте византийского богослужения. Священное действие боже-

ственной литургии было столь возвышенно, что послы ощутили себя в небесных чертогах. Свой опыт ощущения пребывания Бога на земле они выразили в словах: «...Токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ челоуѣки пребываетъ...». Эти слова созвучны молитве царя Соломона: «..Поистине, Богу ли жить с челоуеками на земле?» (3 Цар. 8:27). Роль эстетического воздействия византийского богослужения как на христианина, так и на челоуека, не знающаго христианской религии, очень велика.

Наш современник, профессор МГУ, бессменный руководитель секции «Музыка православнаго мира» ежегодных Рождественских чтений, замечательный исследователь древнерусского песнетворчества Татьяна Феодосьевна Владышевская в своей работе «Музыкальная культура Древней Руси» пишет о каноничности русского песнетворчества: «Основой древнерусского музыкального канона послужили канон византийской музыкальной культуры и его эстетика, определившие главные свойства древнерусского певческаго искусства» [3, с. 47].. Автор приводит несколько трактовок греческого понятия «канон». Эстетическое осмысление музыкального искусства древности находит яркое выражение в идеях византийского философа IV века: «Философия, проявляющая себя в мелодии, есть более глубокая тайна, чем об этом думает толпа, <...> безыскусственный напев сплетается с божественными словами ради того, чтобы само звучание и движение голоса изъясняло скрытый смысл, стоящий за словами» [22, с. 107]. Красота, осмысленность, возвышенность пения, призваннаго воспитывать и облагораживать душу челоуека, которое уподобляется ангельскому, – все эти эстетические категории отражены в византийском музыкальном искусстве и освещены философской мыслью.

Древнерусское певческое искусство унаследовало эти эстетические качества, а также правила текстовой и музыкальной организации, пришедшие из Византии. В основу певческаго творчества легли монодийные распе-

вы (прежде всего – знаменный). Мы можем выделить некоторые признаки певческаго византийского канона: пение мужское, монодийное, без сопровождения, осмогласное. (Осмогласие – музыкально-теоретическая система, описывающая лады – «гласы» – в церковной музыке православной традиции). Это время характеризуется наличием памятников богослужебнаго пения исключительно с безлинейной нотацией.

Продолжительность первой эпохи богослужебнаго пения на Руси И. А. Гарднер рассматривает от «начала организованной христианской Церкви на Руси» [4, с. 21], то есть с того времени, как в XI веке при Ярославе Мудром собором иерархов был поставлен русский епископ Иларион, до середины XVII века, когда взор песнетворцев обратился к западному искусству. На протяжении Средневековья русская музыкальная культура была изолирована, а в XVII веке путь развития отечественной культуры встретился с западноевропейским.

Русская религиозно-философская мысль начинает оформляться уже в XII столетии, что находит отражение в трудах таких авторов, как новгородский дьякон Кирик (позднее иеромонах Кирилл), митрополит Климент Смолятич, епископ Кирилл Туровский, а также в более поздних работах преподобнаго Нила Сорского.

После падения Константинополя в 1453 году сложилась концепция «Москва – третий Рим». Началось активное строительство храмов, церковное пение очень почиталось, культивировалось. Вопросами церковнаго пения занимался даже Стоглавый собор в 1551 году, при царе Иоанне Грозном. В середине XV века образуется хор государевых певчих дьяков, а в XVI веке – хор патриарших певчих дьяков.

В это время великий подвижник Русской Церкви, богослов XV–XVI века, Нил Сорский говорит в своих трудах о церковном пении в свете его благоприятнаго воздействия на душу челоуека. Богослужебное пение способствует челоуеку в поиске молитвеннаго со-

стояния для покаяния, изменения греховных страстей в себе на пути к раскрытию прекрасного и возвышенного, где верующий человек приобретает бесценный «дар слез» [13, с. 168]. Нил Сорский исследует феномен внутренней молитвы, рассматривая ее как важнейший элемент духовного подвижничества: «Облегчение в борьбе бывает и помыслов успокоение, причем ум, словно обильной пищей, насыщается молитвой и веселится, а из сердца исходит некая сладость невыразимая, и на все тело распространяется, и во всех членах болезнь обращает в сладость <...>. В радости бывает тогда человек...» [13, с. 170]. Эстетика церковно-певческого искусства выступает зеркалом человеческой сущности: в ней раскрывается не только внешнее выражение, но и сокровенные пласты русской православной души. Через искусство, интонации и даже молчание человек воплощает свои ценности, переживания и поиск высших смыслов.

Одним из высших образцов молитвенного делания на рубеже XV–XVI веков становится русское диссонантное многоголосие – троестроичие и демество, которое активно развивалось в XVII веке и существовало вплоть до XVIII века. Троестроичие (состоящее из трех голосов – Верх, Путь, Низ) имело, подобно знаменному распеву, аскетическую эстетическую направленность и огромный интеллектуальный потенциал гласовых и внегласовых песнопений. Демество (состоящее из четырех голосов – Верх, Демество, Путь, Низ) имело незначительный репертуар, ограниченный внегласовыми неизменяемыми песнопениями праздничных служб Всенощного бдения и Литургии, составивших книгу «Демественник». Эстетика демественных песнопений склонна к приукрашению напевов за счет изысканной мелизматики и большей протяженности.

Отмечал благотворное воздействие музыки на душу человека и философ Г. С. Сковорода: «Музыка – великое врачевство в скорби, утешение же в печали и забава в счастье» [17, с. 113]. Российский философ Михаил Семенович Уваров сравнивает музыку с исповедью –

одним из семи таинств Православной Церкви: «Музыка, как поэзия души, дает возможность высказать самую затаенную, искреннюю мысль в ауре внутреннего конфликта и – одновременно – духовной гармонии» [19, с. 99].

Фигура Григория Сковороды предстает перед нами как воплощение самой возможности русской философии. В его учении, о котором прот. Зеньковский говорит как о первом подлинно философском опыте на Руси, осуществляется парадоксальный синтез: античная онтология встречается с библейской откровенностью, а народная мудрость возводится в ранг метафизики. Важным аспектом философии Г. Сковороды является диалектика Двух натур – видимой твари и невидимого Бога, пребывающего в отношении вездеприсутствия к миру, как имманентная основа бытия. Другой важный аспект – традиционная антропология, постулирующая единство макрокосмоса (Вселенной), микрокосмоса (человека) и сакрального текста (Библии). Утверждение об «истинном человеке» как о подлинной сущности человеческого (и одновременно – божественного) бытия раскрывает христологический вектор его мысли. Музыка в этой стройной системе – не просто искусство, но способ явления истины, где гармония звуков становится символом мировой гармонии.

Пифагорейская интуиция о музыке сфер, звучащем ладе мироздания, также находит свое развитие в философии Сковороды. «Симфония» перестает быть просто термином, становясь символом божественного единства, пронизывающего все уровни бытия. Для философа небесная музыка – не метафора, но сама суть Божественного, звучащая в бесконечности. Человеческое же музицирование предстает как попытка прикоснуться к этой вечной гармонии, воспроизвести в тварном мире отблеск нетварного совершенства.

В XVI–XVII веках под влиянием процессов секуляризации духовного искусства происходит смена эстетических доминант с аскезы в сторону красочности, пышно-

сти и торжественности стиля. В частности, возник и некоторое время существовал феномен одновременного исполнения разных частей службы, известный как многогласие. В то же время возникают и паралитургические жанры – театрализованные религиозные действия, которые процветают на протяжении XVI и XVII веков (например, «Пещное действо» на основе ветхозаветного сюжета о трех отроках, которое совершалось во время службы в храме, или действие «Шествие на осляти» – внехрамовое).

Вторая эпоха в истории церковного пения ознаменовалась доминированием западноевропейской традиции многоголосного хорового исполнения. Как отмечают исследователи, ее временные рамки простираются с середины XVII века до наших дней. Одной из ключевых характеристик этого периода стал процесс обмирщения церковной музыки и ее сближения с музыкой светской.

Середину XVII века можно назвать переломным моментом в русской культуре, связанным с двумя событиями, совпавшими по времени: присоединением Украины к России в 1654 году и реформами патриарха Никона, пребывавшего на патриаршем престоле с 1652 года. В это время из Украины в Россию было привезено партесное пение, вызывавшее как восторженный отклик, так и сильное неприятие. Официально, от имени царя, лучших киевских певцов и руководителей партесного пения в Москву стали приглашать с 1652 года (под влиянием благоволения к нему патриарха Никона). Распространяются киевский, болгарский, греческий и другие напевы, записанные киевской квадратной нотацией. Важным объединяющим фактором для данного исторического периода, наряду с распространением многоголосного пения, явилась трансформация системы нотации. Безлинейные способы записи были практически полностью замещены линейными. Также в XVII веке параллельно с партесным пением активно развивается многогласие на основе отечественных традиций – троестроичие и демество.

В своем фундаментальном труде выдающийся русский философ и историк церкви прот. Георгий Флоровский осуществляет глубокий анализ духовно-культурных трансформаций XVII столетия, акцентируя внимание на проникновении западноевропейских влияний в сакральную сферу православной традиции. Особое место в его исследовании занимает эстетическая парадигма церковного пения, где происходит смена художественного канона: западные образцы с выстроенной системой гармонических отношений начинают вытеснять древние византийские распевы с их иконографическим звукоосозерцанием.

Как свидетельствует прот. Георгий Флоровский, в Андреевском монастыре у Ртищева и в Новом Иерусалиме у патриарха Никона мы наблюдаем приглашение « „польских“ певчих, которые поют „согласием органным“ » [20, с. 92], то есть многоголосной партесной манерой. Более того, патриарх Никон целенаправленно вводит в обиход своего хора музыкальные композиции знаменитого мастера капеллы роратистов из Кракова Мартина Мильчевского, тем самым утверждая новую аксиологию в сакральном пространстве.

Этот исторический пример репрезентует важнейший культурно-религиозный парадокс эпохи: стремление к обновлению православной традиции через заимствование западных форм, что впоследствии приведет к глубокому расколу в русской духовной идентичности. Прот. Георгий Флоровский рассматривает данный процесс не просто как музыкальную реформу, но как симптом более масштабного кризиса традиционного церковного сознания перед вызовами модернизации.

Кроме того, в это время в Москве распространяется светская музыка. Царь Алексей Михайлович открыл первый придворный театр, который просуществовал с 1672 по 1676 год. При дворе появились европейские инструменты – орган, клавикорды, флейты, виолончели. Изменилось само понятие музыки («мусикии»). Если до этого времени инструментальная музыка противопоставлялась возвышенному ангелоподобному цер-

ковному пению, то теперь И. Корнев в своем трактате «Музыка» объединяет и церковное пение, и игру на музыкальных инструментах в одно понятие «музики», но относит их к разным родам музыкального искусства.

Философ прот. Василий Зеньковский, анализируя динамику культурного сознания, также утверждает, что «XVIII в России есть век „секуляризации“» [7, с. 57]. В эстетической сфере формируется автономная светская культура с новой системой художественных ценностей (классическая форма, зарождение светских жанров), отрывающаяся от сакральной традиции; в философском измерении происходит переосмысление религиозного сознания, что выражается в кризисе средневековой символической картины мира и поисках синтеза между верой и рациональностью. Вторая половина XVIII века – начало XIX знаменуется периодом итальянского влияния в России, периодом классицизма. Точнее – от 1741 года (начало царствования Елизаветы Петровны) до 1837 года, когда главой Придворной певческой капеллы становится А. Ф. Львов. Как отмечает исследователь И. Е. Лозовая, в духовных концертах этого периода заметно усилилось влияние западноевропейской оперной традиции и инструментальной музыки. Это выразилось в ориентации на функциональную гармонию, в стремлении к структурной целостности, симметрии формы, а также в расширении диапазона композиционных приемов. Яркие композиторы – представители данного периода: М. С. Березовский, Д. С. Бортнянский, С. А. Дегтярев, А. Л. Ведель. Сочинения композиторов периода классицизма популярны и в настоящее время, они исполняются и за богослужением, и на концертах. Самыми крупными фигурами классицизма были Дмитрий Бортнянский и Максим Березовский. Музыкальное наследие Д. С. Бортнянского очень богато. Он является автором более 100 духовных концертов, нескольких литургий и других песнопений. Композитор раскрыл свой талант в работе с хором и создании хоровой музыки. П. Львов называл пение хора Д. С. Бортнянского го-

ворящим, пребывающим единодушно в молитве. Исследователь В. Золотарев упоминает об особенностях звучания хора капеллы – органности – «чудесном эффекте», поразившим Г. Берлиоза во время его пребывания в России [8, с. 37–38].

Как отмечает протоиерей В. М. Металлов в «Очерках истории православного церковного пения в России», Д. С. Бортнянский, безусловно, был великим музыкантом, однако «он дорог для отечественной церкви как церковный композитор в других своих произведениях, не концертных, и, более всего, в переплетениях древнейших церковных мелодий» [11, с. 125]. Обширная деятельность композитора привела к расцвету хорового искусства в России. Прот. Димитрий Разумовский указывал на то, что звучание сочинений Д. С. Бортнянского располагает к молитве, благотворно влияет на душу [16, с. 233]. В конце XVIII – начале XIX века в русской музыкальной культуре происходит важный стилистический синтез: в рамках классической эстетики – с ее строгими формами и рациональной гармонией – постепенно проявляются элементы сентиментализма, который имеет следующие черты: эмоциональность, молитвенность, выражающаяся в проявлении печали (преобладании минора, использовании хроматизмов). Тенденцию сентиментализма в некоторой степени отражают поздние духовные концерты Д. С. Бортнянского («Скажи ми, Господи»), а также концерты А. Л. Веделя («Доколе, Господи, забудеши мя до конца», «На реках Вавилонских»). Эти печальные минорные интонации в сочинениях и сегодня обладают глубоким духовным воздействием, пробуждая в молящемся сердце покаянное чувство через свою возвышенную скорбную красоту.

В духе новых романтических тенденций выдающийся советский философ А. Ф. Лосев в работе «Основной вопрос философии музыки» говорит о сильном воздействии музыки на человека и о возможности через музыку соприкоснуться с бесконечным: «Слушая музыку, люди начинают то вспоминать какие-то

давнишние и давно исчезнувшие предметы, то вдруг надеяться на какую-то всеобщую красоту, которая должна обнять собою весь мир, да вот уже и обнимает. И люди то блаженно улыбаются, то плачут. <...> А все это только потому, что человек, никогда не мысливший о бесконечности и никогда не понимавший бесконечное в свете конечного, а конечное в свете бесконечного, при слушании музыки вдруг начинает испытывать единство и полную нераздельность того и другого, начинает об этом задумываться, начинает это чувствовать» [9, с. 329].

Первая половина XIX века отмечена проникновением в церковную музыку романтизма с его эмоциональностью и переходом от строгой молитвенной созерцательности к личностному переживанию сакрального, контрастностью. Черты романской стилистики мы наблюдаем в творчестве А. А. Алябьева, А. Н. Верстовского, А. Е. Варламова. При создании духовных произведений композиторы неизбежно привносили элементы светской вокальной традиции, что проявлялось в частом использовании романсовых интонационных оборотов.

Как идея формирования национально-самобытной школы романтизм особенно ярко проявился в русской церковной музыке этого периода. Начиная с М. И. Глинки, многие композиторы – Н. М. Потулов, М. А. Балакирев, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, С. И. Танеев, А. К. Лядов – уделяют внимание национальным напевам, ищут адекватные способы их гармонизации (в качестве оппозиции реформе Львова, гармонизации которого, за исключением отсутствия метризации, не соответствовали русской традиции).

М. И. Глинка первым сумел возвратиться к истокам отечественной традиции. В своей статье «Опера Жизнь за Царя», посвященной анализу оперного творения М. И. Глинки, философ А. С. Хомяков осуществляет философско-эстетическую рефлексию, возвышая талант композитора, чье творчество стало воплощением соборного духа русской

культуры. В данной статье конкретное музыкальное произведение становится предметом фундаментального философского осмысления, раскрывающего глубинные закономерности национального художественного сознания. Согласно свидетельству В. Ф. Одоевского, последние годы жизни М. И. Глинки были посвящены изучению и созданию церковной музыки. Композитор поехал в Берлин изучать теорию церковных тонов и строгий стиль письма западноевропейского Средневековья и Ренессанса у теоретика З. В. Дена, так как был уверен, что европейские средневековые лады родственны знаменным. Мысли М. И. Глинки об отечественной музыкальной традиции заинтересовали таких известных музыкальных критиков, как князь В. Ф. Одоевский и В. В. Стасов. Князь Владимир Одоевский, являвшийся ключевой фигурой в изучении русской музыкальной медиевистики, провел масштабное исследование древних нотных рукописей из монастырских и частных собраний, включая труды Филарета Черниговского, Тихона Макарьевского, Александра Мезенца. В своих работах В. Ф. Одоевский особо подчеркивал принципиальные различия между древнерусской гласовой системой, основанной на сакральном отношении к каждому гласу и символу в крюковой нотации, и светской западноевропейской традицией, не имеющей такового. Значительное внимание он уделял вопросам практики церковного пения, направляя усилия музыкальной общественности не на столичные храмы, а на приходские церкви. В своих многочисленных статьях В. Ф. Одоевский настаивал на необходимости подготовки специалистов, способных восстановить древние традиции богослужебного пения. Как отмечает Е. Г. Мещерина в диссертации «Духовно-эстетические основания музыкального искусства Средневековой Руси», Одоевский выступал за «возвращение богослужебного пения к древнему строгому стилю с использованием средств, не искажающих мелодического характера древних распевов» [12, с. 255].

XIX век ознаменовал собой рождение русской философии в ее подлинном смысле – об этом свидетельствуют как прот. В. В. Зеньковский, так и прот. Г. В. Флоровский. Если первый видит в этом периоде начало философии как культурного феномена, то второй говорит о настоящем пробуждении русской мысли. Это пробуждение происходило не в одиночных размышлениях, а в живом общении философских кружков, самым ярким из которых стало «Общество людомудров» с его блистательным составом: от князя В. Ф. Одоевского до будущих славянофилов И. В. Киреевского и А. И. Кошева.

Философское наследие В. Ф. Одоевского в области музыкальной эстетики отличается исключительной глубиной и системностью. Будучи родоначальником научного изучения древнерусского музыкального искусства, мыслитель изложил свои концепции в ряде фундаментальных трудов. Особого внимания заслуживает его работа «Гномы XIX столетия», где музыка интерпретируется как квинтэссенция духовного в искусстве: «...Музыка составляет истинную духовную форму искусства точно так же, как звук показывает качества материи» [14, с. 175]. В этой перспективе музыкальное восприятие предстает как особый вид метафизического познания, позволяющий приобщиться к божественной гармонии универсума.

С 1836 года, когда А. Ф. Львов становится директором Придворной певческой капеллы, до начала XX века проходит период немецкого влияния, господство Придворно-певческой капеллы. Этот период можно назвать «немецким», так как главный его представитель – А. Ф. П. Львов – делал гармонизации церковных напевов по школьным немецким учебникам гармонии. В церковно-музыкальной практике того периода утвердился немецкий хорал как наиболее соответствующий представлениям о музыкальной эстетике того времени, воплощая в себе строгую архитеконику гармонического строя, возвышенную простоту мелодического рисунка, молитвенную сосредоточенность звучания.

Одной из характерных черт этой эпохи является становление национальных музыкальных школ, в том числе русской. Толчком послужили результаты Крымской войны (1853–1856), взгляд русского человека на Европу изменился. Появилась тенденция возвращения к истокам. Стала зарождаться русская медиэвистика (трудами В. Ф. Одоевского и прот. Д. В. Разумовского), начала формироваться «Могучая кучка» (творческое содружество русских композиторов Санкт-Петербурга конца 50-х – начала 60-х годов XIX века). Музыкальный критик В. В. Стасов, который был тесно связан с «Могучей кучкой», подчеркивал важность тематики их творчества, непосредственно связанной с образами и картинами из народной жизни, народного эпоса, сказки, с древними языческими верованиями, обрядами, с историческим прошлым России – этим В. Стасов выражал их общие идейно-эстетические позиции. В реализации принципов композиторов «кучкистов», которыми были народность и национальность, в популяризации творчества композиторов «Могучей кучки», в том числе их духовной музыки, В. Стасов видел свою задачу.

Исследованиями в лоне русской певческой музыки в XIX веке занимались известный историк и богослов митр. Евгений (Болховитинов) («Исторические рассуждения», 1804), Н. Горчаков («Опыт вокальной или певческой музыки в России...», 1808), В. М. Ундольский («Замечания для истории церковного пения в России», 1846). Учреждение в 1866 году кафедры истории и теории русского церковного пения в Московской консерватории, возглавленной протоиереем Дмитрием Разумовским, положило начало систематическому исследованию древнерусской певческой традиции. Научные труды Д. В. Разумовского, С. В. Смоленского, протоиереев Ивана Вознесенского и Василия Металлова, а также А. В. Преображенского не только заложили фундамент музыковедческого изучения богослужебного пения, но и открыли пути к изучению философско-

религиозных оснований церковно-певческого искусства, оказали существенное влияние на дальнейшее изучение эстетических особенностей русской церковной музыки.

Категории прекрасного и возвышенного как вечные парадигмы сакрального искусства, находят свое уникальное воплощение в духовной музыке различных эпох, приобретая каждый раз особые стилистические и семантические черты. Эта диалектика эстетических начал получает глубокое философское осмысление и в трудах мыслителей XIX–XX столетия. Святитель Игнатий (Брянчанинов), богослов и проповедник XIX века, в своем труде говорит об истинном творчестве и красоте, что должна быть пронизана благодатью. Как свидетельствует духовный опыт святителя, истинное творчество в духе рождается лишь из глубины подлинного духовного переживания. Красота – в каких бы формах она ни являлась, – по убеждению святого отца, должна быть пронизана божественной благодатью, получить это таинственное «помазание Духом». Иначе, утрачивая связь с источником всякой красоты, она становится обманчивой, несущей в себе семена распада разрушения [1, с. 287]. Только когда в творении ощущается дыхание Святого Духа, мы можем говорить о подлинной, непреходящей красоте. Митрополит Антоний Сурожский (Блум), признанный одним из наиболее влиятельных православных богословов XX века, в русле традиции, заложенной Павлом Флоренским, развивает учение о неразрывной связи эстетического и онтологического начал. В его богословской системе красота предстает не как абстрактная категория, но как живое свидетельство истины. Согласно воззрениям владыки Антония, подлинная Красота обладает особым эпифаническим качеством: она неизбежно отсылает человеческое сознание к Первоисточнику, выступая своего рода теофанией, явлением Бога в тварном мире. Эта концепция восходит к патристическому пониманию прекрасного как одного из имен Божиих и находит свое продолжение в современном богословии.

Следующий период с 1896 года (первые сочинения А. Д. Кастальского и П. Г. Чеснокова) по 1917 года (эта дата условна, так как некоторые композиторы Нового направления продолжали писать музыку и после революции) – период «Нового направления». К Новому направлению относились представители как Москвы, так и Петербурга. Особое значение Новой Московской школы – в возвращении к эстетике канонических древних распевок, особенно, знаменному, в поиске новых путей для их многоголосной обработки. Понадобилось более ста лет развития в России европейской стилистики, чтобы она доросла до тех интонационно-гармонических и фактурных возможностей, которые бы эстетически соответствовали древнему пению.

Другая особенность этого времени – концертное духовное творчество, связанное с большим подъемом хоровой (в том числе церковно-хоровой) культуры. В 1840-е годы Николай I издал закон, запрещающий исполнять на концертах русскую церковную музыку (можно было исполнять только европейскую духовную музыку). Русские духовные песнопения, помимо храма, можно было услышать лишь на публичных спевках (на спевках, на которые иногда допускались слушатели).

В этот период Московский Синодальный хор, который был создан на базе знаменитого хора Патриарших певчих дьяков, а также непосредственно соединенное с ним Синодальное училище, выходят из-под влияния Придворно-певческой капеллы Санкт-Петербурга. Один из самых ярких представителей этого периода, регент Синодального хора, выдающийся церковный композитор и дирижер – Александр Дмитриевич Кастальский. Как отмечают исследователи Е. Ю. Шевчук и И. Е. Лозовая, А. Д. Кастальский разработал принципиально новую систему гармонизации древнерусских распевок, которая, сохраняя характерные черты русской духовной традиции, воплотила собой эстетический идеал национального стиля. Церковная музыка – наибольшая часть творческого наследия

композитора. Н. А. Римский-Корсаков говорил так о Кастальском: «Пока жив Александр Дмитриевич, жива русская музыка: он владеет русским голосоведением и доведет свое умение до высшего мастерства» [7, с. 581].

Новаторские стилистические решения А. Д. Кастальского и достижения хоровой исполнительской культуры его времени послужили важным импульсом для формирования обширного пласта произведений русской духовной музыки. Представителями нового направления стали композиторы П. Г. Чесноков, Н. М. Данилин (Синодальная школа); М. М. Ипполитов-Иванов, А. Т. Гречанинов, Н. Н. Черепнин (Петербургская школа). Высшим достижением Нового направления в церковном искусстве конца XIX века в русле московской школы стало «Всенощное бдение» С. В. Рахманинова, написанное для двенадцатиголосного смешанного хора. Всенощная является лучшим сочинением не только в духовном творчестве композитора, но и в русле всего Нового направления, хотя формально С. В. Рахманинов не принадлежал к Новому направлению.

В религиозной философии XIX–XX веков древнерусская музыка возникает в свете эстетики храмового действия в работах Павла Флоренского, как сказано было ранее, также в работах Г. П. Федотова, который считал, что влияние религиозного искусства на русскую душу было исключительно велико. Религиозный философ С. И. Фудель писал о П. Флоренском: «Флоренский открыл какое-то окно, и на наше религиозное мышление повеяло воздухом горнего мира. <...> Овладев всем вооружением научной и философской мысли, он вдруг как-то так повернул всю эту великую машину, что, казалось, она стоит покорно и радостно перед открытой дверью истинного познания “природы вещей”. Этот “поворот” есть воцерковление нашей мысли, возвращение запуганной, сбитой с толку и обедневшей мысли к сокровищницам благодатного знания» [21, с. 128].

В советское время идеи исследования эстетики духовного искусства нашли отраже-

ние в работах Д. С. Лихачева, В. М. Алпатова, Г. И. Вздорнова, а также в трудах М. В. Бражникова, Н. Д. Успенского, посвященных знаменному пению. Послереволюционный период подразумевает собой разделение русской традиции на две части. С одной стороны, это творчество композиторов, живших в СССР и до определенного времени продолжавших писать церковную музыку, таких как Н. С. Голованов, М. О. Штейнберг, А. В. Никольский, П. Г. Чесноков, прот. Г. Я. Извеков. С другой стороны, – творчество композиторов русского Зарубежья, таких как К. Н. Шведов и Н. Н. Кедров, которые продолжали писать церковную музыку для исполнения в храмах своими хоровыми коллективами. Однако об эстетическом, художественном развитии в их сочинениях говорить трудно. Этот период можно рассматривать как период спада.

В трудах мыслителей русской эмиграции эстетика предстает не как абстрактная дисциплина, а как живое осмысление связи искусства, религии и человеческого бытия. Каждый из этих авторов, сохраняя общие принципы, разработал уникальный подход к пониманию красоты и творчества.

В. Вейдле в работе «Умирание искусства» анализирует кризис современного ему искусства через призму христианского мировоззрения, видя причины упадка в утрате духовных оснований творчества. Н. Евреинов в «Откровении искусства» обращается к психологии художественного творчества, раскрывая его глубинные связи с религиозным опытом через призму психоанализа. Н. Лосский в трактате «Мир как осуществление красоты. Основы эстетики» развивает интуитивистско-персоналистскую концепцию прекрасного, утверждая его онтологическую значимость. В своей работе философ говорит о красоте как о полноте бытия: «Идеал красоты осуществлен там, где действительно осуществлена всеобъемлющая абсолютная ценность совершенной полноты бытия, именно этот идеал реализован в Боге и в Царстве Божиим. Совершенная красота есть полнота бытия, содержащая в себе совокупность всех абсо-

лютных ценностей, воплощенная чувственно» [10, с. 34]. И. О. Ильин в «Основах художества» формулирует критерии подлинного искусства и закладывает методологические основы его анализа, подчеркивая необходимость целостного восприятия художественного творения. Объединяющей идеей этих мыслителей стало убеждение, что искусство – не автономная сфера, а отражение духовного состояния человека и культуры. Они настаивали на преодолении узконаучных подходов, выступая за синтез эстетики, онтологии и антропологии. При этом их объединяла вера в то, что подлинное искусство неотделимо от религиозного мировоззрения, а красота имеет трансцендентную природу.

Эстетические искания философов русского зарубежья стали важнейшей частью развития религиозно-философской мысли века, предложив альтернативу – как формализму, так и чисто секулярным интерпретациям искусства. Их наследие сохраняет актуальность, напоминая о том, что истинное творчество рождается на пересечении духовного поиска, философско-эстетической глубины и художественного вдохновения.

С начала 90-х годов XX века наблюдается возрождение духовной культуры в России. «Прекращение гонений на Православную Церковь, отмена связанных с этим идеологических запретов – эти события начала 1990-х годов ознаменовали начало нового этапа в жизни Русской Церкви» [5, с. 74], существенно повлияли на развитие всех видов церковного искусства. Были созданы новые песнопения для клиросной практики, произведения светского жанра на христианские темы.

В дальнейшем развитии музыкального творчества можно выделить две ветви, к первой относится творчество композиторов, пишущих музыку именно для исполнения в церкви, например, диак. Серия Трубачева, архим. Матфея (Мормыля), прот. Николая Ведерникова. Задача церковной музыки – дополнять и усиливать молитвенное стояние прихожан. Она не предполагает нарушения порядка канонического текста. Должна из-

бегать внешних композиционных эффектов, нарочитых «красивостей», чрезмерной чувствительности. Другая ветвь – концертное духовное творчество, ее представители: Г. В. Свиридов, Н. Н. Сидельников, В. С. Дьяченко, Н. С. Лебедев.

Духовная музыка в концертном исполнении представляет собой самодостаточный жанр, который через специфику музыкального языка транслирует богословские и нравственные идеи сакральных текстов, активизируя эмоциональное сопереживание и эстетическое восприятие аудитории в условиях светского исполнительского пространства. Миссионерская роль этой музыки имеет большое значение.

В настоящее время в области духовной музыки продолжают творить современные композиторы. В. Довгань, А. Микита, А. Висков создают большое количество богослужбной и духовно-концертной музыки, для них это – часть жизни. М. Петухов, С. Сегаль – православные композиторы, написание духовных сочинений для них – проявление целостности мировоззрения. Представителями новой генерации композиторов духовного жанра, заявивших о себе в последние годы, можно назвать И. Вишневецкого, Д. Дианова. В эстетическом плане названные современные композиторы полагаются на идею того, что духовная музыка несет красоту и свет, радость и чистоту, надежду на духовное восхождение и преображение личности.

Для более глубокого понимания сущности духовной музыки показателен ответ Владимира Довганя на вопрос журналиста С. Ахтырского (газета «Завтра»): «Не сужает ли ваши творческие возможности написание хоров на церковные тексты?». Композитор дает развернутый ответ на данный вопрос: «Я веду в Российской академии музыки им. Гнесиных факультатив для студентов-композиторов „Основы сочинения русской православной музыки“. Говорю студентам примерно так: любая настоящая композиторская деятельность невозможна без прославления Господа, но при сочинении храмовой музыки требо-

вания к композитору многократно возрастают. Необходимо соответствие канонам. <...> И скупое по фактуре, небольшое песнопение способно воздействовать мощнее длинных, замысловатых, богато аранжированных, но бедных искренностью и красотой оркестровых пьес» [2, с. 1]. В статье «Духовно-музыкальное творчество В. Б. Довганя» мы подчеркнули особенное трепетное отношение композитора к церковному певческому канону и его практическому воплощению в церковной службе, отметив, что «мировоззренческие и художественные взгляды композитора находятся в русле современного переосмысления эстетического восприятия русской духовной певческой практики и особенностей национальной музыкальной традиции» [5, с. 74].

В настоящее время и в области древнерусского песнотворчества и музыкальной культуры православного мира продолжаются исследования Т. Ф. Владышевской, А. С. Белоненко, А. Н. Кручининой, В. И. Мартыно-

ва, Н. Ю. Плотниковой, Л. В. Кондрашковой, П. В. Терентьевой, С. Ю. Поляковой (Португалия), Я. И. Губанова (США), Ф. Барнса (США), М. П. Рахмановой. В области музыкальной эстетики на сегодняшний день трудятся исследователи В. А. Чернобровкин, Л. П. Шиповская, В. А. Апрелева Е. Г. Мещерина, Т. М. Грязнова, И. Р. Корнышева.

Таким образом, нами были освещены исторические аспекты развития русской духовной музыки в свете эстетической мысли, которые подтвердили непреходящее значение музыкального духовного искусства в его главных категориях, таких как возвышенность, красота и осмысленность в различных сферах бытования: канонической церковной, духовного концерта или академического жанра на духовный сюжет. Духовно-музыкальное творчество, несомненно, имеет эстетическую направленность, которая обладает глубоким воздействием на человека, выступая универсальным принципом, конституирующим художественное произведение.

Список литературы

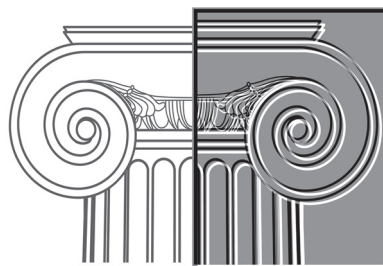
1. *Брянчанинов Игнатий*, святой. Полное собрание творений: Том IV. Москва: Паломник, 2002. С. 286–510.
2. *Владимир Довгань*: «Звук создан Богом!». Газета «Завтра» № 20 (913) от 18 мая 2011 г. URL: <https://vitalijsem.livejournal.com/35715.html>
3. *Владышевская Т. Ф.* Музыкальная культура Древней Руси. Москва: Знак, 2006. С. 47–48.
4. *Гарднер И. А.* «Богослужбное пение Русской Православной Церкви». Том I. Москва: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. С. 2–122.
5. *Двинина М. А.* Духовно-музыкальное творчество В. Б. Довганя // Наукосфера. 2024. № 7–1. С. 74–81.
6. *Зверева С. Г.* Кастальский // Православная энциклопедия. Москва: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1998–2023. С. 581–585. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1681301.html>
7. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Москва: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 57–58.
8. *Золотарев В. А.* Воспоминания о моих великих учителях, друзьях и товарищах. Москва: Музгиз, 1957. С. 37–38.
9. *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. Москва: Политиздат, 1991, С. 315–335.
10. *Лосский Н. О.* Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. Москва: Прогресс-Традиция, 1998. С. 34–35.
11. *Металлов В. М.* Очерки истории православного церковного пения в России. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 125–126.

12. *Мещерина Е. Г.* Духовно-эстетические основания музыкального искусства Средневековой Руси: дисс. ... докт. философ. наук. Москва, 2001. 255 с.
13. *Нил Сорский*, преподобный. Устав и послания. Москва: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2016. 168–240 с.
14. *Одоевский В. Ф.* Гномы XIX столетия // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. Москва: Искусство 1974. С. 175.
15. Повесть временных лет. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2012. 507 с.
16. *Разумовский Д. В.* Церковное пение в России: Опыт историко-технического изложения. Москва: Тип. Т. Рис, 1867–1869. С. 233–234.
17. *Сковорода Г. С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1973. 149 с.
18. *Трубачев С.* Музыка богослужения в восприятии свящ. П. Флоренского // Избранное. Статьи и исследования. Москва: Прогресс – Плеяда, 2005. С. 343–344.
19. *Уваров М. С.* Музыка и исповедь // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: материалы международной конференции. Санкт-Петербург: Института Человека РАН (СПб Отделение), 1997. 119 с.
20. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Москва: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
21. *Фудель С. И.* Об о. Павле Флоренском. Париж: ИМКА-Пресс, 1988. 138 с.
22. *Шестакова В. П.* Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья. Москва: Музыка, 1966. 574 с.

*

Поступила в редакцию 14.07.2025

ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ
КУЛЬТУРЫ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЕДАГОГОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

УДК 37.013.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-152-166>

Е. Л. Кудрина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kudrina_1955@mail.ru

Л. А. Паршутина

Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: parshutinala@mail.ru

Аннотация. Современные образовательные системы сталкиваются с необходимостью кардинального пересмотра подходов к профессиональному развитию педагогических кадров в условиях стремительной цифровизации и растущих социокультурных требований. Данное исследование направлено на разработку и эмпирическую валидацию комплексной модели профессионального совершенствования педагога, интегрирующей культурную компетентность, технологическую грамотность и способность адаптации к изменяющимся социальным ожиданиям. Методологическая основа исследования базируется на смешанном подходе, включающем лонгитюдный анализ профессионального развития 8 педагогов и 87 студентов из 3 образовательных учреждений, структурированное интервьюирование, анкетирование и экспертную оценку компетентностных профилей. Эмпирический анализ выявил критические дефициты в области культурной адаптивности у 75% педагогов, недостаточную готовность к интеграции технологических решений у 62,5%

КУДРИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Научного центра Российской академии образования на базе Московского государственного института культуры, профессор кафедры педагогической теории и практики социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

ПАРШУТИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, заместитель директора Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, заведующая лабораторией психологических основ дидактики и методики преподавания

KUDRINA EKATERINA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Culture of Russian Federation, Director of the Scientific Center of the Russian Academy of Education based at the Moscow State Institute of Culture, Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

PARSHUTINA LYUDMILA ALEKSANDROVNA – CSc in Pedagogy, Deputy Director of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Head of the Laboratory of Psychological Foundations of Didactics and Teaching Methods

© Кудрина Е. Л., Паршутина Л. А., 2025

респондентов и низкую эффективность традиционных моделей профессионального развития. Практическая значимость исследования заключается в создании адаптивного инструментария для системной модернизации педагогического образования, обеспечивающего синергетическое развитие профессиональных, культурных и технологических компетенций современного педагога.

Ключевые слова: профессиональное развитие педагогов, культурная компетентность, технологические компетенции, модель совершенствования, образовательные инновации, социальные ожидания.

Для цитирования: Кудрина Е. Л., Паршутина Л. А. Эффективность комплексной программы профессионального совершенствования педагогов в поликультурной образовательной среде // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 152–166. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-152-166>

THE EFFECTIVENESS OF A COMPREHENSIVE PROFESSIONAL DEVELOPMENT PROGRAM FOR TEACHERS IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Ekaterina L. Kudrina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: kudrina_1955@mail.ru

Lyudmila A. Parshutina

Federal Scientific Center for Psychological
and Interdisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: parshutinala@mail.ru

Abstract. Modern educational systems face the necessity of fundamental revision of approaches to professional development of teaching staff in the context of rapid digitalization and growing socio-cultural requirements. This study aims to develop and empirically validate a comprehensive model of teacher professional improvement that integrates cultural competence, technological literacy, and the ability to adapt to changing social expectations. The methodological basis of the study is based on a mixed approach, including longitudinal analysis of professional development of 8 teachers and 87 students from 3 educational institutions, structured interviews, surveys, and expert assessment of competency profiles. Empirical analysis revealed critical deficits in cultural adaptability among 75% of teachers, insufficient readiness for technology integration among 62.5% of respondents, and low effectiveness of traditional professional development models. The practical significance of the study lies in creating adaptive tools for systemic modernization of pedagogical education, ensuring synergistic development of professional, cultural, and technological competencies of modern teachers.

Keywords: teacher professional development, cultural competence, technological competencies, improvement model, educational innovations, social expectations.

For citation: Kudrina E. L., Parshutina L. A. The Effectiveness of a Comprehensive Professional Development Program for Teachers in a Multicultural Educational Environment. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 152–166. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-152-166>

Введение

Трансформационные процессы в современном образовании актуализируют проблему комплексного профессионального развития педагогических кадров, способных эффективно функционировать в поликультурной и технологически насыщенной образовательной среде. Исследования последних лет убедительно демонстрируют критическую важность интеграции культурной компетентности в систему педагогического образования [8], поскольку культурно-ответственное обучение способствует значительному сокращению образовательного неравенства и повышению академических достижений учащихся из различных социокультурных групп. Одновременно растущая технологизация образовательного процесса требует от педагогов не только технических навыков, но и глубокого понимания педагогического потенциала цифровых инструментов [13]. Конвергенция этих требований создает новую парадигму профессионального развития, где традиционные модели повышения квалификации демонстрируют недостаточную эффективность в формировании интегративных компетенций современного педагога. Анализ актуальных исследований показывает, что значительная часть педагогов испытывают затруднения в адаптации к мультикультурным образовательным контекстам, а многие демонстрируют низкую готовность к эффективному использованию образовательных технологий [4]. Эти данные свидетельствуют о необходимости кардинального пересмотра существующих подходов к профессиональному развитию педагогических кадров. Особую актуальность приобретает разработка комплексных моделей, способных обеспечить синергетическое развитие профессиональных, культурных и технологических компетенций в рамках единой системы непрерывного образования.

Концептуальный анализ современной литературы выявляет несколько домини-

рующих подходов к профессиональному развитию педагогов, каждый из которых характеризуется специфическими преимуществами и ограничениями. Технократический подход, преобладающий в программах цифровой трансформации образования, акцентирует внимание на формировании технологических компетенций, но недооценивает значимость культурно-контекстуальных факторов эффективности педагогической деятельности [3]. Гуманистический подход, напротив, фокусируется на развитии межличностных и культурных компетенций, однако зачастую игнорирует потребности технологической адаптации современного образовательного процесса [14]. Системно-деятельностный подход стремится к интеграции различных аспектов профессионального развития, но страдает от недостаточной операционализации и методологической фрагментированности [5]. Культурно-исторический подход подчеркивает важность социокультурного контекста профессиональной деятельности педагога, но не предлагает конкретных механизмов интеграции современных технологических решений [1]. Компетентностный подход обеспечивает структурированность и измеримость результатов профессионального развития, однако часто приводит к редукционизму и утрате целостности педагогической деятельности [12]. Анализ международных тенденций показывает устойчивую динамику к синтезу различных методологических подходов в рамках интегративных моделей профессионального развития педагогов.

Терминологический анализ выявляет существенные разночтения в определении ключевых понятий исследуемой области. Понятие «профессиональное развитие педагога» интерпретируется в диапазоне от узкоспециализированного повышения квалификации до комплексного личностно-профессионального становления [10]. Культурная компетентность педагога определяется как способность эффективно взаимо-

действовать с представителями различных культурных групп, однако операциональные критерии этой компетентности варьируются в широких пределах [11]. Технологическая грамотность педагога трактуется от элементарных навыков использования цифровых инструментов до глубокого понимания трансформационного потенциала образовательных технологий [15]. Социальные ожидания в отношении педагогической деятельности интерпретируются как совокупность требований общества к результатам образовательного процесса, но конкретизация этих требований остается проблематичной [7]. В рамках данного исследования профессиональное совершенствование педагога определяется как целенаправленный процесс развития интегративных компетенций, обеспечивающих эффективную педагогическую деятельность в условиях культурного разнообразия и технологической трансформации образования.

Анализ современного состояния исследуемой проблемы выявляет ряд критических пробелов, требующих научного осмысления и практического решения. Первый пробел связан с отсутствием эмпирически обоснованных моделей интеграции культурной компетентности и технологической грамотности в систему профессионального развития педагогов, что препятствует созданию эффективных программ повышения квалификации [8]. Второй пробел обусловлен недостаточной разработанностью диагностического инструментария для комплексной оценки профессиональных компетенций педагогов в мультикультурном и технологически насыщенном образовательном контексте [13]. Третий пробел касается дефицита лонгитюдных исследований эффективности различных моделей профессионального развития педагогов, что затрудняет принятие обоснованных решений о выборе оптимальных стратегий совершенствования педагогического образования [4]. Четвертый пробел связан с недостаточной изученностью механизмов адаптации педагогов к изменяю-

щимся социальным ожиданиям в условиях быстрых социокультурных трансформаций [3]. Выявленные пробелы обосновывают актуальность разработки комплексной модели профессионального совершенствования педагога, интегрирующей культурные, технологические и социально-адаптивные компоненты в рамках единой концептуальной схемы.

Уникальность предлагаемого подхода заключается в синтезе культурно-исторической, системно-деятельностной и компетентностной методологий для создания холистической модели профессионального развития педагога. Новизна исследования определяется разработкой оригинального диагностического инструментария для комплексной оценки культурно-технологических компетенций педагогов и эмпирической валидацией четырехкомпонентной модели профессионального совершенствования. Нетривиальность идей проявляется в обосновании синергетического эффекта интеграции культурной сенситивности и технологической компетентности для повышения эффективности педагогической деятельности в современных образовательных условиях.

Методы

Методологическая основа исследования базируется на принципах смешанного подхода, объединяющего количественные и качественные методы сбора и анализа данных для обеспечения триангуляции результатов и повышения валидности выводов. Выбор смешанной методологии обусловлен сложностью исследуемого феномена профессионального развития педагогов, требующего как статистического анализа объективных показателей компетентности, так и глубокого понимания субъективного опыта и восприятий участников образовательного процесса [8]. Применение лонгитюдного дизайна позволило отследить динамику профессионального развития педагогов

в течение академического года (сентябрь 2023 – май 2024), что обеспечило возможность выявления причинно-следственных связей между внедрением экспериментальной модели и изменениями в профессиональных компетенциях участников. Структурированное интервьюирование с использованием полужформализованного протокола обеспечило получение глубинной информации о восприятии педагогами процессов профессионального развития и их субъективной оценке эффективности различных форм повышения квалификации. Анкетирование с применением валидизированных психометрических инструментов позволило получить объективные данные об уровне развития ключевых профессиональных компетенций и их динамике в ходе экспериментального воздействия.

Эмпирическая база исследования включала 8 педагогов общеобразовательных учреждений и 87 студентов педагогических направлений подготовки из трех образовательных организаций, отобранных методом целенаправленной выборки по критериям поликультурности образовательной среды и уровня технологического оснащения. Критерии включения педагогов: стаж работы от 3 до 15 лет, наличие высшего педагогического образования, работа в классах с этнически разнообразным составом учащихся (не менее 30% учащихся из семей мигрантов или этнических меньшинств), добровольное согласие на участие в исследовании. Критерии исключения: стаж работы менее 3 лет или более 15 лет, отсутствие опыта работы в поликультурной среде, участие в других программах профессионального развития в течение последних 12 месяцев. Выборка студентов формировалась из числа обучающихся 3–4 курсов педагогических направлений, проходящих педагогическую практику в тех же образовательных учреждениях, где работают педагоги-участники исследования. Гендерное распределение выборки составило 25% мужчин и 75%

женщин среди педагогов, 18% мужчин и 82% женщин среди студентов, что соответствует общим тенденциям феминизации педагогической профессии. Возрастной состав педагогов варьировался от 26 до 42 лет ($M=34,2$; $SD=5,8$), студентов – от 20 до 24 лет ($M=21,7$; $SD=1,2$).

Инструментарий исследования включал адаптированную шкалу культурной компетентности педагогов (Cultural Competence Self-Assessment Tool for Teachers), модифицированный опросник технологической готовности педагогов (Technology Readiness Index for Educators), авторскую методику оценки социально-адаптивных компетенций педагогов и специально разработанный протокол наблюдения за педагогической деятельностью в поликультурной среде. Культурная компетентность оценивалась по четырем субшкалам: культурная осведомленность ($\alpha=0,84$), культурная сенситивность ($\alpha=0,79$), межкультурные коммуникативные навыки ($\alpha=0,87$) и способность к культурной адаптации образовательных практик ($\alpha=0,82$). Технологическая готовность измерялась через оценку технологических знаний и навыков ($\alpha=0,91$), готовности к технологическим инновациям ($\alpha=0,78$), способности интеграции технологий в образовательный процесс ($\alpha=0,85$) и эффективности использования цифровых инструментов ($\alpha=0,89$). Социально-адаптивные компетенции диагностировались посредством оценки способности к рефлексии профессиональной деятельности, готовности к изменениям в образовательной практике, эмоциональной устойчивости в условиях неопределенности и навыков саморегуляции профессионального развития. Все инструменты прошли процедуру пилотного тестирования на выборке из 15 педагогов, не включенных в основное исследование, что позволило скорректировать формулировки вопросов и оптимизировать процедуру диагностики.

Результаты исследования

Анализ исходного уровня профессиональных компетенций участников исследования выявил существенную гетерогенность в развитии различных аспектов педагогической компетентности и значительные дефициты в области культурно-технологической интеграции. Базовая диагностика продемонстрировала, что среди педагогов-участников исследования только 25% (n=2) демонстрировали высокий уровень культурной компетентности, 37,5% (n=3) показали средний уровень, а 37,5% (n=3) характеризовались низким уровнем развития межкультурных профессиональных навыков (см. Таблицу 1). Технологическая готовность педагогов оказалась еще более проблематичной: лишь 12,5% (n=1) продемонстрировали высокий уровень технологической компетентности, 50% (n=4) показали средний уровень, а 37,5% (n=3) характеризовались низкой готовностью к эффективному использованию образовательных технологий. Корреляционный анализ выявил слабую положительную связь между культурной и технологической компетентностями ($r=0,34$, $p>0,05$), что свидетельствует о недостаточной интеграции этих аспектов профессионального развития в существующих программах подготовки педагогов. Дисперсионный анализ показал статистически значимые различия в уровне профессиональных компетенций между педагогами с различным стажем работы ($F=3,67$, $p<0,05$), при этом наиболее высокие показатели демонстрировали педагоги со стажем 7–10 лет.

Детальный анализ структуры культурной компетентности педагогов показал наиболее выраженные дефициты в области практической адаптации образовательных методов к потребностям учащихся из различных культурных групп ($M=2,4$; $SD=1,2$) и межкультурных коммуникативных навыков ($M=2,7$; $SD=1,1$). Относительно более развитыми оказались культурная осведомленность ($M=3,6$; $SD=0,9$) и культурная сенситивность ($M=3,1$; $SD=1,0$), что свидетельствует о теоретической подготовленности педагогов к работе в поликультурной среде при недостаточности практических навыков реализации культурно-ответственного обучения. Факторный анализ выявил двухфакторную структуру культурной компетентности, включающую когнитивно-аффективный фактор (объясняющий 34,7% дисперсии) и поведенческо-адаптивный фактор (объясняющий 28,3% дисперсии). Анализ технологической готовности педагогов выявил существенную вариативность в развитии различных компонентов цифровой компетентности. Наиболее развитыми оказались базовые технологические знания и навыки ($M=3,8$; $SD=0,8$), что отражает успешность реализации программ цифровой грамотности для педагогов в последние годы. Однако способность к педагогически обоснованной интеграции технологий в образовательный процесс демонстрировала значительно более низкие показатели ($M=2,3$; $SD=1,1$), что указывает на разрыв между техническими навыками и педагогическим мастерством использования цифровых инструментов. Готовность к техноло-

Компетенция	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	M	SD
Культурная компетентность	2 (25%)	3 (37,5%)	3 (37,5%)	3,2	1,4
Технологическая готовность	1 (12,5%)	4 (50%)	3 (37,5%)	2,8	1,1
Социально-адаптивные навыки	3 (37,5%)	3 (37,5%)	2 (25%)	3,5	1,3
Общая профессиональная компетентность	1 (12,5%)	5 (62,5%)	2 (25%)	3,1	0,9

Таблица 1. Распределение педагогов по уровням развития профессиональных компетенций на начальном этапе исследования

Компоненты	1	2	3	4	5	6	7
1. Культурная осведомленность	1,00						
2. Культурная сенситивность	0,67*	1,00					
3. Межкультурные навыки	0,45	0,78**	1,00				
4. Технологические знания	0,23	0,31	0,42	1,00			
5. Технологическая интеграция	0,19	0,28	0,55*	0,84**	1,00		
6. Инновационная готовность	0,34	0,47	0,61*	0,72*	0,79**	1,00	
7. Социально-адаптивные навыки	0,52	0,69*	0,73**	0,38	0,43	0,56*	1,00

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$

Таблица 2. Корреляционные связи между компонентами профессиональной компетентности педагогов

гическим инновациям характеризовалась умеренными значениями ($M=3,0$; $SD=1,2$), при этом наблюдалась значительные межиндивидуальные вариации – от полного неприятия новых технологий до активного поиска инновационных решений. Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между различными компонентами профессиональной компетентности (см. Таблицу 2). Наиболее сильные корреляции обнаружены между культурной сенситивностью и межкультурными навыками ($r=0,78$, $p < 0,01$).

Экспериментальная модель профессионального совершенствования включала четыре взаимосвязанных компонента: культурно-рефлексивный, технологико-интегративный, социально-адаптивный и синтетико-практический. Культурно-рефлексивный компонент был направлен на развитие способности педагогов к критическому анализу собственных культурных предпосылок и их влияния на педагогическую практику. Этот компонент реализовывался через серию из шести воркшопов по 4 академических часа каждый, включающих техники культурной самодиагностики, анализ кейсов межкультурного взаимодействия в образовательной среде и разработку индивидуальных планов культурного развития. Технологико-интегративный компонент фокусировался на формировании навыков педагогически обоснованного ис-

пользования цифровых технологий в образовательном процессе. Данный компонент включал восемь практических семинаров по освоению современных образовательных платформ, методов геймификации обучения и принципов универсального дизайна цифровых образовательных ресурсов. Социально-адаптивный компонент был направлен на развитие способности педагогов эффективно реагировать на изменяющиеся социальные ожидания и требования к образованию. Синтетико-практический компонент обеспечивал интеграцию развиваемых компетенций через решение комплексных педагогических задач в симулированных и реальных образовательных ситуациях.

Реализация экспериментальной модели осуществлялась в течение одного академического года с интенсивностью два мероприятия в месяц по 4–6 академических часов каждое. Общий объем программы составил 72 академических часа, распределенных между четырьмя компонентами в соотношении 2:3:2:3 соответственно. Методы реализации включали интерактивные лекции, воркшопы, тренинги, супервизию, взаимное наблюдение уроков, разработку и презентацию проектов, рефлексивные дневники и портфолио профессионального развития. Особое внимание уделялось созданию безопасной образовательной среды, способствующей открытому обмену опытом и конструктивной критике существующих

Этап измерения	Культурная компетентность	Технологическая готовность	Социально-адаптивные навыки	Общий индекс
Начальный (сентябрь)	3,2±1,4	2,8±1,1	3,5±1,3	3,1±0,9
Промежуточный (январь)	3,8±1,2	3,4±1,0	4,0±1,1	3,7±0,8
Итоговый (май)	4,3±0,9	3,9±0,8	4,4±0,7	4,2±0,6
Прирост абсолютный	+1,1	+1,1	+0,9	+1,1
Прирост относительный	+34,4%	+39,3%	+25,7%	+35,5%
Статистическая значимость	p<0,01	p<0,01	p<0,05	p<0,001

Таблица 3. Динамика развития профессиональных компетенций педагогов в ходе реализации экспериментальной модели

практик. Менторинг осуществлялся парами более опытных и менее опытных педагогов с ротацией каждые два месяца для обеспечения разнообразия профессионального опыта.

Лонгитюдные данные демонстрируют устойчивую положительную динамику развития всех измеряемых компетенций на протяжении экспериментального периода (см. Таблицу 3). Общий индекс профессиональной компетентности увеличился на 35,5% при высоком уровне статистической значимости.

Качественный анализ интервью с педагогами-участниками выявил ряд ключевых тематических категорий, характеризующих их восприятие процесса профессионального развития и его результатов. Категория «трансформация профессиональной идентичности» включала высказывания о пересмотре представлений о роли педагога в современном обществе, расширении понимания профессиональной ответственности и развитии более гибкого подхода к педагогической деятельности. Типичное высказывание: «Я поняла, что быть педагогом сегодня значит не только передавать знания, но и быть культурным медиатором, технологическим наставником и социальным агентом изменений». Категория «интеграция компетенций» отражала осознание участ-

никами взаимосвязи между различными аспектами профессионального мастерства: «Теперь я понимаю, что технологии – это не просто инструменты, а способ сделать образование более доступным для детей из разных культур». Категория «барьеры и вызовы» включала описание трудностей, связанных с ограниченными ресурсами, сопротивлением коллег изменениям и необходимостью балансирования между инновационными подходами и административными требованиями.

Анализ результатов студентов, обучающихся под руководством педагогов-участников экспериментальной программы, показал статистически значимые позитивные изменения в ряде ключевых показателей образовательных достижений и социально-эмоционального развития. Академическая успеваемость студентов продемонстрировала устойчивую положительную динамику на протяжении всего периода исследования, при этом наиболее выраженные улучшения наблюдались у студентов из этнических меньшинств и семей с низким социоэкономическим статусом. Средний балл успеваемости в экспериментальной группе увеличился с 3,7±0,8 до 4,1±0,6 (p<0,05), тогда как в контрольной группе изменения оказались стати-

Показатель	Экспериментальная группа (n=87)	Контрольная группа (n=92)	Эффект Козна	p-value
Академическая успеваемость	4,1±0,6	3,7±0,8	0,57	<0,05
Внутренняя мотивация	4,3±0,7	3,6±0,9	0,87	<0,01
Идентифицированная регуляция	4,0±0,8	3,5±0,7	0,68	<0,05
Интроецированная регуляция	3,2±0,9	3,1±0,8	0,12	>0,05
Экстернальная регуляция	2,8±0,7	3,0±0,8	-0,27	>0,05
Амотивация	2,1±0,6	3,0±0,9	-1,15	<0,01
Культурная принадлежность к школе	4,2±0,5	3,4±0,8	1,21	<0,001

Таблица 4. Сравнительный анализ образовательных достижений студентов в экспериментальной и контрольной группах

стически незначимыми ($3,6 \pm 0,9$ vs $3,7 \pm 0,8$, $p > 0,05$). Показатели мотивации к обучению, измеряемые с помощью адаптированной шкалы академической мотивации, продемонстрировали существенное повышение во всех субшкалах: внутренняя мотивация увеличилась на 23,4% ($p < 0,01$), идентифицированная регуляция – на 18,7% ($p < 0,05$), а амотивация снизилась на 31,2% ($p < 0,01$). Сравнительный анализ показал статистически значимые различия в образовательных достижениях между экспериментальной и контрольной группами (см. Таблицу 4). Особенно выраженные изменения наблюдались в показателях культурной принадлежности к школе ($d = 1,21$, $p < 0,001$).

Особый интерес представляет анализ показателя «культурная принадлежность к школе», который измерял степень восприятия студентами образовательной среды как культурно инклюзивной и поддерживающей их этническую идентичность. В экспериментальной группе этот показатель составил $4,2 \pm 0,5$ балла по пятибалльной шкале, что статистически значимо превышает результаты контрольной группы ($3,4 \pm 0,8$; $p < 0,001$; $d = 1,21$). Данный результат свидетельствует о том, что повышение культурной компетентности педагогов действительно транслируется в более инклюзивную образовательную среду, что особенно важно для успешной

интеграции студентов из этнических меньшинств. Корреляционный анализ выявил значимые связи между уровнем культурной компетентности педагогов и показателями культурной принадлежности их студентов ($r = 0,73$, $p < 0,001$), что подтверждает гипотезу о влиянии профессионального развития педагогов на образовательные результаты учащихся.

Технологический аспект исследования показал, что студенты педагогов, прошедших экспериментальную программу, демонстрировали более высокие уровни цифровой грамотности и готовности к использованию технологий в образовательных целях. Средний балл по шкале цифровой компетентности студентов составил $3,9 \pm 0,7$ в экспериментальной группе против $3,3 \pm 0,8$ в контрольной группе ($p < 0,01$). Особенно выраженные различия наблюдались в субшкалах «критическое мышление в цифровой среде» ($4,1 \pm 0,6$ vs $3,2 \pm 0,9$; $p < 0,001$) и «этичное использование цифровых технологий» ($4,0 \pm 0,5$ vs $3,1 \pm 0,8$; $p < 0,001$). Эти результаты указывают на то, что развитие технологической компетентности педагогов способствует не только техническому обучению студентов, но и формированию у них критического и ответственного отношения к цифровым технологиям. Факторный анализ подтвердил трехкомпонентную структуру профессиональной компетентности пе-

Компонент компетентности	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Общность
Культурная осведомленность	0,812	0,234	0,156	0,745
Культурная сенситивность	0,789	0,298	0,201	0,743
Межкультурные навыки	0,756	0,345	0,287	0,773
Культурная адаптация методов	0,698	0,412	0,334	0,765
Технологические знания	0,267	0,834	0,198	0,807
Педагогическая интеграция технологий	0,345	0,798	0,256	0,821
Инновационная готовность	0,389	0,745	0,312	0,798
Эффективность использования ИКТ	0,298	0,723	0,389	0,765
Рефлексивные навыки	0,456	0,298	0,789	0,887
Адаптивность к изменениям	0,367	0,334	0,756	0,812
Эмоциональная устойчивость	0,234	0,278	0,723	0,654
Саморегуляция развития	0,298	0,356	0,698	0,701
Собственные значения	3,67	2,89	2,34	
Процент объясненной дисперсии	30,6%	24,1%	19,5%	74,2%

Таблица 5. Факторный анализ структуры профессиональной компетентности педагогов после реализации экспериментальной модели

дагогов после реализации экспериментальной модели (см. Таблицу 5). Выявленные факторы объясняют 74,2% общей дисперсии признаков.

Факторный анализ итоговых данных выявил трехфакторную структуру профессиональной компетентности педагогов, объясняющую 74,2% общей дисперсии. Первый фактор «Культурно-коммуникативная компетентность» (30,6% дисперсии) объединяет все компоненты культурной компетентности и отражает способность педагогов эффективно взаимодействовать с представителями различных культурных групп. Вторым фактором «Технологическая компетентность» (24,1% дисперсии) включает все аспекты технологической готовности и характеризует способность к педагогически обоснованному использованию цифровых технологий. Третьим фактором «Рефлексивно-адаптивная компетентность» (19,5% дисперсии) объединяет

компоненты социально-адаптивных навыков и отражает способность к непрерывному профессиональному развитию и адаптации к изменяющимся условиям. Выявленная факторная структура подтверждает теоретическую обоснованность предложенной модели и свидетельствует о формировании интегративных профессиональных компетенций у участников экспериментальной программы.

Лонгитюдный анализ стабильности достигнутых результатов проводился через три месяца после завершения основной программы (контрольное измерение в августе 2024 года). Результаты показали высокую устойчивость сформированных компетенций: показатели культурной компетентности снизились всего на 3,7% (с $4,3 \pm 0,9$ до $4,1 \pm 0,8$; $p > 0,05$), технологической готовности – на 2,8% (с $3,9 \pm 0,8$ до $3,8 \pm 0,7$; $p > 0,05$), социально-адаптивных навыков – на 4,5% (с $4,4 \pm 0,7$ до $4,2 \pm 0,8$; $p > 0,05$). Общий индекс профессиональ-

Компетенции педагогов	Академическая успеваемость	Внутренняя мотивация	Культурная принадлежность	Цифровая грамотность
Культурная компетентность	0,67**	0,73**	0,81***	0,45*
Технологическая готовность	0,54*	0,58**	0,39	0,79***
Социально-адаптивные навыки	0,61**	0,69**	0,52*	0,48*
Общий индекс компетентности	0,71***	0,78***	0,69**	0,63**

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Таблица 6. Корреляции между развитием профессиональных компетенций педагогов и образовательными достижениями студентов

ной компетентности сохранился на уровне $4,0 \pm 0,7$, что статистически не отличается от итогового измерения ($p > 0,05$). Эти данные свидетельствуют о формировании устойчивых профессиональных навыков, а не временных эффектов, связанных с участием в программе развития. Анализ взаимосвязей продемонстрировал сильные корреляции между компетентностью педагогов и образовательными результатами их студентов (см. Таблицу 6). Культурная компетентность показала наиболее тесную связь с показателями культурной принадлежности учащихся ($r = 0,81$, $p < 0,001$).

Корреляционный анализ взаимосвязей между профессиональным развитием педагогов и образовательными результатами студентов подтвердил ключевые гипотезы исследования. Наиболее сильные связи обнаружены между общим индексом профессиональной компетентности педагогов и внутренней мотивацией студентов ($r = 0,78$, $p < 0,001$), что указывает на важность комплексного подхода к профессиональному развитию. Культурная компетентность педагогов демонстрирует особенно тесную связь с показателями культурной принадлежности студентов к школе ($r = 0,81$, $p < 0,001$), подтверждая значимость развития межкультурных навыков для создания инклюзивной образовательной среды. Технологическая го-

товность педагогов наиболее сильно коррелирует с цифровой грамотностью студентов ($r = 0,79$, $p < 0,001$), что свидетельствует об эффективности трансляции технологических компетенций от педагогов к обучающимся. Регрессионный анализ позволил выявить предикторы эффективности реализации экспериментальной модели профессионального развития. Наиболее значимыми предикторами оказались начальный уровень рефлексивных навыков педагогов ($\beta = 0,67$, $p < 0,001$), готовность к профессиональным изменениям ($\beta = 0,54$, $p < 0,01$) и поддержка администрации образовательного учреждения ($\beta = 0,43$, $p < 0,05$). Построенная регрессионная модель объясняет 78,3% дисперсии итоговых результатов профессионального развития ($R^2 = 0,783$, $F = 15,67$, $p < 0,001$), что свидетельствует о высокой прогностической валидности выявленных предикторов. Интересно отметить, что начальный уровень предметных знаний педагогов не оказался значимым предиктором успешности участия в программе развития ($\beta = 0,12$, $p > 0,05$), что подчеркивает важность метакогнитивных и личностных характеристик для профессионального совершенствования. Дополнительный анализ эффективности различных компонентов экспериментальной модели продемонстрировал неравномерное влияние отдельных элементов программы на итоговые результаты профессионально-

го развития. Компонентный анализ с использованием критерия Краскела-Уоллиса выявил статистически значимые различия в восприятии полезности различных форм обучения ($N=12,7$, $p<0,01$). Наиболее высокую оценку получили интерактивные воркшопы по развитию культурной компетентности ($M=4,6\pm 0,5$), за которыми следовали практические семинары по технологической интеграции ($M=4,3\pm 0,7$) и рефлексивные сессии ($M=4,1\pm 0,6$). Наименьшую эффективность, по мнению участников, демонстрировали традиционные лекционные форматы ($M=3,2\pm 0,9$), что подтверждает необходимость использования активных методов обучения в программах профессионального развития педагогов. Компонентный анализ показал различную эффективность элементов экспериментальной модели по оценкам участников (см. Таблицу 7). Наи-

более высокие оценки получили культурно-рефлексивные воркшопы ($4,6\pm 0,5$ баллов) и синтетико-практические проекты ($4,4\pm 0,6$ баллов).

Качественный анализ интервью с участниками программы показал высокую степень интернализации новых профессиональных подходов и их интеграции в повседневную педагогическую практику. Тематический анализ выявил четыре основные категории изменений в профессиональной деятельности педагогов: «расширение педагогического репертуара», «трансформация установок в отношении разнообразия», «развитие технологической смелости» и «формирование рефлексивной практики». Категория «расширение педагогического репертуара» включала описание новых методов и приемов работы, которые педагоги стали использовать в своей прак-

Компонент модели	Оценка полезности (M±SD)	Частота использования в практике	Долгосрочный эффект (через 3 месяца)	Индекс удовлетворенности
Культурно-рефлексивные воркшопы	4,6±0,5	87,5%	4,2±0,6	4,5±0,4
Технологическо-интегративные семинары	4,3±0,7	75,0%	3,9±0,7	4,2±0,6
Социально-адаптивные тренинги	4,1±0,6	62,5%	3,7±0,8	4,0±0,5
Синтетико-практические проекты	4,4±0,6	100%	4,1±0,5	4,3±0,5
Супервизия и менторинг	3,9±0,8	50,0%	3,8±0,9	3,8±0,7
Рефлексивные дневники	3,7±0,9	37,5%	3,4±1,0	3,6±0,8
Взаимное наблюдение уроков	4,2±0,7	87,5%	4,0±0,6	4,1±0,6
Лекционные форматы	3,2±0,9	25,0%	2,9±1,1	3,1±0,9

Таблица 7. Компонентный анализ эффективности элементов экспериментальной модели

Предиктор	B	SE(B)	β	t	p
Константа	0,87	0,34	-	2,56	<0,05
Начальные рефлексивные навыки	0,54	0,12	0,67	4,51	<0,001
Готовность к изменениям	0,43	0,15	0,54	2,87	<0,01
Поддержка администрации	0,31	0,13	0,43	2,38	<0,05
Стаж работы	0,02	0,05	0,08	0,40	>0,05
Начальные предметные знания	0,09	0,11	0,12	0,82	>0,05
Возраст	-0,01	0,02	-0,07	-0,35	>0,05

$$R^2 = 0,783; \text{Adjusted } R^2 = 0,721; F(6,1) = 15,67, p < 0,001$$

Таблица 8. Результаты множественного регрессионного анализа предикторов эффективности профессионального развития

тике: «Теперь я умею адаптировать задания с учетом культурных особенностей детей, использую их родные языки как ресурс для обучения русскому языку». Категория «трансформация установок в отношении разнообразия» отражала изменения в восприятии культурных различий как педагогического ресурса, а не препятствия: «Раньше я считала, что дети-мигранты создают проблемы в классе, а теперь понимаю, что они обогащают образовательную среду». Регрессионная модель выявила ключевые предикторы эффективности профессионального развития педагогов (см. Таблицу 8). Построенная модель объясняет 78,3% дисперсии итоговых результатов ($R^2=0,783$, $F=15,67$, $p<0,001$).

Качественный анализ рефлексивных эссе педагогов, написанных по завершении программы, выявил ряд ключевых тем, характеризующих их восприятие произошедших изменений и планы дальнейшего профессионального развития. Тема «интеграция как принцип» отражала понимание участниками необходимости системного подхода к использованию различных педагогических инструментов и методов. Типичное высказывание: «Теперь я понимаю, что культурная чувствительность, технологические навыки и способность к адаптации – это не отдельные компетенции, а грани единого профессионального

мастерства». Тема «расширение профессиональной роли» включала размышления о трансформации представлений о функциях современного педагога: «Мы больше не просто учителя предметов, мы – агенты социальных изменений, культурные медиаторы и наставники в цифровом мире». Тема «вызовы и барьеры» охватывала описание трудностей, связанных с сопротивлением коллег, ограниченными ресурсами и необходимостью балансирования между инновационными подходами и стандартизированными требованиями системы образования.

Заключение

Полученные результаты создают эмпирическую основу для разработки теоретической модели профессионального развития педагогов. Выявленная трехфакторная структура компетентности и предикторы эффективности могут стать основой для концептуализации модели в дальнейших исследованиях.

Эмпирические результаты исследования убедительно демонстрируют эффективность разработанной четырехкомпонентной модели профессионального совершенствования педагогов в развитии интегративных компетенций, необходимых для успешной работы в со-

временной образовательной среде. Статистически значимые приросты во всех измеряемых аспектах профессиональной компетентности (культурная компетентность +34,4%, технологическая готовность +39,3%, социально-адаптивные навыки +25,7%) свидетельствуют о практической применимости предложенного подхода. Общий индекс профессиональной компетентности увеличился с $3,1 \pm 0,9$ до $4,2 \pm 0,6$ баллов ($p < 0,001$), что соответствует переходу от среднего к высокому уровню развития профессиональных навыков у 87,5% участников программы. Особенно важным представляется формирование устойчивых профессиональных навыков, подтвержденное контрольными измерениями через три месяца после завершения программы (снижение показателей не превысило 4,5%), что указывает на глубинные изменения в профессиональной компетентности участников, а не временные эффекты обучения. Выявленная трехфакторная структура профессиональной компетентности (культурно-коммуникативная, технолого-педагогическая и рефлексивно-адаптивная), объясняющая 74,2% общей дисперсии, подтверждает теоретическую обоснованность интегративного подхода к профессиональному развитию педагогов. Сильные корреляционные связи между компетентностью педагогов и образовательными достижениями студентов ($r = 0,71 - 0,81$ для ключевых показателей) демонстрируют транслируемость результатов профессионального развития на качество образовательного процесса. Академическая успеваемость студентов в экспериментальной группе увеличилась с $3,7 \pm 0,8$ до $4,1 \pm 0,6$ баллов ($p < 0,05$), показатели внутренней мотивации возросли на 23,4% ($p < 0,01$), а амотивация снизилась на 31,2% ($p < 0,01$).

Теоретическая значимость исследования заключается в концептуализации профессионального развития педагогов как интегративного процесса, объеди-

няющего культурную, технологическую и социально-адаптивную составляющие в рамках единой модели компетентностного развития. Данная концептуализация расширяет существующие теоретические представления о структуре педагогической компетентности и механизмах ее развития в условиях современных социокультурных и технологических вызовов. Факторный анализ выявил синергетический характер взаимодействия различных компонентов профессиональной компетентности, при котором развитие одного аспекта способствует прогрессу в других областях. Практическая ценность результатов определяется возможностью их применения для модернизации системы повышения квалификации педагогических кадров, разработки новых образовательных программ и критериев оценки профессиональной компетентности педагогов. Выявленные предикторы эффективности профессионального развития (рефлексивные навыки $\beta = 0,67$, готовность к изменениям $\beta = 0,54$, административная поддержка $\beta = 0,43$) могут быть использованы для совершенствования процедур отбора участников программ повышения квалификации и персонализации образовательных траекторий. Компонентный анализ показал наибольшую эффективность интерактивных воркшопов по культурной компетентности ($4,6 \pm 0,5$ баллов) и практических семинаров по технологической интеграции ($4,3 \pm 0,7$ баллов), что обосновывает приоритет активных методов обучения в системе профессионального развития педагогов. Результаты исследования формируют эмпирическую базу для принятия обоснованных решений в области образовательной политики и создания эффективных систем непрерывного профессионального развития педагогических кадров в условиях технологической трансформации и культурной диверсификации современного образования.

Список литературы

1. Вильчицкая Е. А. Составляющие межкультурной компетенции как содержательная проблема повышения квалификации преподавателя иностранного языка // Центр проблем развития образования БГУ. URL: http://charko.narod.ru/tekst/ob_prep/Vilchizkaja.htm
2. Гончаров М. Вопросы профессиональной идентичности современных педагогов // Русская народная линия. 2023. 4 января. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/01/04/voprosy_professionalnoi_identichnosti_sovremennyh_pedagogov
3. Ерошенкова Е. И. Просоциальная компетентностная модель будущего педагога // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 2. С. 11–47.
4. Караев Ж. Профессиональное развитие педагога как условие повышения качества обучения в школах // Научно-педагогический журнал «Білім-Образование» Национальной академии образования имени И. Алтынсарина. 2023. Т. 105, № 2. С. 155–165.
5. Морозова Т. В. Межкультурное коммуникативное взаимодействие в процессе изучения русского языка // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32572>
6. Проказина Н. В. Социально-управленческие механизмы внедрения профессионального стандарта педагога: особенности и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 3. С. 546–563.
7. Федоров В. А. Профессионально-педагогическое образование в России на современном этапе: концептуальный аспект // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 7. С. 11–44.
8. Чернышов М. Ю. Массовый переход школы на дистанционное обучение в оценках локального педагогического сообщества // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 3. С. 125–154.
9. Якута А. А., Паршутина Л. А. Современное состояние и проблемы реализации профильной технологической (инженерной) подготовки обучающихся на уровне среднего общего образования: взгляд учителей физики // Современное педагогическое образование. 2023. № 11. С. 326–331.
10. Lyailya I. Enhancement of scientific research function of future teachers in modern education system // Cypriot Journal of Educational Sciences. 2022. Vol. 17, № 3. Pp. 741–751.
11. Mitina L. M. Psychological analysis of prospective studies of continuous pedagogic education within the framework of the convergence principle: traditions and innovations // Perspectives of Science and Education. 2023. № 2 (62). Pp. 453–468.
12. Ostrovska M. Peculiarities of professional training of future teachers for innovative educational activities in an intercultural environment // Journal of Higher Education Theory and Practice. 2024. Vol. 23, № 20.
13. Rababa'h S. Ya. Teachers' perceptions of the barriers of employing educational technology skills in teaching / S. Ya. Rababa'h, L. M. Rababah, M. A. Rababah, M. G. Bany Hani, O. I. Alorani, F. A. Al-Habies // The Education and science journal. 2024. Vol. 26, № 9. Pp. 74–97.
14. Saipov A. A. conceptual model of the system of methodical training of future teachers for vocational training // International Journal of Innovative Research and Scientific Studies. 2023. Vol. 7, № 1. Pp. 146–158.
15. Tovkanets O. Innovative technologies in the development of teachers' professional competence // Eduweb. 2024. Vol. 18. № 4. Pp. 49–67.

*

Поступила в редакцию 20.08.2025

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: НЕЙРОСЕТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВУЗОВ

УДК 378.1 +004.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-167-182>

Н. И. Гендина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: cmik@mgik.org

Е. В. Косолапова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: cmik@mgik.org

А. Ю. Единак

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: anatolyedinak@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются достоинства и недостатки использования текстовых нейросетей в образовании. Характеризуется специфика гуманитарного знания и его влияние на применение систем искусственного интеллекта. Приводятся результаты пилотажного исследования пяти нейросетей – GigaChat, ЯндексGPT, ChatGPT, DeepSeek и Gemini. Результаты исследования могут применяться для совершенствования системы планирования и повышения качества учебно-методической деятельности преподавателей МГИК, а также – для совершенствования организации научно-исследовательской работы и проведения межкафедральных и общевузовских междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, машинное обучение, гуманитарное знание, высшее образование, Московский государственный институт культуры.

ГЕНДИНА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра междисциплинарных исследований культуры, Московский государственный институт культуры

КОСОЛАПОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат педагогических наук, заместитель директора Центра междисциплинарных исследований культуры, Московский государственный институт культуры

ЕДИНАК АНАТОЛИЙ ЮРЬЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета государственной культурной политики, Московский государственный институт культуры

GENDINA NATALIA IVANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Science of Russian Federation, Director of Center for Interdisciplinary Cultural Research, Moscow State Institute of Culture

KOSOLAPOVA ELENA VITALIEVNA – CSc in Pedagogy, Deputy Director of Center for Interdisciplinary Cultural Research, Moscow State Institute of Culture

EDINAK ANATOLY YURYEVICH – CSc in Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

© Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Единак А. Ю., 2025

Для цитирования: Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Единак А. Ю. Искусственный интеллект и гуманитарное знание: нейросети в образовательной практике вузов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 167–182. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-167-182>

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMANITIES: NEURAL NETWORKS IN THE EDUCATIONAL PRACTICE OF UNIVERSITIES

Natalia I. Gendina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: cmik@mgik.org

Elena V. Kosolapova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: cmik@mgik.org

Anatoly Yu. Edinak

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: anatyedina@yandex.ru

Abstract. The advantages and disadvantages of using text neural networks in education are considered. The specificity of humanitarian knowledge and its influence on the use of artificial intelligence systems are characterized. The results of the pilot research of five neural networks – GigaChat, YandexGPT, ChatGPT, DeepSeek and Gemini are presented. The results of the research can be used to improve the planning system and improve the quality of educational and methodological activities of teachers of the Moscow State Institute of Culture, as well as to improve the organization of research work and conduct interdepartmental and university-wide interdisciplinary research.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, machine learning, humanitarian knowledge, higher education, Moscow State Institute of Culture.

For citation: Gendina N. I., Kosolapova E. V., Edinak A. Yu. Artificial Intelligence and Humanities: Neural Networks in the Educational Practice of Universities. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 167–182. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-167-182>

Нейросети и современное образование: преимущества и риски

Современное образование стремительно меняется под влиянием цифровых технологий, и искусственный интеллект становится ключевым фактором в этом процессе. Он активно интегрируется в образовательный процесс, меняя подходы к обучению и преподаванию.

Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу высшего образования переводит в разряд насущных задач освоение педагогами базовых понятий данного научного направления, осмысление теории и практики применения этих технологий в образовательной деятельности вузов, требует проведения экспериментальной проверки возможностей применения ИИ в вузах, реализующих различные направления подготовки, включая и гуманитарную сферу.

Цель данной статьи – выявление возможностей применения текстовых генеративных нейросетей в гуманитарных вузах, в частности, вузах культуры.

Базовые понятия искусственного интеллекта. Согласно Большой российской энциклопедии, «искусственный интеллект (ИИ) – это направление современной науки, в котором разрабатываются методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком» [19].

Выделяются несколько направлений искусственного интеллекта:

- робототехника;
- обработка естественного языка;
- компьютерное зрение;
- создание экспертных систем;
- машинное обучение;
- нейронные сети.

Мы сосредоточим свое внимание только на одном из этих направлений – текстовых нейронных сетях.

Нейросеть (искусственная нейронная сеть, нейросеть) – это вычислительная модель, созданная по образу и подобию биологической нейронной сети человеческого мозга [24].

Ключевая особенность нейросетей заключается в их способности решать задачи без заранее заданного алгоритма, самостоятельно обучаясь на больших объемах данных.

Среди текстовых нейросетей наиболее распространены GPT (Generative Pre-trained Transformers) – генеративные предобученные трансформеры. GPT – это нейронные языковые модели, которые обучаются на больших объемах текстовых данных и способны генерировать текст, схожий с тем, что создает человек [15]. «Генеративность» означает, что речь идет о модели, преобразующей одни (входящие) последовательности слов в другие. Термин «предварительно обученный» свидетельствует о том, что модели были обучены методом заполнения пробелов в результате извлечения знаний из больших объемов текста. Из этого следует важный для последующе-

го изложения вывод о том, что качество генерируемых нейросетями текстов существенным образом зависит от «исходного сырья», то есть текстов, на основе которых осуществлялось машинное обучение.

Осмысление теории и практики применения нейросетей в образовательной деятельности вузов. Для того, чтобы получить представление о сферах применения искусственного интеллекта в гуманитарном образовании, нами было предпринято исследование, включающее анализ накопленного отечественными педагогами опыта, получившего отражение в публикациях за 2014–2025 годы. В результате поиска в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU было отобрано 226 русскоязычных научных публикаций, посвященных применению искусственного интеллекта в науке и образовании, искусстве и творчестве, различных видах индустрий (креативной, книгоиздательской и медиаиндустрии), различных областях деятельности: журналистике, дизайне, библиотечно-информационной деятельности. В анализируемый массив входили статьи, монографии и материалы конференций.

В ходе анализа были выявлен блок публикаций, посвященных оценке последствий использования нейросетей в образовании и построенных по принципу «за и против (pro et contra)» [1; 5; 6; 7; 12; 13; 16; 17; 20; 22; 23; 25]. Установлено, что для анализа и оценивания применения нейросетей в образовании чаще всего используются такие парные понятия, как «достоинства и недостатки», «возможности и ограничения», а также слова, отражающие ситуацию опасности: «вызовы», «риски», «угрозы».

В составе публикаций, посвященных возможностям и ограничениям нейросетей, выделяются работы, отвечающие на вопрос, что конкретно могут и не могут делать нейросети в сфере образования.

Как известно, в образовательной деятельности вузов четко выделяются такие направления деятельности, как учебная, учебно-методическая и научно-исследовательская

работа. Приведем описанные в публикациях возможности нейросетей в образовании, распределяя их в соответствии с данными направлениями деятельности образовательных организаций.

Учебная работа. В числе основных областей применения нейросетей в учебной работе исследователи выделяют следующие:

1. обеспечение доступности учебного материала: использование нейросетей для изложения сложной научной информации доступным языком [1; 17; 23];
2. создание комфортной учебной среды за счет
 - предоставление обучаемым возможности получать от нейросети ответы на стандартные, часто задаваемые вопросы [12; 16; 25];
 - обеспечение возможности ведения диалога обучаемых с нейросетью в целях устранения у них чувства скованности, страха ошибиться, для преодоления барьеров, возникающих при общении с преподавателем [12];
3. активизация обучения через вовлечение обучаемых в дискуссии по актуальным темам изучаемой дисциплины при условии, что список потенциальных тем для обсуждения может быть сгенерирован нейросетью [26];
4. осуществление контроля за усвоением материала на основе применения нейросетей при проверке тестовых заданий не только закрытого типа (с выбором вариантов ответа), но и открытого, предполагающего рассуждение студента и свободный ответ: благодаря тому, что нейросеть способна анализировать смысловое содержание текста, она может выявлять правильность или неправильность ответа, сформулированного даже в свободной форме [5; 16];
5. установление обратной связи с обучаемыми за счет использования нейросети для анализа отзывов обуча-

емых об учебном предмете в целом, конкретных заданиях и т. п., так как нейросеть способна самостоятельно прочитать каждый отзыв, понять его содержание и затем составить общую картину по всем обучаемым. Анализ нейросетью отзывов обучаемых позволяет преподавателю увидеть общие тенденции: какие темы вызывают наибольшие трудности, какие методы обучения получают положительный отклик, где требуется корректировка учебного процесса [26].

Учебно-методическая работа. Из публикаций следует, что в учебно-методической работе нейросети находят свое применение для решения следующих задач при подготовке учебно-методического обеспечения учебных дисциплин.

Индивидуализация практических заданий для снижения вероятности списывания работ, устранение проявлений академической нечестности. Как известно, проведение этой работы весьма трудоемко, поэтому продуктивным является использование нейросетей, которые по заданному примеру могут сделать нужное количество вариантов задания одного и того же типа [8; 20].

Дифференциация заданий в зависимости от уровня подготовленности обучаемого. Нейросети могут применяться для создания заданий разного уровня сложности на основе информации об уровне знания предмета конкретным учеником [8; 20]; для создания индивидуальных учебных планов и учебных материалов, соответствующих уровню знаний конкретного учащегося [4]; для анализа сильных и слабых сторон конкретного ученика, создания индивидуальных учебных ситуаций, коррекции методов обучения [1; 23].

Формирование практических навыков обучаемых через применение нейросетей для разработки заданий case-study: моделирование различных сценариев и ситуаций, которые могут использоваться для тренировки полученных обучаемыми навыков в реальных условиях [1; 26].

Научно-исследовательская работа (НИР). Если применительно к учебной и учебно-методической работе возможности использования нейросетей бесспорны, то практически все, приведенные в публикациях сведения о применении нейросетей в научно-исследовательской работе, требуют критического анализа и обсуждения.

Так, в работе А. Д. Жукова утверждается, что нейросети могут создавать уникальные тексты [12]; А. Г. Бермус и Е. В. Сизова считают, что нейросети могут писать научные статьи и дипломные работы [5]. С этим трудно согласиться, поскольку даже когда нейросеть генерирует формально новый текст, его содержание неизбежно оказывается компиляцией идей и формулировок из баз данных, на которых обучалась нейросеть. По-настоящему оригинальные научные работы требуют не просто нового сочетания слов, а принципиально нового взгляда на проблему, критического осмысления существующих теорий и выдвижения собственных гипотез. Нейросети же, не обладая ни пониманием предмета, ни способностью к мышлению, могут лишь имитировать внешние признаки научного текста, неизбежно упуская его суть. Как справедливо замечает С. В. Тихонова, нейронная сеть может идентифицировать закономерности и делать прогнозы в рамках своих обучающих данных, но она не может генерировать совершенно новые идеи или знания, выходящие за рамки этих данных, без дополнительного ввода или руководства со стороны людей [30].

Особо следует отметить, что в ряде статей в качестве важной возможности нейросетей в сфере НИР называется возможность проведения информационного поиска, при этом роль поиска информации, без которого невозможно проведение научного исследования и становления личности исследователя, явно занижается. Так, Д. В. Агальцова, Ю. Е. Валькова [1], А. Г. Бермус, Е. В. Сизова [5], Н. С. Гаркуша, Ю. С. Городова [8] квалифицируют поиск информации как рутинную

задачу, которую исследователь может полностью поручить нейросети. Это принципиально неверно, поскольку поиск информации – сугубо творческая, эвристическая процедура, основанная на интеллектуальной деятельности человека. Она предполагает предварительное проведение исследователем структурно-семантического анализа темы исследования для определения тождественных, вышестоящих и нижестоящих понятий, выявление логических связей между понятиями. Эти процедуры позволяют определить смысловые границы той или иной предметной области и, соответственно, указать границы области поиска, заложить основы для корректировки результатов поиска информации в случае выдачи избыточной или недостаточной информации.

Еще одно заблуждение, связанное с оценкой возможностей нейросетей для поиска информации, заключается в отсутствии понимания принципов работы нейросетевых технологий: в отличие от поисковых систем, нейросети не ищут информацию в базах данных или интернете, а генерируют тексты на основе статистических закономерностей, выявленных в их обучающих данных. Это коренным образом меняет их применимость в академической сфере. Нейросети не способны различать научные и псевдонаучные источники, они часто «галлюцинируют» – ссылаются на несуществующие публикации или смешивают реальные и вымышленные данные.

Вместе с тем проведенный нами анализ публикаций позволил выделить те возможности текстовых нейросетей, которые применимы и в учебной, и в учебно-методической, и в научно-исследовательской работе вузов, использоваться как преподавателями, так и студентами и, соответственно, квалифицироваться как достоинства. Если эти возможности зафиксировать в форме глаголов, отвечающих на вопрос, что могут делать текстовые нейросети, то их группировка по назначению приобретает следующий вид.

Возможности (достоинства) текстовых нейросетей

Генерация контента:

- создавать текст по запросу,
- писать по образцу,
- переписывать текст в разных стилях,
- переписывать текст более простым или более сложным языком,
- адаптировать текст для конкретной аудитории,
- продолжить текст (фразу), развить идею, подобрать слова или выразить мысль.

Выявление наиболее значимой информации:

- формулировать тему,
- разбивать текст на микротемы,
- составлять план на готовый текст,
- составлять план по заданной теме,
- выделять ключевые слова,
- формулировать главную мысль,
- давать определения понятий на основе своей базы,
- выявлять в тексте скрытые смыслы, подтексты и эмоции.

Группировка и классификация:

- сортировать объекты по группам,
- классифицировать объекты, объяснять принцип классификации,
- сравнивать между собой тексты, факты, выявлять сходства и отличия.

Преобразование информации:

- сокращать/свертывать текст на определенное количество слов/символов
- делать пересказ,
- обобщать текст,
- писать рассуждения.

Редактирование текста:

- объединять по смыслу несколько фрагментов текста в один,
- убирать повторы,
- обеспечивать связность текста,

- проверять текст по разным критериям,
- редактировать библиографические описания в соответствии с ГОСТ.

Наряду с обсуждением возможностей и несомненных достоинств, исследователи выражают озабоченность теми рисками и угрозами, которые нейросети несут в образование. Если обобщить суждения, высказанные авторами публикаций по этому вопросу, то можно условно выделить две группы рисков использования нейросетей в образовании.

1. Когнитивные риски:

- риски, связанные с мышлением и познавательными навыками: атрофия способности к критическому мышлению, возникновение у обучаемых иллюзии компетентности и понимания, ложного впечатления об усвоении материала, подмена профессиональных знаний навыками взаимодействия с ИИ, снижение креативности и оригинальности мысли;
- риски, связанные с получением и накоплением знаний и оценкой их достоверности: неспособность обучаемых критически оценивать информацию, сгенерированную нейросетью, снижение мотивации к самостоятельному получению знаний, подмена самостоятельного усвоения знаний навыками взаимодействия с нейросетью; перекладывание способности человека помнить информацию и извлекать ее из памяти на нейросеть и ее функцию генерировать нужную информацию мгновенно («память на аутсорсинге»);
- риски, связанные с расширением «лжетворчества»: рост потока работ, не содержащих оригинальных идей.

2. Морально-этические риски:

- угроза продвижения нейросетей как мощных инструментов в целях получения вредоносной информации для

- деструктивной деятельности хакеров, экстремистов, террористов и т. п.;
- угроза непреднамеренного причинения вреда жизни, здоровью, благополучию людей в результате использования некорректных сведений, сгенерированных нейросетью (медицина, фармакология, финансы, окружающая среда и др.);
 - угроза роста академической недобросовестности и академического мошенничества обучаемых: выдача сгенерированного нейросетью текста за результат собственного труда, фальсификация данных или ссылок на источники в работе.

Накопленный опыт использования нейросетей в образовании позволил исследователям перейти к более глубокому анализу последствий применения искусственного интеллекта для различных наук, включая гуманитарные.

Специфика применения нейросетей в гуманитарном знании

Применение нейросетей в обучении гуманитарным наукам требует учета особенностей гуманитарного знания. Среди характерных черт современного гуманитарного знания специалисты называют антропоцентричность, холистичность и интегративность [10] амбивалентность [11], направленность познания на личность, необходимость вживания в ее внутренний мир;

акцентирование внимания на конкретных и уникальных событиях; субъективность познания; приоритет понимания перед объяснением; диалогичность; контекстуальность; учет культурной специфики познания и творческого характера познавательной деятельности; осознание ее принципиальной незавершенности; принятие исследователем ответственности за свои действия или бездействие [29].

Осмысление гуманитарного типа научного познания показывает, что оно имеет собственную структуру, методологию, специфику. Так, в исследовании Е. В. Пахоминой делается вывод, что гуманитарный тип научного познания связан с ценностно-мировоззренческими установками, убеждениями, предпочтениями познающего субъекта и принципиально до конца не подлежит стандартизации без нанесения вреда изучаемому объекту или его разрушения. Основными принципами гуманитарного научного мышления можно считать историзм, целостность, диалогизм, контекстуальность, зависимость способа представления и объяснения изучаемого явления от позиции и ценностей познающего субъекта [27].

Проблеме дифференциации гуманитарного и естественно-научного знания, выявлению их отличительных черт и анализу разных типов познания посвящена работа О. Е. Баксанского и Е. А. Созонтова [4, с. 7], в которой критерии различения гуманитарного и естественно-научного знания представлены следующим образом:

Критерии различения	Естественные науки	Гуманитарные науки
Объект исследования	Природа	Человек, общество
Характер объекта исследования	1. Материальный. 2. Относительно устойчивый	1. Больше идеальный, чем материальный. 2. Относительно изменчивый
Характер методологии	Генерализирующий	Индивидуализирующий (обобщающий)
Ведущая функция	Объяснение (истины доказываются)	Понимание (истины истолковываются)
Влияние ценностей	Малозаметно, неявно	Существенно, открыто

Критерии различия	Естественные науки	Гуманитарные науки
Антропоцентризм	Изгоняется	Неизбежен
Идеологическая нагрузка	Идеологический нейтралитет	Идеологическая нагруженность
Взаимоотношения субъекта и объекта познания	Строго разделены	Частично совпадают
Количественно-качественные характеристики	Преобладание количественных оценок	Преобладание качественных оценок
Применение экспериментальных методов	Составляет основу методологии	Затруднено

В монографии Г. В. Суворова в качестве важной отличительной черты гуманитарных наук называется отсутствие утилитарности, прагматичности: «<...> многие из них по своему характеру никаких практических результатов дать не могут и их практическое значение состоит в том, что они формируют теоретическое мировоззрение, расширяют культурные горизонты, формируют синтетический стиль мышления» [28].

Значительное место исследователи уделяют анализу места и роли гуманитарного знания в современном обществе. Так, Е. И. Замараева, анализируя гуманитарное знание, подчеркивает, что оно является не только базовым ресурсом для формирования понятийного мышления, но и приоритетным направлением в современном образовании как инструмент сохранения социетальной безопасности российского общества в условиях цифровой и геополитической турбулентности. Гуманитарное знание – это не просто знание, это воспитание, формирование ценностей и смыслов [14].

Роль гуманитарных знаний для социализации личности подчеркивается также в работе Ж. К. Кениспаева. По его мнению, отсутствие гуманитарных знаний, то есть знания истории своего народа, страны, законов развития общества, государства, поведения социальных групп и так далее, или недостаток таких знаний, являются одной из причин неадекватного поведения человека в обществе, который легко становится жертвой различных манипулятивных технологий. Такие

важные качества, как патриотизм, уважение к старшим, знание своей истории, любовь к Родине и стремление внести свой вклад в развитие нашего общества и государства, во многом формируются именно в процессе освоения гуманитарных наук, по своему содержанию направленных на воспитание духовного мира человека [21].

По мнению М. Ю. Горбуховой, гуманитарные знания позволяют установить моральные ориентиры и на их основании определить характер влияния новых знаний на общество и на отдельного индивида. Как утверждает М. Ю. Горбухова, гуманитарная составляющая окрашивает всю информацию, воспринимаемую человеком, эмоционально, ценностно выделяет ее компоненты, позволяет оценить конкретное явление с позиций морали и разума [9].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что гуманитарный тип научного познания связан с ценностно-мировоззренческими установками исследователя, а само гуманитарное знание неразрывно связано с формированием ценностей и смыслов, определением моральных ориентиров личности.

Накопленный опыт использования нейросетей в образовании позволил исследователям перейти к предметному анализу и более тщательному изучению позитивных и негативных последствий применения искусственного интеллекта в разных областях знания, включая гуманитарное [2; 18; 19; 30].

Оценивая возможности применения нейронных сетей в обучении гуманитарным

наукам и изучении гуманитарных дисциплин, исследователи придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Например, в статье Н. В. Арбузовой делается вывод о том, что применение нейросетей в обучении гуманитарным наукам позволяет расширить границы анализа данных, открывает новые направления для исследовательской работы и способствует развитию гуманитарных дисциплин [2].

Противоположная точка зрения высказывается в работе С. С. Ипполитова, в которой искусственный интеллект рассматривается как деструктивный фактор в гуманитарном образовании, исторической науке и творческих индустриях. С. С. Ипполитов утверждает, что искусственный интеллект создает альтернативную реальность, уничтожающую границы между научным знанием и культурным наследием, с одной стороны, и псевдокультурным и псевдоисторическим симуляком, созданным нейросетью, – с другой. В итоге, по его мнению, современные молодые люди оказываются погружены в когнитивный хаос, где реальные произведения науки и культуры сосуществуют с машинным абсурдом, порожденным нейросетями, не имея при этом возможности достоверно определить происхождение и достоверность потребляемой информации. На этом основании он делает вывод о том, что внедрение нейросетей в образовательную сферу неизбежно дискредитирует накопленное гуманитарное знание [18].

Наличие столь кардинально отличающихся оценок применения нейросетей в гуманитарном образовании, активное использование систем искусственного интеллекта нашими студентами в ежедневной практической деятельности побудило нас провести пилотажное исследование.

Экспериментальное исследование возможностей пяти нейросетей на факультете государственной культурной политики Московского государственного института культуры (МГИК). Для того, чтобы выявить возможности и ограничения различных популярных текстовых нейросетей, нами был проведен сравнительный анализ пяти бесплатных нейросетей, состав которых приведен в таблице 1.

Исследование проводилось с участием 25 студентов 1 курса факультета государственной культурной политики. Студентам предлагалось, используя нейросети GigaChat, ЯндексGPT, ChatGPT, DeepSeek и Gemini, получить ответы на одни и те же запросы или промты (см. таблицу 2).

Как известно, промт (от англ. prompt – подсказка) – это запрос, команда или набор инструкций, которые пользователь передает нейросети для выполнения определённой задачи.

Промты давались студентам в готовом виде. Особенность промтов заключалась в том, что все они были неразрывно связаны с учебной и будущей профессиональной деятельностью студентов. Примеры промтов приводятся в таблице 2.

Наименование нейросети	Компания – разработчик
<i>Российские нейросети</i>	
GigaChat	Сбер
ЯндексGPT 5	Яндекс
<i>Зарубежные нейросети</i>	
ChatGPT 4.0	Open AI
DeepSeek-V3	DeepSeek
Gemini	Google

Таблица 1. Состав нейросетей, подлежащих анализу

Категория задачи	Промт, задаваемый нейросети
Генерация фактографической информации о персоне	Напиши краткие сведения об ученом и педагоге В. В. Туеве по следующему плану: 1. Фамилия, имя, отчество. 2. Даты жизни и смерти. 3. Ученая степень 4. Ученое звание 5. Высшие почётные звания, премии. 6. Сфера деятельности 7. Вклад в развитие науки (основные достижения) 8. Основные публикации (5 основных работ) 9. Ссылки на ресурсы Интернета о данной персоне.
Подбор учебной литературы	Подбери 5 библиографических описаний русскоязычных учебников по менеджменту в социально-культурной деятельности
Подбор отраслевых гостей	Подбери действующий гост взамен утратившего силу ГОСТ Р 52887–2018
	Какой гост в настоящее время регламентирует организацию отдыха и оздоровления детей и молодежи?
Подбор отраслевых законов	Действует ли сейчас закон от 21.09.83 N 1002-х «Об охране и использовании памятников истории и культуры»?
	Какой Федеральный закон принят взамен закона от 21.09.83 N 1002-х «Об охране и использовании памятников истории и культуры»?
Подбор отраслевых сайтов	Назови сайт общественной организации, которая объединяет всех специалистов по социально-культурной деятельности нашей страны.
	Составь список из 10 русскоязычных сайтов, которые будут полезны студенту, обучающемуся по направлению подготовки «Социально-культурная деятельность»
Выделение ключевых слов	Выдели из текста не более 10 ключевых слов (текст «Граффити»):
Озаглавливание текста	Озаглавь текст (текст «Граффити»):
Выделение микротем	Разбей текст на абзацы и озаглавь каждый абзац (текст «Граффити»):
Составление плана на текст	Составь план на текст (текст «Граффити»):
Составление аннотации	Составь аннотацию (не более трех предложений) на текст (текст «Граффити»)
Составление определения понятия	Дай определение понятия «граффити»
	Сейчас я дам тебе 5 определений понятия «граффити». Используя только эти пять определений и не обращаясь к своей собственной базе данных, составь максимально полное определение понятия «граффити»

Таблица 2. Категории задач и состав промтов, задаваемых нейросетям

Эксперимент проводился в ходе занятий по учебной дисциплине «Современные информационные технологии» и предварялся краткой инструкцией по фиксации результатов работы нейросетей в виде таблиц заданной формы.

Для того, чтобы оценить результаты генерации каждой нейросети, предварительно был сформирован массив верных (эталонных)

ответов, позволяющих оценить степень истинности или ложности информации, генерируемой каждой нейросетью. Общее представление о соотношении верных и неверных ответов, генерируемых нейросетями, дает таблица 3.

Результаты анализа показали, что наиболее точные ответы в заданной проблематике дает нейросеть DeepSeek. Наименьшее количество верных ответов представлено

Нейросеть	Ответы, доля в процентах			
	Верно	Неверно	50x50	Отказ
DeepSeek	70%	20%	10%	
YandexGPT	55%	30%	10%	5%
GigaChat	50%	20%	30%	
Gemini	50%	40%	10%	
ChatGPT	40%	60%		

Таблица 3. Выполнение нейросетями запросов и заданий: соотношение верных и неверных ответов

нейросетью ChatGPT. Практически для всех нейросетей характерно наличие в составе ответа как истинной, так и ложной информации (50x50). Единственная нейросеть, которая указала на неспособность выполнить предложенный промт, YandexGPT.

С наибольшей точностью нейросети выполняли задания по выделению из текста ключевых слов, озаглаиванию текста, разбиению его на абзацы и выделению ми-

кротем, а также – составлению плана текста. Представленные ими результаты по данным промтам были максимально приближены к эталонным ответам. Вместе с тем исследование наглядно показало опасность безоговорочной веры в истинность выдаваемых нейросетями ответов. Работа с нейросетями предполагает, что студенты должны хорошо представлять опасность явления, получившего название «галлюцинации».

Тип галлюцинации	Пример
Искажение фактов (событий, дат и т. п.)	<p>В ответе на промт «Напиши краткие сведения об ученом и педагоге В. В. Туеве по следующему плану» нейросетью GigaChat были сгенерированы ложные данные, характеризующие:</p> <ul style="list-style-type: none"> • ученую степень • высшее почетное звание • сферу деятельности • основные публикации
Генерация информации о несуществующих событиях и персонах	<p>В ответе на промт «Назови сайт общественной организации, которая объединяет всех специалистов по социально-культурной деятельности нашей страны», нейросеть ChatGPT указала несуществующую организацию и вымышленный адрес сайта: «Российская Ассоциация содействия культуре (РАСК) – https://rasc-rf.ru/»</p>
Представление ложных ссылок на несуществующие источники информации	<p>Пример 1.</p> <p>В ответе на промт «Подбери 5 библиографических описаний русскоязычных учебников по менеджменту в социально-культурной деятельности» нейросеть DeepSeek привела список источников, в библиографических описаниях которых искажена значительная часть сведений (заглавие, соавтор, год издания, издательство и др.) и приведены несуществующие коды ISBN.</p>
	<p>Пример 2.</p> <p>В ответе на промт «Подбери действующий гост взамен следующего госта, утратившего силу: ГОСТ Р 52887–2007 «Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления», нейросеть ЯндексGPT предложила ГОСТ Р 58876–2020 «Услуги в области отдыха и оздоровления детей и молодежи. Общие требования», который на самом деле является ГОСТ Р 58876–2020 «Системы менеджмента качества организаций авиационной, космической и оборонной отраслей промышленности»</p>

Таблица 4. Примеры галлюцинаций нейросетей в предметной области «социально-культурная деятельность»

Галлюцинации нейросетей – ситуация, при которой нейросеть выдает в составе генерируемого текста недостоверные данные, неточную и ложную информацию. Опасность галлюцинаций нейросетей – создание контента, в который включена правдоподобно звучащая ложь, уверенные заявления, которые не соответствуют действительности.

В ходе анализа результатов генерации текстов по заданным промптам нами были выявлены типичные проявления галлюцинаций, примеры которых приведены в таблице 4.

Исследование подтвердило необходимость формирования у студентов не только осторожного и ответственного отношения к использованию нейросетей, но и развития информационной компетентности, способности обеспечить свою информационную безопасность. Речь идет о развитии навыков верификации информации, которая невозможна без владения алгоритмами поиска информации, без знания надежных информационных ресурсов (справочно-информационных порталов, электронных библиотек) и без овладения навыками критического анализа информации. В Московском государственном институте культуры эти задачи решаются в процессе изучения первокурсниками такой учебной дисциплины, как «Информационная культура личности».

Проведенное нами небольшое пилотажное исследование позволило выявить важную проблему, которая, на наш взгляд, не освещается в публикациях, посвященных использованию нейросетей в гуманитарном образовании. Речь идет о так называемой нишевой проблематике в работе нейросетей.

Нишевая проблематика в работе нейросетей – это узкоспециализированные, мало-распространенные или редкие темы, по которым нейросеть либо вообще не обучалась, либо она содержит недостаточное количество релевантной информации.

Как известно, нейросети работают на основе статистических закономерностей, извлеченных из больших массивов текстов. Если определенная тема (например, этнокультуроло-

логия, педагогика балета, искусство мультимедиа, продюсирование культурно-досуговых программ, сольное народное пение и др.) не представлена в обучающих базах данных, либо по ней очень мало информации, то нейросеть не сможет обеспечить качественную генерацию достоверных ответов по вопросам в этой предметной области. В этом случае нейросеть либо выдает общие, но мало полезные формулировки, либо допускает фактические ошибки, дополняя текст домыслами, что снижает его точность и практическую ценность.

Иными словами, нейросеть приобретает такие недостатки, как

- галлюцинации – генерация ложной информации из-за недостатка достоверных источников;
- поверхностность – отсутствие глубины в ответах, подмена анализа общими фразами.

Решением может быть дообучение модели на надежных достоверных узкоспециализированных текстах или использование гибридных систем, сочетающих ИИ с экспертной проверкой.

Применительно к вузам культуры к такой нишевой проблематике может относиться информация по целому ряду направлений подготовки, включая, например, такие как

- 51.03.01 Этнокультурология;
- 38.05.02 Таможенное дело. Экспертная деятельность в области охраны культурных ценностей;
- 51.03.03 Менеджмент креативных индустрий;
- 51.03.02 Руководство этнокультурным центром;
- 50.03.01 Арт – бизнес и управление в сфере культуры;
- 52.03.01 Педагогика спортивного балетного танца;
- 54.03.01 Дизайн сценического костюма;
- 53.03.02 Оркестровые струнные инструменты;
- 53.03.06 Этномузыкология.

Приведенный перечень далеко не исчерпывающий. Он иллюстрирует необходимость обучения нейросетей на надежных информационных ресурсах, содержащих достоверную профессиональную информацию по узким предметным областям.

В целом можно с уверенностью сказать, что использование нейросетей для нишевых задач требует, как минимум, выявления и отбора корпуса текстов, отражающих ту или иную узкую предметную область, а также – целенаправленного дообучения нейросети.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Нейросеть – одна из лидирующих технологий искусственного интеллекта, являющаяся двигателем современного технологического прогресса и революционизирующая самые разные отрасли, включая образование. Вместе с тем яркой словесной характеристикой нейросетей – применительно к их использованию в образовании – может служить прилагательное «обоюдоострый» в его переносном значении, то есть способный вызвать противоположные последствия в двух полярных направлениях, как в позитивном, так и в негативном. Это особенно важно для сферы гуманитарного образования, неразрывно связанного с формированием ценностно-мировоззренческих установок и определением моральных ориентиров личности.
2. Появление нейросетей влечет за собой необходимость существенных изменений в профессиональной деятельности педагогов вуза. Важнейшей профессиональной компетенцией вузовского преподавателя становится не только овладение возможностями нейросетей в учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности, но и обучение студентов правилам рационального использования нейросетей в конкретной предметной области, демонстрации их достоинств и недостатков, раскрытие рисков и угроз, связанных с использованием нейросетей. Особую задачу для педагогов вуза составляет формирование у студентов ответственного отношения к результатам использования нейросетей: недопустимости плагиата и бездумного присвоения текстов, сгенерированных нейросетями.
3. Обучение студентов в вузе навыкам использования нейросетей в их учебной и исследовательской деятельности должно сопровождаться повышением уровня их информационной культуры и развитием информационной компетентности в области поиска, аналитико-синтетической переработки и критической оценки информации по критериям надежности и достоверности.
4. Массовое использование студентами нейросетей для выполнения учебных и научно-исследовательских работ ставит перед педагогами задачу разработки принципиально нового типа заданий, рассчитанных на осмысленное использование нейросетей при подготовке докладов, учебных рефератов, курсовых работ и выпускных квалификационных работ. При этом нейросеть должна выступать в качестве вспомогательного инструмента, обеспечивающего лишь промежуточный, а не конечный результат. Имеется в виду, что получив сгенерированный текст на заданную тему, студент обязан провести его критическую оценку, выявить и исправить недостоверные сведения, добавить недостающие данные. Для этого необходим дополнительный поиск достоверных источников информации и их аналитико-синтетическая переработка.
5. Качество текстов, генерируемых нейросетями, полностью определяется количеством и качеством текстов, использованных при машинном обу-

- чении. Применительно к системе образования в целом и к вузам культуры в частности это означает, что на первый план выступает проблема достоверности и надежности информационных ресурсов, на которых обучаются нейросети. Для гуманитарного образования, формирующего ценностные установки личности, важным также является и полнота отражения отечественного корпуса научных публикаций по отрасли культуры.
6. Пилотажное исследование результатов генерирования текстов пятью нейросетями (GigaChat, ЯндексGPT, ChatGPT, DeepSeek и Gemini) по промптам, связанным с учебной и профессиональной деятельностью студентов МГИК, позволило установить, что по нишевой проблематике (узкоспециализированным темам) анализируемые нейросети либо вообще не обучались, либо содержат недостаточное количество релевантной информации. Таким образом, для вузов культуры особо актуальной является проблема формирования надежных ресурсов для машинного обучения нейросетей в отрасли культуры.
7. Использование нейросетей в образовательной и исследовательской деятельности вуза требует проведения регулярных исследований в этой динамично меняющейся высокотехнологичной области, а также – развития новых направлений методической деятельности преподавателей вуза по целенаправленному руководству применением нейросетей студентами.

Список литературы

1. *Агальцова Д. В., Валькова Ю. Е.* Вызов искусственного интеллекта традиционной системе образования // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 169–172.
2. *Арбузова Н. В.* Применение нейросетей в обучении гуманитарным наукам // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы IX Международного научного конгресса, Симферополь, 04–05 апреля 2024 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 32–34.
3. *Байбурин А. К., Березкин Ю. Е., Бойцова О. Ю.* Искусственный интеллект в социальных и гуманитарных науках // Антропологический форум. 2024. № 60. С. 11–68.
4. *Баксанский О. Е., Созонтов Е. А.* Методологические аспекты применения естественно-научных методов в социально-гуманитарных исследованиях: конвергенция естественно-научного и гуманитарного знания // Образовательные технологии (Москва). 2020. № 2. С. 3–32.
5. *Бермус А. Г., Сизова Е. В.* Педагогические, лингводидактические и психологические условия использования ChatGPT в системе высшего образования: систематический обзор // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 11 (ноябрь). С. 150–166. URL: <http://e-koncept.ru/2024/241183.htm>.
6. *Валиев Р. И., Ахтарьянова Г. Ф.* Искусственный интеллект в образовании: за и против // Современные физика, математика, цифровые и нанотехнологии в науке и образовании: Избранные труды II Всероссийской молодежной школы-конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д.ф.-м.н., профессора Р. С. Сингатуллина, Уфа, 18–20 апреля 2023 года. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2023. С. 186–188.
7. *Воронина Д. К.* Нейронные сети в образовании: угрозы, вызовы и перспективы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2024. № 212. С. 126–136.
8. *Гаркуша Н. С., Городова Ю. С.* Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11, № 1 (52). С. 6–23.

9. Горбухова М. Ю. Естествознание и гуманитарные науки: различие и проблема единства в контексте формирования гуманитарной культуры специалиста-естествоиспытателя // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 2. С. 101–105.
10. Гуревич Л. С. Интегративный подход в гуманитарных науках: проблемы и перспективы развития научного знания // Военно-гуманитарный альманах: «Лингвистика». Выпуск № 6. «Язык. Коммуникация. Перевод»: Материалы XV Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Москва, 25 июня 2021 года. Москва: Военный университет, 2021. С. 20–30.
11. Димитрова С. В., Кальдинова Г. П., Кярова М. А. Гуманитарное знание в современном мире // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 123–133.
12. Жуков А. Д. Генеративный искусственный интеллект в образовательном процессе: вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 66–75.
13. Жучкова Ю. А. Риски использования технологий ИИ в науке и образовании // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2024. № 22. С. 297–301.
14. Замараева Е. И. Проблемы гуманитарного знания в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 12, № 4. С. 45–50.
15. Зашихина И. М. Подготовка научной статьи: справится ли ChatGPT? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 8-9. С. 24–47.
16. Землянухина Н. С. Использование нейросетей в контексте цифровизации образования: преимущества и риски // Гуманитарный научный журнал. 2024. № 4.2. С. 70–76.
17. Ивахненко Е. В., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. № 4. С. 9–22.
18. Ипполитов С. С. Искусственный интеллект как деструктивный фактор в гуманитарном образовании, исторической науке и творческих индустриях: к постановке проблемы // Новый исторический вестник. 2024. № 3 (81). С. 215–228.
19. Искусственный интеллект. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/iskusstvenny-intellektac9fb0?ysclid=mf6k144lqr193571711>
20. Капустина Л. В., Ермакова Ю. Д., Калюжная Т. В. ChatGPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 10 (октябрь). С. 119–132. URL: <http://e-koncept.ru/2023/231099.htm>
21. Кениспаев Ж. К., Серова Н. С., Фалеева Н. В. Гуманитарное знание в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10 (114). С. 31–37.
22. Кулакова Т. А. Генеративный искусственный интеллект: pro et contra // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 года. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2024. С. 182–187.
23. Мантуленко В. В., Мантуленко А. В. Искусственный интеллект в образовании: противоречия в использовании // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 6 (июнь). С. 221–237.
24. Нейронные сети. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/neironnye-seti-e734b3?ysclid=mf6k4jh9m6826918818>
25. Ортина Н. А. Обучение школьников работе с содержательным наполнением электронных изданий: возможности и преимущества использования нейронных сетей // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2024. № 4 (70). С. 37–47.

26. Паскова А. А. Практические аспекты применения ChatGPT в высшем образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 3. С. 67–74.
27. Пахонина Е. В. Специфика гуманитарного типа научного познания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-gumanitarnogo-tipa-nauchnogo-poznaniya>.
28. Суворов Г. В. Методологические проблемы формирования парадигм гуманитарного знания. Киров: Вятский государственный университет, 2021. 195 с.
29. Сычев А. А. М. М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, Т. 20, № 6, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-m-bahtin-ob-osobennostyah-metodologii-gumanitarnyh-nauk>.
30. Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы // Философия науки и техники. 2024. Т. 29, № 1. С. 73–83.

*

Поступила в редакцию 27.07.2025

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

УДК 304.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-183-192>

Л. Г. Савенкова

Научный центр Российской академии образования,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: lgbloknot@mail.ru

К. В. Воденко

Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М. И. Платова,
Новочеркасск, Ростовская область, Российская Федерация,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь о сущности региональных культур и основных проблемах реализации их воспитательного потенциала в современном российском образовании. Методологию исследования проблемы составляют теоретические положения, сформулированные выдающимися представителями отечественной науки. В российском образовании практически отсутствует целостная система освоения региональной культуры и использования ее в воспитательном процессе, а также не реализован потенциал, который заложен в традициях воспитательной деятельности, характерных для отдельных регионов нашей страны. В качестве примера выбран Донской регион, имеющий богатые культурные традиции и ценности, которые могут быть использованы в рамках воспитательного процесса, направленного на молодых представителей современного поколения, проживающих на территории данного региона. Важнейшим аспектом воспитательной деятельности, имеющей духовно-нравственную и патриотическую направленность, является актуализация социокультурного потенциала казачества как неотъемлемой составляющей культуры Донского региона. Перспективу исследования составляют дальнейшие научные разработки в области региональных культур, в решении основных проблем реализации их воспитательного потенциала современным российским обществом – в комплексе с определением перспективных путей и способов реализации данного потенциала.

САВЕНКОВА ЛЮБОВЬ ГРИГОРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, эксперт, Научный центр Российской академии образования, Московский государственный институт культуры

ВОДЕНКО КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ – доктор философских наук, профессор, директор Академии социальных исследований и гуманитарного развития, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

SAVENKOVA LYUBOV GRIGORIEVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Expert, Scientific Center of the Russian Academy of Education, Moscow State Institute of Culture

VODENKO KONSTANTIN VIKTOROVICH – DSc in Philosophy, Professor, Director of the Academy of Social Research and Humanitarian Development, South-Russian State Polytechnical University (NPI) named after M. I. Platov

© Савенкова Л. Г., Воденко К. В., 2025

Ключевые слова: общество, регион, культура, региональная культура, воспитание, потенциал, процесс, образование, обучение, социализация, мировоззрение, идентичность, региональная идентичность, общегражданская идентичность, патриотизм, гражданственность.

Для цитирования: Савенкова Л. Г., Воденко К. В. Воспитательный потенциал региональных культур в современном российском обществе: сущность и основные проблемы реализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 183–192. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-183-192>

THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF REGIONAL CULTURES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: THE ESSENCE AND MAIN PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Lyubov G. Savenkova

Scientific Center of the Russian Academy of Education,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: lgbloknot@mail.ru

Konstantin V. Vodenko

South-Russian State Polytechnical University (NPI) named after M. I. Platov,
Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Abstract. The article deals with the essence of regional cultures and the main problems of implementing their educational potential in modern Russian education. The methodology of the problem study is based on theoretical provisions formulated by outstanding representatives of Russian science. In Russian education, there is practically no integrated system for mastering regional culture and using it in the educational process, and the potential inherent in the traditions of educational activities characteristic of individual regions of our country has not been realized. The Don region is chosen as an example, which has rich cultural traditions and values that can be used in the educational process aimed at young representatives of the modern generation living in this region. The most important aspect of educational activity with a spiritual, moral and patriotic focus is the actualization of the socio-cultural potential of the Cossacks as an integral part of the culture of the Don region. The research prospects include further scientific developments in the field of regional cultures, in solving the main problems of realizing their educational potential in modern Russian society – in combination with the definition of promising ways and means of realizing this potential.

Keywords: society, region, culture, regional culture, upbringing, potential, process, education, training, socialization, worldview, identity, regional identity, civil identity, patriotism, citizenship.

For citation: Savenkova L. G., Vodenko K. V. The Educational Potential of Regional Cultures in Modern Russian Society: the Essence and Main Problems of Implementation. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 183–192. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-183-192>

Современное образование разного уровня ориентировано на внедрение в практику обучения инновационных интегрированных форм и направлений работы, что предполагает широкий взгляд на освоение любой проблемы, требует комплексного и многостороннего под-

хода, предполагающего связь с развитием науки и культуры в целом. Региональная культура – как реализация культурных традиций – играет важнейшую роль в этом процессе и имеет высокий воспитательный потенциал, поскольку опирается на культурную, социальную и природную

среду. В ряде специальных исследований, посвященных данной проблеме, подчеркивается, что в современной России регион функционирует как образование, обладающее уникальными характеристиками, отличающимися наличием собственных исторических традиций, общностью культурно-исторического пространства [14, с. 83]. Так, с позиции Е. Н. Яковлевой, региональная культура отличается особым сочетанием традиций и инноваций; выступает в качестве важного фактора развития различных сфер в жизнедеятельности региона. Она представляет собой важный ресурс для устойчивого поступательного развития страны в целом. И, как справедливо отмечает автор, от состояния и функционирования региональных культур во многом зависит духовный облик новых поколений россиян, что обуславливает актуальность обращения к воспитательному потенциалу региональных культур, определения основных проблем его реализации и перспективных способов решения данных проблем [15, с. 258–259].

В настоящее время традиционная культура актуальна и значима в деле воспитания современной молодежи, поскольку содержит в себе главное: семейные ценности, систему военно-патриотического воспитания, социальные и межэтнические отношения, формирование российской национально-гражданской идентичности. В данном контексте, на наш взгляд, необходимо учитывать то обстоятельство, что общероссийская культура в целом формируется на основе тех культурных процессов, которые протекают в отдельных регионах страны. Следует также подчеркнуть, что в современном федеральном законе «Об образовании» выделяется единство процесса обучения и воспитания, в котором воспитательная деятельность, должна быть направлена на целостное развитие личности обучающихся, привитие последним необходимых для эффективного и поступательного развития общества качеств. И вместе с тем акцентируется внимание на необходимости учета региональной специфики, на действенной защите и развитии этнокультурных характеристик и исторических традиций, присущих различным народам, проживающим на территории

нашей многонациональной страны [13]. При этом следует сказать, что современному отечественному воспитательному процессу присущи определенные противоречия:

- 1) с одной стороны, региональная культура имеет высокий воспитательный потенциал, однако, с другой стороны, рассматриваемый потенциал используется в воспитательной деятельности явно недостаточно, что отражается на результатах данного процесса;
- 2) региональные культурные ценности – в целом – являются доступными для их освоения всеми заинтересованными субъектами, однако на практике они достаточно слабо отражены в различных учебных планах и курсах, в том числе в концепции воспитания обучающихся;
- 3) несмотря на наличие в нашей многонациональной стране богатых региональных традиций, практически отсутствует целостная система освоения региональных культур и использования регионального культурного материала в воспитательном процессе.

Данные обстоятельства обуславливают авторский интерес к исследованию воспитательного потенциала региональных культур в современном российском обществе.

В рамках настоящего исследования авторы опираются на работы ученых, представляющих различные направления социальной философии, культурологии и педагогики, посвященные сущности региональных культур, в том числе – и проблемам реализации их воспитательного потенциала в современном российском обществе.

В данной работе используются системный и институциональный научные подходы, применяются общенаучные методы, включающие анализ и синтез данных государственной статистики и материалов эмпирических исследований, отражающих особенности функционирования региональных культур и основных направлений реализации их воспитательного потенциала. В образовании это ориентировано на формирование у обучающихся: 1) системы компетенций, связанных со знанием истории,

культуры казачества с учетом региона проживания; 2) осознание своей гражданской идентичности, развитие чувства патриотизма к стране и к своей малой Родине; 3) создание образовательного пространства для развития личности с прочной гражданской позицией, которая позволит обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие региона и внедрение результатов исследования в образовательную среду университета и региона.

Следует сказать, что в ряде культурологических исследований совершенно правильно регион рассматривается как культурное образование, имеющее свою специфику, которая определяется общим фоном культурно-исторического и духовного развития конкретной территории [11, с. 47]. В трудах отечественных ученых-регионоведов, к числу которых относится Г. М. Казакова, представлен оригинальный пространственный подход к трактовке сущности региона, в рамках которого последний рассматривается как «месторазвития», или определенный «культурный ареал», «историко-культурная зона», имеющие определенные специфические характеристики. Региону как «месторазвитию» присущ, с точки зрения Г. М. Казаковой, определенный «культурный тип» [5, с. 13–14]. Региональная культура при этом характеризуется подвижностью или динамизмом, что отличает ее от культуры этноса, для которой характерна большая устойчивость. Традиционно региональная культура, напротив, характеризуется изменчивостью культурных свойств и признаков, которые могут меняться в зависимости от изменений условий существования рассматриваемой культуры. Исследователи региональной культуры подчеркивают, что она функционирует как «гибкая и подвижная структура», а ее развитие находится в зависимости от действия многих разнонаправленных факторов. При этом, региональная культура аккумулирует большое количество свойственных ей ценностей, формирование которых осуществляется под воздействием экономических, политических и природно-географических предпосылок и в которых отражается своеобразие данной культуры, ее богатство и уникальность [1, с. 57].

Как отмечает И. Я. Мурзина в своем исследовании, посвященном феномену региональной культуры, последняя представляет собой определенный вариант культуры общенационального масштаба и одновременно с этим является достаточно самостоятельным социальным феноменом, характеризующимся определенными закономерностями своей эволюции, а также особой логикой функционирования и развития [9, с. 10–11]. Выполняя ряд значимых социальных функций, региональная культура обладает способностью к продуцированию специфической системы социальных связей и взаимодействий, влияющих на содержание национальной культуры. Необходимо отметить, что региональная культура, существуя в определенном временном и географическом пространстве, основывается при этом на существующих в данном регионе исторических традициях и может формировать особую систему ценностных установок и ориентаций, либо даже влиять на складывание особого типа личности. Кроме этого, региональная культура выступает в качестве интегрирующего социокультурного основания жизнедеятельности людей, проживающих на определенной территории, отличающейся специфическим способом жизнеустройства и продуцирующей на данной территории особую идентичность регионального характера.

В указанной региональной идентичности находит отражение духовная связь, которую житель конкретного региона ощущает как тесную связь и привязанность к территории, на которой он проживает, и это находит отклик в специфике типа личности. И. Я. Мурзина также активно использует понятие «региональное самосознание», под которым она понимает определенное осмысление и оценку своего существования со стороны представителей регионального сообщества; кроме сказанного, региональное самосознание включает и специфические представления людей, проживающих в конкретном регионе, о его роли и месте в жизнедеятельности страны в целом [9, с. 12–13]. В региональном самосознании может находить отражение и осознание принадлежности к общности людей, проживающей на территории конкретного

региона и характеризующейся специфическими особенностями образа жизни, норм и ценностей, культурно-исторических традиций и так далее. Региональная культура, по сути, выступает в качестве интегрирующего жизненного основания для людей, которые живут на определенной территории. К числу конкретных функций региональной культуры можно отнести, соответственно, функции определенного типа личности, регулирования различных отношений и взаимодействий, на основе существующих на данной территории культурных норм и правил, формирования системы ценностных установок и ориентаций, базирующихся на традициях, присущих людям, исторически проживающим на территории данного региона.

В рамках региональной культуры аккумулируются различные составляющие жизнедеятельности людей, исторически проживающих на территории конкретного региона, отражаются специфические характеристики материальной и духовной культуры, особенности творческой и других разновидностей социокультурной деятельности, сложившиеся на данной территории определенные системы ценностей и установок, особенности мировоззрения, а также общего образования, где воспитанию как системе отводится серьезное внимание [6, с. 430]. Т. Л. Божинская выделяет в качестве важнейшей функции региональной культуры мировоззренческую, связанную как с формированием в сознании людей представлений о содержании самой региональной культуры и специфики последней, так и с укоренением представлений об определенных ценностях, культурных нормах и правилах, присущих жителям данного региона. Нельзя не согласиться с позицией Т. Л. Божинской, которая справедливо утверждает, что формирование мировоззрения личности в идеале должно осуществляться на основе общенациональных (в данном случае, общероссийских) культурных ценностей. В противном случае может произойти замыкание человека исключительно на культуре своего региона, что не будет способствовать формированию общенациональной или общегражданской идентичности в целом [2, с. 15].

Как уже отмечалось выше, культура различных регионов, составляющих Российскую Федерацию, отличается своим многообразием, своеобразием и уникальными, присущими определенным регионам специфическими характеристиками, что обусловлено особыми, свойственными конкретным регионам чертами социального, экономического, политического и духовного развития. В региональной культуре находит отражение тот многовековой опыт, который был накоплен исторически проживающим на данной территории сообществом людей, имеющим этнические, конфессиональные и другие особенности. В настоящее время в научной и профессиональной среде наблюдается интерес к региональному компоненту в образовательном и воспитательном процессах. По мнению Т. Л. Божинской, учет региональной составляющей в рамках воспитательной и образовательной деятельности позволяет субъектам воспитательного процесса сформировать эффективное пространство для оказания целенаправленного воздействия на личность обучающихся людей, которое и составляет сердцевину самого воспитания и является его главной целью [2, с. 17]. Исторический опыт, культурные традиции и ценности, присущие конкретным регионам, в комплексе с характеристиками их развития на современном этапе, социально-экономическими и другими параметрами, – все это имеет достаточно значительный воспитательный потенциал, который – при наличии необходимых условий – может быть успешно реализован на практике.

Воспитательный потенциал региональных культур заложен в тех традициях воспитательной деятельности, которые характерны для отдельных регионов нашей страны: речь идет о различных видах воспитания, включающих духовное, патриотическое, нравственное, эстетическое, военное воспитание. В отечественной науке, в частности, активно используется понятие этнопедагогике, в рамках которой делается акцент на активном использовании этнографического материала в образовательно-воспитательных процессах. Необходимо отметить, что автор этого термина, Г. Н. Волков,

рассматривал этнопедагогику как науку, изучающую культурно-исторический опыт различных народов в комплексе с возможностями использования последнего в воспитательной деятельности (здесь, по мнению данного ученого, следует учитывать особенности этнического самосознания, национальной идентификации и т. д.) [4, с. 12]. Народная или этническая педагогика позволяет, с позиции Г. Н. Волкова, эффективно приспособить или адаптировать новейшие обучающие и воспитательные методики к особенностям традиционных региональных культур, а также использовать присущие этим культурам специфические свойства и методы воспитания применительно к современному обществу, развивающемуся в условиях постоянно меняющейся социальной среды [4, с. 15]. Одним из основных понятий, используемых в рамках этнопедагогики, является понятие этнического воспитания, представляющего собой целенаправленное воздействие на представителей новых поколений в рамках межпоколенческого взаимодействия, в ходе которого происходит формирование самосознания этнического характера, чувства гордости за свой этнос и принадлежность к нему, его истории, культуре и так далее. При этом должно формироваться и уважительное, толерантное отношение к представителям других этнических групп [8, с. 4–5].

Практика показывает, что в современных российских регионах имеются противоречивые тенденции, связанные с организацией воспитательной деятельности и воспитательного пространства на соответствующих территориях. Национальные или региональные культурные особенности либо учитываются в явно недостаточном объеме, либо они, напротив, гипертрофируются, когда региональной или национальной культуре придается исключительная ценность, что может сопровождаться формированием неуважительного отношения к представителям других этнических и культурных групп, что, в свою очередь, может создавать почву для соответствующих конфликтов или противоборств. В России как сложном многонациональном и многоконфессиональном государстве, в состав которого входит большое количество

регионов, отличающихся экономическим, политическим и культурным своеобразием, образовательный процесс должен осуществляться таким образом, чтобы формировать личность гражданина, являющегося патриотом своей страны, имеющего активную жизненную позицию и готового к осуществлению созидательной трудовой деятельности на благо общества, отличающегося уважительным отношением к лицам, являющимся носителями других культурных ценностей и взглядов, умением эффективно взаимодействовать с представителями других расовых, этнических и религиозных групп. В идеале, на наш взгляд, использование потенциала региональных культур в рамках воспитательного воздействия на представителей новых поколений должно осуществляться таким образом, чтобы это не входило в противоречие с принципами и задачами общенационального воспитания, нормами российской культуры и традиционными духовно-нравственными ценностями, характерными для российского общества в целом.

Различные регионы, независимо от размеров их территорий, обладают уникальными культурными характеристиками и имеют значительный воспитательный потенциал, который может быть использован в процессе социализации представителей молодежи и других возрастных групп, целенаправленно воздействуя на сознание воспитуемых индивидов с целью привития им определенных необходимых для эффективного и поступательного развития общества личностных свойств и качеств. Не является исключением и Ростовская область, являющаяся регионом с богатыми культурными традициями и ценностями, которые могут быть использованы в рамках воспитательного процесса, направленного на представителей современных молодых поколений, проживающих на территории данного региона. В ряде региональных нормативно-правовых актов, посвященных духовно-нравственному патриотическому воспитанию, подчеркивается наличие в социокультурном пространстве Донского региона богатых исторических, военных и созидательных традиций, глубокой укорененности ценностей и идеалов – долга перед Родиной, служения Оте-

честву и ответственности за его судьбу [10]. Для сохранения и развития патриотических и других идей, эффективного духовно-нравственного воспитания молодых жителей региона имеется значительная база, составляющая материальную основу региональной культуры. Речь идет, в первую очередь, о музеях и других объектах культурного наследия, в том числе, культурно-исторических памятниках, посещение которых является неотъемлемой частью современного процесса образования, важной составляющей которого является воспитание.

Ростовская область является в настоящее время одним из основных центров патриотического воспитания личности в современной России. В Донском регионе, в частности, накоплен значительный опыт работы, направленный на формирование ценностей и установок патриотической направленности. Такая работа ведется, прежде всего, на основе духовного наследия защитников Родины и освободителей региона от немецко-фашистских захватчиков, опыта, передаваемого участниками Специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией в настоящее время и так далее. Воспитательная деятельность включает целенаправленное воздействие на сознание представителей различных социально-демографических групп и в первую очередь – детей и молодежи с целью привития им гражданского мировоззрения и патриотических ориентаций, формирования духовно-нравственных, этических ценностей и соответствующих качеств, необходимых для эффективного осуществления созидательной деятельности, реализуемой на благо общества и государства и способствующей решению стоящих перед ними задач социального, экономического, военного и культурного характера. Ценности региональной культуры, характерные для рассматриваемого субъекта РФ, могут быть с высокой степенью эффективности использованы для воспитания патриотически настроенных представителей новых поколений граждан, проживающих на территории Донского региона, формирования людей, обладающих высокой степенью нравственности и гражданской ответственности, ориентированных на защи-

ту Отечества и осуществление созидательной деятельности, направленной на благо страны в целом.

К числу основополагающих ценностей, на освоение которых направлен воспитательный процесс, осуществляемый в духовном пространстве региональной культуры Донского края, относятся патриотические ценности, включающие: любовь к России; уважение к своему народу и региону проживания; служение Отечеству и защиту Родины; деятельность, осуществляемую на благо общества и его членов; доверие к государственным и общественным институтам; ответственность перед государством и другими людьми, законопослушность; ориентацию на семью и продолжение рода; созидательный труд и так далее. Важнейшим направлением воспитательной деятельности, имеющей духовно-нравственную и патриотическую направленность, является актуализация социокультурного потенциала казачества как неотъемлемой составляющей культуры Донского региона [3, с. 83]. Культура казачества основывается на идее служения Отечеству, определяющей сознание, поведение, образ жизни лиц, являющихся носителями данной культуры. Необходимо отметить, что реализация воспитательного потенциала региональной культуры Донского края должна иметь своей приоритетной целью формирование прочной гражданской идентичности и патриотического сознания: молодые люди должны не просто декларировать свои патриотические ценности, но и иметь устойчивые установки на то, чтобы связать свою жизнедеятельность с Родиной, жить и работать на благо региона и страны в целом. Воспитательная деятельность должна осуществляться таким образом, чтобы в сознании представителей молодого поколения формировался положительный образ будущего региона как неотъемлемой части Российской Федерации, представления о перспективах развития страны и собственных жизненных проектах или планах как граждан данного государства. Соответственно, те социальные институты, которые ответственны за образование новых поколений, должны опираться в рамках

реализуемого ими воспитательного процесса не только на достижения страны или региона, имевшие место в историческом прошлом, но и на трансляцию в сознание молодых людей представлений о целях и перспективах общенационального и регионального развития.

В рамках современного воспитательного процесса в различных регионах нашей страны, в том числе в Донском регионе, часто используется так называемая педагогика казачества, представляющая собой специфическую социокультурную воспитательную концепцию, базирующуюся на традиционных ценностях и инновациях культуры донского и южно-российского казачества. Педагогика казачества, как утверждает С. Н. Лукаш, имеет в своей основе систему казачьего воспитания, духовно-нравственные основания казачьей культуры, которые, с позиции исследователя, не противоречат базовым целям, задачам и принципам общенационального воспитания, а лишь обогащают данную систему определенной региональной спецификой и колоритом [7, с. 5]. Под воспитательными ценностями казачьей культуры С. Н. Лукаш понимает сформированные на протяжении исторического развития казачьих сообществ и детерминируемые спецификой их проживания на южных рубежах страны и мировоззрением, основанном на православном вероисповедании. К числу конкретных воспитательных ценностей культуры казачества С. Н. Лукаш относит ценности православной веры, являющейся духовной основой мировоззрения представителей казачьих сообществ, их патриотических установок, которые традиционно были опорой российской государственности. Идеалы служения Отечеству, а также ценности труда всегда выступали в качестве основы жизнеустройства казачества [7, с. 6].

Казачья культура, в соответствии с точкой зрения С. Н. Лукаша, имеет в своей основе личностно-деятельностный подход, в основе которого находятся представления о свободном развитии человека и его реализации в рамках различных форм деятельностного освоения окружающего социального пространства [7, с. 12]. Причем труд в казачьей культуре, по мне-

нию данного исследователя, понимается весьма широко и рассматривается как деятельность разностороннего характера, включающая военный или ратный труд, а также – труд физический и духовный. Следует подчеркнуть, что в рамках культуры казачества труд рассматривается как деятельность, которая осуществляется на основе традиционных моральных принципов и патриотических ценностей, идеалов служения Отечеству, православных устоев и других ценностей духовно-нравственного характера. Трудовая деятельность здесь воспринимается в контексте своеобразной нравственной потребности в активности, направленной на созидание и ориентированной на создание не только личных, но и общественных благ. Анализируемые ценности, относящиеся к казачьей культуре, в целом соответствуют традиционным общероссийским духовно-нравственным ценностям, закрепленным в текстах различных нормативно-правовых актов Российской Федерации. Речь идет, в том числе, о президентском указе, посвященном государственной политике в области сохранения и укрепления рассматриваемых ценностей [12]. Таким образом, использование воспитательного потенциала региональной казачьей культуры в целом соответствует целям и задачам общенационального воспитательного процесса, связанного с формированием соответствующих ценностных установок, присущих России как особому государству-цивилизации, имеющему региональную специфику.

В ряде исследований по данному вопросу подчеркивается необходимость использования традиций особой региональной культуры как культуры казачества в современном воспитательном процессе, что предусматривает использование в этих целях существующих институтов и культурной среды, складывающейся в казачьих обществах, а также – в церковных, образовательных и воспитательных структурах. Культурное казачье сообщество в целом обладает, по мнению С. Н. Лукаша, способностью к воспроизводству традиционных духовно-нравственных основ культуры казачества, а также имеет мощный потенциал для того, чтобы выступать в качестве важного

субъекта воспитательного процесса, осуществлять целенаправленное воздействие на представителей новых поколений [7, с. 14]. Пример культуры казачества как одной из разновидностей региональных культур в современном российском обществе, имеющей большое значение в контексте воспитательной деятельности и формирования значимых для общества ценностей духовно-нравственного характера, свидетельствует о важности использования воспитательного потенциала региональных культур, позволяющих повысить степень эффективности данного процесса.

Завершая, следует сказать, что региональные культуры в современном российском обществе имеют высокий воспитательный потенциал, который не всегда реализуется на практике. Региональные культурные ценности являются доступными для их освоения всеми заинтересованными субъектами, однако они достаточно слабо отражены в различных учебных планах и курсах, а также – в концепциях воспитания обучающихся. Несмотря на наличие в нашей многонациональной стране богатых региональных традиций, в России практически отсутствует целостная система освоения региональных культур и использования регионального культурного материала в рамках воспитательного процесса. Значение региональной культуры состоит в том, что она может формировать особую систему ценностных установок и ориентаций, влиять на складывание особого типа личности, выступая в качестве интегрирующего социокультурного основания жизнедеятельности людей, проживающих на определенной территории, отличающейся специфическим способом жизнеустройства и продуцирующей особую идентичность регионального характера. К числу важнейших функций региональной культуры относится мировоззренческая функция, связанная с формированием в сознании людей представлений о содержании самой региональной культуры, а также – с укоренением представлений об определенных ценностях, культурных нормах и правилах, присущих жителям данного региона.

Воспитательный потенциал региональной культуры заложен в тех традициях воспитательной деятельности, которые характерны для отдельных регионов нашей страны. Многочисленные российские регионы обладают уникальными культурными характеристиками и имеют значительный воспитательный потенциал, который может быть использован в процессе социализации представителей молодежи и других возрастных групп, целенаправленного воздействия на сознание воспитуемых индивидов с целью привития им необходимых для эффективного поступательного развития общества личностных свойств и качеств. Не является исключением и Донской регион, имеющий богатые культурные традиции и ценности. К числу основополагающих ценностей, на освоение которых направлен воспитательный процесс, осуществляемый в духовном пространстве региональной культуры Донского края, относятся патриотические ценности, включающие как любовь к России, так и уважение к своему народу и региону проживания, принципы и идеалы служения Отечеству и защиты Родины, деятельности, осуществляемой на благо общества и его членов, доверие к государственным и общественным институтам, ответственность перед государством и другими людьми, законопослушность, ориентация на семью и продолжение рода, созидательный труд и так далее. Важнейшим направлением воспитательной деятельности, имеющей духовно-нравственную и патриотическую направленность, является актуализация социокультурного потенциала казачества как неотъемлемой составляющей культуры донского региона. Пример культуры казачества как одной из разновидностей региональных культур в современном российском обществе, имеющей большое значение в контексте воспитательной деятельности и формирования значимых для общества ценностей духовно-нравственного характера, свидетельствует о важности использования воспитательного потенциала региональных культур, позволяющих повысить степень эффективности данного процесса.

Список литературы

1. Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12, № 3. С. 55–59.
2. Божинская Т. Л. Педагогический потенциал региональной культуры в современном российском образовании: автореферат дисс. ... канд. филос. наук, Краснодар, 2010. 33 с.
3. Бурова Н. В. Педагогический потенциал традиций культуры донских казаков в образовательной сфере // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (41). С. 82–84.
4. Волков Г. Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. Москва: Академия, 1999. 168 с.
5. Казакова Г. М. Региональная культура: родо-видовые признаки и структурно-функциональные характеристики // Вопросы культурологии. 2009. № 5. С. 12–15.
6. Линец Е. Ю. Региональная культура в системном рассмотрении // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5 А. С. 429–435.
7. Лукаш, С. Н. Воспитание подрастающих поколений в традициях и инновациях культуры казачества Юга России: автореферат дисс. ... докт. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 47 с.
8. Махринова М. В., Макеенко, И. П., Каширина, О. В. Формирование этнических ценностей личности в контексте этнического воспитания // Научный альманах стран Причерноморья. 2020. Т. 22, № 2. С. 3–11.
9. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: автореферат дисс. ... докт. культурологии. Екатеринбург, 2003. 47 с.
10. Постановление Правительства Ростовской области от 15 ноября 2012 г. № 1018 «Об утверждении Концепции духовно-нравственного и патриотического воспитания обучающихся в образовательных учреждениях Ростовской области с кадетским и казачьим компонентом» // Наше время. № 674–677 от 22 ноября 2012 г.
11. Региональная культурная политика: методология, институты, практики: ценностно-нормативный подход: монография. Москва: Институт Наследия, 2019. 206 с.
12. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502>
13. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск от 30 декабря 2012 г.
14. Швейцер Г. А. Современные подходы к определению понятия «регион» // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2022. № 3 (33). С. 82–90.
15. Яковлева Е. Н. К определению понятия «региональная культура» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 4 (28). С. 256–262.

*

Поступила в редакцию 20.06.2025

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ

УДК 373.035.6

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-193-199>

А. А. Жаркова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kdd007@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию патриотического сознания у студентов вузов культуры. В нашей стране всегда, а в последние годы – особенно, формирование патриотического сознания студентов вузов культуры осуществляется на основе исторической памяти и традиционной культуры народов России. Воплощение такого рода воспитания на практике во многом зависит от способности педагогов воспроизводить образцы культурной деятельности предшествующих поколений, трактуя их смысл с позиций целесообразности в данной общественной системе и личного смысла современников. В заключении автор рассматривает работы некоторых специалистов и ученых МГИК, активно занимающихся решением этой проблемы.

Ключевые слова: формирование, патриотическое сознание, студенты, вузы культуры.

Для цитирования: Жаркова А. А. Формирование патриотического сознания у студентов вузов культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 193–199. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-193-199>

FORMATION OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS AMONG STUDENTS OF CULTURAL UNIVERSITIES

Alena A. Zharkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: kdd007@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of patriotic consciousness in students of cultural universities. In our country, the formation of patriotic consciousness of students of cultural universities has always been carried out, and especially in recent years, on the basis of historical memory and traditional culture of the peoples of Russia. The implementation of this kind of education in practice largely depends on the ability of teachers to reproduce examples of cultural activity of previous generations, interpreting their meaning from the standpoint of expediency in a given social system and the personal meaning of contemporaries. In conclusion, the author examines the works of some specialists and scientists of MGIC, actively engaged in solving this problem.

ЖАРКОВА АЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор Российской академии образования, заведующая кафедрой культурно-досуговой деятельности, Московский государственный институт культуры

ZHARKOVA ALENA ANATOLYEVNA – DSc in Pedagogy, Professor of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Cultural and Leisure Activities, Moscow State Institute of Culture

© Жаркова А. А., 2025

Keywords: education, patriotic consciousness, students, cultural institutions.

For citation: Zharkova A. A. Formation of Patriotic Consciousness Among Students of Cultural Universities. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 193–199. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-193-199>

Понятие «сознание» – сложный многоструктурный феномен, исследованный многими науками.

В философии наиболее известное научному сообществу понятие «сознание» было дано еще в 1972 году ученым Спиркиным А. Г. в научном труде «Сознание и самосознание». В контексте идейного замысла статьи главной для нас является его мысль о том, что основное значение этого термина есть «сознание нашего наличного бытия, сознание собственного существования, сознание самого себя, или своего «Я» [11, с. 46].

С позиций психологии «сознание – высшая, свойственная человеку форма обобщенного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей окружающего мира, формирование у человека внутренней модели внешнего мира, в результате чего достигается познание и преобразование окружающей действительности» [1, с. 44].

Для патриотического сознания, которое носит коллективный характер, важно понять, что сознание является личностным отражением реальности, действительности окружающего мира. На различных этапах жизни оно исторически обусловлено. Кроме этого, надо отметить, что патриотическое сознание – это не только активное коллективное отражение мира, но и способность к патриотическому мышлению, которое должно сохраниться у студентов вуза культуры на всю жизнь, а также – способность выходить на уровень эмоционального отношения к жизни.

А. В. Разин пишет: «Общественная природа сознания, следовательно, проявляется в познании как процесс совместного поиска истины, основанной на приемлемых, получивших коллективное одобрение, объяснений действительности» [9, с. 39].

Отражая посредством сознания как формы познания мир, студенты приобретают жизненный опыт, вырабатывают совокупность отношений (к себе, семье, родным, друзьям, к учебе, окружающей среде и так далее). И что особенно важно в учебно-воспитательном процессе вуза культуры: «Сознание в любом случае действует как коллективный общественный адаптационный инструмент, хотя качество самосознания и понятийного мышления принадлежит только отдельному индивиду. Коллективный характер сознания проявляется в том, что сами понятия вырабатываются в общении, наполняются личностным смыслом» [9, с. 39].

В процессе освоения учебного материала на патриотическую тему ведущим критерием является содержание, то есть смыслообразование, что и определяет в механизме смысловое восприятие предмета, излагаемые факты.

По К. Д. Ушинскому: «Патриотизм – задача воспитания и средство воспитания. Нет человека без любви к Отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями» [12, с. 160].

По В. Г. Белинскому патриотизм – это содержательно-смысловое поле, которое вобрало в себя общечеловеческие ценности и идеалы. «Любить свою Родину – значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества, по мере сил своих способствовать этому» [2, с. 488–489]. Здесь речь идет о том, что механизм сознания включает механизм самосознания: «как способность отношения человека к самому себе, способность к самооценке своих поступков, создания жизненных

планов, также оказывается связанной с таким уровнем идеального, который задается со стороны всей культурной жизни» [9, с. 39].

Как видим, главным критерием сознания большинство ученых считает четкую взаимосвязь идеального и культуры, которая становится одной из ведущих функций сознания и самосознания, что актуально для патриотического сознания студентов.

М. С. Каган подчеркивал, что «универсализм ценностного сознания проявляется в том, что оно направлено не только на мир, окружающий личность, но и ею на саму себя, поскольку она отличает себя как субъекта от внеположенной ей объективной реальности; так мировоззрение получает свое оппозиционное дополнение в самосознании, и последнее членится также двухуровнево на самочувствие и самоосмысление (осознание ценного смысла собственной жизни)» [5, с. 38]. Поэтому универсализм патриотического сознания студента зависит от слаженных духовных усилий множества конкретных людей и факторов, от осознания своего отношения к культурным ценностям, к миру в целом, от своей одиотичности, функциональной гибкости.

«Обратимся к функциональному компоненту “сознание», которое занимает особое место в системе психики. Оно обладает качеством идеального, а все остальные психические функции идеальны только после осознания. В этом специфика сознания, его принципиальная роль в системе. Сознание обладает «божественной» функцией – дарить идеальное нейропсихическим процессам, делая их психическими. Сознание освещает светом идеального нервные процессы, дает им душу, качество психического.

Однако сознание различается по уровням развития. Оно может быть сложным, вербальным, понятийным (у человека, причем с разной степенью сложности). Тем не менее у всех, кто обладает психикой, есть сознание, потому что оно и дает им психику. Без него человек ничего не ощутит, не почувствует и не воспримет. Таким образом, человек от-

личается от животных не наличием у него сознания, а наличием разума, т. е. понятийного отражения. Интересно, что в книге А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» говорится именно о понятийном отражении и о сложном вербализованном сознании, и в этом отношении здесь нет никаких разногласий [7, с. 213].

Здесь следует подчеркнуть, что именно вербализованное сознание студентов наиболее благоприятная почва для патриотического сознания. Хотя с появлением новых форм межличностного общения – интернета – господствует виртуальное общение, которое не обладает свойством духовного, в том смысле, в котором его понимают педагоги. Да и в непосредственном контакте студентов и педагогов вербализованное сознание, как имеющее эмоциональную составляющую, наиболее значимо, ибо эмоциональная составляющая становится приоритетной мотивацией в предметной деятельности.

Вследствие этого окрашенность патриотических чувств у педагогов позволяет сформировать уверенность в выборе идеалов, жизненных принципов справедливости и правоты. Такое осознание уверенности в себе педагогов формирует патриотическую убежденность студентов наиболее эффективно, которая объективно связана с общественным сознанием.

Известно, что нравственные ценности направлены на воспитание любви к своему Отечеству, малой Родине, языку, культуре, истории, которые и определяют характер действия, причем действия на основе ценностно-деятельного и личностно-деятельностного подходов, определяемое патриотическими ценностями и индивидуальными чувствами.

Современные исследователи патриотизма стали более единодушно считать, что патриотическое сознание личности включает способность активно защищать Родину в любой форме действия на основе национального самосознания народа, то есть это деятельность, направленная на служение интересам сво-

его Отечества. Чувство патриотизма – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями в истории нашей страны, которое не исключает доброжелательность и дружественное отношение к народам других стран.

Следовательно, истинный патриотизм (от греч. *Patris* – родина) – есть единство определенных конкретно-исторических отношений, как результат деятельности всего народа. Именно об этом идет речь в процессе обучения.

Постепенно студент становится активным участником общественных преобразований в вузе культуры, совпадающих с его мотивами, потребностями, целями, эмоциями, интересами. Ценности для деятельности студента становятся мотивом в его стремлении сохранить и приумножить исторический опыт и традиции. Изучение нового материала в рамках самосовершенствования и самореализации его как патриота происходит как процесс формирования личностных качеств и свойств характера, где акцент делается в сторону убеждений общественных жизненных установок и идеалов, то есть всей структуры личности.

Исходя из этого понимания, вспомним: «Обучение было направлено на развитие всех трех частей личности студента. А написание курсовой работы или диплома было эффективным инструментом контроля. С точки зрения физических возможностей проверялось его умение работать с данными, создавать из них информацию, получать знание. С точки зрения общения выявлялось его умение взаимодействовать с рецензентом, оппонентом, научным руководителем и своими товарищами. С точки зрения жизнеполагающих смыслов понималась его готовность самостоятельно вести исследование» [8, с. 83].

В современный период обучения студентов выделяются две задачи: построение патриотического мировоззрения и убеждений.

Разница эта, как и принято в гуманитарных науках, определяется различием методологических подходов.

Наиболее распространенные на сегодняшний день – это *целостный подход* и *ценностно-деятельностный подход*. Первый характеризуется тем, что в его основании лежит концепция, где ведущая роль в формировании убеждений отводится знаниям; другой подход рассматривает знания как одно из условий формирования теории убеждений, что достаточно для достижения цели при наличии другого условия мировоззренческой ориентировки студента.

В современный период только комплексное использование целостного и ценностно-деятельностного подходов способно сформировать «сознательный патриотизм» у студентов.

«Сознательный патриотизм» как понятие находим у философа В. Розанова: «Счастливую и великую Родину – любить не велика вещь. Мы должны ее любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, порочна» [10, с. 2].

Анализируя эту мысль, мы приходим к выводу о том, что этот параметр в структуре формирования патриотического сознания у студентов вузов культуры оказывает сильное влияние на мотивацию сознания, чувств и поведения. Применение теоретических знаний позволяет вытеснить из сознания студентов житейские проблемы, создавая условия для осознания ценностных ориентаций и удовлетворения потребности, интересов в целостном процессе. Здесь возникает возможность реализации личностных ценностей у студентов, формирующих их мотивационную сферу.

Отсюда последовательную педагогическую деятельность мы рассматриваем как создание оптимальных условий для студентов в освоении учебного материала с патриотических позиций. Задача педагога состоит в строгом соблюдении принципов единства содержания и формы, определения четких этапов обучения. Ведущей функцией обучения становится когнитивная и функция, регулирующая выборы целей-мотивов деятельности.

А. Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал, что сначала надо «создать мотив, а затем открыть возможность нахождения цели <... > в том или ином предметном содержании учебных предметов» [6, с. 376].

Это позволяет студенту сформировать «личный смысл» выводя его на вербальный уровень. Благодаря этому создаются условия для усвоения научных знаний, становясь единым процессом обучения и воспитания. Леонтьев А. Н. полагал необходимым, «чтобы усвоенные студентом знания стали для него “живыми знаниями”, подлинными органами “его индивидуальности”, способными определить его отношение к миру, к себе самому» [6, с. 376]. Это позволяет нарастить мышцы мотивационного компонента и смыслообразующей составляющей целеполагания. В конкретной ситуации «конфликтного смысла», возникающего на основе «конфликта мотивов», обогащается «личный смысл» студента и позволяет рефлексировать по поводу упорядочения его мотивов деятельности.

Здесь важен еще один аспект – исторический, ибо общество всегда спланируется вокруг важных исторических событий, в то же время становится инициатором оценок исторических событий.

Надо помнить, что Запад ведет целенаправленное искажение истории. Отсюда одна из задач педагогической науки и педагогического вуза состоит в том, чтобы студенты, выезжая на практику, познавали жизнь народа и осознавали свою неразрывную связь с народом, без чего не может быть патриота.

В последние годы формирование патриотического сознания студентов вузов культуры осуществляется на основе исторической памяти и традиционной культуры народов России, что реализуется через способности педагогов воспроизводить образцы деятельности предшествующих поколений, трансформируя смысл их деятельности с позиций целесообразности данной общественной системы и личного смысла.

Следовательно, совокупность личностно-значимых характеристик личности сту-

дента, ответственных за его сознание, дает ему возможность «успешно управлять своей системой значимостей и своим индивидуальным временем, структурируя будущее и тем самым овладевая им» [3, с. 72].

Процесс формирования патриотического сознания студентов становится эффективнее, когда реализуется при четком взаимодействии вузов культуры и учреждений культуры, которые своими общими усилиями и средствами раскрывают содержательно-смысловую основу идеалов и ценностных ориентаций, реализуя их в совместной деятельности.

Этот многоступенчатый психолого-педагогический и социально-культурный процесс образуется из фундаментальной основы, заложенной в вузе, и личностных практико-ориентированных способностей студента, их реализации в учреждениях культуры и социуме, где зачастую встречаются ортодоксы, выразители различных мнений и взглядов.

Учреждения культуры, находясь в «шаговой доступности» от потенциальной аудитории, совместно с МГИК решают все проблемы по формированию патриотического сознания населения, используя местный материал и вовлекая в подготовку самых уважаемых жителей данного социума. Это придает общественно-значимым событиям духовность, создает душевное братство, радость встречи, свободу для самореализации личности студентов, находящихся на учебных практиках.

Профессор А. Д. Жарков отметил, что «духовно-нравственное воспитание людей в учреждениях культуры наиболее эффективно происходит на основе ценностных ориентаций, объединяющих аудиторию клуба, поскольку происходит процесс сопричастности к духовному укладу, духовный уклад вырабатывается постепенно, из эмпирической данности внутренней, скрытой в самом человеке, и внешней (природа, климат, соседи). Всю эту внешнюю эмпирическую данность, сложившуюся исторически, важно проработать глубоко, что позволит формировать духовно-нравственное созна-

ние личности» [4, с. 181–182]. Духовно-нравственное сознание и патриотическое сознание имеют общее начало, цель, причины поведения в конкретной ситуации. Эти формы общественного сознания тесно взаимодействуют с другими формами общественного сознания, едиными в воспитании, отражении и воспроизведении аксиологически значимых событий и явлений.

Самым мощным социально-формирующим потенциалом в социуме является военно-патриотический праздник. «Праздник – это своеобразная форма духовного самовыражения и духовного обогащения человека» [13, с. 107].

В последние годы в структуру праздника 9 мая день Победы была введена такая форма как «Бессмертный полк». Это внесло в социум глубокое уважение к прошлому своей страны, а художественно-конструктивные цели и смыслы получили эмоциональную и интеллектуальную окрашенность.

В рамках МГИК лидером формирования патриотического сознания студентов является Совет Старейшин. Эта деятельность проводится системно. В 2024 году был подготовлен сборник «Спасибо за Победу» (воспоминания, эссе, стихи) под редакцией доктора педагогических наук, профессора, заслуженного работника культуры Российской Федерации Жаркова А. Д. А поскольку патриотическое воспитание во МГИКе активно проводилось всегда, то материала было предостаточно. Но новый импульс она получила в связи с 80-летним юбилеем Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годы и с 95-летним юбилеем Московского государственного института культуры. Поэтому сборник «Спасибо за Победу», вышедший в 2025 году, стал ориентиром для всех студентов вуза и решал сразу несколько учебных, воспитательных, творческих и научных задач.

Сам процесс написания статьи студентами – это проявление патриотического сознания когнитивных способностей творческой активности, научных качеств, демонстрация

целостного восприятия, попытка предпринимаемая эмоционально усилить одухотворенность желаемого будущего.

Естественно, у всех специализаций имеются свои специфические системы формирования патриотического сознания. Так, у музыкантов есть свои педагогические модели, инновационные технологии, способы проблемно-творческого поиска принятия решений, своеобразная «оболочка» формы проявления красоты. Среди музыкантов трудно выделить коллективы, особенно эффективно влияющие на патриотическое сознание студентов вуза культуры, ибо наиболее ярко проявляется доминанта человечности, позитивная душевность, сопереживание, ассоциативная красота – реальная и неосязаемая – в повседневной и учебной деятельности. Конечно, лидером является оркестр духовых и ударных инструментов, который возглавляет заведующий кафедрой духовых и ударных инструментов, кандидат педагогических наук, профессор, заслуженный артист России П. Ю. Делий.

Патриотическому воспитанию посвящена кандидатская диссертация М. С. Новашинной на тему «Воспитание патриотизма у студентов-музыкантов вузов культуры на традициях песенного фольклора», где научно доказано, что профессиональная подготовка студентов-музыкантов вузов культуры – это целенаправленный процесс обучения, обеспечивающий функционирование смыслов на всех этапах обучения, способствующий эффективному воспитанию патриотического сознания.

Целостный, ценностно-ориентированный, активно-деятельностный подход в вузах и учреждениях культуры исследуется в кандидатской диссертации Е. Д. Бочкаревой «Организационно-педагогические условия процесса воспитания исторической памяти учащейся молодежи в учреждениях культуры: личностно-деятельностный подход», что имеет большое значение для теории и технологии воспитания патриотического сознания студентов и молодежи в социуме.

В практическом смысле работа успешно продолжилась, была опубликована монография Жарковой А. А и Бочкаревой Е. Д. «Педагогика воспитания исторической памяти личности в учреждениях культуры и образования – стратегический ресурс безопасности страны», научный редактор Жарков А. Д. Эта монография была направлена МГИК для участия в III-ем Международном конкурсе «Научная книга»,

проведенном Академией Управления МВД России среди образовательных организаций системы МВД России и получила диплом II степени в номинации «Педагогика и психология».

Таким образом, формирование патриотического сознания у студентов вузов культуры опирается на ведущие методологические подходы, теории и технологии в педагогических науках и огромного практического опыта.

Список литературы

1. *Абрамов М. А., Самыгин С. И., Моргачев О. Л.* Психология и педагогика: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2025. 636 с.
2. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. в 8 т. Москва, Т. 4, 1954. 675 с.
3. *Бондарева С. К., Колесов Д. В.* Духовность (психология социология, семантика). Российская академия образования, Московский психолого-социальный институт. 2-е изд., стер. Москва, Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального института, НПО «МОДЭК», 2011. 143 с.
4. *Жарков А. Д.* Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: учебное пособие. Москва: Московский государственный университет культуры и искусств, 2012. 242 с.
5. *Каган М. С.* Философская теория ценности. Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. 204 с.
6. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1977. 304 с.
7. *Маршинин Б. А.* Сознание как функциональный компонент в системе психики // Мир психологии. № 3, 2012. С. 211–214.
8. *Никольский М.* Русский путь в управление: зачем, как и что понимать русскому человеку в управлении собой, делом и Родиной. Москва: АСТ, 2025. 239 с.
9. *Разин А. В.* Философия: учебное пособие. Москва: Проспект, 2015. 493 с.
10. *Розанов В. В.* Опавшие листья. Москва: Азбука-классика, 2008. 621 с.
11. *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. Москва: Политиздат, 1972. 302 с.
12. *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений в 8 т. Ленинград: Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1952. 656 с.
13. *Шароватов Ю. М.* Деятельностный подход к воспитанию патриотических качеств личности в учреждениях культурно-досугового типа: автореф. дис ... канд. пед. наук. Москва, 2005. 196 с.

*

Поступила в редакцию 18.08.2025

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ

УДК 159.9

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-200-210>

Т. Н. Новожилова

Самарский национальный исследовательский
университет им. С. П. Королева,
Самара, Самарская область, Российская Федерация,
e-mail: tatini24@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является научная разработка содержания профилактики различных форм девиаций у подростков в образовательной среде школы – как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Анализ исследовательского интереса к данной проблеме вызван осознанием значимости профилактической деятельности в связи с проявлением традиционных и появлением новых форм девиантного поведения личности, обусловленных выходом коммуникации подростков в цифровое пространство. Особое внимание автор уделяет такому виду отклоняющегося поведения подростков, как киберагрессия. Девиации, проявляющиеся в виртуальном взаимодействии, приобретают порой изощренные формы, которые способны нанести непоправимый ущерб личностному развитию и психическому здоровью подростков. Именно поэтому так важно осуществлять психолого-педагогическую деятельность, направленную на профилактику различного вида отклонений в поведении подростков. Теоретико-методологическую основу исследования образуют концепция о сензитивных периодах в развитии подростков, а также – системный, социокультурный и деятельностный подходы к анализу процессов в образовании. В статье раскрываются теоретические и методические аспекты проблемы психолого-педагогической деятельности по профилактике девиантного поведения подростков как поведения, противоречащего правовым и нравственным нормам. В статье представлен сравнительный анализ результатов опытно-экспериментальной работы по профилактике девиантного поведения подростков в образовательной среде школы.

Ключевые слова: профилактика, психолого-педагогическая деятельность, девиантное поведение, возрастные особенности подростка.

Для цитирования: Новожилова Т. Н. Психолого-педагогическая деятельность по профилактике девиантного поведения подростков в образовательной среде школы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 200–210. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-200-210>

НОВОЖИЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева
NOVOZHILOVA TATIANA NIKOLAEVNA – CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Human Resource Management, Samara National Research University named after S. P. Korolev

© Новожилова Т. Н., 2025

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES
FOR THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS
IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE SCHOOL

Tatiana N. Novozhilova

Samara National Research University named after S. P. Korolev,
Samara, Samara region, Russian Federation,
e-mail: tatini24@mail.ru

Abstract. The aim of the article is the scientific development of prevention of various forms of deviations among adolescents in the educational environment of the school – both at the theoretical and practical levels. The analysis of research interest in this problem is caused by the awareness of the importance of preventive activities in connection with the emergence of new forms of deviant personality behavior caused by the release of adolescent communication into the digital space. Deviations that manifest themselves in virtual interaction sometimes take on sophisticated forms that can cause irreparable damage to the personal development of adolescents. That is why it is so important to carry out psychological and pedagogical activities aimed at preventing various types of deviations in the behavior of adolescents. The theoretical and methodological basis of the research is formed by the concept of sensitive periods in the development of adolescents, systemic, socio-cultural, activity-based approaches to the analysis of educational processes. The article reveals the theoretical and methodological aspects of the problem of psychological and pedagogical activities for the prevention of deviant behavior of adolescents, as behavior contrary to legal and moral norms. The article presents a comparative analysis of the results of experimental work, as well as a model of psychological and pedagogical activities for the prevention of deviant behavior of adolescents in the educational environment of the school.

Keywords: prevention, psychological and pedagogical activity, deviant behavior, age characteristics of a teenager.

For citation: Novozhilova T. N. Psychological and Pedagogical Activities for the Prevention of Deviant Behavior of Adolescents in the Educational Environment of the School. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 200–210. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-200-210>

Конец XX и начало XXI века – время смены идеологической парадигмы и социального конструкта нашего общества, время нарастания глобальных геополитических противоречий и так далее, что, безусловно, привело к появлению различных социальных вызовов.

В это время наблюдается возрастание научного интереса в России к проблеме изучения социальных «выпадений», отклоняющегося поведения в самых разных формах. Несмотря на то, что к изучению феномена девиантного поведения в социологическом аспекте впервые обратился еще в XIX веке Эмиль Дюркгейм, исследование причин девиаций спустя почти два столетия остаются невероятно актуальными. В настоящее время хорошо известны труды отечественных ученых ведущих научных школ Санкт-Петербурга, Казани, Краснодара (Я. И. Ги-

линской, А. Л. Салагаева, Ю. А. Клейберг, Ю. Ю. Комлева, И. Г. Ясавеева, Н. Х. Сафиуллина, Т. А. Хагуров и др.). Эти и другие авторы исследуют самые разные аспекты возникновения, проявления девиаций и социальных возможностей взятия их под контроль.

Установлено, что причины девиаций кроются в различных плоскостях общественной жизни: социально-экономической, культурной, духовной, функциональной так далее. Социальное неравенство – одна из ведущих причин, которая влечет за собой проявление самых разных форм девиаций [11, с. 260]. В настоящее время существенно меняется профиль их проявления. К традиционным формам отклоняющегося поведения личности (алкоголизм, наркомания, проституция и др.) присоединились девиации, порожденные возможностями всемирной

сети Интернет и цифровыми технологиями. Интересна позиция Л. В. Мардахаева, который трактует девиантное поведение зависящим от возрастной группы индивида. Негативное отклонение в его поведении, по мнению Л. В. Мардахаева, диссонирует не только с законодательно закрепленными нормами, но и с ролевыми предназначениями, а также – с общепризнанными, социально одобряемыми обычаями, правилами, традициями, в том числе нормами морали (цит. по 11, с. 261). Здесь мы согласимся с тем, что значительную роль в поведении, которое отклоняется от общепринятых норм, в значительной степени определяет социальная принадлежность индивида к определенной группе, в том числе возрастной. И здесь возраст, как нам представляется, выступает и как прямой, и одновременно, как косвенный фактор, определяющий возможные проявления социальной дезадаптации подростков. Суть прямого фактора, связанного с возрастной принадлежностью индивида, во многом определяется объективностью происходящих в этом возрасте внутренних процессов психо-физиологического созревания. Косвенное влияние возрастной принадлежности индивида к подростковой группе заключается в том, что сама социальная ситуация развития определяет включение подростка в новую для него систему отношений со сверстниками и взрослыми при приоритетности воздействия на его становление группы сверстников. Однако хорошо известно, что процесс воспитания или его отсутствия, а также социализации, способны либо обострить, акцентировать те или иные стороны созревания личности, «повести» ребенка по ложному маршруту социального развития, либо существенно сгладить, смирить трудности социальной адаптации, интеграции и индивидуализации, которые переживает подросток на пути своего личностного становления. Именно поэтому воспитание подрастающего поколения сегодня входит в число приоритетных задач современной государственной политики.

В настоящее время в России реализуется новый цикл проектов, направленных на создание условий для воспитания социально зрелого, высоконравственного человека и развития его творческого потенциала. Так, разработан и запущен Национальный проект «Молодёжь и дети» [7]. Его цель – формирование суверенной системы образования, ключевыми задачами которой выступают личностное развитие, нравственное и патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Решение задач по предупреждению девиантного поведения подростков «вплетено» в саму суть процесса воспитания, потому что именно дети этой возрастной группы наиболее подвержены риску реализации девиантного поведения, то есть такого, которое противоречит правовым и нравственным нормам социальной жизни. Проявление девиаций именно в подростковом возрасте обусловлено множеством причин, среди них назовем такие: недостаточная сформированность ценностных ориентаций, характера, а также неустойчивость эмоционально-волевой сферы индивида и т. д. Вместе с тем именно подрастающее поколение будет определять будущее страны, поэтому общество крайне заинтересовано в создании условий, направленных на профилактику отклоняющегося поведения личности.

Несмотря на то, что в научных трудах большое внимание уделяется проблеме подросткового поведения, отклоняющегося от общепринятых социальных норм, многие вопросы, связанные с профилактической деятельностью, остаются недостаточно изученными. Например, методически острым является вопрос профилактики девиаций средствами психолого-педагогической деятельности. Очевидно, что подходы к решению этой проблемы тесно взаимосвязаны с пониманием возрастных особенностей несовершеннолетних.

Возрастной психологией установлено, что подростковый возраст – это самый сложный период для становления личности. В это время происходят мощные сдвиги – как в гормо-

нальной, так и в личностной сфере растущего человека. Подросток уже не ребенок, но еще и не взрослый. У него возникают новые потребности, желания, для реализации которых он не всегда способен подобрать адекватные средства. Он стремится найти свое место в обществе, обрести чувство собственной значимости, утвердиться в глазах окружающих. Этот возраст определяют как возраст «бури и натиска», рисков, экспериментов, познания себя. Качественные изменения представляют собой глубокие и стремительные преобразования, которые часто принимают форму возрастных кризисов. Важнейшим новообразованием этого возраста является становление рефлексии и самосознания. У подростка формируется потребность понять себя и свой внутренний мир. Он стремится глубже понимать окружающих людей. Однако рефлексия довольно сложное явление, глубина которого определяется многими факторами как внешнего, так и внутреннего характера. Мир подростка зачастую наполнен идеальными переживаниями, которые выносят его за пределы повседневной жизни и реальных взаимоотношений с окружающими. Результаты работы воображения могут приобретать черты фантазий. В результате ему трудно отделить желаемое от действительного. Лейтмотивом его размышлений становятся перспективы будущего, непосредственно касающиеся и его дальнейшей жизни. Известно, что в этом возрасте у подростка формируется так называемое ощущение взрослости: стремление к снижению или полному уходу от контроля со стороны взрослых, а также – получению прав, которые присущи взрослым. Однако, получая права, подросток не всегда в состоянии соотносить их с личной ответственностью за свои поступки. Хорошо известно, что путь взросления часто сопровождается конфликтами, сомнениями и чувством одиночества. Исследователи также фиксируют признаки, которые должны стать поводом для беспокойства взрослых: ребенок плохо учится, отвлекается, ничем не интересуется, но при этом много времени проводит в сети Интер-

нет. Это отклонение так распространено, что, как утверждает Я. И. Гилинский, сегодня уже может считаться нормой [3].

Следует подчеркнуть тот факт, что существенное влияние на ход социального развития современного подростка, его установок, ценностных ориентаций, целевых ориентиров оказывают значимые для него другие люди. И если у младшего школьника авторитетным взрослым выступает учитель, то в подростковом возрасте, референтными субъектами становятся чаще всего сверстники, которые входят в орбиту социального взаимодействия подростка. Однако особенность современной ситуации заключается в том, что в последние десятилетия, как показывают исследования, произошел «перенос» значительной части коммуникативного взаимодействия в сферу виртуальной реальности, которая стала не только средой обитания молодых, но и местом, где транслируются образцы жизни, поведения, отношений, которые могут становиться эталонами для подражания.

Рольевой моделью в Интернет пространстве для многих подростков выступают блогеры. Как правило, это люди, создающие определенный контент в социальных сетях, рассказывающие о своей жизни, буднях, хобби и так далее. Блогинг сегодня стал разновидностью деятельности, которая может приносить неплохой доход. Это обстоятельство очень привлекает молодежь. Интернет переполнен курсами, уроками по обучению блогингу. Реклама свидетельствует о блогинге как о довольно легком способе заработка, поэтому многие подростки мечтают о блогерстве как о профессиональном будущем. Тематика блогинга самая разная. Например, Лайфстайл – трансляция «живого» контента, публикация бытовой рутинной притягивает молодежную аудиторию. Или блогинг, посвященный развлечениям, как утверждает аналитиками, эффективно работает на детскую аудиторию. Блогеры, имеющие лояльную аудиторию и авторитет, который, часто определяется числом подписчиков, являются лидерами мнений. Советы, рекомендации,

личные истории инфлюенсеров, формируют взгляды, установки и поведение подростковой аудитории. Нишевые блогеры обосновались на таких платформах, как Instagram, Telegram, TikTok и др. Исследования, посвященные блогерству в России, показывают, что привлекательность многих инфлюенсеров для подростков определяется не только незамысловатостью контента, но эмоциональностью, развлекательностью размещаемого материала (юмор, мемы, смешные истории и так далее). Интересно, что подростки среди распространенных и значимых качеств блогеров отмечают искренность, спонтанность, непредсказуемость [10]. Таким образом, привлекательность Интернет контента и вовлеченность подростков в Интернет пространство позволяет определить его как место цифровой социализации молодежи. Это поле циркуляции информационных потоков самой разной направленности, где подросток познает и усваивает ценностный, смысловой контент, а также присваивает транслируемые образцы как правила отношения к миру, к себе, к другим. Интернет пространство – место удовлетворения базовой потребности человека в коммуникации, которая способна приобретать самые причудливые, а иногда

и извращенные, девиантные формы межличностного взаимодействия. Одна из них – киберагрессия.

Проявление агрессивного поведения в подростковом возрасте, в психологии всегда определялось как проявление отклоняющегося поведения в плоскости отношений «Я-другой». Зачастую агрессия и жестокость служат средством поднятия собственного престижа в группе. Причин такого вида проявления девиаций много: эмоционально-волевая неустойчивость, социальная незрелость, неспособность верно отобрать способы самоактуализации, самоутверждения. В этом возрасте растущий человек пытается отстоять свои границы, но не всегда понимает социальные ограничения во взаимоотношениях, в лучшем случае, не «видит» начала личностных границ другого человека, а в худшем – намеренно их нарушает, тем самым самоутверждаясь и демонстрируя свое превосходство. Однако киберагрессивные формы поведения человека в цифровом пространстве имеют особенности не только по содержанию, но и по форме и характеру проявления. Так, демонстрируя различные формы агрессивного поведения в реальном межличностном взаимодействии, индивид – так или иначе – обнаруживает себя.

Наименование формы киберагрессии	Содержание киберагрессии
Happy Slapping (хеппислепинг)	распространение ложной информации, травля при помощи видео фиксации на различных интернет ресурсах
Секстинг	распространение сообщений интимного содержания
Аутинг	распространение личной информации жертвы без её согласия
Фрейпинг	использование чужой учетной записи и рассылка с профиля нежелательной информации от имени жертвы
Клевета	распространение фейковых материалов, порочащих репутацию человека
Кибербуллинг	агрессивные действия в отношении жертвы в цифровой коммуникации
Хейтинг	сообщения негативного характера в адрес конкретного человека
Троллинг	сообщения, цель которых вызвать конфликт или негативную эмоциональную реакцию
Флейминг	публичные оскорбления и эмоциональный обмен репликами в Интернете между участниками в равных позициях

Таблица 1. Формы проявления киберагрессии

Особенность же агрессивного поведения в условиях цифрового пространства заключается в том, что киберагрессор, чаще всего, не «предъявляет» себя, скрываясь под маской nickname (англ. кличка, прозвище, псевдоним). И таким злоумышленником может оказаться одноклассник, человек, с которым живешь по соседству и так далее [8].

Представим некоторые формы проявления девиаций в цифровом пространстве в таблице 1.

Новые формы проявлений девиаций появились не только в сети Интернет, но и в офлайн пространстве, то есть без подключения пользователя к сети Интернет.

Так, среди подростков в настоящее время получило распространение такое явление как хеппислепинг (англ. *радостное избиение*). Злоумышленник безо всякой причины нападает на прохожего и избивает его, после чего убегает. При этом есть наблюдающий, который записывает происходящее на камеру и затем выкладывает в сеть.

Еще один современный вид девиантного поведения представляет шоплифтинг – хищение товара в магазине. Причем, это явление не всегда связано с недостатком денежных средств для покупки нужных вещей. Среди причин шоплифтинга исследователи называют получение определенной дозы адреналина.

Интересен факт перехода этой девиации из реальной в виртуальную плоскость. Так, многие шоплифтеры, накопив определенный опыт, приступают к обучению «начинающих» приемам воровства из магазинов. Они создают свои сайты (чаты), где транслируют практику шоплифтинга.

Итак, определяющим общий ход развития подростков является межличностное общение как ведущий вид деятельности. Однако учение для подростка также выступает важнейшим видом деятельности, который реализуется в условиях образовательной среды школы. Она, как многогранный феномен, включает в себя совокупность условий, процессов, направленных на развитие и реализацию личностного потенциала обучающе-

гося. Образовательная среда включает в себя предметные, социальные, культурные, психологические аспекты и фактически выступает мощным ресурсом, который во многом определяет суть педагогического процесса как в широком, так и в узком смысле слова.

Важнейшей характеристикой образовательной среды выступает гибкость, которая проявляется через ее способность адаптироваться к изменяющимся условиям и потребностям современного мира. В эпоху глобализации и цифровизации образовательная среда, наряду с традиционными компонентами, включает в себя использование всевозможных виртуальных платформ, онлайн-ресурсов, цифровых технологий, которые расширяют возможности – как для обучения, так и для саморазвития обучающихся при сохранении гуманистической направленности образования, в основе которой уважение к личности. Такая направленность, безусловно, находит отражение в содержании психолого-педагогической работы как в учебных, так и во внеучебных формах деятельности, что, по сути, прямо или косвенно выступает условием профилактики девиантного поведения подростков.

Психолого-педагогическая деятельность по профилактике девиантного поведения подростков в образовательной среде – это целый комплекс мероприятий, цель которых предупредить те или иные формы девиантного поведения подростков. В ходе такой деятельности решаются не только задачи коррекционного, но и образовательного порядка:

- исследование причин девиаций подростков;
- разработка и внедрение программ психолого-педагогического сопровождения;
- педагогическое просвещение родителей, направленное на формирование их педагогической культуры, на обучение методам профилактики девиантного поведения ребенка в семье;
- создание условий для активного вовлечения подростков в социально значи-

- мую деятельность, расширения круга интересов;
- формирование ценностных ориентаций, которые в подростковом возрасте подвергаются существенной трансформации;
- способы противостояния киберагрессии.

Очевидно, что современная система профилактики девиантного поведения среди несовершеннолетних в образовательной среде школы должна опираться на накопленный позитивный опыт и учитывать актуальные запросы общества. В настоящее время в связи с мощными геополитическими сдвигами, событиями международного масштаба необходима как информационная, так и конкретная продуктивная деятельность, ценность которой подростки могли бы осознавать по ходу ее реализации. Очень важный аспект психолого-педагогического сопровождения – это формирование ценностно-смысловой картины мира, осознанности, социальной зрелости подрастающего поколения.

Важнейшим принципом психолого-педагогической деятельности является создание «ситуации успеха», когда каждый подросток может почувствовать свою значимость через включение в интересное для него занятие или через причастность к общему социально значимому делу.

Назовем *виды* психолого-педагогической деятельности по профилактике девиантного поведения подростков:

- *направленные на формирование сознания учащихся*: беседа, дискуссия, анализ конкретных жизненных ситуаций и др. (Подросткам необходимо рассказывать о способах интернет гигиены, о видах киберагрессии, о способах защиты от нее и недопустимости ее реализации; психологическое просвещение подростков поможет избежать, например, психологических травм в ситуации кибербуллинга);
- *направленные на формирование поведения учащихся*: игры, тренинги, работо-

техника (виртуальная и дополненная реальность), арт-терапия, спортивные мероприятия, туристические мероприятия, коллективное творческое дело, волонтерская деятельность, добровольчество и др.

В современном воспитательном контексте у подростков, безусловно, вызовет интерес совместный или предварительный просмотр видео или аудио подкастов с последующим обсуждением. Здесь можно использовать такие российские платформы как, VK музыка, Яндекс музыка, Soud Strem, Podster и др.. Использование соответствующего содержания в разделе «подкасты» позволит подобрать различную информацию дискуссионного характера.

Мощным воспитательным потенциалом обладает, например, арт-терапия в рамках занятий, наполненных той или иной художественной деятельностью (рисование, театральная, музыкальная, танцевальная), безусловно, способствует развитию эмоциональной сферы подростка, снижению тревожности, формированию навыков самовыражения и социальной коммуникации. Художественная деятельность позволяет развивать эмоциональный интеллект как способность человека распознавать и понимать собственное эмоциональное состояние и эмоциональное состояние другого, умение управлять собственными эмоциональными реакциями. Развитие этой способности трудно переоценить для современного человека.

Образовательные VR-приложения содержат невероятные возможности для познания и развития социальных компетенций. Они, например, позволяют путешествовать по человеческому телу, изучая анатомию изнутри; становиться участниками исторических событий; исследовать космос или погружаться в глубины океана. Робототехника, с использованием средств создания виртуальной и дополненной реальности, позволяет создавать такую среду для исследования мира, которая стимулирует развитие не только познавательных интересов, социальной ориентации, но и эмоциональной отзывчивости личности.

И все-таки, когда речь идет о профилактике девиантного поведения, необходимо понимать значение работы с подростками в реальном мире. Очень важно создавать условия для расширения возможностей по реальному взаимодействию, совместной командной работе, живому общению. Очень важно раскрывать ценность таких явлений как дружба, взаимовыручка, поддержка и так далее.

И в этом ряду средств преодоления девиантности трудно переоценить значение туризма для личностного развития подростка. Этот вид деятельности не только физически закаляет, учит преодолевать трудности, развивает волевые качества, но и укрепляет групповую сплоченность, формирует нравственные позиции личности.

Особое звучание сегодня приобретает такой вид деятельности как волонтерство, добровольчество. Включение подростков в значимые социальные события государственного масштаба обладает невероятно мощным воспитательным потенциалом. Подростки приобщаются, например, к сбору гуманитарной помощи для людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию. Волонтерство чаще всего предполагает командную работу, распределение обязанностей, а это значит, что оказавшись перед ситуацией, когда необходимо взять ответственности на себя, человек вынужден сделать осознанный выбор. Именно поэтому такая деятельность способствует развитию эмпатии и пониманию чужих трудностей; повышению самооценки и уверенности в себе; осознанию социальной ответственности и развитию лидерских качеств. Другими словами, волонтерская деятельность способствует не только раскрытию потенциала личности, но и выступает профилактикой девиантного поведения подростков.

Важнейшим направлением психолого-педагогической деятельности является просвещение родителей. Не секрет, что в настоящее время в школу пришло поколение родителей, чье детство пришлось на трудные 90-е и нулевые годы начала XXI века, когда воспитание было «выведено» за скобки пе-

дагогической деятельности образовательных учреждений.

К традиционным средствам, которые использует современная школа, остаются родительские собрания, мастер-классы, консультации. Однако важнейшим средством и условием профилактической деятельности девиантного поведения подростков является вовлечение родителей в совместную с подростками деятельность. Содержание совместной деятельности может быть самое разное: это и совместная подготовка к школьным праздникам и спортивным мероприятиям, и туристические походы или участие всей семьи в волонтерской деятельности и др. Именно совместная деятельность позволяет создать атмосферу доверия между родителями и подростками.

В программу просвещения родителей и необходимо включить мероприятия, связанные с профилактикой и противостоянием киберагрессии. Здесь должно быть разъяснение о цифровой гигиене, о способах недопущения утечки в сеть информации личного характера, а также – о способах поведения в случае, когда подросток уже оказался жертвой киберагрессии. Родителям необходимо разъяснить опасность игнорирования проблем подростка и необычного психоэмоционального состояния. Они должны знать о признаках, свидетельствующих о том, что ребенок подвергается киберагрессии: это и повышенная раздражительность, и необычное изменение его эмоционального состояния, болезненная реакция на звук уведомлений о сообщениях. Это могут быть пропуски занятий в школе или нежелание встречаться с друзьями и др. В любом случае, родители должны понимать, куда они могут обратиться за помощью, если возникли подозрения, что с подростком что-то не так.

Группой студентов Самарского университета под руководством научного руководителя была реализована опытно-экспериментальная работа по профилактике девиантного поведения подростков в образовательной среде школы. Она проводилась

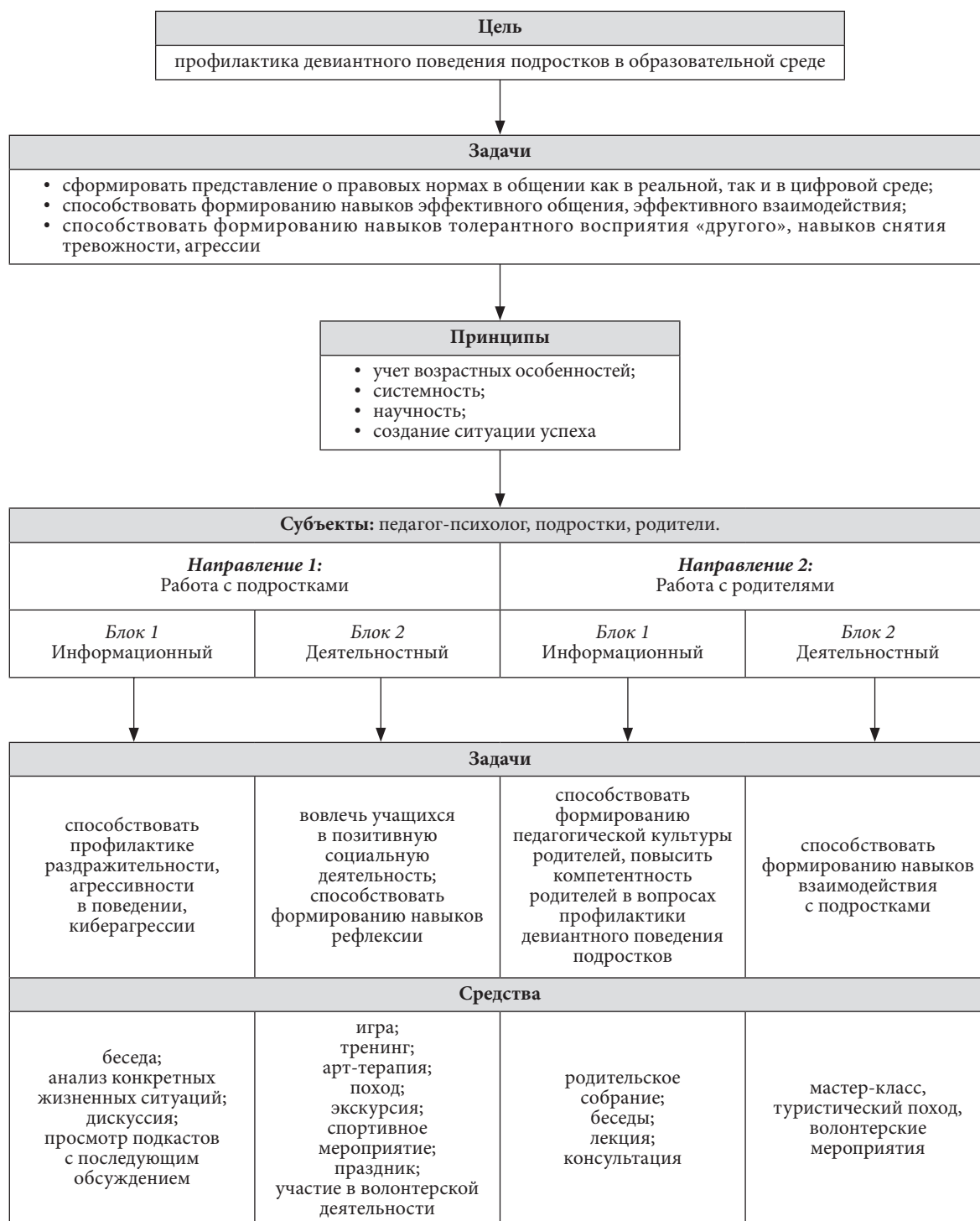

Рисунок 1. Модель профилактики девиантного поведения подростков в образовательной среде школы

на базе ГБОУ СОШ «ОЦ» пос. Поляков. В эксперименте приняло участие 17 подростков 8–9 классов.

Для выявления склонности подростков к девиантному поведению использовался опросник А. Н. Орел [8, с. 8–25].

На основе анализа результатов исследования, полученных в ходе констатирующего этапа эксперимента, была разработана модель и программа психолого-педагогической деятельности, направленная на профилактику отклоняющегося поведения подростков (Рисунок 1.)

Цель программы: профилактика девиантного поведения подростков в образовательной среде.

Задачи программы:

- способствовать выработке адекватных, эффективных и безопасных навыков общения, в том числе, в Интернет пространстве;
- способствовать формированию навыков снятия тревожности, агрессии;
- способствовать предупреждению киберагрессии;
- сформировать представление о правовых нормах в общении.

Программа предназначена для работы с подростками 8–9 классов и представлена 2

направлениями деятельности: работа с подростками и работа с родителями. Занятия с подростками длятся 40 минут, с родителями – 30 минут.

После реализации программы «Твой выбор» была проведена повторная диагностика. Представим результаты сравнительного анализа в таблице 2.

Как видим, по всем показателям произошли положительные изменения, но наибольшие изменения выявлены по шкалам 1 и 4. Так, уменьшилось на 30% количество подростков проявляющих склонность к агрессии, насилию, аддиктивному поведению. Незначительные изменения произошли по шкале 5, то есть количество подростков, проявляющих волевой контроль до работы, составлял 0%, а после реализации программы таких подростков стало 10%.

Таким образом, решение проблемы девиантного поведения подростков нуждается в системном подходе и с учетом современных геополитических и социокультурных реалий.

Психолого-педагогическое сопровождение подростков необходимо осуществлять, используя мощный ресурс как традиционных средств профилактики отклоняющегося поведения подростков, так и цифровых технологий.

Показатели	Склонны (%)		Динамика (%)
	до	после	
1. Шкала склонности к нарушению норм и правил	40	10	30
2. Шкала склонности к аддиктивному поведению	30	10	20
3. Шкала склонности к сомоповреждающему и саморазрушающему поведению	40	20	20
4. Шкала склонности к агрессии и насилию	50	20	30
5. Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	0	10	10
6. Шкала склонности к делинквентному поведению	40	20	20

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа данных констатирующего и формирующего этапов эксперимента

Список литературы

1. Алмазов Б. Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. Москва: Юрайт, 2021. 120 с.
2. Беличева С. А. Основы превентивной психологии. Москва: Консорциум «Социальное здоровье России», 2023. 200 с.
3. Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 12–18.
4. Девиантное поведение: методология и методика исследования. Москва: Реглант, 2018. 196 с.
5. Жадан В. Н. Девиантное поведение несовершеннолетних: формы предупреждения и коррекции // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 73–80.
6. Клейберг Ю. А. Социальная психология девиантного поведения. Москва: Творческий центр «Сфера», 2019. 287 с.
7. Национальный проект «Молодежь и дети». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/914/about/>
8. Орел А. Н. Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению // Программно-методический комплекс дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт». Методическое руководство. Сборник тестов / Сост. Н. В. Дворянчиков, В. В. Делибалт, Е. Г. Дозорцева, М. Г. Дебольский, А. В. Дегтярев, Р. В. Чиркина, А. В. Лаврик. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. С. 8–25
9. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2(38). С. 3–18
10. Спрос на личность: молодежь в России ценит в блогерах искренность и эмоциональность. URL: <https://www.sostav.ru/publication/spros-na-lichnost-sovremennaya-molodezh-v-rossii-tsenit-v-blogerakh-iskrennost-i-emotsionalnost-70378>
11. Южанинов В. С. Современные взгляды на понятие девиантного поведения молодежи и феномен девиации // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 259–263.

*

Поступила в редакцию 19.06.2025

ТРАЕКТОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА: КОНЦЕПЦИЯ «ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ»

УДК 008:364.62-053.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-211-219>

Т. А. Калугина

Челябинский государственный институт культуры,
Челябинск, Российская Федерация,
e-mail: chibrikta@gmail.com

Аннотация. В настоящее время обострилась проблема адаптации пожилых людей. Выбор траектории адаптации людей «третьего возраста» в образовательной среде является актуальным. Пожилые люди, осуществившие данный выбор под влиянием различных факторов, часто в процессе непрерывного обучения проявляют недостаток интереса к традиционным форматам. В данной статье идет речь о социокультурной среде, которая включает в себя информационно-знаковое пространство культуры, мемориальный компонент (память о прошлом), проектируемые локусы (предвосхищение развития социума, его культуры в будущем) и другие. В целом социокультурная образовательная среда фактически определяет вектор социализации и адаптации личности, ее ценностные стратегии. Автор предлагает пути решения адаптационных задач геронтополитики через призму концепции «Образование через всю жизнь» (Lifelong Learning) и предлагает траектории адаптации пожилых людей на современном этапе на основе четырех теорем, предложенных А. Г. Теслиновым.

Ключевые слова: адаптация людей пожилого возраста, траектории адаптации, социокультурная среда, средовый подход, образовательная среда, концепция «Образование через всю жизнь», непрерывное образование, адаптационные задачи геронтополитики.

Для цитирования: Калугина Т. А. Траектории социокультурной адаптации людей пожилого возраста: концепция «Образование через всю жизнь» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 211–219. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-211-219>

TRAJECTORIES OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF ELDERLY PEOPLE: THE CONCEPT OF «LIFELONG LEARNING»

Tatiana A. Kalugina

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russian Federation,
e-mail: chibrikta@gmail.com

КАЛУГИНА ТАТЬЯНА АРКАДЬЕВНА – соискатель кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры,

KALUGINA TATIANA ARKADYEVNA – applicant at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture

© Калугина Т. А., 2025

Abstract. Currently, the problem of adaptation of elderly people has become more acute. The choice of the trajectory of adaptation of people of the “third age” in the educational environment is relevant. Elderly people who have made this choice under the influence of various factors, often show a lack of interest in traditional formats in the process of continuous learning. This article discusses the socio-cultural environment, which includes the information and symbolic space of culture, the memorial component (memory of the past), projected loci (anticipation of the development of society, its culture in the future) and others. In general, the socio-cultural educational environment actually determines the vector of socialization and adaptation of the individual, its value strategies. The author suggests ways to solve the adaptation problems of gerontopolitics, through the prism of the Lifelong Learning Concept and suggests trajectories of adaptation of elderly people at the present stage based on four theorems proposed by A. G. Teslinov.

Keywords: adaptation of elderly people, adaptation trajectories, socio-cultural environment, environmental approach, educational environment, Lifelong Learning Concept, continuous education, adaptation tasks of gerontopolitics.

For citation: Kalugina T. A. Trajectories of Socio-Cultural Adaptation of Elderly People: the Concept of «Lifelong Learning». *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 211–219. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-211-219>

Введение

Особую актуальность в свете интенсивного развития культуры XXI века приобретают исследования, связанные с поиском эффективных стратегий адаптации пожилого человека в новых социально-экономических технологических и информационных реалиях. Эта адаптация оценивается не столько в терминах «приспособления», сколько – нахождения возможностей раскрытия творческого потенциала пожилого человека как через индивидуальные усилия [6], так и с помощью целенаправленной культурной политики государства и соответствующих институций [10].

Важно подчеркнуть, что именно в дисциплинарном поле культурологии видится исследователям [14] интегративная платформа осмысления и последующего решения многих актуальных проблем, связанных с гармоничным развитием «третьего возраста».

С чем может быть связан этот приоритет культурологического вектора исследований? Помимо очевидного учета антидискриминационных социокультурных трендов в отношении различных возрастных групп (и как следствие – гуманизации коммуникаций и контактов в обществе), «третий возраст» выступает еще и значимым, но не в полной

мере реализованным потенциалом сущностных сил (в трактовке Л. Н. Когана), направленных на активную деятельность по преобразованию современной культурной среды. Культурная среда интерпретируется как комплекс условий, взаимосвязанность явлений и предметов, содействующих оптимальному достижению человеческого труда и образует, по мысли В. М. Межуева, предметно-выраженную модель культуры, осуществляемую через опыт, интерес и возможности поколений [9]. Важен здесь учет ценностного аспекта – то, что М. С. Каган определял, как аксиосфера культуры [7]. В концепции М. С. Кагана это ценностно-смысловое поле формируется во многом через специализированные образовательные технологии.

Нам представляется, что именно траектории адаптации людей пожилого возраста в образовательной среде можно рассматривать в качестве определяющего условия данного процесса. Достигается эта приоритетность за счет использования обновленной информации (созвучной векторам функционирования современной культурной среды), интенсивного погружения в процесс поиска данных и решения творческих задач, общего понимания необходимости быть «в тренде» актуальных процессов культуры XXI века.

Вместе с тем очевидны и трудности адаптации людей пожилого возраста, связанные с физическими возможностями (утомляемость, болезни) и психологическими ограничениями (неуверенность, тревожность, страхи и т. д.), социальной изоляцией от актуальных процессов, прежде всего – технологический разрыв, влияющий на усвоение способов и форм адаптации. Однако эти реалии современной культуры обусловили и усиление имиджевых и социальных позиций концепции непрерывного обучения или Lifelong Learning – как актуального социокультурного тренда.

На протяжении своей жизни люди стараются приумножить свои знания, умения, владения, и все это объединилось в понятия «образование на протяжении всей жизни» или «обучение на протяжении всей жизни».

Е. С. Лапшова отмечает, что в обучении людей пожилого возраста важна идея непрерывного образования и считает его «прагматическим, обусловленным именно процессами, определяющими содержание социокультурной среды: ускорение и динамика, помимо обновления, порождают нестабильность и риск, а отсюда – личная и социальная дезориентация людей, тем более – пожилого возраста, ощущающих несинхронность собственной подготовки наличествующим переменам. Период обязательного школьного обучения, подготавливающий людей к жизни, недостаточен для выполнения этих задач, поэтому обучение должно быть пожизненным для всех – отсюда призыв движения к институционализации непрерывного образования» [8].

Изменения, происходящие в мире в последней четверти XX века и первой четверти XXI века, не находят в андрагогике принципиально новых предложений для развития пожилых обучающихся. А. Г. Теслинов отмечает, что андрагогика с самого начала была нацелена на помощь в освоении социокультурного опыта пожилыми людьми. Ученый отметил, что современная педагогика стремится преодолеть слабость своих методов обучения и развития детей, в связи с чем изучает новые образовательные подходы, однако

в андрагогике образование и обучение все еще остаются неразличимы [11].

А. А. Вербицкий, Н. А. Рыбакина предлагают отказаться от рассмотрения пожилого человека как «обучаемого», усваивающего образцы прошлого и уже нередко неактуального опыта, так называемых «информационных консервов». И если «обучающийся» не видит ситуаций будущего практического применения образцов, то они не способны сформировать его личностный смысл в жизни. Наряду с этим непрерывное образование не подразумевает пренебрежение опытом и знаниями, адекватными для современного дня. Авторы выстраивают такой пространственно-временной контекст в познавательной деятельности пожилых, как «прошлое – настоящее – будущее», который задает смысл образовательной деятельности в системе непрерывного образования [3].

Е. С. Лапшова, В. В. Левченко отмечают, что во многих странах мира прослеживается снижение интереса к вопросу реализации образования взрослых как вида отдельного образования. Авторы ссылаются на выявленное расхождение между профессиональным образованием и образованием пожилых, что впоследствии привело к акценту на непрерывное образование взрослых [8].

Постоянное самообразование, как идея приобретения знаний в течение жизни, существовала ещё в Древней Греции. Социальные и технологические перемены в середине XX века привели в итоге к разработке концепции «Обучение через всю жизнь». Современная формулировка концепции появилась значительно позже. Термин «Lifelong Learning» стал широко использоваться во второй половине XX века, в эпоху трансформации общества в постиндустриальное информационное общество. Официально концепция получила широкое распространение в 1970-х годах прошлого столетия благодаря ЮНЕСКО. Основываясь на понимании устаревания профессиональных навыков и необходимости обновления компетенций, были сформулированы основные принципы постоянного

образования, направленные на обеспечение доступности качественного образования на протяжении всей жизни человека.

**«Обучение через всю жизнь»:
концептуальные аспекты
разработки и реализации**

Концепция «Обучение через всю жизнь» (или Lifelong Learning) вызвала значительный резонанс в мировом сообществе и послужила отправной точкой для формирования новой парадигмы в области образования и профессиональной подготовки. Организация Объединённых Наций (ООН) поощряла включение концепции в национальные стратегии устойчивого развития. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) разработала руководство по сохранению здоровья и активного долголетия, тесно увязанное с постоянным образованием (см. таблицу 1).

Одним из ключевых документов, закрепивших концепцию «Обучение через всю жизнь», стала рекомендация ЮНЕСКО «О развитии взрослых», принятая в 1976 году. Она подчеркнула необходимость разработки политики, направленной на стимулирование образовательного процесса на всех этапах жизненного пути человека. Концепция начала приобретать официальный статус именно благодаря работе Организации Объединённых Наций, которая обратилась к вопросам образования, науки и культуры. Уже в 1972 году появился отчёт «Учиться жить вместе» (фр.: Apprendre à être), написанный комиссией под руководством французского педагога Эдгара Форэ (Edgar Faure). Этот документ заложил основы концепции постоянного обучения, подчеркнув необходимость обучения на протяжении всей жизни, а не только в юности.

Страны	Реализация идей концепции «Обучение через всю жизнь» (Lifelong Learning)
Евросоюз	Принял инициативу создания программы LLP (Lifelong Learning Programme), целью которой было содействие постоянному обучению граждан ЕС. Программа охватывала четыре направления: школьное образование, профессиональное обучение, высшее образование и обучение взрослых. После завершения программы LLP в 2013 году ей на смену пришла инициатива Erasmus+, продолжающая традицию поддержки образования на протяжении всей жизни.
Северная Америка	Специалисты обратили внимание на рост популярности онлайн-образования и дистанционных курсов. Университеты стали предлагать специальные программы повышения квалификации и переквалификации для взрослых студентов, стремящихся обновить свои компетенции в быстро меняющихся экономических реалиях.
Восточно-азиатские страны	Продемонстрировали интерес к концепции через модернизацию своих образовательных систем. Китай запустил национальную стратегию по развитию профессионального образования и профессиональному тренингу для рабочих разного возраста. Япония создала сеть университетов третьего возраста, предлагающих курсы для пожилых людей, что способствует социальной активности и предотвращает когнитивное снижение.
Индия	Включила идею пожизненного обучения в свою политику повышения человеческого капитала, развивая систему массовых открытых онлайн-курсов (MOOCs).
Бразилия	Сосредоточилась на подготовке учителей, способных проводить эффективное обучение взрослых и детей младшего школьного возраста.
Россия	Нормативно закреплено понятие непрерывного образования, которое обеспечивает возможность реализации права граждан на образование в течение всей жизни, увеличение доли граждан старшего поколения, участвующих в различных формах и видах образовательной деятельности, приводит к минимизации издержек, связанных с наступлением «третьего возраста» человека, обеспечивая ему здоровую и активную жизнь в период старения.

Таблица 1

Мадридский международный план действий по вопросам старения (Madrid International Plan of Action on Ageing, МІРАА) был принят ООН в апреле 2002 года. Этот документ представляет собой комплекс мер и рекомендаций, улучшающих жизнь пожилых людей во всём мире.

Международный план действий по проблемам старения на 2002 год определил, в том числе, важность формирования возможностей для совершенствования индивидуальных способностей пожилых, воплощения творческого потенциала и гарантированного благосостояния на протяжении жизни, а также в старости, посредством обеспечения обучения.

В настоящее время доступ к образованию и профессиональной подготовке и переподготовке является одним из условий обеспечения занятости пожилых людей, которое гарантирует равенство в плане возможностей, использования потенциала, имеющихся знаний и признания опыта.

Если речь идет о развитии социокультурной среды, способствующей реализации данной цели, нам видится необходимым ряд конкретных действий:

- в области образования рассмотреть меры для использования возможностей и накопленных знаний пожилых;
- использовать новые образовательные технологии, создающие возможность обмена между разными поколениями знанием и опытом;
- предоставить пожилым людям возможность осуществлять функции наставников, посредников и советчиков;
- привлекать пожилых людей, освоивших информационные технологии, к передаче своих знаний своим сверстникам;
- использовать социально-культурный потенциал пожилых людей.

Современное использование формулировки «Образование через всю жизнь» предполагает многообразие форм обучения – от официальных академических курсов до неформальных способов саморазвития

и информационного потребления. Сегодня концепция охватывает различные уровни и формы образования, включая формальные (школы, университеты), неформальные (семинары, мастер-классы) и информационные ресурсы (онлайн-курсы). Особое внимание уделяется обучению взрослого населения, учитываются изменения на рынке труда и стремительное развитие технологий.

Однако, в контексте культурологического исследования, для нас важна не столько образовательная составляющая данного процесса (избираемые методики работы с аудиторией, содержание обучения), сколько обеспечение оптимального социокультурного потенциала реализации пожилых людей в пространстве современной культуры.

Вот что, на наш взгляд, в буквальном смысле «работает» на решение адаптационных задач геронтополитики как части культурной политики обществ:

- **поддержка психоэмоционального состояния людей, укрепление когнитивных функций:** обучение помогает предотвратить чувство одиночества, снижает риск депрессии и улучшает качество жизни. Пожилые люди сохраняют ясность ума, память и внимание благодаря регулярному обучению и интеллектуальной нагрузке. (М. В. Ермолаева, Д. В. Лубовский [5] отметили, что процесс обучения пожилых людей направлен не только на освоение новых знаний и навыков, а создает условия для противостояния инволюционным процессам и обретает важное психотерапевтическое действие).
- **адаптация к современным технологиям:** освоение цифровых технологий позволяет пенсионерам активно пользоваться современными устройствами, общаться с близкими и получать необходимую информацию (Е. В. Грохотова отмечает, что обучение основам компьютерной грамотности людей третьего воз-

- раста выполняет важную социальную функцию: позволяет пожилым людям своевременно реагировать на происходящие изменения и ориентироваться в современном мире, способствует смягчению социальной и психологической напряженности, укрепляет веру в себя [4]. Образовательные программы для пожилых людей должны быть направлены на повышение уровня социального благополучия, адаптации к внутренним и внешним изменениям, предотвращая негативные последствия сложного периода).
- полноценная **социальная интеграция и профессиональная самореализация**: участие в учебных мероприятиях расширяет социальные контакты, создает условия для общения и обмена опытом между людьми разных возрастов; возможность освоить новую профессию или повысить квалификацию открывает перспективы трудоустройства и занятости среди старшего поколения. (М. О. Шепель, исследовавший микроквалификационные программы в системе образования в России, подчеркнул, что возможность обучения взрослых влияет на рынок труда. Микроквалификация – это набор узкоспециализированных навыков, позволяющих выполнять отдельные трудовые функции, не зависящих от профильного документа об образовании [15]. Программы повторного обучения помогли людям изменить профессию или сферу деятельности, открывая новые перспективы для личного и профессионального роста. Непрерывное обучение положительно сказывается на ментальном и физическом здоровье, укрепляя устойчивость населения к стрессовым ситуациям. Постоянное обновление знаний и навыков позволяет работникам быстрее адаптиро-

ваться к изменениям на рынке труда, сокращая риски безработицы и потери позиций. Компании получили квалифицированных сотрудников, способных решать нестандартные задачи и оперативно реагировать на изменения бизнес-процессов)

- **эффективное взаимодействие с миром**: образовательный процесс для пожилых людей должен быть организован с учетом мудрости пожилого человека, описанной Ж. Смитом и П. Балтесом [17]; с опорой на умение принимать во внимание прошлые, настоящие и будущие обстоятельства, вызвавшие жизненную задачу; с учетом социоисторических, возрастных и иных контекстов, принимая во внимание субъективность ценностей и неконкретность жизни. (М. В. Ермолаева указывает, что в процессе обсуждения получаемых сведений пожилой человек обретает возможность «прожить» различные жизненные роли, осознавая себя в незнакомой ситуации, пробовать реализовать стремление к плодотворной перемене своей жизни, оценить в положительном ракурсе накопленный жизненный опыт. Все это формирует уверенную позицию в осуществлении своих новых мотивов [5])

Ю. В. Якимова, А. Ю. Винокуров, Л. А. Гуринович, изучая развитие социальных и технологических изменений общества, отмечают, что ведущей целью в обучении лиц пожилого возраста выступает совершенствование личности для эффективного и активного участия в коллективной жизни [16].

Однако реализация концепции сталкивается с серьезными трудностями, такими как дефицит финансовых средств, низкая мотивация учащихся и несоответствие требований работодателей содержанию образовательных программ. Решение этих проблем потребует совместных усилий государства, бизнеса и гражданского общества.

Концепция «Образование через всю жизнь» встречает ряд серьезных трудностей и проблем при практической реализации:

1. отсутствие финансовой поддержки;
2. ограниченные ресурсы образовательных учреждений;
3. низкий уровень мотивации взрослых;
4. образовательные программы не учитывают особенности взрослой аудитории, специфики их потребностей и предпочтений.
5. быстрое развитие информационных технологий усложняет возможность своевременного усвоения нововведений большинством пользователей;
6. на рынке труда работодатели предъявляют завышенные требования к соискателям, вынуждая последних вновь проходить длительные курсы повышения квалификации.

Иной взгляд на выбор стратегий адаптации пожилых людей через образование представляет А. Г. Теслинов. Проведя анализ научной риторики в образовании взрослых людей, ученый раскрыл причины и выявил проблемы образовательной деятельности в ряде идей-теорем. Значимым для нашего исследования является выдвижение автором идеи о взрослом человеке в образовании как о носителе развивающейся культуры.

1. Теорема «взрослости». *Взрослое состояние человека тождественно состоянию субъекта деятельности, состоявшегося в конкретной культуре.* Одним из основных моментов деятельности взрослого является развивающее преобразование опыта. Самостоятельность выбора взрослого человека дает возможность выбора направления в совершенствовании себя и мира. В таком случае объектом развивающих направлений становится «самость», целью – ее возрастание. И результатом такой деятельности людей становится новое состояние культуры, а не трансляция ее канонов [1]. Таким образом, пожилой человек в образовании предстает как состоявшийся в культуре субъект деятельности. Траектория адаптации состоит

в использовании данного вектора.

2. Вторая траектория формулируется на основе *теоремы «изживания»*. *Развитием взрослых через образование является процесс целостного изживания себя прошлого с нарастанием потенциала живучести.* Фундаментальными направлениями развивающих трансформаций общественных целостностей являются: индивидуальное «Я» (развитие сознания, мышления); коллективное «Мы» (увеличение форм социальных отношений) [2]; совместно-деятельностное «Это» (формирование продуктов деятельности) [13]. Ориентированное на развитие, образование способствует формированию новых взаимоотношений одновременно по всем этим направлениям, увеличивая способы повышения жизнеспособности общества. Учитываются все направления целостного существования пожилых людей (индивидуальное – коллективное – совместно-деятельностное) при разработке образовательных программ. Таким образом, развитие пожилых через образование становится процессом окончательного изживания самих себя прошлых и наращиванием нового потенциала жизнеспособности.

3. Теорема «культуры». *Взрослый человек в образовании есть развивающаяся культура.* Взрослые люди в реализации своих тех или иных смыслов, имеют возможность самостоятельно осуществлять переходы между состояниями культуры, отражая индивидуальную манеру выполнения этих переходов. Таким образом получается, что развивая взрослого человека посредством образования, мы способствуем культуре в ее развитии.

4. Теорема «трех субъектов». *Существование развивающего образования взрослых состоит во вспоможении развитию в них трех различных субъектов с нарастающей мощностью их позиций.* «Условия развития культуры выполняются в полной мере лишь при исполнении «трех главных ролей» взрослого человека – трех его субъектных позиций: взрослый как субъект образования: он способен на сознательный выбор пути в образовании; взрослый как субъект развития: он

способен на создание всей цепочки своих сознательных выборов, по которой выстраивает путь изживания себя прежнего; взрослый как субъект культуры: он способен на сознательный выбор пути в развитии культуры, «пропуская» через себя ее непрерывный поток и перенаправляя его в сторону увеличения жизненных сил, отвечая за будущее человечества» [11, с. 149].

А. Г. Теслинов сформулировал новую цель образования взрослых: выращивание субъектов трех типов – субъекта образования, субъекта развития, субъекта культуры. Таким образом, теряет смысл образование, деятельностью которого является заполнение форм «незнаний», «неумений», «ненавыков». «Образование как «культурное образцевание» изживет себя и станет «культурным проращиванием», то есть деятельностью, отправляющей в будущее идеалы культуры с повышенной жизненной силой и прокладывающей пути к этим идеалам. Человек в подобной деятельности будет выступать не как незаполненная матрица компетентности, ориентированная на соответствие уже существующим, кем-то созданным практикам, а как развивающая себя культура» [12, с. 94].

Заключение

Таким образом, мы можем говорить о трех ключевых траекториях социокультурной адаптации людей «третьего возраста», реализующихся последовательно: *траектория актуального обновления* (погружение в образовательный процесс), *траектория субъектного самоопределения* (выработка на основе полученной информации оптимальных адаптационных моделей) и *траектория ценностно-преобразующего влияния* на культурную среду (реализация полученных знаний, умений и навыков).

На наш взгляд, способность взрослых людей свободно и самостоятельно выбирать курс своего совершенствования является базовым требованием для всесторонней и целенаправленной причастности их в развитии культуры. Для создания общества, функционирующего на основе концепций «знаниевой культуры», «информационной культуры», «интеллектуальной постиндустриальной культуры» возникает необходимость в разработке стратегий, которые обеспечивали бы доступ к образованию и профессиональной подготовке человека на протяжении всей жизни.

Список литературы

1. Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. 728 с.
2. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. Москва: Наука, 1994. 400 с.
3. Вербицкий А. А. О системе, процессе и результате непрерывного образования // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 47–54.
4. Грохотова Е. В. Обучение основам компьютерной грамотности людей третьего возраста: проблемы и пути решения // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2018. № 2(4). С. 42–48.
5. Ермолаева М. В. Изменения внутренней позиции людей зрелого возраста в процессе обучения // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. № 1 (41). С. 109–117.
6. Иванов В. Н. Феномен старости // Социологические исследования. 2017. № 11 (403). С. 164–170.
7. Каган М. С. Философская теория ценностей: монография. Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. 205 с.
8. Лапишова Е. С. От «образования для взрослых» к «обучению на протяжении всей жизни» // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68–2. С. 199–202.
9. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. Москва: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

10. Овсянникова Н. В. Общественные представления о старости в пространстве культуры // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7–2 (49). С. 150–153.
11. Теслинов А. Г. Андрагогика развития: базисные теоремы // Образование и наука. 2016. № 4 (133). С. 134–154.
12. Теслинов А. Г. Обоснование признаков образовательной парадигмы ближайшего будущего. Культурологический контекст / А. Г. Теслинов // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16, № 3. С. 83–99.
13. Уилбер К. Краткая история всего / пер с англ. С. В. Зубкова. Москва: АСТ; Астрель, 2006. 476 с.
14. Шааб К. С. Интенция мышления человека и экзистенциальный смысл старости как итоговый этап долголетия // Аналитика культурологии. 2011. № 2 (20). С. 175–183.
15. Шепель М. О. Микроквалификационные программы в университетах: новая образовательная траектория для обучения взрослого населения // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 11. С. 29–55.
16. Якимова Ю. В. Проект для обучения взрослых «как идти в ногу со временем и не отстать от жизни» как маркер особенностей непрерывного образования пожилых людей // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. № S4. С. 854–861.
17. Knowles M. S. The Adult Learner: A Neglected Species / M. S. Knowles. Houston, 1973.

*

Поступила в редакцию 30.05.2025

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ И СПОРТ

УДК 796.799

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-220-228>

Н. А. Караваяцкая

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: ichnata@mail.ru

М. В. Стеценко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: volvenkina-ev@yandex.ru

И. В. Борисова

Государственный университет просвещения,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: irisha.borisova.62@internet.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям использования технологий в спорте. Технологии применяются во всех сферах жизни, в том числе и в неотделимой части культуры – в физической культуре и спорте. История использования технологий в спорте многогранна, поэтому одна из основных задач образования – изучать технологии, ища пути их применения на занятиях, в том числе и по физической культуре. Цель представленного в статье исследования – выявление преимуществ и недостатков технологий, рассмотрение перспективы их дальнейшего развития и внедрения в спортивную практику. Такие задачи исследования, как изучение теоретических основ и истории развития технологий в спорте, определение видов и составление классификации современных технологий помогли выявить основные проблемы и перспективы интеграции технологий в тренировочный процесс занятий физической культурой и спортом. Автор приходит к выводу, что своевременная адаптация тренеров и преподавателей

КАРАВАЦКАЯ НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Московский государственный институт культуры

СТЕЦЕНКО МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ – доцент кафедры физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Московский государственный институт культуры

БОРИСОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, Государственный университет просвещения

KARAVATSKAYA NATALIA ALEKSANDROVNA – CSc in Pedagogy, Head of the Department of Physical Education and Life Safety, Moscow State Institute of Culture

STETSENKO MIKHAIL VASILIEVICH – Associate Professor at the Department of Physical Education and Life Safety, Moscow State Institute of Culture

BORISOVA IRINA VLADIMIROVNA – CSc in Pedagogy, Associate Professor, State University of Education

© Караваяцкая Н. А., Стеценко М. В., Борисова И. В., 2025

к современным технологиям становится одним из ключевых условий повышения конкурентоспособности отечественного спорта и воспитания здорового и активного поколения.

Ключевые слова: современные технологии, физическая культура, спорт, тренировочный процесс.

Для цитирования: Каравацкая Н. А., Стеценко М. В., Борисова И. В. Анализ влияния современных технологий на физическую культуру и спорт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №4 (126). С. 220–228. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-220-228>

ANALYSIS OF THE IMPACT OF MODERN TECHNOLOGY ON PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Natalia A. Karavatskaya

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: ichnata@mail.ru

Mikhail V. Stetsenko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: volvenkina-ev@yandex.ru

Irina V. Borisova

State University of Education,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: irisha.borisova.62@internet.ru

Abstract. The article is devoted to the features of using technologies in sports. Technologies are used in all spheres of life, including an integral part of culture - physical education and sports. The history of using technologies in sports is multifaceted. Therefore, one of the main tasks of education is to study technologies, looking for ways to use them in classes, including physical education. The purpose of the study presented in the article is to identify the advantages and disadvantages of technologies, consider the prospects for further development and implementation in sports practice. Such research objectives as studying the theoretical foundations and history of the development of technologies in sports, determining the types and compiling a classification of modern technologies helped to identify the main problems and prospects for integrating technologies into the training process of physical education and sports. The author concludes that timely adaptation of coaches and teachers to modern technologies is becoming one of the key conditions for increasing the competitiveness of domestic sports and raising a healthy and active generation.

Keywords: modern technologies, physical culture, sports, and training processes.

For citation: Karavatskaya N. A., Stetsenko M. V., Borisova I. V. Analysis of the Impact of Modern Technology on Physical Culture and Sports. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 4 (126), pp. 220–228. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-220-228>

Технологии затрагивают все сферы жизни общества, включая культуру и ее подразделы – физическую культуру и спорт. Развитие диагностического оборудования, создание специализированных программ для анализа тренировок,

использование носимых устройств виртуальной и дополненной реальности и инновационные методы восстановления позволяют значительно улучшить качество тренировочного процесса, индивидуализировать нагрузки и минимизи-

ровать риск травматизма. Однако столь стремительное развитие технологии порождает не только новые возможности, но и ряд проблем, связанных с их доступностью и необходимостью переобучения специалистов.

Цель исследования: проанализировать влияние современных технологий на тренировочный процесс в спорте, выявить их основные преимущества и недостатки и рассмотреть перспективы дальнейшего развития и внедрения в спортивную практику.

Задачи исследования:

- изучить теоретические основы и историю развития технологий в спорте;
- рассмотреть виды современных технологий, применяемых в тренировочном процессе;
- определить основные проблемы и перспективы интеграции технологий в тренировочный процесс.

Для достижения цели и решения поставленных задач использованы методы анализа научной литературы, обобщения практического опыта и рассмотрения конкретных примеров внедрения технологий в спорт и физическую культуру.

Теоретические основы и история развития спортивных технологий

Для полноценного анализа влияния технологий на тренировочный процесс нужно определить основные термины, используемые в данной работе, – «технологии в спорте» и «тренировочный процесс».

Технологии в спорте и физической культуре – это совокупность методов, приёмов, средств и материалов, используемых для оптимизации процесса спортивной подготовки, повышения эффективности тренировочного процесса и результативности выступлений спортсменов, а также – для обеспечения безопасности и контроля состояния здоровья [3]. Проще говоря, к спортивным технологиям относятся как специализированные устройства и программное обеспечение, так и инновационные материалы и методики, применяемые

для повышения эффективности подготовки спортсменов, улучшения их результатов, анализа тренировочного процесса, профилактики травм и восстановления.

В современной физической культуре технологии играют ключевую роль не только на этапе подготовки, но и в соревнованиях, реабилитации, медицинском сопровождении и даже в управлении командами и спортивными организациями.

Примерами технологий можно считать носимые устройства (фитнес-браслеты, пульсометры), видеосистемы для анализа техники, виртуальные и дополненные реальности для моделирования игровых или тренировочных ситуаций, а также биомеханические и диагностические системы.

Тренировочный процесс – это систематическая, целенаправленная и организованная деятельность спортсмена (или команды) под руководством тренера, направленная на развитие физических, технических, тактических, психологических и иных качеств, необходимых для достижения наивысших спортивных результатов. Тренировочный процесс включает планирование, организацию и проведение учебных, тренировочных и восстановительных мероприятий, анализ и коррекцию тренировок, контроль за состоянием спортсмена.

Тренировочный процесс строится на принципах научности и, системности, индивидуализации и постепенного повышения нагрузок. Крайне важны учет индивидуальных особенностей спортсмена, занимающегося различными видами спорта, динамика его физического состояния и своевременная корректировка программ подготовки.

Внедрение современных технологий в тренировочный процесс дает возможность сделать его более гибким, научно обоснованным и результативным. Взаимосвязь понятий «технология в спорте» и «тренировочный процесс» в том, что технологии служат инструментом для повышения эффективности подготовки, мониторинга состояния спортсмена, индивидуализации нагрузки и достижения новых спортивных высот.

История внедрения технологий в спорт и физическую культуру

Развитие спорта всегда было тесно связано с прогрессом науки и техники. Влияние технологий на спортивную деятельность особенно заметно с середины XX века, но отдельные элементы внедрения научно-технических достижений можно проследить и гораздо раньше.

До середины XX века технологии в спорте были представлены в основном механическими и элементарными средствами. К ним относились усовершенствованные спортивные снаряды (например, новые виды теннисных ракеток, лыж и коньков) и элементарные измерительные приборы (например, секундомеры или рулетки). Уже тогда возникала необходимость объективной оценки результатов и улучшения условий для спортсменов.

1950–1970-е годы стали основной точкой отсчета для мощного внедрения научного подхода к тренировочному процессу. Кинезиология, биомеханика, физиология и психология стали неотъемлемой частью научного обоснования подготовки спортсменов, возникает спортивная наука. Появились первые лаборатории, где специалисты анализировали технику движений с помощью видеосъемки, а также контролировали состояние спортсменов при помощи элементарных ЭКГ и систем анализа крови. В эти же годы начинается формирование спортивной медицины как самостоятельной отрасли.

1980–1990-е годы характеризуются бурным ростом микропроцессорной техники и распространением персональных компьютеров. Появление компьютерных программ для планирования тренировок, анализа статистики и результатов существенно облегчило работу тренеров, преподавателей, методистов, инструкторов и так далее. Стали использоваться электронные датчики, системы телеметрии, первые фитнес-трекеры и пульсометры. В этот период также активно развиваются спортивные материалы: новые покрытия беговых дорожек, усовершенствование лыж,

ракеток, мячей посредством полимерных и композитных материалов. Использование видеотехнологий позволило проводить разбор соревновательных и тренировочных действий с высокой точностью.

Начало XXI века ознаменовалось настоящим технологическим прорывом в спорте. Быстрое развитие мобильных технологий, Интернета, искусственного интеллекта, переносных электронных устройств, биоинженерных и телекоммуникационных решений позволило внедрять в тренировочный процесс методы, раньше недоступные большинству спортсменов и тренеров. Появились гаджеты для непрерывного мониторинга физиологических параметров, программное обеспечение для 3D-анализов движений, системы виртуальной и дополненной реальности, технологии отслеживания местоположения и тактики на площадке.

На протяжении последних десятилетий значительный вклад в технологизацию спорта вносит и спортивная медицина: использование криокамер, систем восстановления, физиотерапевтических и диагностических комплексов стало обязательным атрибутом профессионального спорта.

Современный этап характеризуется массовой доступностью высоких технологий для различных уровней спортсменов – от элиты до любителей.

Используются комплексные системы анализа данных (Big Data), искусственный интеллект для оптимизации тренировочных программ, системы видео помощников судей (VAR) для автоматизированной фиксации результатов на соревнованиях [6].

История внедрения технологий в спорт – это история постоянного поиска путей оптимизации результатов, повышения безопасности и качества тренировочного процесса. На каждом этапе развития новые научные открытия и технические достижения становились важнейшими факторами прогресса в достижении высоких спортивных результатов и популяризации спорта в целом.

Классификация	Признаки
<i>По значению</i>	
Контроль и анализ состояния сп-на	Биометрические трекеры (пульсометры, фитнес-браслеты, мониторы сердечного ритма, датчики кислорода в крови и т. д.); анализаторы состава тела; гаджеты для отслеживания сна и восстановления.
Планирование и управление тренировочным процессом	Программное обеспечение для составления и корректировки тренировочных планов; мобильные приложения для организации микро- и макроциклов тренировок; системы дистанционного мониторинга спортсменов [5].
Восстановление и реабилитации	Физиотерапевтическое оборудование (криотерапия, электромиостимуляция, ударно-волновая терапия и др.); комплексы для отслеживания и ускорения процессов восстановления после нагрузок и травм; специализированные тренажеры для реабилитации.
Анализ и совершенствование техники	Видеосистемы для замедленного воспроизведения и разбор движения; 3D-моделирование движений и кинематический анализ; системы виртуальной и дополненной реальности для отработки тактических и технических элементов [4].
Обеспечение безопасности	Интеллектуальные системы видеонаблюдения за состоянием спортсмена во время тренировки (например, мониторинг падений или резких изменений пульса); персональные датчики и устройства оповещения.
<i>По форме реализации</i>	
Аппаратные решения	Носимые устройства (часы, браслеты, «умная» одежда); сенсоры и датчики, встраиваемые в спортивный инвентарь или закрепляемые на теле; специализированное оборудование для лабораторных и полевых исследований.
Программные решения	Программы и приложения для анализа данных, тренерских записей, моделирования тренировочных планов; платформы хранения и обработки больших массивов данных о тренировочном процессе (Big Data); компьютерные симуляторы для тактической подготовки; интегрированные (комплексные) системы; многофункциональные комплексы, сочетающие мониторинг, анализ, хранение данных, помощь тренеру и автоматическую генерацию рекомендаций.
<i>По виду спорта</i>	
Универсальные технологии	Применяются практически во всех видах спорта (например, фитнес-трекеры, стандартные системы видеонаблюдения).
Специализированные технологии	Разработаны с учетом особенностей определенных видов спорта (лаборатории для биомеханического анализа прыжков в легкой атлетике, электронные датчики у пловцов для анализа техники плавания, системы трекинга мяча в игровых видах спорта и др.).
<i>По уровню пользователей</i>	
Для элитного (профессионального) спорта	Они включают дорогостоящее и многофункциональное оборудование с научно-исследовательской поддержкой (лаборатории, индивидуализированные методы анализа).
Для массового и любительского спорта и физической культуры	Более доступные и простые в использовании устройства и приложения, рассчитанные на широкий круг пользователей.

Таблица 1. Классификация технологий, применяемых в спорте и физической культуре.
Автор таблицы Караваяцкая Н. А.

Классификация технологий, применяемых в тренировочном процессе

Современный тренировочный процесс невозможно представить без использования новейших технологий, которые призваны повысить эффективность подготовки спортсменов, снизить риск травм и обеспечить объективный контроль за их состоянием.

Множество технологических решений, применяемых сегодня в спорте, можно классифицировать по разным признакам (см. таблицу 1).

Влияние современных технологий на эффективность тренировочного процесса

Персонализация тренировок. Современные технологии существенно расширили возможности по индивидуализации тренировочного процесса, что позволило повысить его эффективность для каждого занимающегося. Персонализация тренировок – это процесс адаптации программы под особенности конкретного спортсмена, учащегося или любителя с учетом его физиологических, психологических и поведенческих характеристик.

Информационные технологии и анализ данных. Рост числа носимых гаджетов (фитнес-трекеры, «умные» часы, пульсометры) позволяет собирать большое количество данных о состоянии организма в режиме реального времени. Современные программные комплексы анализируют эти данные и формируют рекомендации по корректировке нагрузок, режиму отдыха, питанию и восстановлению. Благодаря анализу трендовых показателей (пульса, вариабельности сердечного ритма, уровня стресса и сна) можно существенно повысить точность подбора тренировочных планов и снизить риск перетренированности и травм [10].

Искусственный интеллект и машинное обучение. В последние годы активно

внедряются технологии искусственного интеллекта и машинного обучения в фитнес-приложениях и онлайн-платформах для Проектирования адаптивных тренировочных программ. Такая система динамически подстраивает тренировочный процесс под особенности организма на основе накопленных данных о предыдущих сессиях, прогрессе спортсмена и сопутствующих факторах (сон, питание, стресс). Это позволяет выходить за рамки универсальных программ и обеспечивает высокую эффективность каждой тренировки.

Индивидуальные биомеханические и физиологические особенности. Под персонализацией тренировок подразумевается также учет индивидуальных биомеханических параметров (например, особенности осанки, длина конечностей, амплитуда движений), генетических и физиологических данных. Сейчас появляются тесты ДНК, раскрывающие предрасположенность к определенным видам нагрузок и риску травм, а также – современные биомеханические анализаторы в профессиональном спорте. Это способствует более точному подбору упражнений и нагрузок, что позволяет улучшить результаты и снизить вероятность травм [1; 8].

Мотивация и психологический контроль. Персонализация невозможна без учета психологических особенностей занимающегося [3]. Многие современные приложения содержат элементы геймификации, персональные задания, напоминания и мотивационные сообщения, анализируют эмоциональное состояние пользователя и корректируют задачи для поддержания оптимального уровня мотивации. Это не только повышает вовлеченность, но и способствует формированию устойчивой привычки к регулярным занятиям.

Персонализация тренировок стала возможной благодаря развитию цифровых технологий, что открывает широкие перспективы для повышения эффективности тренировочного процесса на всех уровнях подготовки.

Улучшение контроля и корректировка нагрузок. Развитие современных технологий существенно повлияло на методику контроля и корректировки физических нагрузок. Инновационные средства контроля позволяют тренерам и спортсменам в режиме реального времени следить за состоянием организма и динамикой тренировочного процесса, тем самым повышая его эффективность и безопасность.

Использование носимых устройств мониторинга. Одним из главных достижений последних десяти лет стало появление носимых технологий – фитнес-трекеров, «умных» часов, пульсометров и других устройств, позволяющих осуществлять мониторинг показателей организма (ЧСС, вариабельность сердечного ритма, количество шагов, уровень кислорода в крови) во время тренировки. Эти показатели фиксируются автоматически, не мешая занятию, что дает возможность корректировать нагрузку прямо в процессе занятия по физической культуре или тренировки. Благодаря наличию большого массива данных можно выявлять индивидуальные зоны пульса, оптимальные для разных видов нагрузок, и вовремя предупредить наступление переутомления или риск травмы.

Применение специализированного программного обеспечения. Современные приложения для мониторинга тренировочного процесса собирают и анализируют данные и строят на их основе графики, отчеты и рекомендации. Используя искусственный интеллект и методы анализа больших данных, такие программы могут определять необходимость изменений в тренировочном плане, индивидуально рассчитывать фазы восстановления и перегрузки. Некоторые системы позволяют синхронизировать данные между тренером и спортсменом, обеспечивая обратную связь в реальном времени, что способствует оперативному внесению корректировок и оптимальному подбору нагрузки.

Лабораторный и телемедицинский контроль. Для спортсменов более высокого уровня становятся доступными различные формы лабораторного контроля – тестирование на велоэргометрах [2], биохимический анализ крови, измерение уровня молочной кислоты и кислородного обмена.

Современные системы могут интегрировать эти данные в единую базу, позволяя комплексно отслеживать прогресс и своевременно корректировать нагрузку в соответствии с физиологическим состоянием спортсмена. Всё шире используются телемедицинские технологии: спортсмены могут получать консультации и корректировать свои программы дистанционно, в том числе при помощи видеосвязи и электронных медицинских карт.

Автоматизация процесса самоконтроля спортсмена. Электронные дневники, мобильные приложения и платформы для самоотчетности позволяют спортсмену контролировать свое самочувствие, фиксировать нагрузку, качество восстановления и уровень мотивации [7; 9].

Автоматизированные напоминания и отчеты делают процесс контроля регулярным, а технологии визуализации способствуют лучшему восприятию информации. Гибкость построения персональных целей и вида нагрузки способствует тому, что корректировка становится непрерывным процессом.

Адаптация преподавателей и тренеров к новым технологиям

Внедрение новых технологий в спортивный тренировочный процесс невозможно без участия ключевых фигур – тренеров и преподавателей. Именно они становятся посредниками между инновационными инструментами и спортсменами, определяя эффективность использования технических новинок на практике. Адаптация тренеров к новым технологиям представляет собой сложный, многоуровневый

процесс, включающий профессиональное переобучение, изменение структуры работы, а зачастую и пересмотр базовых педагогических принципов. Современные тенденции показывают неуклонный рост числа технологий, применяемых в спорте: от носимых трекеров и гаджетов для мониторинга физиологических показателей, до виртуальных платформ, систем анализа биомеханики и цифровых инструментов для планирования тренировочного процесса. Однако для качественного внедрения инноваций требуется соответствующий уровень цифровой грамотности тренерского состава. Одним из основных факторов, препятствующих успешной адаптации, исследователи называют недостаток специализированных образовательных программ и возможностей для повышения квалификации. В большинстве существующих тренерских курсов информационно-коммуникационные технологии и инструменты анализа данных представлены крайне ограниченно.

Проблема усложняется тем, что многие тренеры и преподаватели физической культуры, особенно имеющие большой опыт работы, могут испытывать психологический барьер или даже определённое неприятие перед внедрением новых решений, предпочитая проверенные временем методики. Такой «консерватизм» обусловлен как страхом утраты профессионального авторитета, так и сомнениями в эффективности и безопасности инновационных подходов. Чтобы преодолеть этот барьер, важны не только информационные кампании, но и вовлечение тренеров в совместную разработку и апробацию технологий, что повышает степень доверия к ним.

Важную роль играют институциональные факторы: наличие технической поддержки, доступ к современному оборудованию, открытость организации к инновациям. Как отмечают исследователи, успешное внедрение происходит в условиях, когда руководство спортивных уч-

реждений мотивировано к инвестициям в технологическое обновление, а также созданы условия для обмена опытом между специалистами.

Дополнительным аспектом является перестройка роли тренера: он всё чаще становится менеджером данных, аналитиком и консультантом, осуществляя не только непосредственный контроль за физической подготовкой, но и интерпретацию больших массивов информации, созданных цифровыми технологиями. Отсюда – запрос на освоение новых компетенций, таких как основы работы с информационными системами, статистикой, визуализацией данных и цифровой коммуникацией. Для эффективной адаптации необходимо тесное взаимодействие с техническими специалистами – айти-экспертами, методистами, инженерами.

Изучение современных технологий в области физической культуры и спорта показывает, что лучшие результаты достигаются при комплексном подходе, который включает: создание непрерывных образовательных траекторий для тренеров, поддержку на уровне федераций, клубов, руководящих учреждений, в том числе и ректоратом вузов, где могут воспитываться спортсмены, а также развитие сообществ практиков для совместного изучения новых технологий. В России, наряду с западными странами, получают развитие онлайн-платформы повышения квалификации и дистанционные курсы, интегрированные в систему профессионального образования.

Таким образом, своевременная адаптация тренеров и преподавателей к современным технологиям становится одним из ключевых условий повышения конкурентоспособности отечественного спорта и воспитания здорового и активного поколения. Решение этой задачи требуют системной поддержки, финансовых вложений и разработки новых образовательных стандартов.

Список литературы

1. *Виноградова И. А.* Реализация систем биомеханического мониторинга в тренировочном процессе спортсменов // Спортивная наука и образование. 2020. № 3. С. 31–35.
2. *Караваяцкая Н. А.* Влияние занятий велоспортом на физическую подготовленность студентов института культуры // Научный поиск: личность, образование, культура. 2025. № 1 (55). С. 17–20.
3. *Караваяцкая Н. А.* Формирование у студентов вузов мотивации к занятиям физической культурой // Культура и образование. 2022. № 2 (45). С. 119–125.
4. Методика корректировки техники северной ходьбы у женщин средствами комплекса упражнений «3D спина» // Туризм в современном мире: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тула, 14 декабря 2023 года. Тула: Тульский государственный университет, 2024. С. 120–125.
5. Микро-, мезо- и макроциклы в программе подготовки студентов 19 лет-21 года для занятий в секциях и на элективных курсах по единоборствам на примере джиу-джитсу: учебно-методическое пособие. Казань: Бук, 2025. 94 с.
6. *Михальченко Е. Г.* Цифровые платформы проведения соревнований по киберспорту // Инновации в спортивной науке: опыт поколений и новые технологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 8 февраля 2024 года. Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2024. С. 276–280.
7. *Пастушенко Е. Е.* Методика профессионально-прикладной физической подготовки студентов с помощью электронных дневников самоконтроля в вузах // Состояние, проблемы и перспективы развития современного образования. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.). 2022. С. 121–135.
8. *Попова И. А.* Биомеханические системы контроля в спорте: современные подходы и технологии // Наука и спорт: современные тенденции. 2022. Т. 19 № 4. С. 95–101.
9. Составление дневников самоконтроля с помощью электронных таблиц. Модуль 1: методическое пособие. Москва: Московский государственный областной университет, 2022. 28 с.
10. *Хамитов Р. Р.* Использование носимых электронных устройств для контроля в тренировочном процессе спортсменов // Молодой ученый. 2022. № 19 (413). С. 135.

*

Поступила в редакцию 09.07.2025

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been published before. Not earlier than one year after the publication of an article in our journal, the author may publish this text or its fragments in other publications. The article should have scientific novelty, reflect the main results of the author's research, correspond to the general direction of the journal and be interesting to a wide range of the Russian scientific community. The article may contain (if necessary) a minimum of tables, formulas and graphic dependencies. The article must be completed with a conclusion (conclusions). All abbreviations and scientific terms should be disclosed. Do not abuse Internet sources. When using them, it is necessary to give references in accordance with the rules for designing the bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word editor, the font is Times New Roman, the point size is 14, the spacing is 1.5.
2. The length of the article is from 23,000 to 40,000 characters, including spaces.
3. The list of literature is located at the end of the article in alphabetical order, bibliographic descriptions in the list are drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article are given in square brackets. The number of sources in the bibliographic list is not less than 8 and not more than 30.
4. Attached to the article:
 - a) abstract (100–250 words) in Russian and English, as well as key words to the article in Russian and English (8–12 words);
 - b) information about the author in the following order – the full name of the author (authors), academic degree, academic title, position, place of study or work (in the nominative case), city, country. All data are duplicated in English. Separately, a contact phone number is indicated, and an e-mail address is required;
 - c) mandatory is an indication of the UDC, grant or state task. It is obligatory to indicate the code and the name of the specialty in which the article goes.
5. **Articles are accepted in the electronic version on the e-mail of the editors: vestnik-mguki@mail.ru**
 - a) all articles are double-blind peer-reviewed and published free of charge. The editorial board reserves the right to select materials, as well as the ability to make changes to the title and text of the article in agreement with the author. The position of the editors may not coincide with the point of view of the authors;
 - b) prior to reviewing, the originality of the article is checked in the Anti-Plagiarism system. The journal accepts articles with a degree of originality of the text of at least 75%. Quotations take up no more than 20 % of the text. Self-quoting is limited to the necessary minimum (no more than 10 % of the text in the form of a paraphrase with a link to the source);
 - c) the author is responsible for the accuracy of reproduction of names, quotations, formulas. The author must inform the editorial board of the journal about all his works and the works of his co-authors, which intersect in subject matter with the article submitted to the editorial office and are under consideration in other publications;
 - d) an article, after its approval by the editorial board of the journal, can be prepared for publication up to six months. The contract form is sent to the author after the editorial board decides to publish the manuscript. When presenting the main results of his research, the author must be in the legal field, its publication should not in any way violate the Law of the Russian Federation of December 27, 1991 № 2124–1 (as amended on April 18, 2018) “On the Mass Media”.

Для заметок

Для заметок

«**THE BULLETIN OF MOSCOW STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS**»

Scientific academic journal «The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts» is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of major scientific results of dissertation research for the award of a scientific degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them: 5.7.2. History of Philosophy (Philosophical Sciences), 5.7.3. Aesthetics (Philosophical Sciences), 5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (Philosophical Sciences), 5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education (Pedagogical Sciences), 5.8.2. Theory and Methodology of Training and Education (by areas and levels of education) (Pedagogical Sciences), 5.8.7. Methodology and Technology of Professional Training (Pedagogical Sciences), 5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Philosophical Sciences), 5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Cultural Sciences), 5.10.2. Museum Science, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects (Cultural Sciences), 5.10.2. Museum Science, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects (Historical Sciences), 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Pedagogical Sciences), 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Historical Sciences), 5.10.4. Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Cultural Sciences).

It is published since 2003. It is issued once in two months

THE FOUNDER

The founder of journal is Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«**Moscow state institute of culture**»

CHIEF EDITOR

E. L. Kudrina, DSc in Pedagogy, Professor,
Director of the Scientific Center of the Russian Academy of Education
based at the Moscow State Institute of Culture,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR,
EXECUTIVE EDITOR

L. N. Voevodina,
DSc in Philosophy,
Professor

DEPUTY
EDITOR

E. V. Mareeva,
DSc in Philosophy,
Professor

DEPUTY EDITOR

A. D. Zharkov,
DSc in Pedagogy,
Professor

DEPUTY EDITOR

N. N. Yaroshenko,
DSc in Pedagogy,
Professor

EDITOR
V. A. Sadikova

TECHNICAL EDITOR
D. A. Fomicheva

LAYOUT
R. M. Pavlovsky

Editorial office address (actual):

141400, Moscow region, Khimki-6,
Bibliotechnaya str., 7, building 2, room B-304, MGIK

Contact phone number
(495) 570-01-04

The official website of the magazine
<http://vestnik.mgik.org/>

***E-mail to the editorial offices
of the MGIK scientific journals:***
vestnik-mguki@mail.ru

Signed to the press: 08/28/2025. Format 84x108¹/₁₆.
Conditional printed sheets 24,78. The edition is 500 copies. The price is free.
Printed from the finished original layout in the IPCC printing house.
Address: 7 Bibliotechnaya str., Khimki, Moscow region, 141406.

The certificate on registration of mass media of PI № FS77-61423 on April 10, 2015 is granted
by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)